Н. М. ШАНСКИЙ

В МИРЕ СЛОВ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

■

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1978

4Р
Ш 21

Шанский Н. М.

Ш 21 В мире слов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1978.

319 с.

Популярные очерки о строении, происхождении и употреблении русских слов и выражений, составляющие книгу, повествуют о важных вопросах словообразования, этимологии, лексикологии, фразеологии и лингвистического комментирования художественного текста.

Ш $\frac{60501\text{-}254}{103(03)\text{-}78}$ 102-78 4Р

Слова, слова, слова.
(В. Шекспир)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга, которую вы начинаете читать, как пособие для учителя выглядит несколько необычно. Это объясняется и ее содержанием, и принятой в ней формой изложения. Именно поэтому здесь необходимо авторское предисловие.

Итак, несколько слов об этой книге. С первой же страницы читатель попадает в удивительный и многоцветный мир слов, в разных ракурсах и аспектах знакомится с тем, что образует, так сказать, стройматериалы нашего языка. Толкуются и отдельные слова, и тесные словесные сообщества — фразеологические обороты. Один очерк следует за другим. И везде (помните эту знаменитую реплику Гамлета?) слова, слова, слова. Как известно, это выражение имеет сейчас или значение „обещания, не подкрепленные реальными делами“, или значение „пустая болтовня“. Но здесь оно употребляется в своем прямом, первородном, нефразеологическом значении, ничего отрицательного в себе не содержит и носит чисто деловой, информационный характер, раскрывая и главного героя книги, и ее анатомию.

Книга строится как серия совершенно самостоятельных очерков, маленьких лингвистических новелл, в которых можно прочитать о происхождении, употреблении и структуре различных слов — как элементов творимых словосочетаний, так и компонентов готовых выражений, извлекаемых из памяти в виде целостных единиц.

Какова биография того или иного слова и выражения, почему оно пишется или употребляется именно так, а не как-либо иначе, как оно „сделано“ и как родилось в

языке, каким образом мы называем словами предметы и явления объективного мира,— вот о чем прежде всего рассказывается в книге.

Предметом повествования здесь является только то в русском слове, что очень интересно или по каким-то причинам трудно, что вызывает вопросы, с чем постоянно приходится сталкиваться учителю в его школьной практике, о чем он не может узнать из других источников, чем можно возбудить интерес и любознательность, развить языковое чутье ученика на уроке и вне его.

Отбор материала во многом диктовался постоянными вопросами учителей на встречах и конференциях, письмами в журнал „Русский язык в школе". Именно читатели этого журнала подали мне идею издания книги занимательных очерков о словах.

Книга „В мире слов" — не только сборник отдельных коротких рассказов о лексических и фразеологических единицах. Это также пособие, в котором поднимаются некоторые — очень важные — вопросы теории современного и исторического словообразования, разбора слова по составу, этимологии, фразеологии и семантики, правильного чтения и лингвистического анализа художественных произведений. Правда, они не освещаются здесь систематически (это задача специальных учебных пособий, следующих определенной программе). К теоретическим проблемам читатель подводится путем анализа отдельных языковых фактов.

Распределение рассказов по главам было во многом условным. Говоря об орфографии слова, приходится, как правило, подробно разбирать его морфемный состав или происхождение. Выдавая свидетельство о рождении того или иного фразеологического оборота, обычно нельзя обойти вопрос о его значении и употреблении и т. д. Ведь различные стороны слова и выражения всего лишь отдельные стороны этих языковых единиц как целостных организмов.

Было бы неправильным думать, что предлагаемые очерки во всем своем объеме являются лишь научно-популярным переложением уже известных лингвистических фактов.

Вы можете найти здесь и такие сведения, которые добыты автором в процессе работы над этой книгой (см. хотя бы этимологию слов и оборотов *смазливый*, *собаку*

съел, *милости прошу к нашему шалашу*, *драчун*, *винительный падеж*, *груздь*, *кувалда*, *идти напропалую*, *головомойка*, *конек*, *драндулет*, *гуталин*, *не миновать глаголя*, *голевой*, *пионер*, *за душой нет ничего* и т. д.).

Настоящее, 2-е издание книги во многом отличается от 1-го. Изменена отчасти структура книги, произведена — соответственно — серьезная перекомпоновка материала. Отдельные рассказы исключены; напротив, включены новые новеллы.

Приношу глубокую признательность читателям и рецензентам за их помощь в работе. Их добрые слова о книге, многочисленные советы и пожелания, а также новые вопросы были очень нужными и своевременными при подготовке книги к переизданию.

Мне хорошо видно, что далеко не все в моем детище одинаково удачно и сейчас. Буду искренне благодарен за все критические замечания, советы и пожелания, а также за новые вопросы об интересующих вас словах.

А пока за мной — в мир слов. Нас ждут слова.

АНАТОМИЯ СЛОВ

■

ВНУТРИ СЛОВА

Внутри слова *внутри*

Наше „анатомическое" путешествие внутрь слов мы можем начать с „разреза", а затем и анализа предлога *внутри*, имеющего омоформного двойника-наречие (ср. *находиться внутри комнаты* и *находиться внутри*).

Неказистое и ничем не примечательное как будто слово поставит перед нами не один вопрос и окажется в конце концов любопытным и интересным.

Начнем с самого элементарного и необходимого — с разбора предлога *внутри* по составу. Членится ли он на морфемы? Если членится, то на какие?

Сопоставление (а оно нам подсказывается родством и соседством данных слов) с предлогом *внутрь* заставляет разделить слово *внутри* на ***внутр'*** и ***и***. Поскольку смысловая разница между словами *внутрь* и *внутри* создается и получает свое материальное выражение в отсутствии *и* в первом предлоге и наличии его во втором, приходится признать, что *и* — значимая часть слова, морфема. А коль скоро эта морфема стоит за какой-то основной частью в неизменяемом слове (предлоги ведь не склоняются и не спрягаются), она может быть только суффиксом.

Внутрь — направление в пределы чего- или кого-либо, *внутри* уже нахождение в этих пределах. Значит, суффикс ***-и*** указывает в данном случае (есть другие, ему омонимичные и чужие ***и***, ср. *и* в *дружески*, *неси* и т. д.) на нахождение кого- или чего-нибудь в определенном месте. *Внутри* и *внутрь* отличаются семантически друг от

друга так же, как *в* с предложным (ранее местным) падежом от *в* с винительным: *внутри комнаты — внутрь комнаты = в комнате — в комнату*. Семантическая изоморфность, какая-то особая близость *внутрь* и *в* с винительным падежом (о последнем см. заметку „О „вине“ винительного падежа“) сказалась в образовании просторечного редупликата *вовнутрь* того же значения (ср. *снять* „сфотографировать“ и *заснять* и т. п.). Это очень похоже на чистое удвоение *вов(<въвъ)* „в“, встречающееся в диалектах нередко.

Однако, как говорят французы, используя для обозначения чрезмерного отвлечения от основной темы разговора выражение из первого фарса об адвокате Пьере Патлене XV в., „вернемся к нашим баранам“ (revenons à nos moutons).

Внутри имеет сейчас немало родственников, но все это его потомки: *внутренний*, *внутренность*, *внутрикомнатный*, *внутреннее* и т. д. С точки зрения современного языкового сознания вряд ли целесообразно далее „резать на части“ слово *внутри* (особенно в школе), хотя лингвистическое чутье, вероятно, и извлекает из нашей памяти слово *нутро*. Слишком уж далеки в настоящее время по смыслу и в сфере употребления литературный предлог *внутри* и просторечное существительное *нутро* с узким значением „внутренности“ (ср. *все нутро болит*, *нутром чует* и т. д.).

Несмотря на известную связь, которую может установить наше языковое чутье между предлогом *внутри* и существительным *нутро*, родственные отношения их все в прошлом, да и там они не выступают непосредственными: между предлогом *внутри* и существительным *нутро* в качестве промежуточного звена стоит наречие *внутри*, прямым отпрыском которого и является одноименный предлог.

Чтобы закончить рассказ о современной морфемике предлога и наречия *внутри*, еще два слова о суффиксе *-и*. Он по своей функции „места“ не является уникальным. Стоит лишь вспомнить об антонимическом наречии *снаружи*, где четко и ясно выделяется по соотношению со словом *наружу* тот же самый суффикс *-и*, а также *сзади*, *впереди*.

Таким выглядит слово *внутри*, когда мы смотрим на него с колокольни современных словообразовательных

связей и соотношений. Иным, но таким же забавным оно оказывается, если мы обратимся к его прошлому.

По своему происхождению предлог *внутри*, как уже говорилось, родился из наречия. (Такой переход из одной части речи в другую называется морфолого-синтаксическим способом словообразования.) Что до наречия *внутри*, то оно возникло путем слияния двух слов: предлога *вън* и существительного *утрь* в форме местного падежа *утри*. Слово *утрь* „внутренность" как самостоятельная лексическая единица в древнерусском языке еще употреблялось. Сейчас и предлога *вън*, и существительного *утрь* как отдельных слов нет и в помине. Законным „наследником" *вън* (а оно родственно нем. in, греч. en, лат. in и т. д.) является (после отпадения конечного *н)* предлог *в*, *во* в консонантном и вокализованном виде, ср. *с*, *со*, *к*, *ко* тоже из трехзвучных *сън*, *кън*. Старое *вън* содержится в виде этимологического кусочка также в словах *внушать* (ср. *ухо*), *внимание* (ср. *имать*).

Заметим попутно, что поскольку в бывшем *вън* начальное *в* не исконное (ср. приведенные выше соответствия из других языков), а протетическое (ср. подобное в *вобла*< *обла*, буквально „круглая", просторечное *вострый*<*острый* и т. п.), то в консонантном варианте предлога *в* исконного корня нет. Нечто подобное наблюдается и в глаголе *вынуть* (см. заметку „Есть ли в слове *вынуть* корень?").

О бывшем существительном *утрь* (ранее всего писалось оно с юсом большим) можно рассказать интересного не меньше. По своему образованию оно подобно словам типа *синь*, *лень*, *глубь*, *рань*, *ширь* и т. д. и было создано с помощью суффикса **-ь-**<***-ĭ-** от исчезнувшего прилагательного *утръ* < *ontros (суффикс **-ъ-** еще в дописьменную эпоху стал в результате переразложения окончанием, а затем последнее — после падения редуцированных — из материально выраженного **-ъ-** превратилось в нулевое). Общеславянское *ontros того же корня и структуры, что и древне-инд. ántaras „внутренний", лат. interus — тж., и „сделаны" с помощью суффикса **-tr-** на основе того же слова, что и предлог *в*, но только с перегласовкой (*ън* — *он*). Так что уже упоминавшееся просторечное *вовнутрь* тавтологично трижды: *во* < *въ* < < *вън*, *вн* < *вън*, *у* < *он*. Впрочем, в дублировании одних и тех же морфем в слове нет ничего из ряда вон

выходящего. Несколько примеров наудачу (*вековечный*, *поверхностность*, *разойтиться)* будет достаточно.

В заключение затянувшейся заметки о слове *внутри* добавим, что его этимологическим родственником является неуклюжее слово *утроба*, сейчас обычно употребляющееся лишь в значении „живот", но в недавнем прошлом известное и как обозначение внутренностей вообще. Образовано оно было от того же прилагательного *утръ* „внутренний", что и вышеназванное *утрь*, при содействии суффикса *-(о)ба*, точно по такому же образу и подобию, как слова *злоба* (ср. *злой*), *хвороба* (ср. *хворый*), *худоба* (ср. *худой*) и др., в которых суффикс *-об(а)* выделяется до сих пор.

Осталось, чтобы внутри слова *внутри* все стало ясным, сказать два слова о мельком упомянутом уже существительном *нутро:* оно было „вынуто" из наречия *внутри* по аналогии со словами типа *вдали*, *впереди* и оформлено на *-о* по образцу однокорневого общеславянского *ятро* „внутренности", в диалектах еще отмечаемого (*ятро* < *entro еще ближе к латинскому interus „внутренний" и особенно к греческому entera „внутренности").

Не правда ли, немало можно увидеть, если заглянуть внутрь слова *внутри*?

Почему *-ся* не частица

Очень часто недоуменно спрашивают, почему *-ся* перестало называться частицей и получило звание суффикса. Такие вопросы вполне понятны и обоснованы в своем возникновении, поскольку преподаватели русского языка в школе (да и обучающиеся тоже) издавна привыкли — в соответствии с тем, как это давалось в старом учебнике — считать *-ся* возвратной частицей. Однако столь же понятным и обоснованным является определение *-ся* как суффикса в новом учебнике. И вот почему.

В качестве определенной значимой единицы современного русского языка *-ся*, с одной стороны, не обладает теми свойствами, которые характерны для частиц, а с другой — имеет все признаки, присущие суффиксам. Разберемся в этом подробно.

Что представляют собой частицы, образующие известную часть речи? Это прежде всего с л о в а, имеющие не только специфическое словное звучание и значение,

но и полную словесную самостоятельность. В предложении они поэтому могут свободно передвигаться и располагаться после любого слова, ясно и четко осознаваясь как отдельная, самостоятельная, автономная лексическая единица. Вспомним хотя бы возможные варианты такого высказывания, какими являются предложения: *Я **уже** вчера это знал*, *Я вчера **уже** это знал*, *Я вчера это **уже** знал*, *Я вчера это знал **уже*** и *Он **бы** этого не сделал*, *Он этого **бы** не сделал*, *Он этого не сделал **бы***.

Обратите, например, внимание на такие разные высказывания, которые возникают, когда начинают кочевать по предложению частицы *только* и *не*: ***Только** он тогда пожалел тебя*, *Он тогда пожалел **только** тебя*, *Он **только** тогда пожалел тебя*; ***Не** здесь твой плащ*, *Здесь **не** твой плащ*. И т. д.

Варьируя одно и то же, создавая совершенно новые смыслы или оттенки значения, частицы всегда живут своей собственной жизнью, отдельной от окружающих их слов.

Является ли *-ся*, подобно частицам, самостоятельным словом? Нет, не является. В отличие от действительных частиц типа *уже*, *только*, *бы*, *не*, *вот*, *еще*, *почти*, *лишь*, *разве*, *даже*, *неужели*, *же* и т. п., существующих как слова в предложении, *-ся* в качестве определенного языкового факта наблюдается только в слове (либо в глаголе, либо в образованных от него причастии и деепричастии). А коли так, то *-ся* представляет собой лишь значимую часть слова, морфему, единицу внутрисловного проявления и семантики, неотделимую от соответствующих глаголов и их причастных и деепричастных образований.

В качестве покорневой служебной морфемы, находящейся после непроизводной основы, *-ся* может быть только суффиксом, и ничем другим. Правда, *-ся* стоит в слове после окончания (ср. *носится*, *возвращающегося* и т. д.), однако никто не предписывал суффиксу быть обязательно перед окончанием. Он может быть и пофлексийным. Суффиксом (об этом говорит и этимология этого слова) мы называем служебную значимую часть слова, располагающуюся после корня, неважно, сразу же после корня или нет, до окончания или после. По своему пофлексийному характеру суффикс *-ся* не одинок. Такими

же пофлексийными суффиксами являются, в частности, суффиксы ***-то, -либо, -нибудь*** (ср. *кого-то, кому-либо, кем-нибудь* и т. д.).

Заметим, что морфемность ***-ся***, равно как и ***-то, -либо, -нибудь,*** обозначена (в отличие от частиц, которые пишутся раздельно) и орфографически: ***-ся*** пишется слитно, а ***-то, -либо, -нибудь*** — через дефис, подобно префиксально-суффиксальному блоку ***по-и*** в словах типа *по-братски.*

Выше говорилось, что в качестве служебной морфемы, стоящей после корня, ***-ся*** может быть охарактеризовано лишь как суффикс. Такая квалификация ***-ся*** определяется, естественно, не одним только его покорневым местоположением: ведь после корня располагаются и окончания. ***-Ся*** не является окончанием, в силу того что оно не имеет флексийной семантики. Известно, что окончания указывают на связи слова с другими словами в предложении, суффиксу же ***-ся*** такие функции не свойственны: он имеет различные, но всегда несинтаксические значения: значение взаимности *(они целуются)*, страдательности *(дом строится)*, интенсивности действия *(стучатся)*, подчеркнутой непереходности *(хвастаться)* и т. д.

Таким образом, морфема ***-ся*** называется суффиксом потому, что она, находясь за корнем, не обладает семантическими признаками окончания и, напротив, имеет такие значения, которые целиком укладываются в смысловые рамки, характерные для суффикса. Суффиксом морфему ***-ся*** называют в науке о русском языке уже давно. В частности, так именовал ***-ся*** академик В. В. Виноградов в своей работе „Современный русский язык" еще в 1938 г., правда (имея в виду пофлексийный характер ***-ся***) с уточняющим определением „агглютинативный". „Грамматика современного русского литературного языка" под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 1970) называет ***-ся*** постфиксом. Однако такое суженное употребление термина „постфикс" признать удачным и правильным нельзя. По отношению к понятиям суффикса и окончания понятие „постфикс" (служебная значимая часть слова, стоящая после корня) является родовым, а не видовым: постфиксами могут быть и суффиксы, и окончания.

Суффикс ***-ся*** не всегда выступал, как это наблюдается сейчас, пофлексным суффиксом. Было время, когда ***-ся***

действительно представляло собой частицу. Однако в качестве отдельного, хотя и служебного, слово ***-ся*** существовало лишь в древнерусском языке. Затем оно слилось с предшествующим глаголом, причастием и деепричастием и превратилось в суффиксальную морфему, стоящую после окончания. Вот один пример употребления частицы ***ся*** в древнерусском языке. В „Слове Даниила Заточника" (XII в.) мы встречаем такое предложение: *Очима бо плачют со мною, а сердцемъ опосле смеют ми ся*[1] „Глазами плачут со мной, а сердцем после смеются надо мной". Здесь совершенно самостоятельная и независимая, употребляющаяся отдельно частица ***ся*** находится там, где сейчас глагол без ***-ся (смеяться)*** даже невозможно представить, так как без ***-ся*** он вообще не существует.

В заключение отметим, что этимологически ***-ся*** представляет собой энклитическую (краткую) форму возвратного местоимения *себя*, т. е. в конце концов восходит даже не к служебному, а к полнозначному слову.

Об окончаниях и суффиксах в словах *вечером* и *дома*

Необходимо всегда разграничивать морфемный, словообразовательный и этимологический анализ слова. Цель морфемного анализа — установить состав значимых частей слов на том или ином этапе развития языка. При этом учитываются те связи и соотношения между словами, которые в это время имеются, а также те грамматические свойства, которыми в данный момент разбираемое слово обладает. Рядом с наречиями *вечером* „в вечернее время" и *дома* „у себя дома" сейчас употребляются родственные слова, в которых корни ***вечер-*** и ***дом-*** имеют те же значения, что и в наших наречиях. Следовательно, слова *вечером* и *дома* членимы и, кроме непроизводных основ ***вечер-*** и ***дом-***, содержат морфемы ***-ом*** и ***-а***. Наречия как неизменяемая часть речи представляют собой чистую основу и окончания не имеют. Значит, ***-ом*** и ***-а*** — суффиксы. Что касается существительных *вечером* и *дома*,

---

[1] Здесь и далее примеры из памятников древнерусского языка даются без сохранения юсов и йотированных гласных.

то они будут делиться уже иначе: на непроизводную основу ***вечер-, дом-*** и окончания ***-ом*** и ***-а***.

С точки зрения современного русского языка наречия *вечером* и *дома* — и это устанавливает уже словообразовательный анализ — воспринимаются как суффиксальные производные.

Однако современная структура слова далеко не всегда совпадает с исходной, характерной для него в момент возникновения в языке. Поэтому словообразовательный анализ очень часто не дает нам ответа, как в действительности слово было образовано. Да это и не его задача. Устанавливать реальное происхождение слова — дело этимологии. Этимологический анализ приводит к выводу, что наречия *вечером* и *дома* по происхождению представляют собой окаменевшие падежные формы. Но это заключение относится лишь к тому, как появились те слова, которые сейчас существуют, но отнюдь не касается того, какой у них морфемный состав в настоящее время. Следовательно, нет никакого противоречия в утверждении, что слова *вечером* и *дома* делятся на корни ***вечер-, дом-*** и суффиксы ***-ом, -а,*** но образовались путем превращения в наречия падежных форм существительных: оно касается разных фактов языка — современного морфемного состава слова, с одной стороны, и их реального происхождения — с другой.

Слово *вешалка* делится сейчас на морфемы ***веш-, -а-, -лк-*** и ***-а*** и осознается как производное с помощью суффикса ***-(лк)а*** от глагола *вешать*, хотя образовано посредством суффикса ***-(к)а*** от *вешало* „вешалка".

Слово *большевистский* делится в настоящее время на *больш-ев-истск-ий* и прямо и непосредственно соотносится со словом *большевик*, хотя в действительности было образовано от слова *большевист* с помощью суффикса ***-ск-***.

Таких примеров очень много. И они заставляют особенно строго дифференцировать настоящее и прошлое языка, отличать морфемный и словообразовательный анализ от этимологического.

Где корень в слове *солнце*?

На этот вопрос можно ответить (и это будет одинаково правильно!) по-разному. Все дело в том, о каком корне пойдет речь.

Если в слове *солнце* надо выделить корень, т. е. непроизводную основу, которая имеется в нем с точки зрения современного русского языка, то это будет ***солн-***. Та же непроизводная основа связанного характера содержится в словах *солнышко, подсолнух*. Все эти существительные соответственно имеют суффиксы ***-ц-*** (ср. *сердце, донце, сальце*), ***-ышк-*** (ср. *перышко, зернышко, горлышко*) и ***-ух*** (ср. *кожух*).

В диалектах тот же корень содержат слова *посолонь* „по солнцу", *солнопек* „солнцепек", *усолонь* „тень" и др. А в стихах С. Есенина мы наблюдаем эту непроизводную основу и в свободном виде *(солнь* и *стыть)*.

Придется ответить на вопрос заголовка совсем по-другому, если в слове *солнце* надо выделить корень с этимологической точки зрения, т. е. такую часть, которая далее не членится даже при привлечении сравнительно-исторических данных.

В таком случае в качестве корня в нашем слове необходимо будет выделить ***сол-*** (<***сълн-***, ср. древнерусск. *сълньце*). Этот корень вычленяется в нем по сопоставлению с родственными словами в других индоевропейских языках: древнепрусск. saule, лат. sol, древнесканд. sōl, греч. hēlios, нем. Sonne — в значении „солнце", греч. selēnē „луна" и др.; следующая после ***сол-*** морфема ***-н-*** в этимологическом плане будет суффиксом.

Этимологический анализ обнаруживает в слове *солнце* тот же корень, что и, например, в словах *гелий* (от греч. hēlios) и *солярий* „площадка для приема солнечных ванн" (от лат. solarium „терраса", производного от solaris „солнечный"). Более того, в известной степени слову *солнце* окажутся родственными названия гелиотропа и зонтика. В слове *гелиотроп* слову *солнце* „родной "является часть ***гелио-*** (см. выше), часть ***-троп*** (ср. *поэтический троп*) передает греческое tropos „поворот". Цветок назван так за те же свойства, что и подсолнечник. У слова *зонтик* нашему существительному „родственником" приходится часть ***зон-***: в голландском языке, откуда нами было взято это название, zondek является сложением слов zon „солнце" и dek „покрышка". До заимствования этого слова в нашем языке для названия зонтика от солнца использовалось слово *солнечник*. Ср. в „Путешествии" И. Петлина 1618 г.: *А над воеводами несут солнешники великие.*

Может ли *ком* быть суффиксом?

Для многих из вас этот вопрос, вероятно, выглядит так, словно он специально придуман для книжки по занимательной грамматике или языкового КВН на вечере русского языка в школе. Между тем этот вопрос самый что ни на есть серьезный: он касается важных сторон разбора слова по составу. Конечно, звуковой комплекс *ком* заставляет вспомнить прежде всего о существительном *ком*, но отнюдь не о суффиксе ***-ком.*** Да, ***-ком*** может быть суффиксом, и в качестве значимой части слова он выделяется в небольшой, но приметной словесной семье. Если обратить внимание на то, как только что графически был обозначен этот суффикс, то можно определить, к какой части речи относятся имеющие его слова. Ведь дефиса с правой стороны не было. Значит, за суффиксом нет окончания, и слово с суффиксом ***-ком*** всегда выступает как чистая основа. А чистую основу, как известно, имеют лишь неизменяемые части речи, среди которых на первом месте стоит наречие. Именно среди этой разношерстной по морфемному составу части речи и находятся слова с нашим чудны́м суффиксом, не отмеченным пока ни одной грамматикой русского языка.

Для начала обратимся к слову *пешком*. Как оно членится на морфемы? Ввиду того что это наречие прямо и непосредственно связано со словами *пеший*, *пешеход*, *пехота*, его можно и должно разделить лишь на корень ***пеш-*** и суффикс ***-ком.*** Делить слово *пешком* на *пеш-к-ом* (это иногда делается) нельзя потому, что в современном русском языке нет уже слова *пешькъ* „пешеход“, а со словом *пешка* „шахматная фигура“, „ничтожество“ наше наречие давно порвало всякие родственные узы.

Вот вам первое слово с суффиксом ***-ком.*** Первое, но не последнее. Эту же морфему содержат в себе и наречия *ползком* (ср. *ползать*), *тайком* (ср. *тайно*, *утаить*), *силком* (ср. *силой*; об этом слове см. заметку „Чему родственно слово *силком*?“), *гуськом* (ср. *как гуси*), *битком* (ср. *набитый*), *торчком* (ср. *торчать*), *ничком* (ср. *ниц* (падать), *поникнуть* и пр.) и т. д. Так что суффикс ***-ком*** не составляет собственность отдельных и изолированных слов (как, скажем, суффиксы ***-алей*** и ***-овизн(а),*** известные лишь в словах *дуралей* и *дороговизна*), а образует

определенную, хотя и непродуктивную словообразовательную модель.

Может возникнуть новый и естественный вопрос: а каково происхождение этой морфемы? Языковые факты говорят, что суффикс ***-ком*** разрастался „как снежный ком" в связи с изменениями в структуре слова.

Вот как это было.

В праславянском языке на раннем этапе его развития окончание твор. пад. ед. числа у существительных с основой на *ŏ (>ъ)* было ****-mъ***. В результате слияния тематического суффикса основы *ъ (<ŏ)* с ****-mъ*** родилось окончание ***-ъмъ***, которое затем — уже в древнерусскую эпоху — превратилось (после падения редуцированных и отвердения конечного *м*) в ***-ом***. При превращении существительных в наречия окончание ***-ом*** становилось суффиксом (ср. *mig-ъ-mъ > *миг-ъмь* > *миг-ом* (сущ.) > *миг-ом* (нареч.). Такой суффикс в свое время возник и у наречия *пешком*, когда оно появилось на свет от существительного *пешькъ* „пешеход" в форме творительного падежа *(пешькъмь > пешком)*.

Подобный суффикс видим мы и сейчас в наречиях типа *броском* (ср. *бросок*) и *волчком* (ср. *волчок*). В слове *пешком* он не сохранился, поскольку исчезло „промежуточное звенышко" словообразовательной цепочки — исходное существительное (*пешькъ* в значении „пешеход"). В результате в наречии *пешком* произошло переразложение основы: она стала делиться не на *пеш-к-ом*, а на *пеш-ком*. Так родился суффиксальный ***-ком***: ***-мъ*** → ***-ом*** (из ***ъ*** < ***ŏ*** + ***мъ***) → ***-ком*** (из ***к*** < ***ък***, ***ък*** + ***ом***). Заметим, что далеко не во всех словах этот суффикс именно такого происхождения. В некоторых словах он выступает как ***-ком*** с самого момента их рождения. Это там, где наречие было сделано с его помощью, по аналогии со словами типа *пешком* (например, в наречиях *стойком*, *торчком* и т. п.).

Чему родственно слово *силком*?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос лежит, так сказать, на поверхности и определяется значением и смысловыми связями этого слова.

Его значение — „насильно, силой". Соотносительное ему корневое слово — существительное *сила*. Ср.: ...*Их*

обезоружили силой (Шолохов); ...*Меня и замуж силком выдали* (Арбузов).

Однако современная родственность этого слова существительному *сила* не является исконной. И об этом в достаточной мере ясно говорит уже его „ненормальная" структура: суффикс ***-ком*** при основе существительного женского рода *(сила)*. Ср.: *силой*, *зимой*, *порой* и т. д.

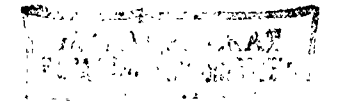
Рассмотрение слова *силком* в ряду других, имеющих то же конечное звукосочетание (*бочком*, *щипком*, *броском* и др.), показывает его действительное происхождение. Это существительное образовалось на базе творительного падежа слова *силок* „петля для ловли птиц и мелких животных" (вначале лишь в выражениях *поймать силком*, *тащить силком*). Омонимичность корневого ***сил-*** в *силок* непроизводной основе в *сила* и смежность значений „поймать, тащить силком" и „поймать, тащить силой" привели к смешению этих слов. В результате слово *силком* оторвалось от своего „родителя" (от слова *силок*) и стало осознаваться как производное от существительного *сила*.

Странность прилагательного *молчаливый*

А что, собственно говоря, странного в этом слове? Прилагательное как прилагательное, обозначает склонного к молчанию, соотносится с глаголом *молчать*. Однако есть все же в этом слове „особинка".

Она заключена в том, что суффикс ***-лив-*** присоединяется в нем к инфинитивной основе, включая классовый показатель глагола ***-а-***, *молч-а-лив(ый)*, тогда как по правилу он следует за образующей основой глагола без классового показателя (ср. *болтливый*, а не „болталивый", *ворчливый*, а не „ворчаливый", *пугливый*, а не „пугаливый", *хвастливый*, а не „хвасталивый" и т. д.).

Такое словообразовательное своеобразие этого прилагательного объясняется тем, что оно только кажется нам образованным с помощью суффикса ***-лив-***, а на самом деле возникло как производное посредством суффикса ***-ив-*** (подобно словам *спесивый*, *ленивый*, *лживый*, *льстивый*, *красивый* и др.) от существительного *молчаль* „молчание", сейчас утраченного (ср. в древнерусском языке: *Отъ млъчали роди слово*).

Как членится на морфемы и как образовано прилагательное *сердитый*?

Эти разные вопросы в одинаковой степени интересны, хотя и не очень сложны. С точки зрения современного русского языка морфемный состав слова *сердитый* представляется простым и прозрачным, правда не без некоторых — довольно любопытных — деталей. Поскольку оно имеет значение „такой, который сердится" и прямо и непосредственно соотносится с глаголами *сердиться* и *сердить*, оно делится на непроизводную основу ***серд'-***, суффикс ***-и-*** (ср. *сердиться — сержусь*), суффикс ***-т-***, окончание ***-ый*** и воспринимается нами сейчас как производное от глагола *сердиться* (или *сердить*, если его объяснять как слово, имеющее значение „такой, который рассержен").

Глагольный суффикс ***-и-*** (ср. *хвалить*, *грузить*, *гневить* и т. д.) и окончание ***-ый*** являются частыми и обычными и замечаний как будто не требуют. Некоторых, возможно, смутит в этом слове непроизводная основа ***серд'-***, ее связанный характер (она известна только в соединении с каким-либо суффиксом). Однако связанные непроизводные основы в нашем языке — не редкость: *птица — птаха*, *прибавить — убавить*, *крепкий — крепость* и т. д. Важно помнить, что ***серд'-*** в словах *сердитый*, *сердить* и *сердиться* — это то же самое, что ***серд-*** в слове *сердце* в значении „гнев, злоба". Как, между прочим, и в паре *сердце — предсердие* (с суффиксами ***-ц-*** и ***-иj-***). Подробнее см. в заметке „Два *сердца* в одном *сердце*".

Особое наше внимание должен привлечь в слове *сердитый* суффикс ***-т-***. Как это ни странно, привычная и непримечательная морфема ***-т-*** (хорошо известная уже ученику VI класса) должна быть у нас на примете прежде всего. Ведь это суффикс страдательных причастий прошедшего времени. Получается, что в составе прилагательного мы выделили суффикс, свойственный причастию. А для этого надо иметь основания. Не сомневаюсь, некоторые из вас сочтут, что такие основания есть. Почему бы не считать прилагательное *сердитый* бывшим страдательным причастием от глагола *сердить*, подобным словам *надутый*, *развернутый*, *тронутый*, *тертый*, *забитый* и т. д.? Тогда все как будто встает на свои места: ***-т-*** в *сердитый* — вполне законный суффикс „страда-

тельности“. Однако верно ли такое решение? Следует отметить, что оно относится уже не только к определению характера суффикса *-т-* в нашем прилагательном, но и к установлению способа его образования (из причастия!).

Оказывается, такое решение неверно. И вот почему. В страдательных причастиях суффикс *-т-* присоединяется или прямо к корню (*надутый*, *тертый*, *забитый* и пр.), или к суффиксальному *-н-у-* (*тронутый*, *развернутый*, *подтянутый* и др.). Ни от каких иных по структуре глаголов страдательные причастия на *-тый* не образуются и не образовывались. Значит, суффикс *-т-* в слове *сердитый* хотя и равнозначен сейчас суффиксу *-т-* в прилагательных типа *надутый*, *развернутый* и т. д., но по происхождению иной. Он появился здесь в результате распадения на две морфемы *-и-* и *-т-* единого суффикса *-ит-* после того, как (еще в дописьменную эпоху) наше слово *сердитый* стало непосредственно соотноситься с глаголами *сердиться* и *сердить*, а не с тем словом, от которого было образовано. А произошло это потому, что производящее существительное было утрачено.

От какого же слова было образовано прилагательное *сердитый*? Как и глагол *сердить* (слово *сердиться* является его возвратной формой), слово *сердитый* было создано на основе существительного *сьрдь* „гнев, злоба“ < „сердце“, но с помощью суффикса *-ит-* (ср. подобные по исходной структуре слова *маститый*, *нарочитый*, *знаменитый* и т. д.).

Существительное *сьрдь* „сердце“, вытесненное из употребления своей уменьшительно-ласкательной формой *сердце* (ср. *сълнь* и *солнце*, *коло* и *кольцо* и т. д.), является общеиндоевропейским: ср. латышск. sirds, армянск. sirt, греч. kardia, хеттск. kard, нем. Herz и т. д.

Анализ слова *сердитый* с точки зрения происхождения заставляет нас вернуться и к выделенному в нем суффиксу *-и-*. Как и *-т-*, он тоже здесь необычен и своеобразен. Ведь это, как видим, испытавший чудесное превращение кусочек первоначального прилагательного суффикса *-ит-*, ставший в нашем слове глагольным суффиксом *-и-*.

Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?

Слово *участвовать* членится на морфемы четко и определенно, причем определение его морфемного состава в общем никаких особых трудностей не составляет. Необходимо только помнить основные правила словообразовательного разбора слова: 1) слово, морфемный состав которого устанавливается, должно рассматриваться на фоне родственных и одноструктурных слов, с учетом всех свойственных для него грамматических форм; 2) членение основы на значимые части следует начинать (после выделения окончания) не с вычленения корня, а в порядке, обратном тому, который характерен для словообразовательного процесса, результатом которого было данное слово, т. е. „добираясь до корня" постепенно, снимая слой за слоем морфемы ближайших родственников, с учетом связей и соотношений, существующих между производной и производящей основами; 3) выделяя морфемы, нельзя забывать, что ими являются только значимые части слова; 4) при разборе слова по составу необходимо помнить, что морфемы в слове могут располагаться по-разному (как одна за другой, так и апплицированно, накладываясь — частично или полностью — одна на другую).

В глаголе *участвовать* по соотношению со спрягаемыми формами выделяются инфинитивное ***-ть*** и тематический суффикс глагола ***-а-*** (ср. *участвовал, участвую*).

Соотношение, устанавливаемое затем между производной основой ***участвов-*** и соответствующим производящим словом *участие*, заставляет на первый взгляд выделить суффикс ***-вов-*** (и соответственно ***-иj-*** в *участие*). Однако суффикса ***-вов-*** в русском языке нет, и в глаголе *участвовать* выделяется в действительности другой суффикс. О том, что это так, свидетельствуют одноструктурные ему слова на ***-ствовать***, выделяющие суффикс ***-ствов-*** (чередующийся с формой ***-ству-***, ср. *ковать — кую, совать — сую* и т. д., где чередование ***ов — у*** наблюдается в корне). Достаточно сравнить наш глагол со словами типа *злобствовать, усердствовать* и т. д. (ср. существительные *злоба, усердие* и пр.). Только этот суффикс не располагается в глаголе *участвовать* за основой ***(участ-)***, как это наблюдается в словах *злобст-*

вовать, усердствовать (*злоб-ствов-а-ть, усерд-ствов-а-ть*), а частично накладывается на нее, апплицируется. Такое же частичное наложение суффикса ***-ствов-*** на предшествующую основу наблюдается и в словах *властвовать, чествовать, повествовать* (ср. также *фашиствующий*). Заметим, что в похожих глаголах на ***-ствовать*** типа *господствовать, блаженствовать, упорствовать* и др. по соотношению с существительными на ***-ство*** (*господство, блаженство, упорство* и т. д.) выделяется уже суффикс ***-ов-***.

После выделения суффикса ***-ствов-*** можно поставить уже вопрос о характере основы ***участ-***. Эта основа является производной, поскольку глагол *участвовать* тесно связан и соотносителен по своему значению не только со словом *участие*, но и со словом *часть* (одним из его значений является значение „иметь долю, пай, часть в каком-либо деле или предприятии"): в ней выделяется приставка ***у-*** и непроизводная основа ***-част-***. Таким образом, морфемный состав слова *участвовать* будет таким: (*у-част*)-*ствов-а-ть*, с частичным наложением суффикса на основу.

Форма *участвую* будет члениться таким образом: (*у-част*)-*ству-j-у*, где ***-ству-*** — форма морфемы ***-ствов-***, ***-j-*** — суффикс основы настоящего времени (ср. *сделать — сделаю*), ***-у*** — окончание 1-го лица ед. числа.

Какая приставка в слове *встать*?

При разборе слов по составу следует иметь в виду существование омонимов, имеющих иногда не только различное значение, но и разную структуру. Это относится и к слову *встать*.

Глагол *встать* „помещаться" — *В этот угол столу не встать* — членится на приставку ***в-***, корень ***-ста-*** и инфинитивное ***-ть*** (ср. однотипные *внести в комнату, влететь в окно, вбежать в сад* и т. д.).

Глагол *встать* „подняться" — *Вошла учительница, и ученики встали* — распадается уже на приставку ***вс-***, корень ***-ста-*** и инфинитивное ***-ть*** (ср. аналогичные *взлететь, всплыть, взойти* и др.).

В последнем случае соседние морфемы (***вс-ста***) частично накладываются друг на друга. (См. об этом явлении в заметке „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?".)

Расчеты и подсчеты

Разное количество *с* в словах *рассчитать* — *расчет* при одинаковом в родственных и одноструктурных им *подсчитать* — *подсчет* объясняется различным графическим обозначением стяжения согласных *с* на стыке приставки и корня. В паре *подсчитать* — *подсчет* начальному *с* непроизводной основы предшествует *т* (<*д*) приставки. Что же касается слов *рассчитать* — *расчет*, то здесь звук *с* приставки ***рас-*** „сталкивается" и сливается со звуком *с* корня ***-счет*** (с точки зрения современного русского языка ***счет*** на морфемы уже не делится, хотя этимологически в нем *с* является приставкой).

Такое слияние иногда обозначается на письме, а иногда нет. Так, в слове *вскочить* (ср. *подскочить*, *соскочить*) она существует не только в устной речи, но и выражается на письме: *вскоч-и-ть* (<*вс-скоч-и-ть*). В слове же *сшить* мы наблюдаем лишь фонетическую спайку морфем (произносится [ш̅ыт']), орфографически не выраженную. В древнерусском языке фонетическое слияние морфем на стыке приставки и корня получало отражение на письме — в силу отсутствия строгих орфографических норм — значительно чаще (ср. написание *раселити* „расселить", *расказати* „рассказать", *раслабити* „расслабить", *расолити* „рассолить", *растояние* „расстояние", *расуждение* „рассуждение" и т. д.).

Именно это традиционное написание мы и наблюдаем в слове *расчет*, основа которого состоит из приставки ***рас-*** и корня ***-счет***. В глаголе *рассчитать* оно не сохранилось: его написание было позже скорректировано и на письме восстановлена этимологически исходная форма *разсчитать* (после реформы русской орфографии 1917—1918 гг. — *рассчитать*), хотя и здесь, как об этом уже говорилось, наблюдается наложение морфем ***рас-*** и ***-счит-***. Следовательно, разное выражение аппликации морфем в словах *рассчитать* (здесь она на письме не обозначена) и *расчет* (здесь она выражена орфографически) объясняется существующими в нашем правописании непоследовательностями и традицией.

Такое же явление наблюдаем в паре *рассориться* — *ссора*, где в первом слове этимологически должно было бы быть три *с*.

Почему глагол *отворить* пишется с одним *т*?

В самом деле, в слове *отворить* выделяется приставка ***от-*** (ср. *рас-творить*, *за-творить*, *при-творить*). За приставкой ***от-*** следует корень ***-твор'-*** (ср. приведенные слова). Если приставочное *т* „сталкивается" с корневым *т*, то они обозначаются на письме (ср. *оттянуть*, *оттащить* и пр.). Следовательно, „по закону" глагол *отворить* должен писаться как будто с двумя *т*. Таким образом, вопрос, почему слово *отворить* пишется с одной буквой *т*, не является праздным. Как же на него ответить?

Глагол *отворить* пишется с одним *т* в соответствии со своей этимологией: он был образован с помощью приставки ***от-*** на основе глагола *ворити* „запирать" (производного от той же основы, что и *ворота*, древнерусск. *воръ*, *вора* „ограда, забор") и членился первоначально на морфемы так: *от-вор-и-ти*. Соответствующий ему антонимический глагол имел приставку ***за-***: *за-ворити* „закрыть, запереть" (ср. в I Псковской летописи: *Бродове бяху вся заворени* „Все пути были закрыты"). Затем, в результате народноэтимологического сближения с глаголом *творить* (ср. его приставочные производные в древнерусск. *притворити* „приделать", *растворити* „смешать" и пр.), слово *отворить* пережило процесс переразложения и стало делиться на *от-твор-и-ть*. Новая основа стала базой для образования родственных приставочных глаголов: *притворить*, *растворить*. Она же проникла и в этимологически правильное образование *заворить*, получившее форму *затворить*.

Таким образом, во всех родственных глаголах выделяется сейчас связанная непроизводная основа ***-твор'-***, но в *отворить*, в силу переразложения его основы, корень ***-твор'-*** не располагается отдельно за приставкой ***от-*** (как в *затворить* и пр.), а отчасти накладывается на приставку. Об аппликации (наложении) морфем говорилось выше, в заметке „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?".

Где же, наконец, суффикс в прилагательном *розоватый*?

Однажды на адрес редакции журнала „Русский язык в школе" я получил письмо от ребят из села Майкопского Краснодарского края. Оно очень походило на

сигнал SOS. „Где же, наконец, суффикс в прилагательном *розоватый*?" — спрашивали школьники.

Учащиеся, имеющие „Школьный словообразовательный словарь" З. А. Потихи, разобрали это слово по словарю: корень ***розов-***, суффикс ***-ат-***, окончание ***-ый***. А те, которые не имеют словаря, разобрали прилагательное по-другому: корень ***роз-***, суффикс ***-оват-***, окончание ***-ый***.

Поскольку этот вопрос связан с некоторыми принципиальными проблемами членения слова на морфемы, остановимся на нем подробнее.

Прежде всего следует сказать, что ни то ни другое членение слова *розоватый* на значимые части (т. е. ни *розов-ат-ый*, ни *роз-оват-ый*) не является правильным. Оба решения, как, на первый взгляд, это ни покажется странным, неверны. Проанализируем их по порядку.

Почему неправильно членение ***розов-ат-ый***?

Если это прилагательное сравнивать с производящим, т. е. образующим, словом *розовый*, то кажется совершенно необходимым выделять в его основе суффикс ***-ат-*** (*розоватый* — это не в полной степени *розовый*). Но верно ли мы поступим, если выделим в прилагательном *розоватый* суффикс ***-ат-***, который будет указывать на неполноту качества? Формально как будто верно. Однако если обратиться к прилагательным с суффиксом ***-ат-***, то станет очевидной по крайней мере поспешность этого решения. Ведь такие прилагательные имеют иное и вполне определенное значение (ср. *крылатый*, *хвостатый*, *чубатый*, *бородатый*, *волосатый*, *брюхатый*, *носатый* и др.). Они совершенно иного характера, в них суффикс ***-ат-*** не обозначает неполноту качества, а указывает на обладание (иногда даже в большей мере, чем надо) тем, что обозначено в корне (*крылатый* „имеющий крылья", *бородатый* „имеющий бороду", *носатый* „имеющий большой нос" и т. д.). Кроме того, суффикс ***-ат-*** в подобных словах всегда присоединяется к основам имен существительных (*крыло*, *борода*, *хвост*, *чуб*, *волос*, *брюхо*, *нос* и т. п.), а не имен прилагательных. Таким образом, и значение суффикса ***-ат-***, и словообразовательные его связи (способность сцепляться только с основами существительных, причем, как правило, обозначающих части тела человека или животного), свойственные ему в регулярной словообразовательной модели *косматый*, *уса-*

тый, *пузатый*, *горбатый*, *лохматый* и т. д., говорят о том, что выделение в слове *розоватый* суффикса ***-ат-*** и корня ***розов-*** противоречит реальным фактам языка.

Неверным будет и членение ***роз-оват-ый***. Ведь в таком случае прилагательное *розоватый* толкуется как производное с помощью суффикса ***-оват-*** от существительного *роза*. А от существительных с помощью суффикса ***-оват-*** образуются лишь такие прилагательные, которые обозначают или похожего на то, что названо исходным существительным (*мужиковатый* „похожий на мужика“, *чудаковатый* „похожий на чудака“ и т. д.), или содержащего то, что названо исходным существительным (*суковатый* „с сучьями“, *узловатый* „с узлами“ и т. п.). Что касается слова *розоватый*, то оно, как известно, не обозначает ни похожего на розу, ни имеющего розы, содержащего розы, с розами.

Как же надо разбирать это слово по составу?

Для того чтобы правильно разделить это слово на морфемы, необходимо учитывать не только родственные ему слова, но и одноструктурные, причем одновременно не упускать из виду также и то обстоятельство, что в русском языке в ряде случаев морфемы располагаются в слове не в линейной последовательности (одна за другой), а накладываясь — частично или полностью — одна на другую.

Слово *розоватый*, образованное от слова *розовый*, входит в большую группу прилагательных со значением неполноты качества, свободно и четко выделяющих в своем составе суффикс ***-оват- (-еват-)*** (ср. *беловатый*, *красноватый*, *зеленоватый*, *голубоватый*, *желтоватый* и т. д.).

Неполнота качества в современном русском языке выражается именно суффиксом ***-оват- (-еват-)***. Значит, в слове *розоватый* также выделяется суффикс ***-оват-***, указывающий на неполноту „розовости“. Однако — в отличие от прилагательных типа *голубоватый* — он здесь располагается не отдельно за непроизводной основой, а частично на нее накладывается. Поэтому членить это слово надо так: /роз-ов/-ат/-ый, выделяя в нем непроизводную основу ***розов-***, суффикс ***-оват-*** и окончание ***-ый***.

Два слова о непроизводной основе ***розов-***. Ее нельзя путать с производной, т. е. членимой, основой ***розов-***

в относительном прилагательном *розовый* „относящийся к розе, приготовленный из лепестков розы" (ср. *розовый куст*, *розовое варенье* и т. д.), которое является аналогичным словам типа *липовый*. Ведь качественное прилагательное *розовый* в цветовом значении — это уже не „цвéта розы" (розы могут быть и белыми, и желтыми, и даже черными), а просто „светло-алый". Значение „светло-алый" в слове *розовый* не складывается из значений морфем ***роз-*** и ***-ов-***, поэтому членить комплекс ***розов-*** далее в этом прилагательном нельзя. Слово *розовый* „светло-алый" оторвалось от существительного *роза*, и основа ***розов-*** в нем пережила процесс опрóщения, превратилась в корень.

Наблюдающееся в слове *розоватый* частичное наложение суффикса ***-оват-*** на образующую основу свойственно и некоторым другим прилагательным, имеющим в конце образующей основы сочетание ***-ов-*** или ***-ев-*** (ср. *коричневатый*, *лиловатый*, *оранжеватый* и т. п.).

Наложение части суффикса ***-оват- (-еват-)*** на образующую основу в таких случаях объясняется, несомненно, фонетическими причинами: необходимостью устранения повтора звукосочетания ***-ов- (-ев-)***. При словопроизводстве как бы происходит гаплология на стыке образующей основы и суффикса, и эти морфемы частично сливаются, накладываются друг на друга.

Заметим, что в некоторых из таких прилагательных образующая основа может быть производной, с суффиксом ***-ов- (-ев-)***. Такой она является, например, в слове *бежеватый*, которое делится на корень ***беж-*** (ср. *чулки цвета беж*), суффикс ***-ев-***, суффикс ***-еват-*** и окончание ***-ый***: /беж-/ев/ат/-ый.

Три ли морфемы в слове *томский*?

На первый взгляд этот вопрос может показаться просто странным. „Конечно же, три,— скажут очень многие.— *Том-ск-ий*". Однако такое членение прилагательного *Томский* (в контекстах *Томский университет*, *Томская область* и т. д.) будет совершенно неправильным.

Ведь разбираемое слово является относительным прилагательным от слова *Томск* (заметим, от слова *Томск*, а не от слова *Томь*). Следовательно, как все соответствующие образования (*Ленинград — ленинградский*, *Ту-*

ла — тульский, Самарканд — самаркандский, Рязань — рязанский и т. д.), оно содержит в себе суффикс относительного прилагательного *-ск-*. Но пойдем дальше. Какова структура слова *Томск*? Это обычное и частое „речное название" города. Томск назван так потому, что он стоит на реке Томь. Значит, в основе существительного *Томск* содержится топонимический суффикс, а именно суффикс города *-ск-* (ср. *Волжск, Ангарск, Уральск* и т. д.).

Таким образом, в слове *Томский*, о котором мы пока говорим, последовательно выделяются окончание *-ий*, суффикс относительного прилагательного *-ск-*, „городской" суффикс *-ск-* и непроизводная основа *Том-*, т. е. не три, а четыре морфемы. Только располагаются они по-особому, не последовательно, одна за другой, а в одном месте — на стыке двух суффиксов — накладываясь друг на друга (аппликируясь).

Такое же явление мы будем наблюдать и во многих других прилагательных такого типа (ср. *пятигорский, новосибирский* и т. д.).

И все же есть слово *томский*, в котором надо выделять не четыре, а три морфемы. Это прилагательное, образованное не от слова *Томск*, а от слова *Томь*. Так, в предложении *Холодна тогда была томская вода* слово *томская* делится лишь на непроизводную основу *том-*, суффикс относительного прилагательного *-ск-* и окончание *-ая* (ср. *волжская, донская, байкальская* и т. п.).

Но это прилагательное по отношению к первому является омонимическим, совершенно другим словом не только по своему морфемному составу, но и по значению.

Есть ли в слове *вынуть* корень?

Глагол *вынуть* относится к числу немногочисленных русских слов, которые этимологически исходного корня в своем составе не содержат. Однако это не означает, что он, с современной точки зрения, является словом без корня. Непроизводная основа свойственна абсолютно каждому слову и является основным элементом, мотивирующим его значение. Есть корень и в анализируемом глаголе, но это уже другой корень, не совпадающий с тем, который выделялся в нем в момент появления его в языке.

Наш глагол образовался (с помощью приставки ***вы-***) от глагола *яти* „брать", так же как и *взять* (с помощью приставки ***въз-***), *объять* (с помощью приставки ***объ-***), *внять* (с помощью приставки ***вън-***, ср. эту же приставку в словах *внушить*, *внити* „войти" и др.), *изъять* (с помощью приставки ***изъ-***) и др.

Позднее первоначальное *выяти* — *вымати* (ср. *выемка*) по аналогии с родственными *вняти* — *внимати*, *сняти* — *снимати* (с приставкой ***сън-***, ср. ту же приставку в существительном *снедь*, родственном словам *еда*, *есть* и пр.) получило от них, как и другие глаголы (ср. *отнять*, *принять*, *занять*, *перенять*; *обнять* и пр.), „вставочное" ***н*** и стало звучать *вынять* — *вынимать*. Затем глагол *вынять* как форма совершенного вида подвергся уже аналогическому воздействию глаголов на ***-нуть*** типа *стукнуть*, *двинуть*, *кинуть* и т. д. и приобрел в результате этого современное звучание и структуру — *вынуть*. Поэтому в нем наблюдается не только процесс переразложения основы, но и явление аппликации, т. е. наложения друг на друга, морфем. Сейчас в глаголе *вынуть* (по соотношению со словами *вынимать*, *выемка*; *отнимать*, *снять* и пр.) непроизводная основа выступает в однозвуковом виде ***-н-***, которое одновременно является и формой выражения суффикса однократности действия (ср. *вынь*, *вынем*, *выну* и пр.).

Таким образом, если раньше это слово делилось на *вы-н-я-ть* (<*выяти* по аналогии с *въняти*, *съняти* с заменой ***-j-*** на ***-н-***), то сейчас оно делится на морфемы уже следующим образом: *вы-н̑-у-ть*, т. е. приставка ***вы-***, непроизводная основа ***-н-*** („чередующаяся" с ***-ним-***, ***-ем-***, ср. *вынимать*, *выемка*), суффикс однократного действия ***-н-***, суффикс ***-у-***, выступающий как классовый показатель, подобный ***-а-***, ***-о-***, ***-е-*** в словах *звать*, *колоть*, *тереть*, и инфинитивное ***-ть***; корень ***-н-*** и суффикс ***-н-*** накладываются друг на друга, все остальные морфемы располагаются в „принятой" линейной последовательности, одна за другой.

Таким образом, слово *вынуть* и имеет корень (если понимать под ним непроизводную основу как ядро его лексического значения), и не имеет (если понимать под корнем исходный „основный" материал слова). Такой своеобразный и, казалось бы, парадоксальный факт вполне понятен и исторически оправдан.

Анатомия слова *принять*

Анатомический разрез глагола *принять* показывает его „трехморфемный" характер.

Поскольку с глаголом *принять* соотносятся слова и формы *принимать*, *прием*, *приять*, *изъять*, *отнять*, *приму* и др., его современное морфемное членение выглядит следующим образом: *при-ня-ть*.

Глагол *принять* состоит из приставки ***при-***, корня ***-ня-*** и инфинитивного ***-ть***. Непроизводная основа ***-ня-*** является связанной, всегда выступающей в слове с той или иной приставкой: *отнять*, *занять*, *перенять*, *разнять*, *снять* и пр. Она может выступать в целом ряде своих разновидностей, объясняемых исторически, а именно в виде ***-я-*** (ср. *приять*), ***-им-*** (ср. *приму*), ***-ым-*** (ср. *изымать*), ***-ним-*** (ср. *принимать*), ***-ём-*** (ср. *прием*), ***-ня-*** (*принять*) и даже ***-н-*** (*вынуть*; см. об этом в заметке „Есть ли в слове *вынуть* корень?"). Заметим, что в личных формах (*приму*, *примет* и пр.) наблюдается явление наложения (аппликации) морфем, приставка ***при-*** и корень ***-им-*** частично накладываются друг на друга, что обязательно должно учитываться при разборе слова по составу: *при-им-у* и т. д.

Такое наложение морфем встречается также в словах *вынуть*, *приду*, *архиерей*, *рассориться*, *бескозырка*, *лермонтовед* и целом ряде других.

Поднятый вопрос о членении глагола *принять* позволяет остановиться на этом явлении подробнее.

Наложение морфем в слове может быть различным. В некоторых случаях оно возникает в слове с течением времени, в силу определенных звуковых изменений или изменений в морфологической структуре.

Таким, в частности, является наложение в слове *приму* (ср. в „Повести временных лет": *Приимаху брата в монастырь с радостью*), где оно возникло, как и в глаголе *приду*, в результате стяжения в один звук двух ***и***.

Таким же оно является, например, и в существительном *бескозырка*. В современном русском литературном языке это существительное соотносится со словами *без козырька* и входит в тот же словообразовательный ряд, что и существительное *безрукавка*, в соответствии с чем ***к*** в нем должно быть истолковано и как принадлежность непроизводной основы *козырек* — *козырька*, и как пред-

метный суффикс *-к-*, тот же самый, который совершенно свободно выделяется в слове *безрукавка.*

Такое фонетическое наложение элемента основы на суффикс возникло здесь в результате процесса переразложения основы, пережитого словом после исчезновения из литературного языка образующего существительного *козырь* „козырек" и установления прямых словообразовательных связей с бывшим уменьшительно-ласкательным *козырек.*

В других случаях аппликация морфем в слове появляется в момент его образования. В момент словопроизводства морфемы при объединении их друг с другом в одно словесное целое нередко не располагаются рядом в линейной последовательности, а частично „находят" одна на другую.

Такую спайку значимых частей слова в процессе словообразования мы наблюдаем, например, в прилагательных *розоватый*, *бежеватый*, *коричневатый*, *лиловатый*, в которых *-ов-*, *-ев-* являются одновременно как принадлежностью производящей основы исходного прилагательного, так и принадлежностью суффикса неполноты качества *-оват-*, *-еват-*. Диффузия, одновременная процессу словопроизводства, наблюдается также в прилагательном *повсеместный*, возникшем путем суффиксации словосочетания *по всем местам* (ср. *потусторонний*), в словах *фашиствующий*, *омский*, *лермонтовед*, *пнуть* и др.

С современной точки зрения оба этих вида наложения морфем совпадают. При разборе слова по составу их необходимо обязательно учитывать, так как иначе состав слова будет определяться неверно.

Делим слово *любезный*

Прилагательное *любезный* по-разному членится в настоящее время на морфемы, в зависимости от того, в каком конкретном (из двух присущих ему сейчас) значении мы его берем. Слово *любезный* в значении „обходительный, предупредительный, учтивый" имеет непроизводную основу, членимую лишь с этимологической точки зрения. Слово *любезный* в значении „любимый, милый, дорогой" (это значение первоначальное и уже устарелое, ср. *любезный друг*) делится по соотношению

с глаголом *любить* на *люб-езн-ый*. Морфема ***-езн-*** является в этом прилагательном, известном в ряде славянских языков (ср. старослав. *любьзныи*, чешск. libezný „приятный“ и др.), суффиксом, причем, очевидно, по своему происхождению составным, возникшим на базе суффиксов ***-ъз-*** и ***-н-*** после исчезновения из употребления существительного *любез* < *любьзъ* и ему подобных; ср., например, диал. *любжа* (<*lubьzja) „любовь“ и т. п.

Произношение *любезный* (а не „любёзный“) свидетельствует о книжном, церковнославянском характере этого слова.

Заинька и паинька

Слова *заинька* и *паинька* членятся на три морфемы: непроизводную основу (***зай-*** и ***пай-***), уменьшительно-ласкательный суффикс ***-иньк-*** и окончание ***-а***. Соответствующие непроизводные основы выделяются в этих словах по соотношению со словами *зайка*, *заяц*, *заюшка* и словом *пай-мальчик*.

Как непроизводная основа ***зай-***, так и корень ***пай-*** являются связанными, известными сейчас лишь в соединении с другими словообразовательными морфемами (ср. свободные непроизводные основы типа ***лес-***, ***дом-***, ***край-*** и т. п.).

Слово *пай* (откуда — *паинька*) было заимствовано русскими из финского языка, в котором оно значит „хороший, милый“. Слово *заинька* представляет собой суффиксальное производное от ныне утраченного *заи* „заяц“, давшего также и *заяц*. Уменьшительно-ласкательной формой от *заяц* (суффикс в этом слове такой же, какой можно этимологически выделить в существительном *месяц*) является *зайчик*. Форма *заинька* стала осознаваться как уменьшительно-ласкательное образование к *заяц* лишь после выхода из языка слова *заи*. Последнее буквально значит „прыгун“ (ср. родственное литовск. žáisti „прыгать“).

Суффикс ***-иньк-*** в словах *заинька*, *паинька* выступает как орфографическая разновидность суффикса ***-еньк-*** того же значения (ср. образования *папенька*, *рученька*, *душенька* и т. п.). Написание его с ***и***, а не с ***е*** объясняется влиянием конечного звука ***j*** в предшествующей суф-

фиксу основе (*зай-*, *пай-*). Ср. в известной степени аналогичное разбираемым словам междометие *баиньки*, образованное от *бай* (см. заметку „*Баю-бай*").

Глагольные близнецы — *одеть* и *надеть*

Как правило, глаголы *одеть* и *надеть* употребляются в качестве слов, имеющих разные значения и — в соответствии с этим — различные словесные связи. Глагол *одеть* имеет значения „покрыть одеждой" и „снабдить одеждой" (*одеть малыша, одеть родню*) и сцепляется обычно с существительными, обозначающими человека. Глагол *надеть* обладает значениями „укрепить что-либо на чем-нибудь" и „целиком или частично покрыть одеждой кого-нибудь" (*надеть браслет на руку, надеть плащ, надеть ботинки*) и сцепляется только с существительными, обозначающими неодушевленные предметы. В связи с этим разбираемые глаголы имеют при себе и различные антонимы: глаголом, противоположным по значению слову *одеть*, будет являться слово *раздеть*; антонимичным глаголу *надеть* будет выступать уже слово *снять* (ср. *раздеть малыша, родню*; *снять браслет с руки, плащ, ботинки* и т. д.). Отмеченная смысловая разница в рассматриваемых однокорневых глаголах в первую очередь объясняется исходными пространственными значениями дифференцирующих их приставок *о-* и *на-*, соответственно указывающих на действие вокруг (ср. *окутать*) и на действие, направленное на поверхность (ср. *накутать*).

Указанное различие в семантике глаголов *одеть* и *надеть* характеризует нормативное употребление, сложившееся в русском литературном языке первой половины XIX в. В настоящее время как в разговорной речи, так и в письменной глагол *одеть* нередко употребляется вместо (вернее — на месте!) глагола *надеть*. Некоторыми лингвистами (см. хотя бы „Правильность русской речи". М., 1965, с. 136) такое употребление характеризуется как „противоречащее традиционным литературным нормам", как грубое нарушение норм литературного словоупотребления.

Такой пуризм вряд ли, однако, оправдан, поскольку речевая практика уже в течение более трех столетий расходится с нормативными предписаниями, идущими,

кстати, еще от „Справочного места русского языка“ А. Греча (Спб, 1843) (подробно см. об этом в статье Р. М. Цейтлин „Об одной старой ошибке в словоупотреблении“, „Вопросы культуры речи“. М., 1963, вып. 4, с. 110—119). Ср.: *Шуба одеванная* („Олонецкие акты 1661—1662 гг.“); *И одевъ одежды своя* („Книга земледелательная 1705 г.“); *Он чулочки одевает* („Псковские песни XIX в.“) и т. п. Глагол *одеть* вместо *надеть* не только употребляется современными („безграмотными“!) писателями, но и встречается у классиков нашей литературы, ср. *Каждую пятницу Цыганок одевал короткий до колен полушубок и тяжелую шапку* (Горький); *Одевши рубаху, штаны, опорки и серый халатик, он самодовольно оглядывал себя* (Чехов); *Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу* (Достоевский) и т. д.

Что такое *бесталанный*? «Несчастный» или «бездарный»?

Вопрос, может ли слово *несчастный* употребляться в значении „бездарный“, кажется странным. Ведь прилагательные *несчастный* и *бездарный* имеют совершенно различные значения.

И все же такой вопрос оказывается в известной степени закономерным. Правда, не по отношению к слову *несчастный*, а по отношению к его архаическому синониму *бесталанный*. В академическом „Словаре современного русского литературного языка“ (т. I, 1950, с. 435) прилагательное *бесталанный* толкуется как устаревшее слово, имеющее лишь значение „неудачливый, несчастный, обездоленный“. Только с таким значением оно раньше и употреблялось: *И казнили Степана Калашникова Смертью лютою, позорною; И головушка бесталанная Во крови на плаху покатилася* (Лермонтов); *Ох, в несчастный день, В бесталанный час, Без сорочки я Родился на свет* (А. Кольцов) и т. д. Однако сейчас это прилагательное довольно часто употребляют и со значением „не имеющий таланта, бездарный“. Ср. *Мы против пошлости, безыдейности, бесталанности, в каком бы жанре искусства они ни давали о себе знать*; *Стихи были небесталанными* (из газет); *Когда порою, без толку стараясь, Все дело неумелостью губя, Идет на*

бой за правду бесталанность — Талантливость, мне стыдно за тебя (Евтушенко).

Как появилось такое значение у слова *бесталанный*? На первый взгляд может показаться, что *бесталанный* возникло из *бесталантный* фонетически. Но это не так: ***т*** между двумя ***н*** не выпадает (ср. *галантный, пикантный, толерантный* и т. д.). В действительности употребление прилагательного *бесталанный* в значении „бездарный, не имеющий таланта" возникло в результате ошибки, вследствие путаницы слов *талан* „счастье, удача, фортуна" (тюркск. *талан* „счастье, успех, добыча" — суффиксальное производное от ***тал-*** „грабить, отнимать") и *талант* „способность, дарование" (из французского языка) и замещения в слове *бесталантный* основы ***талант-*** основой ***талан-***. В связи с этим возникает уже практический вопрос: правильно ли такое употребление слова *бесталанный*? Факты говорят, что нормой его считать нельзя: 1) оно противоречит живому еще этимологическому составу слова: *бес-талан-н(ый)*; 2) в русском языке для выражения понятия „не имеющий таланта" есть хорошие синонимы *бездарный* и *бесталантный*.

О двух *л* в слове *аллея*

Существительное *аллея* относится к числу тех, правописание которых обычно дается „в словарном порядке". Между тем ученикам о нем можно не только сказать: „Запомните, здесь надо писать два ***л***", но и рассказать почему. Особенно полезно и просто это будет сделать, если они изучают французский язык. Дело в том, что написание *аллея* передает орфографию своего французского первоисточника — allée „аллея" (а буквально „проход", дорога"), которое унаследовало два ***л*** от своего „родителя" — глагола aller „идти, проходить". Так что два ***л*** в *аллея* так же законны, как, скажем, ***о***, а не ***а*** в слове *проход* (от *проходить*, ср. *прóрезь*).

Можно ли *трогать*, не трогая?

Ответы на этот каламбурный вопрос могут быть разными. И это будет зависеть от того, о чем мы говорим и, соответственно, о каких глаголах идет речь. Конечно, нельзя трогать (касаться), не трогая (не касаясь).

Но трогать (волновать, вызывать сочувствие, сострадание), несомненно, можно и не трогая (не касаясь).

Вспомним хотя бы стилистическую игру слов писателя конца XVIII — начала XIX в. А. А. Шаховского в пьесе „Новый Стерн", в которой он высмеивает Карамзина и карамзинское словоупотребление. В этой пьесе в ответ на реплику сентиментального князя: „Добрая женщина, ты меня трогаешь!" — крестьянка отвечает: „Что ты, барин, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась!"

Таким образом, все дело в том, какое *трогать* имеется в виду. Заметим, что *трогать* „касаться" и *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание" представляют собой омонимы, одинаково звучащие слова, значения которых не находятся между собой в отношениях „прямое — переносное". Ведь значение „волновать, вызывать сочувствие, сострадание" как родственное значению „трогать" нами сейчас не осознается. Поэтому квалификация значения глагола *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание" как переносного значения глагола трогать „касаться", которую мы находим в „Словаре современного русского литературного языка", является неверной. Кстати, не были родственными эти значения и раньше. Об этом, в частности, свидетельствует происхождение глагола *трогать* „волновать, вызывать сочувствие, сострадание": это перевод франц. toucher (ср. слова *сливки* (общества), (детские) *ясли*, *капли* „лекарство", (газетная) *утка*, *гвоздь* (программы), также являющиеся точными „снимками" соответствующих французских существительных).

Поперечное сечение глагола *рисовать* и его этимология

„Школьный словообразовательный словарь" З. А. Потихи дает совершенно правильный поперечный разрез слова *рисовать: рис-ов-а-ть*. Такой морфемный состав устанавливается по соотношениям *рисовать* — *рисование*, *рисовал* (выделяется инфинитивное ***-ть***), *рисовать* — *зарисовка* (выделяется тематический суффикс ***-а-***), *рисовать* — *рисунок* (выделяется корень ***рис-*** и суффикс ***-ов-***). Корень ***рис-*** является связанным (ср. свободные непроизводные основы ***-ход-, -нес-, -мах-*** и т. д.), обязательно предполагающим либо суффикс ***-ов-*** *(рисовать)*, либо суффикс ***-унок*** *(рисунок)*.

В польском языке, из которого (вместе с существительным *рисунок*) глагол *рисовать* к нам пришел, корень был свободным. Там рядом с rysować „рисовать, чертить" есть rys „черта, штрих". Этот же корень (польск. rysować, нем. reissen), но уже в огласовке, восходящей непосредственно к немецкой, этимологически можно выделить в слове *рейсфедер* (буквально „чертежное перо").

Можно ли считать существительные *картина* и *карта* однокоренными словами?

С точки зрения современного русского языка слова *картина* и *карта* как родственные и, следовательно, однокоренные не осознаются. Для русского языка эти слова ни по значению, ни по словообразовательной структуре друг с другом не связаны. Существительное *картина* производным от слова *карта* не является и из него не выводится (ср. *льдина* „кусок льда", *низина* „низкое место", *перина* „матрац из перьев" и т. д.). В нем сейчас не выделяется ни корень *карт-*, ни суффикс *-ин-*, и все, что предшествует окончанию, представляет собой непроизводную основу (т. е. корень). Ведь *картина* — это не большая карта (ср. *дом* — *домина*), не предмет, сделанный из карты (ср. *воск* — *вощина* и т. д.). Таким образом, по своему современному составу слова *картина* и *карта* совершенно чужие.

Однокоренными их можно назвать, только имея в виду их далекое прошлое, общее происхождение в том языке-источнике, где они появились. Но в таком плане однокоренными для слов *карта* и *картина* являются также и существительное *картон*, и даже — *картуз* и *хартия* (!). Все эти слова, пришедшие к нам из французского языка, восходят к итальянским словам (cartina, cartone, cartoccio), образованным от carta в значении „бумага". Последнее получилось от лат. charta, представляющего собой переоформление греч. chartēs „лист бумаги из папируса, хартия".

Прилагательные *моровая* и *смертельная* как они есть

Слово *моровая* сейчас известно лишь в составе фразеологических оборотов *моровое поветрие* и *моровая язва*, имеющих значение „массовая эпидемическая болезнь, вызывающая большую смертность, мор". В этих сино-

пимических выражениях оно выступает как смысловой эквивалент прилагательному *смертельная*. Такое значение его вполне законно и определяется целиком происхождением. Ведь прилагательное *моровая* является суффиксальным производным (ср. одноструктурные образования *годовая*, *силовая*, *меховая* и т. д.) от существительного *мор*, того же корня, что слова *умереть*, *смерть*, *мертвый* и т. д.

Слова *поветрие* и *язва* значат в указанных фразеологизмах „болезнь" (ср. также *ветряная оспа*, *сибирская язва*). Отдельно, вне фразеологизмов, мы в настоящее время употребляем их в других значениях: *поветрие* — „получившее повальное распространение явление", *язва* — „гнойная или воспаленная рана; зло".

Таким образом, употребление прилагательного *моровая* заключено в узкие рамки прокрустова ложа фразеологически связанных по своему характеру слов *поветрие* и *язва* в значении „болезнь". Что касается существительных *болезнь*, *рана*, то они сцепляются уже с прилагательным *смертельная*. Это слово любопытно и по своему составу, и по своему происхождению.

По соотношению со словом *смерть* (ведь *смертельная* — это „приводящая к смерти") в прилагательном *смертельная* мы выделяем наряду с окончанием *-ая* также и суффикс *-ельн-*. Этот суффикс в других словах не встречается. Он „живет" только в нашем слове. Может показаться, что оно с его помощью от слова *смерть* и было в русском языке образовано. Однако на самом деле слово *смертельная* заимствовано русским языком из польского (не позднее XVI в.). Заметим, что и в польском оно не исконно, а было усвоено из чешского языка. Вот уж чешское smrtelný „смертельный" действительно возникло как суффиксальное образование от smrt „смерть".

Как видим, в конце концов все же рассматриваемые прилагательные (и *моровая*, и *смертельная*) родственны, так как с помощью разных суффиксов возникли на базе однокорневых и даже более того — „близкозначных" слов *мор* и *смерть*.

Почему в слове *гаплология* нет гаплологии

Вспомните, если запамятовали, фонетическое явление г а п л о л о г и и. Так называется упрощение одинаковых или схожих слогов в слове. В результате этого

процесса слово становится на слог меньше, два стоящих рядом — одинаковых или близких по звучанию — слога сливаются в один. Последнее довольно часто приводит даже к изменениям в морфологической структуре слова. Гаплология меняет иногда „лицо“ слова настолько сильно, что, для того чтобы установить его первоначальную форму, требуется вмешательство этимолога.

Так, если гаплология в словах *знаменосец* (из *знаменоносец*) и *лермонтовед* (из *лермонтововед*) повела лишь к наложению морфем и связи этих существительных с образующими *(знамя, носить; Лермонтов, ведать)* не нарушила, то в словах *шиворот* и *перец* она привела к полной их перестройке.

Мы уже не видим в существительном *шиворот* сложное слово. А ведь первоначально оно звучало „шивоворотъ“ и ясно осознавалось как сложное, состоящее из основ слов *шивъ* „шея“ (от *шити*, как и *шея* < *шия*, буквально „то, что сшивает голову и туловище“) и *воротъ*, связанных между собой соединительной гласной ***о***.

Мы сейчас абсолютно не ощущаем суффиксальный характер слова *перец*. А ведь было время, когда это было ясно каждому; в древнерусском языке рядом с *пьпьрьць* „перец“ (в котором два начальных ***пь*** упростились в одно, а ***ь*** после падения редуцированных изменилось в *е*) употреблялось и его производящее *пьпьрь* „перец“, передающее греч. peperi.

Но вернемся к *гаплологии*, и уже не к понятию, а к слову. Странно, но тем не менее факт: термин, называющий явление гаплологии, существует как будто в незаконном, негаплологизированном виде. Вместо ожидаемого *гаплогия* перед нами *гаплология*, с двумя соседствующими ***ло***. Почему же в слове *гаплология* не произошло гаплологии? Это объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что слово *гаплология* является недавним и книжным, а в современном литературном языке явление гаплологии наблюдается уже далеко не всегда (ср. прилагательное *противовоздушная* с двумя ***во***). Во-вторых, тем, что это слово появилось как термин и в среде лингвистов, для которых правильное *гаплогия* было бы все же недостаточно точным и ясным с точки зрения своей терминологической структуры.

О *пожарнике, чертежнике* и других

При членении слова на морфемы необходимо учитывать прежде всего, с каким родственным словом по своему значению и структуре анализируемое соотносится, какое слово прямо и непосредственно мотивирует данное. Иначе говоря, выделяя значимые части в слове, надо сопоставлять его с самым близким его родственником. При этом важно не забывать, что любое слово с производной, т. е. членимой, основой может быть „развернуто" в словосочетание с таким родственным, однокоренным словом: *высотник* — „летчик, специалист по *высотным* полетам"; „человек, работающий на строительстве *высотных* зданий". Соотношение *высотник* — *высотные* является основанием для выделения суффикса ***-ик***. *Водник* — „рабочий или служащий на *водном* транспорте". Значит, и здесь перед нами суффикс ***-ик***. *Колхозник* — это „член *колхоза*". Следовательно, в этом слове выделяется суффикс ***-ник***. *Ударник* — „работник социалистического производства, показывающий пример *ударного* труда" (ср. словосочетания *ударная бригада*, *ударное задание*, *ударная работа* и т. д.), или „тот, кто входит в состав *ударной* войсковой группы". В обоих этих слòвах вычленяется суффикс ***-ик***. Он же содержится и в слове *десантник* („боец из *десантных* войск").

Физкультурник — это „человек, занимающийся *физкультурой*". В слове *физкультурник* (по несомненному соотношению с существительным *физкультура*) выделяется уже суффикс ***-ник***.

Опять-таки суффикс ***-ик***, а не ***-ник*** надо выделять в слове *пожарник*, поскольку *пожарник* — это *пожарный*, работник *пожарной* команды (а отнюдь не всякий, кто тушит пожар!).

Особый случай образует в морфемном и словопроизводном плане слово *чертежник*, толкуемое в словарях как „специалист по черчению", т. е. „специалист по изготовлению *чертежей*, или специалист, выполняющий *чертежные* работы". Здесь мы встречаемся с тем, что в лингвистической литературе называется либо омонимией словообразовательной формы, либо альтернативным членением. Дело заключается в том, что существуют в языке и такие слова, которые могут члениться не однозначно, а двояко, по-разному; они представляют собой такие

названия, которые имеют несколько мотивирующих основ (обычно две).

В таких случаях следует указывать все возможные словообразовательные решения. В слове *чертежник* можно выделять и суффикс *-ник* (*чертежник* „специалист по изготовлению чертежей"), и суффикс *-ик* (*чертежник* „специалист, выполняющий чертежные работы"), но в обоих случаях надо это соответствующим образом аргументировать.

Естественно, при разборе слов по составу нельзя забывать, что „анатомия" слова далеко не всегда указывает нам на его действительное образование как структурного целого. Было уже указано, например, что слово *ударник* „передовой работник социалистического производства" содержит в себе суффикс *-ик*, однако оно не было образовано с его помощью: это существительное возникло в результате лексико-семантического способа словообразования, путем переосмысления на базе слова *ударник* в значении „солдат или офицер ударной войсковой группы".

-И и *-те* в глаголах повелительного наклонения

Как известно, в современном русском языке существуют только две соотносительные между собой формы повелительного наклонения: 2-е лицо ед. числа и 2-е лицо мн. числа. Таким образом, парадигма (т. е. система соотносительных друг с другом грамматических форм) глаголов в повелительном наклонении является двучленной (в отличие, например, от шестичленной парадигмы глаголов настоящего времени).

Противопоставляются друг другу лишь формы единственного числа, с одной стороны, и множественного — с другой (ср. *веди — ведите*, *неси — несите* и т. д.). Это противопоставление получает свое формальное выражение, аналогичное тому, что наблюдается, например, в существительных *стол — столы*, *кость — кости*.

В существительных мы видим нулевое окончание в единственном числе и материально выраженное окончание *-и (-ы)* во множественном. В формах повелительного наклонения *веди — ведите*, *неси — несите*, *пиши — пишите*, *морщи — морщите* и т. д. мы также видим в един-

ственном числе нулевое окончание, а во множественном — материально выраженное окончание ***-те***.

С окончанием множественного числа ***-те*** нельзя смешивать суффикс ***-те***, который служит для образования формы вежливого обращения. В предложениях *Ребята, идите ко мне* и *Ребята, идемте ко мне* (ср. *Ребята, идем ко мне*) ***-те*** разные: в первом случае это окончание множественного числа, во втором — суффикс формы вежливого обращения.

Что касается морфемы ***-и***, стоящей в *неси*, *пиши* и т. д. перед нулевым окончанием, а в формах множественного числа *несите*, *пишите* перед окончанием ***-те***, то она является суффиксом, с помощью которого мы от основы настоящего времени (***нес-***, ***пиш-*** и т. п.) образуем основу повелительного наклонения какого-либо конкретного глагола.

Таким образом, глаголы повелительного наклонения содержат — в зависимости от того, какого они числа — либо нулевое окончание (2-е лицо ед. числа), либо окончание ***-те*** (2-е лицо мн. числа). Без окончания глаголы в форме повелительного наклонения не существуют. Но в них в то же время нет и окончания ***-и***.

Кстати, надо иметь в виду, что в каждом глаголе повелительного наклонения обязательно есть и суффикс и окончание, причем и та и другая морфема может быть не только материально выраженной, но и нулевой. Так, количество морфем в слове *брось* и в слове *смотрите* одинаково. В *смотрите* три морфемы: ***смотр-*** (корень), ***-и-*** (суффикс) и ***-те*** (окончание 2-го лица мн. числа); столько же их и в *брось*: ***брось-*** ( )[1]-( )[2], где ***брось-*** — непроизводная основа, ( )[1] — нулевой суффикс повелительного наклонения и ( )[2] — нулевое окончание 2-го лица ед. числа.

Поверка и ***проверка***

Поверка и *проверка* — не только слова, звучащие почти одинаково. Они представляют собой в то же время и синонимы. Ведь в сочетаниях *вечерняя поверка в лагере* и *вечерняя проверка в лагере* эти существительные значат одно и то же.

Частичное совпадение значений этих слов понятно и закономерно. Оно отражает синонимику глаголов

поверять и *проверять*, имеющих — помимо смысловых различий — общее значение „обследовать с целью контроля, удостовериться в правильности". Возникает вопрос, почему глаголы с разными приставками в одном из своих значений совпали. Ведь как будто *по-* обозначает совсем не то, что *про-* (ср. *понести* — *пронести*, *побежать* — *пробежать*, *помаслить* — *промаслить* и т. д.). В большинстве слов это так и есть. Однако в отдельных словах значения наших приставок могут быть очень близкими (ср. *Я побуду здесь всю весну* и *Я пробуду здесь всю весну* и т. п.). Это наблюдается не в глаголах, обозначающих конкретное действие, связанное с движением в пространстве (в них приставки всегда имеют четкое, как правило, пространственное значение и выступают как эхо соответствующего предлога), а в глаголах абстрактного плана. Таковы и глаголы *поверять* — *поверить* и *проверять* — *проверить*, а также и их прямой и ближайший родственник *сверять* — *сверить*, давший существительное *сверка*.

С глаголом *поверить* „проверить" как исходным для слова *поверка* не следует смешивать омонимичные глаголы *поверить* со значением „доверить, вверить (что-либо)" и *поверить* как соотносительную форму совершенного вида к слову *верить*. От них будут иные производные, например *поверенный* (от первого) и *поверье* (от второго).

Три слова с приставкой *тре-*

Среди приставок современного русского языка приставка *тре-* занимает особое — более чем скромное — место. Это объясняется тем, что она сейчас не только непродуктивна, т. е. совершенно не образует новых слов, но даже и нерегулярна, т. е. встречается лишь в единичных, разрозненных словах. Поэтому некоторые из вас могут даже усомниться: а существует ли она вообще? Спешу ответить, что префикс *тре-* не выдумка, а вполне реальная морфема с очень четким и вполне определенным значением. Правда, „живет полной жизнью" она в качестве значимой части слова сейчас только в трех именах — в существительных *треволнение* и *трезвон* и в прилагательном *треклятый* (глаголу *трезвонить*

приставка *тре-* досталась по наследству от слова *трезвон*, а прилагательное *тресвятой* давно является архаизмом).

Достаточно сопоставить эти слова с их „родителями", т. е. с теми, на базе которых они были образованы (*волнение, звон, клятый*), чтобы стали ясными и реальность приставки *тре-* как морфемы, и ее „превосходное", усилительное значение (высшей степени), похожее на семантику приставок ***пре-***, ***наи-***, ***раз-***, ***ультра-***, ***архи-*** в словах типа *преогромный*, *наилучший*, *раскрасавица*, *ультрамодный*, *архиплут* и т. д.

Заметим, что не всякое *тре-* будет такой приставкой. В словах типа *трезубец*, *треножник*, *треух* *тре-* представляет собой уже сочетание корня числительного *тр-* и соединительной гласной *е*.

Так что надо учитывать, что *тре-* *тре-* рознь. В своей нерегулярной исключительности приставка *тре-* не является исключением, как можно подумать. Есть и другие нерегулярные приставки (ср. ***ку-*** в *кумекать*, ***сюр-*** в *сюрреализм*).

Почему в слове *летчик-космонавт* склоняются обе части, а в слове *инженер-полковник* — только вторая?

Вопрос этот вполне понятен, так как на первый взгляд перед нами совершенно одинаковые по своей структуре образования. Ответ мы получаем после их словообразовательного анализа. Он наглядно показывает нам, что формы словоизменения в этих существительных проявляются по-разному потому, что они имеют различную структуру, относятся к различным (хотя и смежным) словообразовательным моделям.

Существительное *летчик-космонавт* представляет собой с о с т а в н о е сложное слово. Именно поэтому в нем, как и во всех других словах этого типа, склоняются обе части сложения (*летчика-космонавта*, *летчику-космонавту* и т. д.). Составные сложные слова образованы по модели „определяемое + определяющее". В слове *летчик-космонавт* вторая часть определяет первую, так же как и в существительных *инженер-экономист*, *вагон-ресторан*, *школа-интернат*, *самолет-разведчик*, *ракета-носитель*, *концерт-загадка*, *бал-маскарад*, *платье-костюм*, *матч-реванш*, *шапка-ушанка*, *диван-кровать*, *слесарь-ре-*

монтник и т. п., по аналогии с которыми оно недавно было и создано.

Что касается существительного *инженер-полковник*, то по своему внутреннему строению оно является иным и относится уже к слитным сложным существительным, образующим промежуточный разряд слов между составными сложными словами и слитными сложными словами с соединительными гласными *о/е*. Промежуточный характер слов типа *инженер-полковник* (по сравнению со словами типа *летчик-космонавт*, с одной стороны, и *копьеметатель* — с другой) сказывается в том, что по своему составу — из компонентов, известных в качестве самостоятельных слов,— они подобны словам типа *летчик-космонавт*, а по своей слитности аналогичны словам типа *копьеметатель*. Соответствующая модель („определяющее + определяемое") сформировалась в русском языке на основе заимствованных слов типа *генерал-прокурор*, *штаб-квартира*, *джаз-оркестр*, *дизель-мотор* и др. Так появились существительные *шеф-повар*, *плащ-палатка*, *альфа-лучи*, *инженер-капитан* и т. п. В словах этой структуры определяющей является первая часть, а определяемой — вторая: *генерал-прокурор* — это „генеральный прокурор", *штаб-квартира* — „квартира, где помещается штаб", *инженер-капитан* — „капитан инженерных войск", *шеф-повар* — „главный (являющийся шефом, т. е. начальником) повар" и т. д.

В этом отношении они аналогичны старым исконно русским сложениям типа *жар-птица*, *бой-баба*, *пай-мальчик* и пр. Так же как и они, существительные модели *инженер-полковник* изменяемы только в своей второй части. Принадлежность слова *инженер-полковник* к словам типа *генерал-майор*, *штаб-офицер* и т. п. ясно ощущается, как только мы сравним его 1) со словами *инженер-майор*, *инженер-капитан* и др. и 2) со словами *инженер-экономист*, *инженер-механик* и т. п.

Где кончается основа слова и начинается окончание

При разборе слова по составу одной из основных задач является выделение основы. Вот здесь-то и встают перед учителем и учениками самые различные вопросы,

связанные как с общими понятиями словообразования, так и с анализом конкретных слов. Чаще всего и более всего их интересуют пять следующих вопросов.

Вопрос 1. Как определить основу слова? Можно ли придерживаться, например, того методического рецепта, который предложен в учебнике для педучилищ: „Если в какой-нибудь форме слова мы отбросим окончание, то получим основу этой формы... В некоторых случаях основой называется часть слова без формообразующего суффикса...“ (Земский А. М. и др. Русский язык, ч. I. Изд. 8-е. М., 1971, с. 85)?

Вопрос 2. Если исходить из того, что основа — это часть слова без окончания и без формообразующих суффиксов, то куда надо относить суффиксы субъективной оценки — к формообразующим или к словообразующим (т. е. где основа в словах: *листик*, *платьишко*, *дружище*, *зверюга*?)?

Вопрос 3. Нужно ли включать в состав основы формообразующую приставку (например: *прочитать*, *написать*)?

Вопрос 4. Какими — словообразующими или формообразующими — являются суффиксы *-нuj-* и *-енuj-* в словах *обладание* (ср. *обладать*), *деление* (ср. *делить*) и т. д.?

Вопрос 5. К чему — к основе или к окончанию — относятся наращения *-ен-* в косвенных падежах существительных на *-мя* (*знамя*, *время* и др.) и *-ер-* в словах *мать* и *дочь*? Если наращения — суффиксы, то какие: формообразующие или словообразующие (словообразовательные)?

Попробуем кратко ответить сейчас на эти вопросы.

1. Если иметь в виду все структурное многообразие слов русского языка, то придется сказать, что предложенный способ определения основы неудовлетворителен. Ведь в нашем языке есть и такие слова, которые форм словоизменения не имеют и, значит, окончания не содержат. В словах *пешком*, *мимо*, *жаль*, *дрожá*, *алло*, *без* и т. п. нельзя „получить основу, отбросив окончание“, но тем не менее в них имеется основа и ее можно определить.

Она может быть в таких словах и непроизводной (*алло*, *без*, *мимо*) и производной (*пеш-ком*, *дрож-а*), но она представляет собой в них чистую основу, принци-

пиально неспособную иметь флексийный аккомпанемент. Окончание не существует как отдельная нота (подобно суффиксу и приставке), а всегда звучит в гамме целой парадигмы. Морфема ***-а*** в составе слова *нога* в качестве окончания существует лишь постольку, поскольку она оказывается в одном ряду с ***-и*** *(ноги)*, ***-е*** *(ноге)*, ***-у*** *(ногу)*, ***-ой*** *(ногой)*, ( ) *(ног)*, ***-ами*** *(ногами)* и т. д.

Таким образом, окончание как значимая часть слова предполагает парадигму, и обращаться к нему для определения основы можно только в сфере изменяемых слов.

Следовательно, указываемое определение не является всеобщим. Оно рассчитано только на слова, имеющие формы словоизменения.

Кроме того, в ряде случаев окончание оказывается внутри слова, и его нельзя „отбросить", а можно только „выбросить". Ведь в русском языке есть слова, в которых за окончанием следует суффикс (входящий, разумеется, в основу). Ср.: *бо-j-у-сь*, где после окончания ***-у-*** идет суффикс ***-сь***, *к-ого-нибудь*, где после окончания ***-ого-*** идет суффикс ***-нибудь***, и т. д.

И наконец, суффикс (каким бы он ни был!) всегда, если это подлинный суффикс, входит в основу данного слова, выступает ли он в нем как словообразовательный или формообразующий. Не входит в основу только словоизменительный аффикс, т. е. окончание.

Анализируя конкретные формы слова, необходимо при этом учитывать реальную парадигму слова. Так, в глаголе *писала* (по соотношению с *писал*, *писали*, *писало*) выделяется основа ***писал-*** и окончание ед. числа жен. рода ***-а***. Нас в данном случае не интересует, что основа ***писал-*** образована с помощью так называемого формообразующего суффикса ***-л-*** от основы инфинитива ***писа-***,— ведь и последняя в свою очередь тоже образована (с помощью тематического суффикса ***-а-*** от корня ***пис-***). Все это относится уже не к определению демаркационной линии между основой и окончанием, а к членению производной основы на морфемы.

Следовательно, ту или иную основу нельзя назвать „частью слова без формообразующего суффикса". Последний входит в основу так же, как и остальные несловоизменительные аффиксы.

2. Из сказанного ранее ясно, что основами в словах

листик, *платьишко*, *дружище*, *зверюга* и т. п. являются ***листик-***, ***платьишк-***, ***дружищ-***, ***зверюг-***. И на такое единственно правильное решение не может никак повлиять, какими — формообразующими или словообразующими — мы будем считать суффиксы субъективной оценки. А этот вопрос решается различными лингвистами по-разному. Однако даже если считать эти суффиксы формообразующими (что вряд ли оправданно и целесообразно), то следует иметь в виду, что они образуют совсем не такие формы, какие образуются нами с помощью окончаний (ср. отношения *лист* — *листик* и пр. и отношения *лист* — *листа* — *листья* и т. п.). Более того, эти „формы" сами имеют свои формы (ср. *листика*, *листику*, *листиками* и т. д.). Думается, что формами слова (если мы хотим за этим термином сохранить определенное значение) следует считать только те образования, разница между которыми является чисто синтаксической и создается только окончаниями. Семантически, т. е. по своему вещественному значению, формы слова выступают как абсолютно тождественные.

С этой точки зрения не являются формообразующими не только суффиксы субъективной оценки (привносящие особые эмоциональные и стилистические обертоны в исходное название, а иногда и значение реального уменьшения или увеличения размера предмета), но и суффиксы прошедшего времени и повелительного наклонения. Последние лишь образуют соответствующие основы, различные же формы прошедшего времени и повелительного наклонения оформляются уже окончаниями: ( ), ***-а***, ***-о***, ***-и***; ( ), ***-те***, так же, между прочим, как и суффиксы ед. и мн. числа в существительных (ср. *гражданин* ( ) и *граждан(е)*, *неб(о)* и *небес(а)* и т. д.).

3. Изложенное выше позволяет сказать решительное „да" в ответ на вопрос о том, нужно ли включать в состав основы формообразующие приставки. Абсолютно все приставки входят в состав основы слова, в том числе также и те, которые имеют чисто видовое значение. По поводу характера приставок совершенного вида, как и соотносительных с ними суффиксов в глаголах совершенного и несовершенного вида, единого мнения среди языковедов нет: одни считают их словообразовательными, другие — формообразующими. Здесь все зависит от того, как понимается форма слова. Логичнее считать соотно-

сительные глаголы совершенного и несовершенного вида самостоятельными словами.

4. Предыдущее изложение не оставляет сомнений в том, что суффиксы *-ниј-* и *-ениј-* в отглагольных именах существительных типа *обладание*, *деление* и др. могут быть только словообразующими, так как с их помощью от слов одной части речи (от глаголов) образуются слова иной части речи (имена существительные). Регулярность производства существительных посредством этих суффиксов и наличие у этих имен отдельных свойств глагола не делают их формами глагола, так же как подобные явления, например, не делают существительные на *-ость-* (*-есть*) (*внимательность*, *стыдливость* и т. д.) формами соответствующих прилагательных.

5. Наращения *-ен-* и *-ер-* в словах типа *знамя*, *мать* представляют собой суффиксы, оформляющие основу падежей соответствующих существительных, исключая им. и вин. пад. ед. числа. С высказанной выше точки зрения это основообразующие аффиксы, сопровождающие образование форм слова. Сами по себе они форм не образуют. Тем не менее без них формообразование невозможно.

Морфемы *-ен-* и *-ер-* как принадлежность основы четко и просто выделяются по сопоставлению форм слова (*знамени*, *знаменем*, *знамена*, *матери*, *матерью*, *матерей* и т. д.). Как особые значимые части в пределах основы они вычленяются по сопоставлению с формами им.-вин. пад. ед. числа (*знамя*, *мать* и пр.) и однокорневыми словами типа *времечко*, *доченька*, в которых этих элементов нет.

Правда, пары *знамя* — *знамени*, *племя* — *племени*, *темя* — *темени* и др. можно как будто интерпретировать и иначе, как образования с одной и той же основой, выступающей в двух чередующихся разновидностях (ср. *смять* — *сминать*, *обнять* — *обнимать* и т. п.). В свете этого форму *знамя*, *племя*, *темя* и т. д. можно рассматривать уже как состоящую или из одной непроизводной основы (например, *знамя-*), или из производной основы, выделяющей корень и суффикс *-а-* (например, *время*: *врем'-* и *-а-*, ср. *времечко*). Однако такое решение является неверным: в русском языке основы склоняемых имен существительных всегда оканчиваются на согласный звук.

Заметим, что суффиксы *-ен-* и *-ер-* не являются наращениями косвенных падежей, как иногда думают. С исторической точки зрения, напротив, в им.-вин. пад. ед. числа мы наблюдаем их сокращение; первоначально эти морфемы в данных формах тоже были (ср. праславянские *vertmen „время", *mater „мать" и т. п.).

Кстати, по своему происхождению суффиксы косвенных падежей весьма своеобразны и оригинальны.

Суффикс *-ер-* первоначально был суффиксом родства, с его помощью в глубокой древности — еще в эпоху индоевропейского языкового единства — были образованы термины родства. Сейчас он выделяется только в двух словах, но он же этимологически присутствует и в таких существительных, как *деверь*, *свекор*, *брат* (ср. лат. frater), *сестра* (ср. древневерхненем. swester). Сюда же относились и такие слова, как утраченное славянскими языками название отца (ср. лат. pater), диал. *ятровь* (<*ятры*) „жена брата мужа" (ср. древнеинд. yāter-) и т. п.

Что касается суффикса косвенных падежей *-ен-* в словах типа *знамя*, *племя*, *вымя* и т. п., то его происхождение еще более любопытно. Он родился от очень древнего словообразовательного суффикса предметного значения *-men-* в силу процесса переразложения, в результате которого часть суффикса (*-m-*) отошла к корню, а часть образовала современный суффикс косвенных падежей (*-en-*). Так, диал. *беремя* „вязанка, охапка; ноша, тяжесть" (ср. старославянское по происхождению *бремя*) восходит к праслав. *bermen, образованному с помощью суффикса *-men-* от *ber-* „нести" (ср. *беру*, *брать*, родственные греч. pherō „несу", древнеинд. bhárati „несет", готск. baira „несу" и т. д., исходно имевшие значения „несу, нести"). Сейчас же оно в косвенных падежах членится по соотношению с формой им.-вин. пад. ед. числа на корень *берем-*, суффикс косвенных падежей *-ен-* и окончание.

Как видим, при „поперечном сечении" изменяемого слова во всей совокупности данных ему языком форм в нем выделяются лишь основа и окончание. Все остальное — „от лукавого". Все имеющиеся в слове как целом суффиксы и приставки входят и могут входить только в основу, где бы они ни находились и какое бы значение ни имели. Настоящие формы слова образуются окон-

чаниями. Никаких собственно формообразующих суффиксов и приставок нет. Те из них, которые по традиции носят название „формообразующих“, на поверку являются либо словообразовательными (*листик*, *написать*, *овладение* и т. д.), либо основообразующими (в *знала* суффикс ***-л-*** образует основу прошедшего времени, а окончание ***-а*** — форму жен. рода, в *знаю* суффикс ***-j-*** образует основу настоящего времени, а окончание ***-у*** — форму 1-го лица ед. числа, в *знаменем* суффикс ***-ен-*** образует основу косвенных падежей и мн. числа, а окончание ***-ем*** — форму твор. пад. ед. числа и т. д.). И хорошо усвоить это — значит усвоить одну из основ словообразовательной премудрости.

Слово *приобретать* в морфемном и этимологическом отношениях

С точки зрения современного русского языка слово *приобретать* (по соотношению с глаголом *приобрести* и *обретать*) членится на следующие морфемы: приставку ***при-***, непроизводную основу ***обрет-***, суффикс несовершенного вида ***-а-*** и инфинитивное ***-ть***. Структурная формула этого слова сейчас такова: *при (обрет-а-ть)*. Непроизводная основа ***обрет-*** в формах прошедшего времени выступает в виде ***обре-***, например *обрел*, *обрели* и т. д. Подобное варьирование корня (***шед-***, ***ш-***) наблюдается и в словах типа *шедший*, *шел*.

В этимологическом аспекте этот глагол выглядит несколько по-другому. Его непроизводная сейчас основа ***обрет-*** была некогда членимой и состояла из приставки ***об-*** и корня ***-рет-*** (< ***-рѣт-***). Этот же корень мы находим в древнерусском слове *реть* „встреча“. С ним мы встречаемся и в слове *встреча*, образованном от *встретить* по аналогии с синонимическим и однокорневым словом *стрѣча* (со вставным ***т***, как в просторечно-диалектном *страм*, *стреча* < *сърѣча*, *sъrětja). Глагол *встретить* образован от *сърѣтити* (тоже „встретить“), являющегося в свою очередь приставочным производным от несохранившегося *рѣтити* „встречать“. В основе последнего лежит все то же *рѣть* „встреча“.

По своему происхождению глагол *приобретать* в русском языке не исконный. Он пришел к нам из старославянского языка.

О прошлом и настоящем существительных *сапожник* и *портной*

На первый взгляд слова *сапожник* и *портной* не имеют ничего общего, кроме разве лишь того, что оба одинаково относятся к разряду имен существительных со значением действующего лица (и у́же — к названиям профессий). Но ведь к этому же пласту слов принадлежат многие и самые разнородные наименования типа *врач*, *каменщик*, *строитель*, *слесарь*, *тракторист* и другие. Узы, связывающие слова *сапожник* и *портной*, значительно более тесные, нежели их общее значение профессии. В известной степени, как ни удивительно, эти разные слова объединяются по своему происхождению. И то и другое возникло на базе не отдельного слова, а целого словосочетания. Более того: и то и другое возникло на базе фразеологических оборотов с одними и теми же опорными словами. Так что в определенной мере слова *портной* и *сапожник* — родственники, своеобразные „сводные братья". Различным оказалось уже их дальнейшее словообразовательное оформление.

Как же явились на свет эти слова? Их рождению предшествовало довольно длительное употребление оборотов *сапожный швец*, *сапожный мастер* и *портной швец*, *портной мастер*. Использовалось слово *швец* (потом и слово *мастер*), но с уточняющим определением *(сапожный*, *портной)*, в зависимости от того, что этот швец шил: сапоги или порты, т. е. одежду.

Указанные словосочетания активно и свободно употребляются еще в XVII в. Однако уже в это время появляются и виновники нашего рассказа. Оба они возникли в результате сжатия оборота в слово. Но эта конденсация фразеологизма происходила по-разному. Слово *портной* появилось на основе оборотов *портной швец*, *портной мастер* в результате простого опущения опорного существительного *(швец*, *мастер)*. Значение оборота сконцентрировалось в слове *портной*, из прилагательного, ставшего существительным. Таким образом, оно возникло с помощью того способа словообразования, который называется морфолого-синтаксическим, путем перехода слова из одной части речи в другую. Заметим, что это серьезно сказалось на окончании слова *портной*. Из чистого окончания прилагательного *-ой* превратилось

в такое оригинальное окончание существительного, которое одновременно выполняет роль также и суффикса, указывая (по сравнению с *-их(а)* в слове *портниха*) на мужской пол портного.

По-другому складывалась судьба оборотов *сапожный швец, сапожный мастер*. Оборот „сжали" в слово посредством суффикса *-ик*. Именно он взял на себя те функции, которые в обороте выполняли опорные существительные *швец, мастер*.

Таким образом, слово *сапожник* родилось как суффиксальное производное путем прибавления суффикса *-ик* к основе прилагательного *сапожный* в оборотах *сапожный швец, сапожный мастер*.

Словообразовательный анализ слова *сапожник* в современном русском литературном языке позволяет как будто толковать его как производное с помощью суффикса *-ник* от слова *сапог*. Но на самом деле он дает нам лишь следующий вывод: слово *сапожник* соотносится сейчас с существительным *сапог*, выделяет в своем составе корень *сапог-*, суффикс *-ник*, нулевое окончание и входит в словообразовательный ряд существительных с суффиксом *-ник*, обозначающих действующее лицо: *печатник, охотник, огородник* и т. д.

По происхождению же, по своей истинной этимологии слово *сапожник*, как вы теперь знаете, отнюдь не производное от *сапог* с помощью суффикса *-ник*. Его родителем было не слово *сапог*, а обороты *сапожный швец, сапожный мастер*.

А образовано оно было не с помощью суффикса *-ник*, как нам кажется, а посредством суффикса *-ик*, и не от существительного *сапог*, а от прилагательного *сапожный*.

Как видим, слово *сапожник* еще одно и очень яркое свидетельство того, что словообразовательный анализ и разбор слова по составу, с одной стороны, и анализ этимологический — с другой, далеко не одно и то же.

А теперь — о разборе этих слов по составу в школе. Слово *портной* проще, и разных решений здесь быть не может. Оно делится сейчас на непроизводную основу *портн-* и окончание *-ой*. Надо только обратить внимание учеников на то, что здесь это окончание, как уже говорилось, указывает не только на им. пад. ед. числа, но и выступает в функции суффикса мужского пола. Заметим, что таким же по структуре является слово *нищий*,

в котором за непроизводной основой ***нищ-*** следует окончание-суффикс мужского пола ***-ий*** (ср. *нищенка*, в котором значение женского пола заключается в суффиксе ***-енк-***).

Существительное *сапожник* может быть соотнесено учениками и со словом *сапог*, и с оборотом — хотя и устаревшим, но еще известным — *сапожный мастер*. В соответствии с этим производную основу этого имени они могут разделить то на ***сапож-ник***, то на ***сапож-н-ик***. Оба решения являются допустимыми, хотя предпочтительнее (в силу архаичности выражения *сапожный мастер*) все-таки первое. Важно, чтобы предлагаемое членение разумно аргументировалось.

О родственных связях слова *предварительный*

В прилагательном *предварительный* легко и несомненно выделяются прежде всего окончание ***-ый*** (по соотношению с формами косвенных падежей), суффикс ***-тельн-*** (по соотношению с глаголом *предварить*) и суффикс совершенного вида ***-и-*** (по соотношению с глаголом *предварять*). С точки зрения современного русского языка основа ***предвар'-*** должна быть охарактеризована как непроизводная, хотя ее бывшая производность чувствуется нами очень хорошо: основное значение слова *предварительный* „предшествующий чему-либо, бывающий перед чем-нибудь" соотносится со значением приставки ***пред-*** (ср. *предшествовать*, *предупредить*, *предостеречь* и *предохранить*). В этимологическом плане основа ***предвар'-*** распадается на приставку ***пред-*** „перед" и корень ***-вар'-***.

В русском языке глагол *предварить*, от которого затем было образовано прилагательное *предварительный*, заимствован из старославянского языка, где он возник как приставочное производное от глагола *варити* „предупреждать, встречать, ждать".

Этот глагол (ср. с другим суффиксом — *варовати*) в древнерусских письменных памятниках встречается очень часто. В диалектах есть родственные ему слова и сейчас, например: глагол *варовати* „сохранять, защищать", существительное *вар* „защита; то, что охраняет; задний двор при избе, баз". Очевидно, того же корня и литера-

турное *варежки* (буквально „охраняющие, защищающие“). Несомненно родство глагола *варити* „предупреждать, встречать, ждать“ (и значит, прилагательного *предварительный*) с соответствующими словами германских языков (ср. нем. warnen „предостерегать“, wahren „охранять, оберегать“, warten „ждать“, древневерхненем. wara „внимательность“, англ. warn „предостерегать“ и др.) и с греч. horaō „смотрю“, ōra „защита“ и др.

О слове *заветный*, его составе и написании

Речь пойдет о слове *заветный*, в первую очередь о том, как его надо членить на морфемы и почему в нем надо после *в* писать *а*.

В „Школьном словообразовательном словаре“ З. А. Потихи прилагательное *заветный* представлено как трехморфемное: *завет/н/ый*. Такое деление нашего слова на значимые части является не совсем точным, так как учитывает только одно относительное значение этого прилагательного, соотносительное со словом *завет* „заповедь, наказ“, а именно „заповедный“. Между тем у этого прилагательного есть и качественное значение („сокровенный, задушевный“), в котором оно уже прямо и непосредственно с существительным *завет* „заповедь, наказ“ не связано и имеет непроизводную основу *заветн-*.

Значит, слово *заветный* может делиться по-разному (в зависимости от того, какое — качественное или относительное — значение мы имеем в виду).

Разбор слова по составу — с учетом современных связей и соотношений между словами — не позволяет объяснить в прилагательном *заветный* (как и в существительном *завет*) написание буквы *а*. Для этого надо обратиться к анализу этимологическому. С исторической точки зрения в слове *завет* как производном от глагола *заветити* „обещать“ (<„сказать, дать слово“) выделяется та же приставка *за-*, что и в слове *заповедь* (от *заповедати*, ср. *поведать* „сообщить, сказать“). Ведь слово *завет* этимологически родственно словам *обет* < *обветъ*, *ответ*, *привет*, *совет*, *навет* и т. п. и содержит, как и они, корень *-вет-* (<*-вѣт-*). Написание же приставки *за-* (она здесь является безударной) проверяется словами, содержащими ее под ударением (ср. существительные *заповедь*, *залежь*, *запах*, *замысел* и т. п.).

Таким образом, по счастливой случайности методическая заповедь при проверке написания безударных приставок обращаться к словам, в которых она находится под ударением, при этимологической проверке слова *заветный* приводит нас к существительному *заповедь*.

Последнее как однокоренной синоним слова *завет* оказывается тем самым заветным (поистине — заповедным) словом, которое надо вспомнить, чтобы написать правильно слово *заветный*.

Про *о* в слове *киномеханик* и *е* в слове *кинематография*

Слова *киномеханик*, *киножурнал*, *кинокамера*, *кинопленка*, *кинотеатр*, *кинофильм* и т. д. представляют собой сложные существительные, в которых в качестве первой части сложения выступает основа слова *кино*. Все эти слова по своему составу и образованию выступают как соположения двух основ, связанных между собой без посредства соединительной гласной (ср. *фотокамера*, *радиопостановка* и пр.). Ведь слово *кино* не склоняется, окончания поэтому не имеет и в структурном отношении является чистой основой (*о* в *кино* — не окончание, как, например, в *вино*). Тем не менее на фоне сложных слов с соединительной морфемой *о* существительные типа *киномеханик* могут толковаться и как образования с соединительной гласной *о*, которая наложена на конечный гласный основы (ср. наложение *и* в *приду*, *ов* в *лермонтовед* и т. д.).

Слово *кино*, с использованием которого образованы существительные типа *киномеханик*, заимствовано русским языком из немецкого. В последнем оно (Kino) возникло в результате сокращения слова Kinematograph, заимствованного немцами из французского языка, где его источник — существительное cinématographe — является неологизмом братьев Люмьер на базе греческих слов kinēma, род. пад. kinēmatos „движение“, и graphō „пишу“. От полного названия кино как искусства — *кинематограф* и было образовано слово *кинематография*. Таким образом, по способу образования существительное *кинематография* — не сложное, а суффиксальное (суффикс *-иj-*). Сложным (и то больше в этимологическом аспекте) является слово *кинематограф*: *кине-мат-о-граф*;

с исторической точки зрения *е* здесь суффикс: форма род. пад. от kinema-kinēmatos на морфемы исходно делилась так: kin-ē-m-at-os (ср. греч. kinymai „двигаться, приводить в движение").

Вчерась и днесь

Вряд ли раньше эти два слова встречались рядом. Уж очень они разные по своей стилистической окраске. Не то что их синонимы: *вчера* и *сегодня*.

Слово *вчерась* просторечное, сниженное. Вспомните, как его использует А. П. Чехов в письме Ваньки Жукова: *А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул.*

Наречие *днесь* „сегодня, теперь" выступает как книжное и поэтическое. Вот как его параллельно с нейтральным стилистически словом *сегодня* употребляет в поэме „Война и мир" В. Маяковский: *Сегодня ликую! Не разбрызгав, душу сумел, сумел донесть. Единственный человечий, средь воя, средь визга, голос подъемлю днесь.*

И все-таки эти слова сближает не только обозначение смежных понятий вчерашнего и сегодняшнего дня. У них есть общий элемент — конечное ***-сь***, восходящее к указательному местоимению ***сь*** „этот" (ср. полную форму этого местоимения — *сей*).

Наречие *днесь* возникло в результате слияния в одно слово словосочетания *дьнь сь* „день этот", так же как его общеупотребительный синоним *сегодня* из *сего* (род. пад. от ***сь*** „этот") *дня*. Наречие *вчерась* возникло по модели слов *днесь*, *летось*, *ночесь*.

Однако с точки зрения современного русского языка слова *вчерась* и *днесь* отличаются друг от друга в словообразовательном отношении не менее, чем стилистически. Слово *днесь* представляет собой сейчас непроизводную основу. В слове *вчерась* основа (ср. *вчера*) является производной и делится на *вчера-сь*.

Ради этого ***-сь*** — весь разговор. Во-первых, что это за морфема? По происхождению она корневая, но в настоящее время ее нельзя охарактеризовать иначе как суффикс. Во-вторых, каково значение этой морфемы? Оно оказывается у ***-сь*** довольно своеобразным. Суффикс ***-сь*** можно определить как стилистический, переводящий

слово в разряд просторечных и сниженных. Лексическое значение производящего слова *(вчера)* остается прежним, меняется лишь его стилистическая окраска. Такой же характер имеют суффикс ***-у*** (в слове *нету*, ср. *нет*), приставки ***су-*** и ***за-*** (в словах *супротив*, *завсегда*, ср. *против*, *всегда*) и т. д.

Слаще или *слаже?*

Можно не сомневаться, что большинство без каких-либо колебаний и раздумий категорически выскажется в пользу *слаще*. Действительно, обычной, так сказать, правильной формой сравнительной степени от прилагательного *сладкий* (о нем см. заметку „*Сладкий* и *соленый*") является *слаще*. Вспомните хотя бы пословицу *хрен редьки не слаще*. Однако чем все-таки объяснить, что от слова *сладкий* сравнительная степень будет *слаще*? Так ли предпочтительна эта форма по сравнению с формой *слаже*? Ответить на этот вопрос можно, познакомившись с родословной обоих образований.

В соответствии с общим правилом сравнительная степень от прилагательных типа *сладкий*, *высокий*, *близкий*, *широкий*, *узкий*, *частый*, *короткий* и т. д. бытует (или, вернее, воспроизводится) без суффиксов ***-к-*** и ***-ок-*** и оформляется с помощью суффикса ***-е***, причем перед ним конечный согласный непроизводной основы выступает в „измененном" виде: *выше*, *ближе*, *шире*, *уже*, *чаще*, *короче* и т. д. В последнем отражается давняя палатализация согласных перед ***j***, поскольку когда-то — еще в общеславянском языке — при образовании сравнительной степени за корнем следовал суффикс -***jьš***-.

Поэтому в качестве закономерной сравнительной степени от *сладкий* выступает форма *слаже* с обычным чередованием ***д/ж***. Однако эта форма ныне существует лишь в диалектах. Для литературного употребления сейчас единственно правильной признается форма *слаще*, с своеобразным и нерегулярным чередованием ***д — щ***.

Л. А. Булаховский считал (см.: Курс русского литературного языка, т. 2. Киев, 1953, с. 180), что форма *слаще* „восходит к *слажче* (контаминации *слаже* и *сладче*)", и приводил в качестве доказательств правильности своего объяснения следующие примеры: *Да накаплють ти слажше меду словеса уст моих* („Слово Даниила Заточника")

и *сладчая меду* („Памятники смутного времени"). Однако это объяснение неубедительно и, очевидно, неправильно.

Дело в том, что *слаще* возводится исследователем к такой форме *(слажче)*, которая нигде не зафиксирована и вряд ли была вообще (ср. отсутствие *гажче* > *гаще*, при литер. *гаже*, диал. *гадче*; отсутствие *режче* > *реще*, при литер. *реже*, диал. *редче*; отсутствие *глажче* > *глаще*, при литер. *глаже*, диал. *гладче* и пр.).

Кроме того, Л. А. Булаховский не учитывал приводимой им же формы *слажще (<слажьше)*, которая резко отличается от предполагаемой *слажче* и представляет собой закономерное производное к *сладъкъ* в им. пад. ед. числа ср. рода. Именно эта форма и послужила основой для современного *слаще*. Так, в частности, толкует ее М. Фасмер.

Вспомните склонение прилагательных сравнительной степени в древнерусском языке:

ед. ч. муж. р.—	И.	*слажьи*, *большьи*
	Р.	*слажьша*, *большa* и т. д.;
мн. ч. муж. р.—	И.	*слажьше*, *больше* и т. д.;
ед. ч. ср. р.—	И.	*слаже*, *боле* и т. д.

Следовательно, в этимологическом плане *слаще (<слажьше)* относится к *слаже* так же, как *больше* к *боле*.

Таким образом, обе формы *слаже* и *слаще* исторически представляют собой закономерную сравнительную степень от старославянизма *сладъкыи*, но исходно разного рода: форма *слаже* является исконно формой им. пад. ед. числа ср. рода (ср. *чище*, *выше*, *боле* и пр.), форма *слаще* < <*слажьше* возникла на базе им. пад. мн. числа муж. рода (ср. *больше*, *горше*, *тоньше* и т. п.).

Изменению формы *слажьше* > *слаще*, вероятно, способствовало также и наличие рядом с ней родственных слов типа *слащавый* (от *сласть*), старослав. *слащий* „предающийся удовольствиям" (ср. диал. *солощий*, *солоща* „жадный, прожорливый").

Что такое *ч* в слове *стричь*

Очень своеобразен морфемный состав глагола *стричь*. В форме *стригу* перед нами две морфемы: корень ***стриг-*** и окончание 1-го лица ед. числа настоящего времени.

В существительном *стрижка* их три, и они также четко и непосредственно ощущаются: корень ***стриж-***, суффикс ***-к-***, образующий имена действия (ср.: *ковка, промывка, проходка* и т. д.), и окончание ***-а***.

А как выделить морфемы в форме *стричь*?

Глагол *стричь* вместе со словами *печь, мочь, стеречь, беречь, течь* и др. образует особый структурный тип. В инфинитивах этих глаголов еще в дописьменную эпоху в звуке ***ч'*** были объединены в одно целое конечный согласный корня ***к*** или ***г*** и согласный ***т'*** инфинитивного ***ти*** (общеславянское *стригти>стрикти>стричи*, а затем — *стричь*).

Таким образом, глагол *стричь*, как и *везти*, состоит из двух морфем: корня ***стриг-*** и инфинитивного ***-ть***. Но инфинитивное ***-ть*** располагается не отдельно за корнем (как, например, ***-ти*** в *везти*), а накладываясь на него и сливаясь с последним его звуком в одно целое (***ч'***).

Нужные сведения о прилагательном *сведущий*

Далеко не всякий сведущий человек досконально знает, как появилось слово *сведущий* и почему не полагается писать „сведующий". В то же время всем ясен его отглагольный характер. Разберемся: в чем же тут дело?

Слово *сведущий* близко прилагательному *знающий* и по значению (ср. *сведущий человек* и *знающий человек*), и по происхождению: это бывшие причастия. Рядом с прилагательным *знающий* в нашей речи употребляется омонимическое ему и исходное для него причастие *знающий* (ср. *более знающий, самый знающий, очень знающий*, где слово *знающий* — прилагательное, и, скажем, *Ученик, знающий это правило, ошибаться не будет*, где слово *знающий* — причастие).

„Отпричастное" происхождение прилагательного *сведущий* не столь очевидно. И это понятно. Ведь глагол, от которого слово *сведущий* было в качестве причастия образовано, в настоящее время в русском языке не существует. А образовано оно было от глагола *съвѣдѣти* „знать", ср. в „Повести временных лет": *Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кии есть перевозникъ былъ*, т. е. „Иные же, не знающие, говорили, что Кий был перевозчиком".

Глагол этот, хотя и был приставочным (он возник на основе глагола *вѣдѣти* „знать" в результате прибавления приставки ***съ-*** „с"), тем не менее принадлежал к гла-

голам несовершенного вида, почему от него и могло быть образовано действительное причастие настоящего времени с суффиксом *-ущ-*: в древнерусском языке приставки вовсе не обязательно переводили глаголы несовершенного вида в глаголы совершенного вида (ср., например, объяснение названия города Полоцка в Лаврентьевской летописи: *Рѣчьки ради яже втечеть в Двину именем Полота*; т. е. „Из-за речки по имени Полота, которая впадает (втекает) в Двину“).

Ошибочное написание прилагательного *сведущий* в виде „сведующий“, наблюдаемое иногда у учащихся, объясняется в первую очередь аналогическим влиянием слов типа *следующий*, но может возникнуть и в силу ошибочного сопоставления со словом *ведающий*. Последнее, кстати, является производным как раз от того глагола *(ведать)*, который сейчас заменил старое *вѣдѣти*.

Заметим, что, кроме слова *сведущий*, от глагола *съвѣдѣти* „знать“ были образованы еще два хорошо известных вам слова. Это вынесенное в заглавие заметки существительное *сведения* (ср. *знания* — от *знать*) и слово *свидетель*. Первоначальное *съвѣдѣтель* „знающий“ подверглось затем народноэтимологическому сближению с глаголом *видеть* (также этимологически родственным, между прочим, глаголу *ведать*) и стало писаться с *и*.

Почему в слове *лестница* пишется буква *т*?

Можно ли объяснить ученикам, почему в слове *лестница* мы пишем букву *т*? Если привлечь факты древнерусского языка — можно, и очень легко. В древнерусском языке было слово *лѣствица*. Оно превратилось в *лестницу* под влиянием слов с суффиксом ***-ниц(а)*** типа *сахарница*, *звонница*, *чернильница* и т. д. *Лѣствица* же образовано с помощью суффикса ***-иц(а)*** от *лѣства* (ср. *водица от вода*, *гололедица* от *гололедь*) и т. д. Что касается слова *лѣства* (<*лѣзтва*), то оно образовано от глагола *лѣзти* „лезть“ с помощью суффикса ***-тв(а)***, подобно словам *бритва*, *молитва*, *жатва* и пр. Значит, непроизносимое *т* в существительном *лестница* — это остаток суффикса ***-тв(а)***.

Таганрожский или *таганрогский*?

Относительное прилагательное от городского имени *Таганрог* в современной речевой практике употребляется в двух формах, одинаково правильных: *таганрожский* и

таганрогский. Первая из этих форм является старой, вторая появилась сравнительно недавно. Более предпочтительной пока кажется первая, освященная не только длительностью употребления, но и большим „согласием" с издавна сложившейся системой чередования заднеязычных *к*, *г*, *х* и шипящих *ч*, *ж*, *ш* перед гласными переднего ряда.

Современный суффикс *-ск-(-еск-)* — ср. *братский*, *дружеский* и т. д.— в обоих вариантах восходит к старому *-ьск-* со звуком *ь* перед *ск*, который после падения редуцированных либо исчезал *(-ск-)*, либо прояснялся в гласный полного образования *(-еск-)*.

Поэтому модель с чередованием заднеязычных и шипящих является исходной и более законной. Ведь 1) до утраты редуцированных перед гласным переднего ряда *ь* в суффиксе *-ьск-* мог быть только шипящий (ср. *рижьскыи*, *варяжьскыи* и т. д.), а 2) перед вокализованным вариантом суффикса *-ск-*, каким является морфема *-еск-*, и сейчас возможны одни только основы с чередованием (ср. *пастушеский*, *дружеский*, *пророческий* и т. п.).

Форма *таганрогский* в качестве параллельного образования к слову *таганрожский* возникла значительно позже, когда в русском языке появилась возможность (и, как некоторые ученые даже утверждают, тенденция) ослабления строгости в реализации чередований.

В отдельных случаях новые формы без чередования „выжили" старые совершенно (например, *петербургский*, *герцогский*, *казахский*).

С другой стороны, наблюдаются пока еще и такие случаи, когда реально существует и употребляется только старая форма с чередованием (например, *волжский*, *рижский*, *ляшский*, *норвежский*).

В образованиях от географических наименований новых форм (без чередования) появляется сейчас все больше и больше.

Почему мы пишем *городки*, но *городошник*?

Вопрос вполне закономерный, хотя и не всегда мы на это обращаем внимание. В самом деле, при образовании новых лексических единиц от слов, основа которых оканчивается на *к*, наблюдается регулярное и последовательное чередование *к* — *ч*, но нет вариации *к* — *ш*. Вспомните существительные на *-ник*, образованные от слов ука-

занной структуры: *балалайка — балалаечник, тройка — троечник, лавка — лавочник, лодка — лодочник, сказка — сказочник, взятка — взяточник, стрелка — стрелочник* и т. д. И вдруг (вместо ожидаемого и законного *городочник*) — *городки — городошник*. Чем объясняется, как возникло такое странное чередование *к* с *ш*?

Если мы обратимся к русскому литературному языку XIX в., то увидим, что тогда это слово писалось еще „по общему правилу" с *ч* — *городочник*. Почему же его затем стали писать с *ш*? Может быть, это закрепление на письме произношения? (Ведь по старомосковским нормам сочетание *чн* произносилось как *шн*.) Вряд ли. Не пишем же мы „лавошник", „стрелошник" и т. д.

Случаи закрепления произношения на письме в таких словах наблюдаются лишь тогда, когда соответствующее существительное этимологически отрывается от исходного (ср. *двурушник*<*двуручник*). Связь же слова *городошник* с производящим *городки* четкая и непосредственная.

Появление *ш* на месте *ч* в этом слове, вероятно, имеет иное — аналогическое — происхождение. Оно закрепилось в нем под влиянием слова того же семантического поля *лотошник* „игрок в лото" (от *лотошный*, ср. *киношник*, *доминошник* и т. п.).

Исключение ли прилагательное *голевой*?

Без этого прилагательного сейчас не обходится ни один спортивный репортаж, особенно часто это всем понятное и привычное слово выступает в сочетании с существительными *положение*, *ситуация* и *момент* (*голевое положение*, *голевая ситуация*, *голевой момент*). Его морфологическая структура ясна и прозрачна (*гол-ев-ой*), но... необычна.

Вы не замечали этого? Тогда вспомните слова того же словообразовательного ряда, производящая основа у которых состоит из одного слога и оканчивается на твердое *л*. Все они имеют суффикс *-ов-*: *половой*, *меловой*, *тыловой*, *смысловой*, *угловой* и т. д. Выходит, что популярное спортивное прилагательное — своеобразный уникум. Может быть, оно вообще неверно образовано? Давайте в этом вопросе разберемся как следует. Если учитывать лишь современные связи и соотношения, то это слово, действительно, представляется нам исключением.

Однако словообразовательным „исключением“ оно все же только кажется. В действительности же по своему происхождению оно самое рядовое и правильное. Все это станет понятным, как только мы обратимся к вопросу о его рождении. Тогда выяснится, что прилагательное *голевой* появилось как суффиксальное производное от слова *гол* не в его современной огласовке, а в виде *голь*.

Так раньше звучало это заимствованное из английского языка слово в нашей речи. Несколько примеров: *Несмотря на хорошую защиту, павловские* (футболисты) *принуждены были три раза пропустить мяч в свой город, сами же сумели вбить еще только один голь* („Русский спорт“, 1909, № 19, с. 14); *Через три минуты им был вбит первый голь* („Русский спорт“, 1909, № 15, с. 12); *Каждый удар давал англичанам голь* (там же); *Обыкновенно довольствовались тем, что ставили в ворота одного игрока, который назывался голькипер* (Дюперрон. Футбол и другие игры того же типа. Спб., 1909, с. 36) и т. д.

От этого ныне уже устаревшего *голь* наше *голевой* было образовано точно так же, как от *киль, руль, щель, боль, тюль, шаль* — прилагательные *килевой, рулевой, щелевой, болевой, тюлевый, шалевый* и т. п.

Правильно ли употребляется морфема *-ся* в форме *равняйсь*?

Нормативное употребление разновидностей суффикса возвратной формы *-ся(-сь)* определяется простым правилом: если суффиксу предшествует согласный звук, употребляется *-ся*, если гласный, то используется уже *-сь* (*вернулся — вернулось, умывается — умывалась, мчатся — мчались* и т. д.). Однако от этого правила наблюдаются и некоторые отклонения, с одной стороны, в разговорной, а с другой — в поэтической речи.

В поэзии нередко форму *-ся* можно наблюдать (что обусловлено требованиями ритма) и после гласного звука (ср. у Ю. Смирнова: *Шли только потому, что нужно, злясь, что расстались с теплом*). Такое употребление *-ся* — одна из узаконенных стихотворной практикой поэтических вольностей.

В отдельных случаях, напротив, наблюдается „незаконное“ *-сь* после согласного. Это отмечается в скороговорочной речи, не только допускающей, но и определяющей отдельные (иногда очень серьезные) сокращения. Имен-

но такого (командного) происхождения *-съ* из первоначального *-ся* в *равняйсь*. Вспомните еще более краткую военную команду *Товсь!*<*приготовсь*<*приготовься.*

Баки, дупель, Каспий и другие

Эти слова не только однородны синтаксически, но и связаны между собой в другом отношении: они однотипны по своему образованию. Все эти существительные представляют собой по происхождению „кусочки“ слов, ставшие целыми словами.

Способы словопроизводства очень разнообразны. И среди них действует в русском языке и такой, как сокращение (аббревиация). Слова образуются с его помощью путем то большего, то меньшего сокращения производящего слова или словосочетания с последующим оформлением остатка в существительное, синонимическое исходному слову. Способ этот в целом не очень продуктивный, благодаря ему возникают одни существительные, однако его все же не учитывать нельзя. Тем более что в последнее время — не без влияния прежде всего английского языка — образование слов аббревиацией оживилось. Но известен этот способ словопроизводства в русском языке давно, и перечисленные в заглавии слова — вящее тому доказательство.

Слово *баки* возникло в XIX в. путем сокращения существительного *бакенбарды* (из нем. Backenbart). Существительное *дупель* „вид кулика“ является не чем иным, как отрезком немецкого слова Doppelschnepfe (буквально „двойной бекас“). Название *Каспий* образовалось в результате сокращения словосочетания *Каспийское море* (море названо по имени обитавшего ранее в Закавказье народа каспи).

Старыми аббревиатурами будут также слова *Питер* (из *Петербург*), *унтер* (из *унтер-офицер*), *самоцвет* (из *самоцветный камень*).

Одним из самых древнейших сокращений является прежнее название буквы *х* — *хер* (из *херувим*), сохранившееся в производном глаголе *похерить* „зачеркнуть“.

Среди новых слов, образованных аббревиацией, можно прежде всего отметить существительные *противогаз* (из *противогазовая маска*), *псих* (из *психопат*), *спец* (из *специалист*), *зам (заместитель)*, *пом (помощник)*, *зав (за-*

ведующий), *член-корр (член-корреспондент)*; ср. совсем недавние арготические *абитур* (из *абитуриент*), *маг (магнитофон)*, *диссер* (из *диссертация*), *нач* (из *начальник*), *рэ* (из *рубль*) и др. По своей структуре ко всем этим словам примыкают заимствованные существительные типа *кило* (ср. *килограмм*), *метро* (ср. *метрополитен*), *фото* (ср. *фотография*) и пр., возникшие как сокращения не в русском языке, а уже в языке-источнике.

Следует иметь в виду, что аббревиация — это определенный способ словопроизводства. Поэтому слова, образованные с его помощью, нельзя смешивать с такими словами, которые возникли в разговорной речи по фонетическим причинам, как „скороговорочные" разновидности „полных" по произношению лексических единиц (в лингвистической литературе их называют аллегроформами). В качестве примеров последних можно привести *вишь* (из *видишь*), *барыня* (из *боярыня*), *пли!* (из *пали!*) и пр.

КАК РАЗБИРАТЬ СЛОВО ПО СОСТАВУ

Из уже прочитанных вами заметок хорошо видно, что в мире словообразования нас встречают то сложность и многоликость на первый взгляд, казалось бы, весьма простых и удручающе одинаковых значимых частей слова, то захватывающие дух и поражающие самое смелое воображение метаморфозы словесной „архитектуры", то почти сказочные биографии целого ряда самых обычных с виду лексических единиц, то становящийся нередко настоящим детективным поиском разбор слова по составу. Вместе с тем здесь, в этой словообразовательной „вселенной", мы находим математически строгие правила образования слов, распределения морфем и реализации чередований, свободно укладывающихся в прокрустово ложе точных и стройных формул и схем, разряды, типы и модели строения слов, непреложные законы языка и точные, как дважды два четыре, формулировки научного анализа. Именно поэтому, оказываясь „внутри слова", ученики познают, из чего оно скроено, как сделано, и приобретают — при умелом преподавании — твердые языковые навыки и приверженность к лингвистической точности, узнают немало полезного и нужного не только по русскому словообразованию, но и по лингвистике в целом. Вот почему в методическом арсенале преподавателя русского языка — как

при изучении многих грамматических тем, так и в разнообразной работе по развитию речи — разбор слова по составу занимает почетное место. Ведь он позволяет не только очень наглядно и глубоко раскрыть многие конкретные языковые факты и теоретические положения русской грамматики, но и развить у учащихся чутье языка (а иногда и несомненные лингвистические способности), выработать у них умение видеть и анализировать языковую материю, пробудить у них живой интерес к лингвистике как науке, любовь к родной речи.

Правда, достигнуть всего этого возможно только в том случае, если словообразовательная работа в целом ведется учителем верно, разбор слова по составу осуществляется лингвистически грамотно и методически продуманно и учащиеся приучаются сознательно анализировать языковые явления, неуклонно следуя выработанным наукой правилам и приемам разбора слова по составу. К сожалению, следует отметить, что в школьной практике до сих пор наблюдаются ошибки в проведении морфемного анализа даже у хороших учителей. Попробуем дать краткую лингвистическую консультацию по наиболее важным вопросам морфемного анализа слов, которая, однако, будет содержать не только изложение общей теории, но и краткий комментарий некоторых сложных и каверзных случаев.

В средней школе разбором слова по составу называется членение слова на морфемы, т. е. составляющие его как определенное структурное целое значимые части.

Разобрать слово по составу — значит установить, что является у данного слова основой (а если слово склоняется или спрягается, то нужно найти у него и окончание), а затем — какова по своему характеру основа — членимая или нечленимая. Если основа производная, то необходимо также определить, на какие значимые части она распадается. Практически разбор слова по составу не только позволяет понять, из чего и как слово построено, но также помогает правильно написать его, четче и точнее представить себе его значение и грамматические свойства, а иногда даже проникнуть в святая святых происхождения слова.

Однако, для того чтобы разбор слова по составу приводил к правильным выводам и решениям, необходимо, как уже упоминалось, проводить его, соблюдая правила и процедуру морфемного анализа.

В связи с этим прежде всего следует коснуться того, в какой последовательности надо членить слово на значимые части, каков порядок выделения в слове значимых частей, морфем.

Прежде чем разбирать слово по составу, необходимо определить (это самое первое и необходимое требование), с каким конкретно словом вы имеете дело, какое слово подвергается морфемному анализу, т. е. что оно значит и к какой части речи относится. Итак, в первую очередь надо установить, „кто есть кто".

Знание значения анализируемого слова является самым важным для правильного определения характера основы и значения служебных морфем (т. е. приставок, суффиксов, соединительных гласных ***о***, ***е*** и окончаний).

Слово *просто* с точки зрения морфемного состава оправдывает свое название: оно действительно простое. Однако, чтобы правильно определить его морфемный состав, надо знать, с каким словом мы здесь имеем дело. Ведь одно слово *просто* — это краткое (именное) прилагательное, а другое — уже наречие. Так, в контексте *Все было просто* используется краткая форма прилагательного, в предложении же *Писал он очень просто и ясно* мы видим уже наречие. Разбор прилагательного *просто* надо будет начинать с выделения — по соотношению с формами *прост, проста, просты* — окончания, а затем уже переходить к определению характера (в данном случае нечленимой) основы.

В наречии *просто* морфемный анализ сразу же начинается с установления характера основы, так как наречие окончания не имеет (в этом случае основа членимая, здесь ***-о-*** — суффикс, а не окончание).

Другой пример иного рода. Представим себе, что нужно установить морфемный состав прилагательного *розовый*. Первый вопрос, который должен возникнуть у всякого, кто анализирует это слово: а какое, собственно говоря, прилагательное *розовый* является предметом нашего рассмотрения? Прилагательное *розовый* в цветовом значении *(розовый закат, розовое платье)* или же прилагательное *розовый*, имеющее значение „из роз" *(розовое варенье, розовый куст)*?

Окончание ***-ый*** выделяется одинаково свободно в обоих прилагательных. А вот характер основ у них разный, можно сказать — принципиально различный.

Относительное прилагательное *розовый (розовый куст, розовое варенье)*, прямо и непосредственно соотносительное со словом *роза*, имеет основу, членимую на корень ***роз-*** и суффикс ***-ов-***.

Что же касается качественного прилагательного цветовой семантики *(розовый закат, розовое платье)*, то оно является уже словом с неделимой на значимые части основой. И понятно почему. Ведь *розовый* в данном случае не значит „цвéта розы" (последняя может быть и желтой, и белой, и красной, и даже черной).

Таким образом, прежде всего надо установить, какое слово мы разбираем по составу и к какой части речи оно относится (а значит, также и является ли анализируемое слово изменяемым или оно принадлежит к словам, форм словоизменения не имеющим). Если перед нами изменяемое слово, имеющее парадигму склонения или спряжения (т. е. существительное, прилагательное, глагол, местоимение, числительное, причастие), то разбор его по составу начинается с установления в слове основы и окончания. Если морфемному анализу подвергается неизменяемое слово, которое форм словоизменения не имеет и в связи с этим состоит из одной так называемой чистой основы (т. е. наречие, деепричастие, служебные слова, междометия), то разбор слова по составу сразу же будет выступать как установление характера основы.

Как при разборе по составу изменяемых слов, так и при морфемном анализе неизменяемых слов они должны обязательно рассматриваться, во-первых, на фоне родственных им в настоящее время слов, а во-вторых, в сравнении с идентичными или аналогичными по своему строению словами. Это является основным, исходным, важнейшим правилом словообразовательного анализа вообще и разбора по составу в частности.

Как было уже сказано, членение изменяемого слова на морфемы „открывается" определением в нем основы и окончания. В подавляющем большинстве случаев определение в слове окончания (а затем и его конкретного значения) является делом довольно легким.

Для того чтобы вычленить в том или ином слове окончание, вполне достаточно „поместить" это слово рядом с его другими грамматическими формами, т. е. поставить его в свойственную ему парадигму склонения или спряжения.

Так, падежный ряд *розовый*, *розового*, *розовому* и т. д. с необходимостью требует выделения окончаний ***-ый***, ***-ого***, ***-ому*** и пр. Парадигма *вода*, *воды*, *воде* и т. д. заставляет нас вычленить после основы ***вод-*** окончания ***-а***, ***-ы***, ***-е*** и др.

Соотношения форм *иду*, *идешь*, *идет* и пр. определяют в них и основу настоящего времени ***ид-***, и окончания ***-у***, ***-ешь***, ***-ет*** и т. д.

Однако даже при определении окончания, как свидетельствует школьная практика, наблюдаются в ряде случаев затруднения и ошибки.

Чаще всего ошибки в определении окончания (и соответственно основы) связаны с тем, что при разборе слова по составу не учитывают того обстоятельства, что звуки современного русского языка изображаются буквами поразному, что прямых и обязательных, так сказать, зеркальных соответствий между звуком и буквой у нас нет.

Между тем, чтобы правильно провести границу между основой и окончанием, надо хорошо знать звуковое значение букв, не забывать, что отдельные буквы нашего алфавита обозначают то один, то два звука.

На это обстоятельство акад. Ф. Ф. Фортунатов указывал еще в 1903 г., на первом съезде преподавателей русского языка военных учебных заведений: „Если учитель говорит, что в слове *удовольствие* основа имеет суффикс ***-стви-*** ... [он] не только расходится со свидетельством современного русского языка, но, вследствие смешения букв со звуками, неправильно определяет и самую основу в слове *удовольствие*, равно как и тот суффикс, который некогда выделялся из нее: в слове *удовольствие*, *удовольствия* и т. д. основа оканчивается не на ***и***, но на неслоговой звук j *(удовольствиj-е)*, для которого наша азбука не имеет особой буквы“ (Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. 2. М., 1957, с. 444).

Так, для правильного выделения окончания в словах *мечтаю*, *змея* и т. п. (оно будет одновременно и верным определением основы) важно (собственно говоря — совершенно обязательно) учитывать, что буква ***ю*** после гласной (буквы ***а***) обозначает два звука ***й(j)*** и ***у***, а буква ***я*** после буквы ***е*** — звуки ***й(j)*** и ***а***. Слова *мечтаю*, *змея* соответственно делятся на основу и окончание таким образом: *мечтай-у*, *змей-а*, и окончания в них, следовательно, точно такие же, как в словах типа *иду*, *вода* и т. д.

Чтобы безошибочно провести границу между основой и окончанием в словах *свинья*, *соловьи*, *пью*, надо помнить, что мягкий знак перед гласной буквой является сигналом того, что следующая далее гласная буква обозначает не только соответствующий гласный звук (в данном случае *а* и *и*), но также и согласный звук *й* (*j*).

Если мы не будем учитывать только что отмеченного обстоятельства, мы не сможем определить верно, где в слове *пью* основа, а где в нем окончание.

Во всех перечисленных здесь словах основа будет заканчиваться согласным звуком „йот", а далее будут идти окончания: *(свин-й)-а*, *(солов-й)-и*, *пй-у*.

Заметим попутно, что членимый характер основ двух первых слов становится ясен при сравнении с родственными словами *свиной*, *соловушка*.

Одной из распространенных ошибок в определении основы и окончания является также забвение того, что все формы любого изменяемого слова являются формами с окончанием. Если слово склоняется или спрягается, то у него не может быть формы без окончания. При этом надо учитывать, что окончания могут быть не только материально выраженными, но и нулевыми.

Так, выделенная нами основа ***змей-*** в слове *змея* и форма род. пад. мн. числа *змей* неравноценны не только с точки зрения самостоятельности функционирования (ведь первая, т. е. основа ***змей-***, известна лишь внутри слова, тогда как вторая образует целое слово, ср. *много змей*, *змей не было* и т. д.).

Эти слова разнятся между собой и в морфемном отношении. Их совпадение (***змей-*** и *змей*) носит чисто внешний, звуковой характер, поскольку род. пад. мн. числа *змей* по морфемному составу является, как и всякая другая форма склоняемого слова, соединением основы и окончания. Она распадается на основу ***змей-*** и нулевое окончание: *змей( )*, так же как на основу и окончания распадаются соотносительные падежные формы: *змей(а)*, *змей(у)*, *змей(ами)* и т. д.

Соотношение *стол*, *стола*, *столу* и т. д. — наглядное свидетельство двуморфемности формы им. пад. ед. числа, состоящей из основы *стол* и нулевого окончания.

То же нулевое окончание, указывающее на муж. род и ед. число, находим мы в слове *писал*. Достаточно лишь сопоставить его с формами *писала*, *писало*, *писали*.

Наконец, затруднения при членении слова на основу и окончание могут быть обусловлены тем, что анализу подвергаются формы, имеющие нерегулярные и редкие окончания.

Не представляет, например, никаких трудностей выделение окончания в глаголах *несу*, *везу*, *пишу* и т. д., в местоимениях *всякий*, *каждый*, *любой* и пр., поскольку имеющиеся у них окончания (*-у*, *-ий*, *-ый*, *-ой*) известны нам во многих словах и совершенно четко ощущаются как окончания.

Совсем иное дело — окончания в словах типа *ем* или *кто*. Вопрос о том, где здесь окончание, ставит иногда спрашиваемого в тупик. Однако и здесь надо руководствоваться общим правилом определения окончания: чтобы отделить окончание от основы, нужно поставить данную форму в ряд других, ей соотносительных. И неважно, если в результате этого приходится выделять на первый взгляд очень странные окончания-„единоличники".

В слове *ем* по соотношению с формами *ешь*, *ест* (ср. *несу*, *несешь*, *несет*) выделяется корень *е* и нерегулярное окончание *-м*, которое мы найдем еще лишь в словах *дам* и *создам*.

В слове *кто* по соотношению с формами *кого*, *кому*, *о ком* и т. д. (ср. *такой*, *такого*, *такому*, *о таком* и т. д.) выделяется корень *к-* и нерегулярное окончание *-то*, известное, кроме этого местоимения, лишь в слове *что*.

В числительном *две* по соотношению с числительным *два* и формами *двух*, *двум*, *двумя* приходится за корнем *дв-* выделить единственное в своем роде окончание *-е*, указывающее в им. пад. на женский род.

Имея в виду определение границ между основой и окончанием, надо учитывать также и то обстоятельство, что в отдельных (правда, не очень многочисленных) случаях, для того чтобы верно определить окончание, недостаточно сравнить данную форму с другими формами того же слова. Приходится прибегать к сравнению с соответствующими формами других (в той или иной степени однотипных) слов.

Хорошим примером, демонстрирующим важность учета не только соотносительных форм, но и постановки анализируемого слова в ряд аналогичных ему по структуре, является прилагательное *лисий* и ему подобные.

Определить окончание в этом слове невозможно без рассмотрения его на фоне притяжательных прилагатель-

ных вообще. В нем выделяется в качестве окончания не *-ий*, как может вначале показаться, а нулевое окончание; что же касается морфемы *-ий*, то она является суффиксом, выступающим то как *-ий*, то как *-й-* (ср. *лисий* — *лисья* — *лисьи* и *сестрин* — *сестрина* — *сестрины*, но *синий* — *синяя* — *синее* и т. д.).

На членение *лис-ий( )*, а не *лис(ий)* в определенной степени указывают уже формы жен. и ср. рода, а также мн. числа. В этом ряду, например, форма *лисья* распадается на *лис-й(а)*, с суффиксальной основой и окончанием *-а*. Наличие нулевого окончания в слове *лисий* подтверждается таким же и, кстати, еще более ясным соотношением *сестр-ин( )* — *сестр-ин(а)*.

Сравнение анализируемого слова с другими родственными и в известной степени однотипными словами необходимо иногда и для определения разницы, существующей между, казалось бы, одинаковыми окончаниями.

Так, в словосочетании *молодой портной* в обоих словах выделяется внешне одно и то же окончание *-ой*. Однако на самом деле морфема *-ой* в этих словах разная. В прилагательном *молодой* — это чистое окончание, указывающее только на синтаксические отношения этого слова к другим. В существительном *портной* — это не только окончание им. пад. ед. числа, но и суффикс, указывающий (по отношению с суффиксом *-их-* в парном существительном *портниха*) на мужской пол обозначаемого лица.

Подобное окончание-суффикс *-а* наблюдается в имени *Александра*, где оно, помимо функции флексии им. пад. ед. числа, выполняет также роль суффикса, указывающего на женский пол (ср. *Александр*).

Заметим, что этого уже нет в соотносительном интимном имени *Саша*, одинаково приложимом как к мужчине, так и к женщине. Поэтому *-а* в слове *Саша* является таким же чистым окончанием, как и в словах типа *вода*.

Но вот основа и окончание в слове определены. Что делать дальше? Следующим и еще более сложным и важным этапом в разборе слова по составу будет определение членимого или нечленимого характера основы с выделением — в составе членимой основы — корня, суффикса, приставки и соединительной гласной (последней в составе сложных слов).

Разбирая слово по составу и привлекая в связи с этим

родственные ему в настоящее время образования, нельзя это делать произвольно, путем простого его сопоставления с какими попало однокоренными словами. Правильное членение слова на значимые части невозможно без последовательного выделения в нем значимых частей в соответствии с тем, как в его строении отражен словообразовательный процесс, т. е. без учета связей и соотношений, существующих между членимой и производящей основами, иначе говоря — между анализируемым словом и его „родителем" или ближайшим „родственником".

Это является одним из наиболее важных правил разбора слова по составу. Только этот принцип дает возможность избежать в морфемном членении слова ошибок, выделить в нем реально существующие в данный момент значимые части слова и установить их связи и взаимоотношения, а тем самым также и современную структуру слова.

Так, правильное определение морфемного состава в словах *марочка*, *ленточка* и *жилочка*, содержащих, по первому впечатлению, как будто одинаковый суффикс ***-очк-***, возможно лишь тогда, когда мы опираемся на непосредственные связи и соотношения этих существительных с их производящими *марка*, *лента*, *жилка* (в свою очередь образованным от *жила*). Показания ближайшего родства свидетельствуют, что в слове *марочка* выделяется суффикс ***-к-*** (при чередовании в корне ***марк-***, ***марок-***, ***мароч-***), в слове *ленточка* — суффикс ***-очк-***, а в слове *жилочка* — два суффикса ***-к-*** (в виде ***-оч-*** и ***-к-***; ср. *жила — жилка — жилочка*).

Верное членение внешне идентичных по своим приставкам глаголов *обесценить* и *обеспокоить* оказывается возможным только при условии сравнения их с производящими словами *цена* и *беспокоить* (*обесценить* — „лишить цены," *обеспокоить* — форма совершенного вида от *беспокоить*). В первом слове выделяется в соответствии с этим приставка ***обес-***, во втором — сначала приставка ***о-***, а затем и приставка ***бес-*** (ср. *покой*).

Правило обязательного учета связей и соотношений разбираемой и производящей основ требует отказаться от методики разбора слова по составу начиная с корня. Разбирая слово по составу, нельзя сразу „зреть в корень". Слово надо членить „с конца", в нем надо снимать один слой за другим, в порядке, обратном словообразовательному процессу. Это не только позволяет выделять в слове

значимые части и определять их действительное значение, но и различать похожие, но различные значимые части и структурные типы слов, т. е. является гарантией правильного вычленения значимых частей в слове. Это в то же время дает возможность определить взаимоотношения морфем в пределах слова, представить себе структурную формулу слова.

Принцип последовательного выделения морфем в слове с опорой на отношения ближайшего родства, когда эта процедура заканчивается, а не начинается выделением корня, должен быть определяющим. Ведь, как нельзя в матрешке сразу достать ту, последнюю и самую маленькую, которая далее не делится, не содержит в себе еще более крохотной, так же нельзя во всех случаях правильно уже „с первого захода" извлечь из многоморфемного слова корень.

Слово *писательница* обозначает писателя женского пола, *писатель* — человек, который пишет художественные произведения, *писать* — неопределенная форма, рядом с которой наблюдаются формы *писал*, *пишу* и т. д. (без ***-ть*** и ***-а-***), употребляются родственные слова *писец*, *писáрь* и др.

Так мы доходим до корня.

Процесс словообразования, результатом которого явилось слово *писательница*, шел следующим образом: ***пис-(пиш-)*** → *писать* (*пишу*, *писал* и т. д.) → *писатель* → *писательница*. При разборе слова по составу мы идем в обратном направлении: *писательница* → *писатель* → *писать* → *писал* → *пишу*.

С учетом последовательности присоединения морфем формулу структуры слова *писательница* можно представить в таком виде:

[(пис-а)-тель]-ниц(а).

Разбирая в соответствии с „принципом матрешки" слово *увлекательность*, мы (после выделения в нем нулевого окончания, ср.: род. пад. ед. числа *увлекательности*) соотносим его с образующим прилагательным *увлекательный* и выделяем суффикс ***-ость***. Затем прилагательное *увлекательный* соотносим с производящим глаголом *увлекать* и вычленяем суффикс ***-тельн-***, далее глагол *увлекать* соотносим с формой совершенного вида *увлечь* (*увлеку*, *увлечет* и т. д.) и выделяем суффикс (несовершен-

ного вида) *-а-*, потом соотносим глагол *увлечь* с производящим бесприставочным глаголом *влечь* (*влеку*, *влечешь* и др.) и вычленяем приставку *у-*, а вместе с ней, наконец, и корень *влек-*.

В формуле порядок присоединения морфем в процессе словопроизводства (мы шли опять „с конца") здесь выражается таким образом:

{[(у-влек)-а]-тельн}ость( ).

Было бы неправильным считать, что метод установления соотносительности членимой и производящей основ является единственным при установлении структуры слова. Уже говорилось о необходимости также учитывать грамматические формы слова и одноструктурные слова.

В том случае, если разбираются слова, имеющие в своем составе связанные нечленимые основы, сопоставление родственных слов поможет обнаружить их общий корень, который известен в настоящее время лишь в связанном виде.

Так, при членении слова *переобуваться* прием установления соотносительности членимой и производящей основ, после того как мы дойдем до *обуть (переобуваться* → *переобувать (переобуваю, переобувал)* → *переобуть* → *обуть)*, сменится приемом сопоставления соотносительных между собой родственных слов: рядом с *обуть* употребляется антонимическое *разуть*, что позволяет выделить в первом, кроме инфинитивного *-ть* (ср. *обувь*), приставку *об-* и корень *-у-*.

Структурная формула слова *переобуваться* в соответствии с этим будет иметь такой вид:

{[пере-(об-у)]-ва-ть}ся.

Во избежание недоразумения заметим, что изложенная процедура последовательного членения слова не обязательно должна быть во всех абсолютно случаях словесно выраженной или даже письменно зафиксированной, хотя несколько слов на установочном уроке таким образом разобрать обязательно надо. Эта процедура может быть проведена учеником и „в уме". Здесь все зависит от конкретно поставленной учителем методической задачи.

Следует иметь в виду, что все изложенные выше правила и приемы разбора слова по составу будут эффектив-

ны только тогда, когда мы будем помнить ту простую истину, что о членимой основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа нечленимая. Осуществляя последнюю операцию в процедуре деления слова на морфемы, т. е. вычленяя в нем нечленимую основу, особенно важно не смешивать словообразовательный анализ с языковым чутьем, свойственным всякому носителю языка (и даже изучающему неродную для него языковую систему).

Основа не может быть членимой, если то, что мы хотим выделить в данном слове в качестве корня, не является корнем в каком-либо другом слове. Слово может быть охарактеризовано как слово с членимой основой только в том случае, если рядом есть хоть одно родственное слово с той же точно нечленимой основой.

Именно поэтому, например, в относительном прилагательном *розовый* основа будет членимой, а в качественном прилагательном *розовый* со значением цвета она уже будет выступать как нечленимая (см. выше). В слове *голубика* основа является членимой и членится на корень ***голуб-*** и суффикс ***-ик-***, а в слове *брусника* она должна быть охарактеризована как нечленимая.

Именно в силу зависимого характера членимой основы (от обязательного наличия соответствующей ей нечленимой основы) в слове *смородина* нельзя выделить суффикс ***-ин-***, а в слове *громадина* (ср. *громада*, *громадный*) можно, в слове *бодрый* мы не имеем никакого права сейчас выделять суффикс ***-р-***, а в слове *мокрый* (ср. *мокнуть*) должны выделить и корень ***мок-***, и суффикс ***-р-***, и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что при членении слова на морфемы необходимо сопоставлять его с родственными ему словами, но вовсе не всегда обязательно сопоставлять со словами одноструктурными. Производных слов с изолированными, единичными, только в них выделяющимися и существующими корнями нет и быть не может, но есть производные слова, в которых выделяются аффиксы живые и существующие сейчас только в их составе.

Примеры таких нерегулярных служебных морфем среди окончаний выше уже приводились. В качестве единичных, экзотических суффиксов и приставок можно назвать суффикс ***-ичок*** в слове *новичок* (ср. *новенький*; в слове *старичок* — по соотношению со словами *старик* и *ста-*

рый — выделяются два суффикса — суффикс ***-ик*** и суффикс ***-ок***), суффикс ***-овизн-*** в слове *дороговизна* (ср. *дорогой*), суффикс ***-ёл*** в слове *козёл* (ср. *коза*), приставку ***ку-*** в слове *кумекать* (ср. *смекать*, *смекалка*), приставку ***ба-*** в слове *бахвалиться* (ср. *хвалиться*) и т. д.

Исторический характер морфемного состава слова заставляет при его разборе по составу особенно осторожно определять существующую в настоящее время у слова нечленимую основу. Современный корень (нечленимая основа) и этимологический корень в слове далеко не одно и то же. В задачи морфемного анализа входит лишь определение в слове того корня, который оно имеет сейчас с точки зрения современной языковой системы.

Разбор слова по составу устанавливает лишь то, что данное слово представляет собой в словообразовательном отношении в настоящее время. Ответ на то, как данное слово возникло в действительности, словообразовательный анализ дает только в том случае, если рассматриваемое слово и сейчас имеет ту же структуру, какую оно имело в момент своего рождения. Этим обусловливается еще одно правило разбора слова по составу: анализируя структуру слова, ни в коем случае нельзя факты прошлого и других языковых систем отождествлять или даже смешивать с тем, что существует в русском литературном языке сейчас.

Так, нельзя выделять в слове *отец* корень ***от-*** и суффикс ***-ец***, известные в древнерусском языке, так как рядом употреблялось и прилагательное *отьнии* „отцовский"; неверно выделять в слове *митинг* корень ***мит-*** и суффикс ***-инг***, хотя в английском языке они в этом существительном четко выделяются, так как там рядом с meeting „собрание" существует и meet „собираться", и т. д. Ср. слова *борец (бороться, борьба)*, *кроссинг (кросс, кроссмен)*, в которых суффиксы ***-ец*** и ***-инг*** выделяются и в современном русском языке. В заключение следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. Для того чтобы правильно устанавливать морфемный состав слова, надо хорошо представлять себе специфические особенности русского слова. Особенно важно здесь учитывать разные способы соединения морфем внутри слова друг с другом.

В частности, членя слово на морфемы, следует иметь в виду, что значимые части слова могут располагаться в

нем не только в порядке линейной последовательности, одна за другой, но и накладываясь (частично или полностью) одна на другую.

Поскольку соответствующие факты неоднократно уже разбирались (см., например, заметку „Какой суффикс участвует в образовании глагола *участвовать*?"), остановимся здесь лишь на двух глагольных примерах и разберем по составу слова *приду* и *пнуть*.

В слове *приду* прежде всего выделяется окончание ***-у*** (ср. *придешь — придет* и т. д.). Затем по соотношению с *иду* в нем следует выделить (ср. *принесу — несу*) приставку ***при-***. Проведенное далее сравнение глагола *иду* с приставочным инфинитивом *прийти* устанавливает, с одной стороны, что ***-д-*** не является корнем, а представляет собой суффикс основы настоящего времени (этот суффикс содержится, например, и в глаголе *еду*, ср. *ехать*), а с другой стороны, оно свидетельствует о том, что корнем в *иду* и соответственно *приду* является ***-и-***. В нашем *приду* это корневое ***-и-*** „спряталось" под приставкой ***при-***. Таким образом, глагол *приду* делится на *при-и-д-у*, но приставка ***при-*** в нем наложилась частично на корень ***-и-***. Между прочим, ранее, в древнерусском языке, этого не было и говорили и писали *прииду*; потом произошло стяжение гласных ***ии*** в ***и*** и на месте линейного расположения морфем возникло аппликативное.

То же явление мы наблюдаем и в глаголе *пнуть*, в котором на корень ***пн-*** (ср. *пинать*) наложился суффикс ***-н-*** (ср. *пну*, *пнешь*, *пнет* и т. д.). Морфемный состав этого слова таков: корень ***пн-***, суффикс однократности ***-н-***, суффикс ***-у-***, указывающий на класс глагола, и инфинитивное ***-ть***.

Наконец, разбирая слово по составу, следует не упускать из виду и того очень важного обстоятельства, что морфемный анализ слова не ограничивается одним правильным его делением на значимые части, не сводится к одному (хотя бы и правильному) членению лексической единицы на морфемы. В его задачи обязательно входит также и установление значения выделенных морфем, определение конкретной роли и функции каждой из них в разбираемом слове (ср. например, суффикс ***-ш-***, являющийся соответственно: суффиксом жены в слове *генеральша*, женского пола в слове *лифтерша* и действующего лица в слове *маникюрша*; разные приставки ***-с*** в слове *слететь*, где ***с-***

указывает на движение сверху вниз, и в слове *сформировать*, где она лишь образует глагол совершенного вида, и т. д.).

Подводя итоги всему изложенному выше, хотелось бы порекомендовать при разборе слова по составу всегда обращаться с ним внимательно, бережно и „вежливо", не спеша, шаг за шагом выделяя в нем значимые части. Ведь „смотреть в корень" при разборе слова по составу — значит не только и не столько уметь извлечь его корень. Это значит уметь вскрыть внутреннее строение слова, правильно определить и охарактеризовать все составляющие его значимые части, показать, из чего и как оно „скроено", в отличие от других слов.

Для этого не надо сразу же бросаться выделять корень. Надо установить прежде всего конкретное значение слова и его принадлежность к той или иной части речи, а затем уже начинать членить на морфемы, учитывая его ближайшие и, конечно, реально существующие сейчас родственные связи, а также все свойственные ему грамматические формы, привлекая в необходимых случаях для сравнения и проверки также подобные или аналогичные по структуре слова.

При этом членение слова на значимые части следует проводить с учетом последовательности словообразовательного процесса, результатом которого в современном плане выступает данное слово; разбирать его как матрешку, т. е. идя снаружи внутрь, заканчивая, а не начиная выделением корня. И главное — никогда не стоит спешить свое языковое чутье опрометчиво выдавать за научный разбор слова по составу. Здесь нужны только факты и факты.

Особенно осторожным следует быть на заключительном этапе разбора, т. е. при определении в слове нечленимой основы, иначе говоря — присущего ему в данный момент корня. Будет совершенно неправильным выделение чего-то в качестве непроизводной основы, если выделяемое нами известно в настоящее время только в данном слове и ни в каком другом не встречается. Членя на морфемы сло́ва, основа которых на первый взгляд, по подсказке нашего языкового чутья, является явно членимой, за этим нужно следить неукоснительно. Раз современное значение слова не складывается из значений предполагаемых в нем морфем, не ладит с семантикой предполагаемого исходно-

го, значит, оно является уже корневым словом, словом с нечленимой основой и членимым только кажется.

Для того чтобы что-то можно было выделить в слове в качестве корня, надо, чтобы это „что-то" было (с абсолютно таким же значением) хотя бы в одном родственном слове, причем в таком, родственность которого анализируемому несомненна и ясна, так сказать, лежит на поверхности и опирается на современные (а не бывшие ранее) словообразовательные и смысловые связи и соотношения данной (а не какой-либо другой) языковой системы.

В заключение несколько слов о значении морфемного анализа слова для научного изучения словообразовательной системы языка в целом. М о р ф е м н ы й анализ — это первая ступенька в познании структурных особенностей слова, это элементарное членение словесного целого на составляющие его морфемы. Морфемный анализ ограничен пределами данного слова. Словообразовательное „место" этого слова среди других слов определяет уже с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й анализ. Он выступает всегда как промежуточное, но ключевое звено, объединяя в себе морфемный анализ наличных слов и изучение реальных процессов образования новых, т. е. разбор слова по составу и словообразование. Что касается определения родословной, происхождения и генетических связей слов, фразеологических оборотов и морфем, то этим занимается уже анализ э т и м о л о г и ч е с к и й.

РОДОСЛОВНАЯ СЛОВ

■

ЗРИ В КОРЕНЬ

Что такое смотреть в корень

Выражение *зри в корень* возникло как наивный афоризм Козьмы Пруткова, смешного и милого поэта, талантливо придуманного А. К. Толстым и братьями Жемчужниковыми.

Афоризм К. Пруткова верен не только в своем общепринятом обобщенно-метафорическом, так сказать, сугубо фразеологическом значении — „вникай в самую суть какого-либо явления, обращай внимание на самое главное", но и в другом, узколингвистическом значении — „смотри в корень слова". В самом деле, ведь при анализе слова нельзя определить ни его „родственников", ни его морфемного состава, ни способа словообразования, если мы не знаем, что в нем является самой главной, наиболее важной частью, т. е. если мы не опознали содержащегося в нем корня.

Слова, по образному и меткому определению французского этимолога А. Вайана,— это не только корни, но также и зеленые побеги. Поэтому неверно сводить этимологию только к определению корней, т. е. к установлению одних генетических связей слова. Важно установить, кроме этого, и реальную историю появления слова на свет. Однако так же несомненно все же и то, что корень в слове — его самая необходимая принадлежность. Слов без корня не бывает. Отыскивая корень, мы касаемся самых глубинных и существенных признаков слова. А „зрение в корень" в широком значении этого оборота позволяет объяснить и превратности орфографии слова, и тайны его происхождения. Поэтому будем следовать призыву К. Пруткова и тогда, когда мы вдруг окажемся внутри слова.

Где корень в слове *корень*?

Вряд ли когда-нибудь в вашей работе этот вопрос возникал как практический. И это понятно: существительное *корень* сейчас четко и определенно выступает как корневое, целиком в этом отношении присоединяясь к словам типа *дом*, *локоть*, *море* и т. д.

С точки зрения современного русского языка основа в этом слове явно непроизводная. Слово делится в настоящее время лишь на корень и окончание (в именительном падеже — нулевое).

Однако в момент своего рождения слово *корень* не было корневым. Об этом свидетельствуют родственные ему слова в русских диалектах и родственных языках. В говорах еще сейчас встречается существительное *корь* „корень", в польском языке до сих пор употребляется родственное нашему *корень* слово kierz „куст". Есть у него „родственники" (без конечного ***-ень***) и в балтийских языках, ср. хотя бы литовск. kẽras „корень, куст, засохший пень". Эти языковые данные говорят, что в слове *корень* основа вначале была производной и состояла из корня ***кор-*** и суффикса ***-ень***.

Заметим, что ***е*** в этом суффиксе было исконным, а не возникло из старого редуцированного гласного переднего ряда ***ъ***. На первый взгляд наше замечание может показаться неверным. Ведь при изменении слова *корень* звук ***е*** в нем ведет сейчас себя как беглый: *корень—корня—корню* и т. д., а это самый яркий показатель происхождения ***е*** из ***ъ***. На поверку же выходит, что беглость гласного ***е*** в нашем существительном является вторичной и не только не объясняет современное ***е*** в слове *корень*, но сама требует объяснения.

Обратившись к древнерусскому языку, мы видим, что род. пад. от слова *корень* звучал тогда как *корене*, а затем—*кореня*, но не *корня*. Это нашло отражение и в пословице *От доброго кореня добрая и отрасль*, т. е. „от хорошего корня хорошие и побеги". Существительное *корень* получило форму род. пад. *корня* значительно позднее, под влиянием слов с „законным" беглым ***е*** (из ***ъ***) типа *клубень — клубня (<клубьня)*, *студень — студня(<студьня)* и т. д.

Кстати, такого же аналогического происхождения в форме *корня<кореня* и окончание ***-я***: им „заразили" слово *корень* те же существительные на *-ень*, которые упомина-

лись выше. Исконно же слово *корень* имело окончание *-е* (ср. старые формы род. пад. *имене*, *камене*, *пламене* и т. д.).

Как видим, если смотреть в корень, о слове можно узнать немало интересного и полезного.

Как была названа рука

Как известно, предметы и явления называются по какому-либо характерному для них признаку. Поэтому в момент своего рождения наименования не случайны, а мотивированны.

Есть слова, в которых эта мотивированность жива до сих пор (ср. *ухват* „то, чем ухватывают"; *ручонка* „маленькая рука"; *ёжиться* „сжиматься, как ёж"; *шиповник* „кустарник с шипами" и т. д.). Но немало в языке и слов, уже не говорящих прямо, почему данный предмет или явление названы так, а не иначе. К таким названиям относится и слово *рука*. „Говорящим" это слово становится лишь тогда, когда мы сравниваем его с родственным существительным в литовском языке. Наше *рука*, которое восходит к общеславянскому *ronka, точно соответствует литовскому названию этой же части тела — ranká. Что же касается последнего, то его происхождение совершенно ясно: оно образовано от глагола renkù „собираю, беру, хватаю".

Значит, *рука* — это буквально „то, с помощью чего берут, хватают". Тот же признак был положен в основу греч. agystos „рука, горсть" (из *agyrstos, от глагола ageirō „собираю") и нем. Griff „ручка" (от глагола greifen „хватать"). Заметим, что „однопризнаковые" слова, свойственные и одному языку и разным,— не редкость. И их существование объясняется возможностью одинакового языкового „ви́дения" объективного мира.

В глаза иногда бросаются одни и те же (очевидно, особенно яркие и устойчивые) признаки.

Рожок назван по материалу, из которого этот музыкальный инструмент делали (из рога); тот же признак дал в немецком языке название для горна (нем. Horn „горн" восходит к нем. Horn „рог"). Грудь названа так за возвышение (ср. того же корня, но с перегласовкой *грядка*); такой же признак был взят и латышами (ср. в латышском языке krūts „грудь" и krūte „холмик"). Однообразными являются некоторые названия водки, ср. *жжёнка*, укр.

горилка, чешск. pálenka „самогон“ (от páliti „жечь, палить“), литовск. degtìne „водка“ (от dègti „жечь“) и т. д.

То же явление наблюдается и среди собственных имен. Достаточно обратиться хотя бы к названиям рек (см. заметку „О *Волге* и *влаге*“).

Два слова о слове *один*

Слово *один* (если это действительно одно слово, а не несколько омонимов) многозначно. Оно выступает не только как количественное числительное, но и в роли других частей речи.

Одно из своеобразных употреблений слова *один* составляет использование его в качестве ограничительной частицы, синонимической словам *только* и *лишь* (ср. *Только Петров не сделал уроков* и *Один Петров не сделал уроков*; *Любовь и жажда наслаждений Одни преследуют мой ум* (Пушкин).

Поэтому выражения *только один*, *лишь один* являются такими же тавтологичными, как *целиком и полностью*, *судить да рядить*, *вокруг да около* (ср. *круг* и древнерусск. *коло* „круг, колесо“) и т. д.

Возникает вопрос: чем объясняется появление у слова *один* функций ограничительной частицы?

Дело в том, что по своему происхождению слово *один* так же тавтологично, как и выражение *только один*. Ведь слово *один* возникло из общеславянского *edinъ (ср. старославянские по своему происхождению *единый*, *единица*, *единственный*). А последнее является сложением корней **ед-* и **in-*. Первый корень мы наблюдаем в слове *едва* (ср. диал. *одва*) „лишь только, только что“, „чуть, еле-еле“ (ср. нем. etwas). Второй корень *ин-* содержится в словах *инорог* (животное с одним рогом), *иноходь* „бег лошади, при котором одновременно выносятся сначала обе правые ноги, а затем обе левые“, *инок* „монах“ (ср. нем. ein) и значит „один“. Следовательно, буквально слово *один* обозначает „лишь только один“.

Для ради предлогов *для* и *ради*

Не сомневаюсь, что вы сразу же угадали в заглавии этой заметки переделку фразеологического оборота *для ради важности*, по своему происхождению представляющего

собой ставшее крылатым выражение из романа „Отцы и дети“ И. С. Тургенева. В романе оно родилось в виде полной иронии реплики Базарова по адресу старой княжны, которую в доме Одинцовой „для ради важности держат, потому что княжеское отродье“.

Но эта заметка написана не для одного лишь объяснения родословной оборота *для ради важности*. И не только ради важности обращения специального внимания на литературное происхождение многих разговорных оборотов.

Предлогом к ее написанию послужили предлоги *для* и *ради*, которые не только причудливо повторяют в обороте *для ради важности* одно и то же причинно-целевое значение при одном и том же существительном *важность*, но и очень похожи друг на друга по своей судьбе.

Синонимические предлоги *для* и *ради* сближает не только одинаковое значение, но и сходное происхождение. Ведь — хотя это на первый взгляд может показаться невероятным — оба предлога (и *для*, и *ради*) в конечном счете восходят к существительным со значением „работа, дело, труд“.

Посмотрим, как это произошло и на базе каких существительных выросли наши предлоги.

Начнем с предлога *для*. Он появился в результате сокращения (в быстрой, небрежной разговорной речи) общеславянского предлога *дѣля*, который в свою очередь сформировался на основе существительного *дѣль* „дело, работа, труд“. Последнее в качестве самостоятельного слова сейчас утрачено, но сохраняется в виде основной части производного от него существительного *неделя* (первоначально имевшего значение „безделье“, потом — „нерабочий день, праздник, воскресенье“ и затем лишь получившего современную семантику „неделя“, ср. болг. *делник* „будний, рабочий день“).

По своей словообразовательной форме существительное *дѣль* является параллельным и родственным словам *дело*, *дея* „то, что сделалось, совершилось; событие, факт“, *дель* „борть“ и т. д.

Превращение существительного со значением „работа, дело, труд“ в предлог со значением „для, ради“ наблюдается не только в славянских языках. Достаточно указать хотя бы на латинское causā „ради, по причине“ (из твор. пад. существительного causa „дело“), финск. tähden „из-за, ради“, родственное глаголу tehdä „делать“, и т. п.

То же мы видим и знакомясь с биографией предлога *ради*. Этот предлог также восходит к существительному со значением „труд, дело, работа“, на этот раз — к исчезнувшему сейчас существительному *радь* (в форме одного из косвенных падежей: либо родительного, либо дательного, либо местного, ср. *радь* — *ради* и древнерусск. *задь* „зад“ — *зади* „позади“ и т. д.). Слово *радь*, давшее жизнь предлогу *ради*, является лингвистической реконструкцией, однако вполне обоснованной. Его существование в прошлом (именно в значении „труд, работа, дело“) подтверждается наличием целого ряда слов той же семьи: сербскохорватскими *рад* „труд“ и *радити* „работать, делать, трудиться“, старославянским *радити* „заботиться“, русскими *радеть*, *нерадивый* „ленивый, бесхозяйственный“ и т. д.

Соединение И. С. Тургеневым в одном словосочетании и *для* и *ради* не является его прихотью, а отражает особенности старой речевой практики. Так, в памятниках XVII в. можно прочитать: *Ты, светъ мой, для ради доброты и приятства Василья жалей*; *Для ради ихъ (стрельцов) скудости напередъ выдано жалования*... и т. д.

Сходство значения и употребления наших предлогов сказалось и в их производных (ср. *богадельня* — от *бога деля*, *христарадничать* „нищенствовать, попрошайничать“ — от *христа ради* и др.).

Про *дорогу* и *улицу*

Слова *улица* и *дорога* — не „родственники“, но тем не менее имеют немало общего. Конечно, улица — не дорога и дорога — не улица, однако значения этих слов в современном русском языке являются смежными: улица — это пространство между двумя рядами домов в каком-либо населенном пункте, дорога — это пространство для проезда или прохода. В городах улицы широкие, и дороги „исчезают“ в мостовых (для транспорта) и тротуарах (для пешеходов). А в небольших деревнях (есть ведь и такие, где имеется всего лишь одна улица!) улица, особенно если она узкая, практически может совпадать с дорогой. В момент зарождения улиц и дорог последнее, естественно, наблюдалось постоянно. Именно поэтому наши слова (а они возникли еще в праславянскую эпоху) выступают не-

редко как синонимы. Такое их употребление мы видим и в диалектах русского языка, и в отдельных славянских языках. Так, слово *улица* обозначает в некоторых диалектах дорогу, а слово *дорога* улицу. В верхнелужицком языке dróha значит и „дорога", и „улица", в чешском языке ulica — это не только „улочка, переулок", но и „проход, коридор" и т. д. Подобная связь значений наблюдается в названиях улицы и дороги также в других языках. Достаточно вспомнить франц. rue „улица" (которое восходит по своему происхождению к лат. ruga „дорога"), итальянск. strada „дорога, улица", польск. aleja, представляющее собой переоформление франц. allée „проход, дорога" и имеющее сейчас значение и аллеи, и улицы, проспекта, и т. п.

Аналогичную связь значений можно отметить и в других славянских обозначениях улицы и дороги. Так, церковнославянское *стогна* значит „улица, площадь", а родственные ему слова *стезя* и *стёжка* соответственно называют дорогу и тропку (ср. также кашубск. stegna „тропа, дорога").

Дороги появились раньше улиц (в том виде, в каком они существуют сейчас), поэтому „уличное значение" у слов, обозначающих и обозначавших дорогу, является, несомненно, вторичным.

Как же будут выглядеть „метрики" наших слов? Слово *улица* (ср. диалектные *улка*, *улок*) было создано с помощью суффикса *-иц-* на базе существительного *ула*, родственного, между прочим, слову *улей*. Слово *ула* ныне славянскими языками утрачено, но его „мужской вариант" ul (ср. отношения *глиста* — *глист*, *завор* — *завора*, *жар* — *жара*, *укор* — *укора* и пр.) со значением „улей" в чешском и польском языках существует.

Исчезнувшее в русском языке *ула* отмечается в древнегреческом, где aulē (дорическое aula) имело значение „двор, пространство, примыкающее к дому". Это архаическое значение сохранилось и у слова *улица* в отдельных севернорусских диалектах (архангельских, костромских, пермских). Но указанное значение — не исходное. Первоначальным значением было здесь, конечно, более конкретное — „пустое пространство" (в данном случае — очищенное от леса).

В словах *улей*, чешск. и польск. ul первоначальным значением было „полое пространство, дупло дерева", что под-

тверждается древнегреческим родственником aulos „полая трубка, свирель".

Значение „очищенное в лесу, пустое пространство" было первичным и для праславянского слова *dorga, давшего наше *дорога*. Оно было образовано посредством суффикса *-г-* от той же основы *(дор-)*, что и диалектное *дор* „росчисть, корчевье, новь", а в литературном языке — *дергать* „рвать, тащить, расчищать" и *драть* „раздирать на части, рвать, дергать" (в диалектах также „пахать лесную новину, росчисть, дор").

На диалектное *дор* очень похоже диалектное же слово *тор* „дорога" (от глагола *тереть*), отложившееся в тавтологическом обороте *торная дорога*. Если допускать, что корни ***дер-*** — ***тер-*** представляют собой вариацию звонкого и глухого вида типа *плевать* — *блевать*, совр. *свист* — древнерусск. ***звиздъ*** и т. д. (а это некоторыми учеными делается), то слова *дорога* и *тор* родственны между собой, так же как *дергать* и *теребить* „дергать, рвать, драть; очищать" (ср. *тереб* „росчисть из-под кустарника"), *драть* и *тереть* и др.

Как видим, слова *улица* и *дорога* хотя и не из одной семьи, но тем не менее близкие лексические товарищи, товарищи по исходному значению и дальнейшей языковой судьбе.

За что говядина называется *говядиной*

Говядина — мясо коровы или быка как пища. Рядом со словом *говядина* существует однокоренное ему прилагательное *говяжий* „из говядины". Это дает нам возможность выделить в существительном *говядина* — помимо окончания *-а* — непроизводную основу ***говяд-*** и суффикс ***-ин-*** (соответственно в прилагательном *говяжий* — корень ***говяж-***, суффикс ***-ий*** и нулевое окончание). Суффикс ***-ин-*** в слове *говядина* тот же, что в существительных *свинина*, *баранина*, *конина*, *осетрина*, *лососина* и пр. (образованных от слов *свиное (мясо)*, *баран*, *конь*, *осетр*, *лосось* и т. д.). Отличие заключается в том, что исходное слово *говядо*, от которого было образовано с помощью суффикса ***-ин-*** существительное *говядина*, с течением времени в русском языке было утрачено. Это общеславянское слово имело значение „крупный рогатый скот". В праславянском языке оно появилось как суффиксальное производное от кор-

ня *гов-*, родственного латышск. gùovs „крупный рогатый скот“, армянск. kov „корова“, нем. Kuh „корова“, лат. bos, bovis „бык“ и т. п. Таким образом, то современное определение говядины, которое мы находим в словарях („мясо коровы или быка как пища“) счастливо совпадает с его этимологией.

Где корень в слове *где*?

Пожалуй, где-где, а в наречии *где* вряд ли кто-либо из нас выделит сейчас что-нибудь, кроме корня. В настоящее время слово *где* имеет непроизводную основу и корень в нем равен ему самому. Однако корневым наречие *где* является только с точки зрения современной системы русского языка.

Совсем другую картину мы будем наблюдать, если заглянем в прошлое этого слова, попытаемся „откопать“ в нем старый, исходный корень, ту непроизводную основу, на базе которой оно было когда-то образовано. Этимологическое „досье“ наречия *где* неопровержимо свидетельствует, что по своему происхождению оно является суффиксальным и возникло на базе местоименного корня *къ-* с помощью наречного суффикса *-де*.

Тот же корень содержится в местоимении *кто* (<*къто*), а с исторической точки зрения и в словах *куда* и *кой* „какой, который“ (из *къи*). Последнее известно сейчас лишь в составе фразеологических оборотов *в кои веки*, *на кой черт*, *ни в коем случае* и некоторых других.

Тот же суффикс в этимологическом плане выделяется, кроме слова *где*, в наречиях *везде* и *здесь*. *Везде* образовано посредством суффикса *-де* от общеславянского *вьсь* (древнерусск. *вьсьде*>*везде*) после падения редуцированного *ь* и последующего озвончения звука *с* в *з* перед *д*. *Здесь* — производное с помощью суффикса *-сь* (<*сь* „сей“, см. об этом в заметке „*Вчерась* и *днесь*“) от общеславянского *сьде* „здесь“, образованного в свою очередь посредством суффикса *-де* от местоимения *сь* „сей“ (ср. того же корня *сей*<*сьи*, *сегодня*, *сейчас* и пр.) и также пережившего после падения редуцированного *ъ* озвончение звука *с* в *з* перед *д*.

Общеславянская форма *къде* также изменилась у нас после падения редуцированных: в результате утраты *ъ* звук *к* оказался перед *д* и озвончился в *г*.

Таким образом, старый, исходный корень в слове *где* „прячется" в одном и в общем-то „чужом" для него звуке *г*.

В некоторых славянских языках (ср., например, чешск. kde „где") согласный вид корня сохранился. Между прочим, там мы находим интересное изменение родственного по первому корню слова *кто*, которое под влиянием kde имеет вместо корневого *т* (ср. местоимение *то*) звук *д* — kdo „кто".

Заметим, что по своей структуре в одном ряду с *где*, *везде*, древнерусским *сьде* стоят также и архаическое и диалектное *инде* „в другом месте", представляющее собой общеславянское производное с суффиксом *-де* от местоимения *инь* „иной", и болгарское *доде* „пока", образованное путем прибавления суффикса *-де* уже не к местоименной основе, а к предлогу *до*.

Этимологический разбор слова *забор*

Касаясь этимологизации существительного *забор* в „Кратком этимологическом словаре" (авторы Н. М. Шанский и др.), О. Н. Трубачев пишет: „*Забор*. Единственно приемлемое толкование — из *забрать*. Предлагаемое Н. М. Шанским сближение с *zaborti и далее — *бороться* — неправдоподобно"[1]. Как же обстоит дело в действительности? Нам известна одна „конечная" точка словообразовательного процесса — слово *забор*. Искомыми являются как непосредственное производящее слово, так и „исходный пункт".

Естественнее всего, начиная этимологический анализ этого слова, вычленить в нем приставку, непроизводную основу и окончание. В таком случае оно может быть включено лишь в ряд имен существительных, образованных так называемым безаффиксным способом (ср. *раскол*, *зажим*, *запор*, *отдел* и т. д.). Поскольку в современном русском языке существуют слова типа *подбор*, *разбор*, *прибор*, *отбор*, *набор* и др., приходит первое и, кажется, самое простое (и даже единственно возможное, по мнению О. Н. Трубачева) решение (так слово толкуется уже у В. Даля!): слово *забор* с пересогласовкой корня образовано от *забрать*, *забирать*. В таком случае забор —„то, что забирает". Однако это совершенно не согласуется с функцией

[1] Трубачев О. Н. Об одном опыте популяризации этимологии.— «Вопросы языкознания», 1961, № 5, с. 133.

забора как предмета, служащего для охраны, ограждения. Именно несоответствие в значении существительного *забор*, с одной стороны, и глагола *забирать*, *забрать* — с другой, и явилось в свое время основанием для поисков в другом направлении.

Наличие древнерусского *забороло* и старославянского *забрало* „деревянная городская стена, деревянный забор на валу", польск. brodło и чешск. bradlo „забор", чешск. zabradli „барьер", „парапет" и т. д., явно производных с помощью суффикса *-*dlo* от *zaborti, borti, позволяет считать и слово *забор* родственным данным словам. В таком случае это безаффиксное производное от *zaborti „охранять, защищать", обозначающее „то, что защищает, ограждает".

Это объяснение не только правдоподобное, но и очень вероятное, тем более что такое же или близкие значения имеют и некоторые другие однокорневые с *бороться* слова как в славянских языках (ср. болг. *обор* „огороженный загон для скота", *оборище* „огороженное место", сербскохорватск. *брана* „плотина, насыпь", *браник* „заслон", чешск. zabrana „преграда, препятствие" и т. д.), так и в других индоевропейских языках (ср. англ. bar „барьер, ограда", древневерхненем. bara „огороженное место" и др.). Нельзя не принимать во внимание также и сходное значение в словах, производных от синонимических глаголов *биться* и *колоть*. Ср. хотя бы древнерусск. *забои* и диал. *закол* „забор, загородка" (Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. 553) и т. д. Как видим, забор, действительно не „забирает", а „защищает".

Почему дом называют *домом*?

Основное и первичное значение слова *дом* — „здание, строение". По своему происхождению это слово такое же отглагольное, как и указанные синонимы (*строение* — от *строити*, *здание* — от *зьдати* „строить, создавать"). Правда, образовано оно от исчезнувшего глагола и без помощи суффикса.

Имея в виду модель *везу* — *воз*, *теку* — *ток*, *стелю* — *стол* (первоначально „подстилка"), *деру* — диал. *дор* „расчищенное место", *беру* — древнерусск. *бор* „дань" и т. д., можно восстановить утраченный славянскими языками

глагол *дему*. Подобное соответствие мы находим в греческом языке (ср. demō „строю“ и domos „постройка, строение, дом“), в готском (ср. timrjan „воздвигать, строить“, откуда нем. zimmer „комната“) и т. д. На звук ***о*** в слове *дом* как на ступень чередования с ***е*** указывают все специалисты по этимологии русского языка, в том числе и М. Фасмер (см. его „Этимологический словарь русского языка“, т. I. М., 1964, с. 526—527). Это и понятно. Ведь идентичность русск. *дом* и греч. domos несомненна. А слово domos является явным производным от demō „строю“.

Происходит ли существительное *врач* от слова *вратъ*?

Для подавляющего большинства говорящих на русском языке сочетание *врач от слова врать* представляется сейчас, несомненно, таким же ложноэтимологическим каламбуром, целиком построенным на сближении слов по созвучию, как и выражение *художник от слова худо*. Кажется, что объединяет слова *врач* и *врать* (так же как и пару *художник — худо*) лишь наша словесная шутка. Между тем дело здесь значительно сложнее и тоньше.

Если слова *художник* и *худо* содержат совершенно разные корни и по происхождению ничего общего друг с другом действительно не имеют, то существительное *врач* и глагол *врать* связаны между собой не только известной „общностью звучания“ *(врач, врать)*. Они являются (бывают же причуды языка!) кровными родственниками и ярко демонстрируют отношения „ребенка и родителя“. Правда, существительное *врач* образовано не от современного слова *врать* „лгать, говорить неправду“, старые родственные узы между ними давно порвались и почти никем уже не ощущаются. Ведь тех отношений, которые характерны для слов типа *ткач — ткать* (*ткач* „тот, кто ткет“), в паре *врач — врать* не существует. *Врач* — это не тот, кто врет. И все же, с этимологической точки зрения, слово *врач*< *вьрачь* оказывается (таково мнение подавляющего большинства языковедов-славистов) производным с помощью суффикса ***-ч-(<чь)*** от *врать (<вьрати)*, но в его старом, исконном значении „говорить“. Заметим, что такое значение было известно еще в XIX в., ср. у А. С. Пушкина в повести „Капитанская дочка“: *Полно врать пустяки*, т. е. „Хватит говорить ерунду“.

Выходит, что врачи все же были названы по свойствен-

ному для них ранее действию говорения: они сопровождали лечение какого-либо недуга словом, заклинаниями, заговаривали боль

Подобным по своей образной природе является также и старославянское название врача — *балии*, родственное глаголу *баять* „говорить, рассказывать“.

Можно ли доказать, что в слове *топор* надо писать *о*, а не *а*?

Существительное *топор*, как и слова типа *корова*, *башлык*, *полынь* и пр., относится к словам с так называемыми непроверяемыми безударными гласными. Поэтому, чтобы доказать, что в этом слове *о*, а не *а*, надо сделать „невозможное“: проверить непроверяемый безударный гласный.

Это действительно невозможно, пока для проверки привлекаются лишь родственные в настоящее время слова, одни, так сказать, современные „родственники“, но тем не менее вполне возможно, когда мы призовем на помощь этимологию, вспомним языковые факты прошлого. Именно тогда многое из того, что усваивается лишь по формуле „писать нужно так“, будет восприниматься осознанно.

Выходы в языковое прошлое при этом могут носить различный характер. Так, для того чтобы не писать *корова* „через ять“, вполне достаточно вспомнить соответствующее старославянское название. Старославянское *крава* (с неполногласием *ра*) сразу указывает (ср. *град* — *город*, *вратá* — *ворóта* и т. д.) на *оро* в русском *корова*. Определить же, какой звук (*о* или *а*) идет после начального согласного в словах *башлык* и *полынь*, можно, только проследив их родословную. Сделав это, мы проверим *а* в слове *башлык* (оно образовано в тюркских языках, откуда и пришло к нам, от слова *баш* „голова“, ср. выражение *баш на баш*) и *о* в слове *полынь* (оно является родственным старому слову *полети* „гореть“, растение было названо по характерной для него горечи, как и горчица).

То же „дознание“ необходимо провести и для определения безударного гласного в слове *топор*. Только здесь оно должно быть еще более дотошным. Прежде всего следует вспомнить, что раньше слово *топор* обозначало не только орудие для рубки, но и определенный вид боевого оружия, т. е. то, чем бьются, бьют врагов (ср. в „Задонщине“: *Грянуша копия харалужныя*, *мечи булатные*, *топоры легкия*). После этого можно попытаться найти уже и

ближайшего родственника. Им является для слова *топор* ныне исчезнувший, но в древнерусском языке еще известный глагол *тети* (1-е лицо наст. вр.— *тепу*) „бить, колотить, сечь“: *Жилами сухами, нещадьно ты тепомъ и камением побиваемъ* („Новгородские минеи“ 1096 г.), т. е. „Сухими лозами нещадно ты „секом“ и камнями побиваем“.

От этого глагола с помощью суффикса *-ор-* (ср. с тем же суффиксом *будор* „шум“ в *будоражить*, *мусор*<*бусор* и т. п.) и перегласовки *е/о* наше слово и было образовано. Таким образом, соотношение *тепу* „бью, колочу, секу“ — *топор* аналогично тем, которые наблюдаются в *везу — воз*, *несу — ноша*, *теку — поток*, *секу — осока* и т. д. Непроверяемое *о* в слове *топор* этимологически, следовательно, оказывается и проверяемым, и совершенно законным.

Заметим, что глагол *тети*, *тепу* (откуда — диалектное *тёпать* „тяпать, рубить“), кроме слова *топор*, дал и еще одно производное. Это слово *недотепа*.

В заключение нашего разговора о слове *топор* сделаем два уточнения.

Первое касается еще одного возможного способа проверки написания. Ведь доказать, что в этом существительном надо писать *о*, а не *а*, можно и иначе и даже проще (правда, для тех, кто знает другие славянские языки). Достаточно привлечь данные украинского языка, где есть слово *топір* и нет аканья. Но этот путь менее интересен и не ведет к этимологии нашего слова.

Второе замечание касается этимологии слова *топор*. Выше излагалась лишь та точка зрения, которая кажется автору предпочтительной. Ее придерживаются многие ученые. Однако существует и другое объяснение. Некоторые лингвисты толкуют слово *топор* как общеславянское заимствование древнеиранского ṫapara „топор, секира“. Но это, по ряду причин, менее вероятно. Скорее всего общеславянское и древнеиранское слова просто родственники: как у славян, так и у иранцев это свои, исконные слова — или доставшиеся им по наследству из более древнего языка-источника, или самостоятельно образованные на основе одного и того же корневого глагола.

Почему прачку назвали *прачкой*?

На этот сугубо этимологический вопрос, который нередко появляется у говорящих на русском языке, ответить нетрудно. Достаточно вспомнить старый глагол

прать, и сейчас еще употребительный в некоторых русских диалектах и славянских языках. Его основное значение — „стирать, мыть, колотить". Это значит, что прачку назвали так по ее действию, занятию, так же как, скажем, *доярку* (за то, что она доит коров), *ткачиху* (за то, что она ткет полотно), *учительницу* (за то, что она учит детей) и т. д. Буквально *прачка* — это „женщина, которая занимается стиркой".

Однако было бы неправильным думать (как это, между прочим, делает даже такой опытный и известный этимолог, каким является М. Фасмер), что слово *прачка* родилось прямо и непосредственно от глагола *прать*. Ведь в таком случае придется считать (ср. *прачка* — *прать*), что оно образовано с помощью суффикса *-чк-*. А такого, как известно, не существует. Ставя рядом *прачка* и *прать*, мы допускаем ошибку, пропуская промежуточное звено, разделяющее в процессе словопроизводства эти родственные слова.

Таким „посредником" является существительное *прач* (из древнерусского *пьрачь*), в отдельных диалектах русского языка живущее и поныне. *Прач* в них обозначает валёк для стирки белья.

Как видим, слово *прачка* было создано посредством самого обычного суффикса *-к-*. Так же, кстати, как и слово *прач*. Ведь это „инструментальное имя" было образовано с помощью регулярного и ранее значительно более „творческого", чем сейчас, суффикса *-ч*. Вспомните хотя бы подобные по своей „анатомии" и способу образования существительные *бич* (от *бить*), *секач* (от старого *секать* „рубить", ср. *рассекать*, *высекать* и т. д.), древнерусское *бричь* (от *брити* „брить"), вытесненное затем словом *бритва*, сравнительно недавнее *тягач*, возникшее в советское время в качестве словообразовательной кальки английского tractor, и т. д.

В заключение заметим, что по своей номинативной вторичности слово *прачка* аналогично слову *бритва*. Как слово *бритва* вытеснило прежнее *бричь*, так и существительное *прачка* пришло на смену более древним наименованиям: *портомоя* и образованному от него с помощью суффикса *-к-* *портомойка*, в качестве архаизмов иногда еще встречающимся. Но о них следует прочитать заметку „Что моет судомойка".

Откуда в слове *ишь* мягкий знак?

Эта лингвистическая загадка не принадлежит к числу трудных, хотя на первый взгляд перед нами вопрос, который может поставить в тупик. По крайней мере, современный орфографический разбор слова *ишь* законности **ь** не доказывает: ведь звук ***ш*** сейчас твердый, и после буквы ***ш*** **ь** употребляется лишь в различительно-грамматических целях (последовательно в им. пад. существительных жен. рода и глаголах 2-го лица ед. числа настоящего времени и повелительного наклонения: *черная тушь*, но *сыграли туш*; *думаешь*, *ешь* и т. д.). Ответ на вопрос о происхождении мягкого знака в слове *ишь* заключается в разгадке происхождения самого этого слова. И вот здесь-то мы видим, что **ь** достался междометию *ишь* по наследству от производящего слова, в котором он писался „по общему правилу".

Но обратимся к истории слова *ишь*. Междометие изумления и укоризны *ишь* (ср.: *Ишь как хорошо читает!*; *Ишь, какой быстрый!* и т. д.) родилось в нашей речи как „скороговорочная" форма слова *вишь*, выражающего сейчас удивление или недоверие, но имевшего ранее — как и слово *ишь* — также значение „вон, посмотри". В этом последнем значении слово *вишь* возникло в свою очередь скорее всего как фонетическое сокращение глагола *видишь*. Другое объяснение слова *вишь* — из формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения глагола *видѣти* (*вижь* „смотри">*вишь* после падения редуцированного **ь** и оглушения конечного ***ж*** в ***ш***) — менее вероятно.

В таком случае **ь** в междометии *ишь* (<*вишь*<*видишь*) носит по своему происхождению такой же характер, что и в словах *бишь* (из *баешь* „говоришь"), *слышь* (из *слышишь*), *хошь* (из *хочешь*).

Остается несколько слов сказать о фонетической трансформации в разговорной — и потому часто быстрой — речи *вишь*>*ишь*.

Такое исчезновение начальных звуков (как гласных, так и согласных) уникальным не является и изредка в языке наблюдается.

В качестве примеров можно привести хотя бы междометия *лафа* и *усь*. Первое возникло на базе тюркского *алафа* „польза, выгода". Второе — „скороговорочный" вариант слова *кусь*, первоначально формы повелительного

наклонения от глагола *кусити* „укусить" (см. раздел „По следам междометий").

Таким образом, **ъ** в междометии *ишь* (как и в других грамматически и орфографически подобных ему словах)— „глагольного происхождения".

Иным было появление **ъ** в частице *лишь*. Как и почему он в этом слове появился, можно узнать, прочитав заметку *„Лишь только"*.

Чудесные превращения слова *каждый*

Многие, вероятно, даже не подозревают, какую удивительную метаморфозу пережило слово *каждый* в течение своей долгой жизни в русском языке. Слишком уж оно заурядное и привычное. И тем не менее простое местоимение *каждый* имеет очень сложную биографию. Достаточно сказать, что из суффиксального образования оно превратилось в непроизводное, а из склоняемого в своей первой (основной) части — в слово с окончанием на конце.

В самом деле, сейчас местоимение *каждый* делится лишь на корень ***кажд-*** и окончание ***-ый*** и нормально склоняется как обычное прилагательное: *каждого*, *каждому*, *каждым*, *о каждом* и т. д. А рядом с формой *каждый* употребляются соотносительные ей родовые формы женского и среднего рода — *каждая* и *каждое*.

В древнерусском же языке троицы *каждый — каждая— каждое* не существовало. В XII в. вместо них была цепочка форм *къжьдо — кажьдо — кожьдо*. По морфемному составу эти формы можно сравнить с современными словами вроде *какой-либо*. Они делятся на корень, окончание (флексию) и следующий далее „пофлексийный" суффикс ***(как-ой-либо)***. И старое *къжьдо* делилось так же: ***к-*** — корень, ***-ъ-*** — окончание и ***-жьдо*** — суффикс. Отличие лишь в конкретных морфемах и орфографии (*какой-либо* пишется через дефис, а *къжьдо* писалось слитно).

Косвенные падежи от *какой-либо* — это *какого-либо*, *какому-либо* и т. д. Так же склонялось и *къжьдо: когожьдо*, *комужьдо* и пр., например: *И въда рабомъ своимъ власть и комужьдо дѣло свое* („Остромирово евангелие"), *Повелѣ... комужьдо своему полку* („Ипатьевская летопись").

Как видим, слово *каждый* из местоимения, которое склонялось, так сказать, своим началом, превратилось в местоимение с флексией на конце. Окончание в этом слове

было как бы оттеснено суффиксом *-жьдо* на свое законное „конечное" место. Несомненно, такая удивительная метаморфоза произошла в слове *къжьдо* под влиянием большинства местоимений, близких ему по значению, типа *любой* и *всякий*.

В заключение несколько слов о происхождении местоимения *къжьдо*. Оно представляет собой форму, сменившую более древнюю *къжьде* (как полагают, конечное *о* появилось под влиянием местоимения *къто* „кто"). Больше забот причиняет лингвистам исходное *къжьде*. Хотя это слово уже в древнерусскую эпоху воспринималось как суффиксальное, возникло-то оно с помощью сложения слов, а именно путем объединения местоимения *къ* (именной формы слова *кой*<*кыи*) и, очевидно, отглагольного наречия *жьде*. О родстве в этом местоимении части *-жьде* глаголу *жьдати* писал уже И. И. Срезневский. Кажется менее вероятным объяснение второй части древнерусского *къжьде* как сочетания усилительной частицы *же* и относительного наречия *де* (об этом *де* см. заметку „Где корень в слове *где*?").

Если *-жьде* считать родственным глаголу *ждать*, то его значение в местоимении *къжьде* можно определить как „угодно, желательно" (ср. то же значение у явно однокорневого со словами *погодить* и *ждать* древнерусского *годе* „угодно"). Тогда старым значением слова *къжьде* было „тот, которого ждут, тот, кто угоден, тот, кого желают".

Значение „который угодно, всякий, любой" развилось у нашего слова позже. И. И. Срезневский не случайно сравнивает местоимение *къжьде* с болгарским *жьденый* „желанный, дорогой" и латинским libet „угодно, желательно". Ведь такую же смысловую эволюцию от „того, кто угоден, кого желают и, значит, любят" к „всякому, каждому" пережило и синонимическое местоимению *каждый* слово *любой* (<*любый* „любимый, желанный, дорогой").

Что есть *кто*

В заглавии этой заметки мы, конечно, прежде всего видим забавную игру слов. Ведь оно сразу напоминает нам газету с биографическими очерками под названием „Кто есть кто". И недаром, потому что сейчас мы обратимся к биографии слова *кто*. Но заглавие по прихоти лингвистической случайности содержит в себе информа-

цию не только о том, что будет предметом нашего рассказа. Оно является одновременно и этимологическим сообщением, говорящим о том, что *кто* и *что* по происхождению тождественны. Как ни странно может показаться, но *что* есть *кто*, так же как квадрат гипотенузы есть сумма квадратов катетов. Впрочем, обратимся к самим местоимениям.

Отметим только, что в некоторых родственных языках однокорневые формы могут быть тождественными даже с точки зрения смысла, а не одного лишь родства. Примером может служить латышское kas, обозначающее и „кто", и „что".

Итак — *кто*. Как оно возникло, с какими словами находится в родственных отношениях? Литературное *кто* (из общеславянского *къто*) появилось после падения редуцированных, как и диалектно-просторечное *хто*, последнее — в результате расподобления оказавшихся рядом взрывных *к* и *т*, в силу которого взрывное *к* заменили фрикативным *х*.

До этого — в праславянском (а потом и в древнерусском) языке — оно звучало как *къто*. Это слово появилось на свет как сложное. Его сложили из двух местоимений: относительно-вопросительного местоимения *къ* и указательного *то*. Последнее употребляется в нашем языке и сейчас.

А вот *къ* в качестве самостоятельного слова давно исчезло, хотя в виде составной части кое-где еще и известно. В частности, старое *къ* наблюдается в только что употребленном слове *кое-где*, в обеих составляющих это слово морфемах.

Приставка неопределенности *кое-* (ср. *кое-кто*, *кое-как*, *кое-какие* и др.) восходит к слову *кое* — форме среднего рода местоимения *къ*. Форма мужского рода этого местоимения *(кой)* в составе фразеологических оборотов употребляется до сих пор: *кой черт*, *в кои веки*, *ни в коем случае* и т. п. Она является не чем иным, как полной формой нашего *къ*: первоначальное *къи* (*къ*+указательное местоимение *и*) изменилось в *кыи*, а затем — после падения редуцированных (редуцированное *ъ* в сильном положении прояснилось в гласный полного образования *о*) — в *кой*.

Наречие *где* появилось после падения редуцированного *ъ* и озвончения *к* перед *д* из общеславянского *къде*. Последнее же образовано с помощью наречного суффикса *-де* (ср. *везде*<*вьсь* и т. д.) от того же *къ*, что и *кое-*.

Заметим, что в *кто* старые *къ* и *то* полностью растворились и сейчас никак уже не ощущаются, так же как и части, составляющие слово *что*.

Что — alter ego, второе „я" местоимения *кто*. Оно тоже возникло как сложное, и его составные части были по своей сущности теми же, которые когда-то были в слове *кто*. В качестве второй части сложения выступало то же указательное местоимение *то*. В качестве первой части — „передний" вариант местоимения *къ* — слово *kь, изменившееся в результате палатализации заднеязычного *к* перед гласным переднего ряда *ь* в *ч* (ср. *река*, но *речка*< *рѣчька* и т. п.). Древнерусское *чьто* (так и в общеславянском) с падением редуцированных изменилось в современное *что*.

Как и древнее *къ*, старое *чь*<*kь известно лишь в виде составной части. Причем содержащему его сейчас слову повезло больше, чем местоимению *кой*, имеющему фразеологически связанное употребление. Местоимение *чей* является сейчас самым обычным и свободным в своих словесных связях. А возникло оно, как и *кой*, в качестве полной формы от *чь(+и)*: *чьи*>*чии*>*чей* (ср. *чья*, *чье*, *чьи*), в результате прояснения редуцированного *и* в *е*, точно таким же образом, как *казначии* — в *казначей*.

Теперь вам хорошо известно, что *что* есть *кто*. Но не будем ставить на этом точку. Еще несколько слов о слове *то* в разобранных только что местоимениях. Его там, как уже упоминалось, как отдельной лексической единицы давно нет. Но как составная часть оно в них существует и живет внутри них... как окончание. Действительно, по соотношению с падежными формами *к-ого*, *к-ому*, *к-ем*, *о к-ом*, *ч-его*, *ч-ему*, *ч-ем*, *о ч-ём* и т. д. в им. пад. в словах *к-то* и *ч-то* выделяется окончание *-то*. Так что в словах *кто* и *что* ***то*** сейчас совсем не то, каким оно было в них в момент их рождения и каким является сейчас в качестве самостоятельного указательного местоимения.

Что было раньше: *фляга* или *фляжка*?

„Позвольте,— могут сказать в ответ,— это вопрос, по своему существу, лишний. Строение этих слов совершенно определенно говорит, что сначала появилось слово *фляга*. Ведь оно имеет непроизводную основу. Что же касается существительного *фляжка*, то в его составе, помимо корня

фляж-, выделяется суффикс *-к-*". Рассуждение как будто совершенно правильное. И все же на самом деле ошибочное, так как в действительности процесс словопроизводства здесь был обратным: первоначально появилось слово *фляжка* и лишь затем — *фляга*. Но и это еще не все: не является исходной и форма *фляжка*.

Не позже XVI в. в русском языке появилось из польского слово *фляшка* (польск. flaszka, нем. Flasche). Это было заимствование изустное, с голоса. Поэтому оно „пристроилось" по конечному звукосочетанию к словам типа *ножка*, *дорожка*, *дужка*, *лачужка* и т. д. А когда его стали изображать на письме, то начали так же, как эти слова, и писать — с *ж*, вместо этимологически правильного *ш*. Сработало „правило": „*Фля*[шк]*а* произношу, как *но*[шк]*а*, слово *но*[шк]*а* пишу с *ж* — *ножка*, значит, и существительное *фля*[шк]*а* надо писать с *ж* — *фляжка*".

Затем аналогичное воздействие слов типа *ножка*, *дорожка*, *дужка*, *лачужка* и пр. на существительное *фляжка* пошло еще дальше: оно было осознано уже как слово, входящее в их структурную „семью", т. е. как образование с суффиксом *-к-*. Это закономерно привело к возникновению непроизводного слова *фляга*: *ножка — нога*, *дорожка — дорога*, *дужка — дуга*, *лачужка — лачуга* и пр., значит, „должно быть" *фляжка — фляга*.

Такой способ словообразования, когда в построенном на аналогии словообразовательном „квадрате" появляется не четвертый член (ср.: *нога>ножка*; *конфета>конфетка*), а третий (ср.: *нога> ножка*; *фляга<фляжка*), называется обратным словообразованием. С его помощью были в русском языке, кроме существительного *фляга*, образованы слова *зонт* (от *зонтик*), *вдохновить* (от *вдохновение*), *дояр* (от *доярка*), пугать (от *пужать*) и т. д.

В качестве недавнего индивидуально-авторского неологизма, образованного этим способом, можно указать слово *русал* (от *русалка*, по модели *фискал — фискалка*): *И мы увидели его, старого русала, барахтающегося в воде близ гранитных ступенек* (Нагибин).

Родословная *дворняжки*

Слово *дворняжка* принадлежит к числу таких, которые обычно не привлекают к себе внимания и воспринимаются как самые заурядные и обычные слова. Прозрачный мор-

фемный состав создает впечатление ясности происхождения и этого существительного. Тем не менее далеко не все правильно представляют себе, как оно появилось и было образовано. На поверку оказывается, что это простое „собачье“ имя возникло в результате многоступенчатого процесса словопроизводства.

Любопытно, что слово *дворняжка* в этимологических словарях русского языка не толкуется, очевидно, потому, что, являясь формой субъективной оценки существительного *дворняга*, свободно ассоциируется как родственное слову *двор* (*дворняга* — „собака, охраняющая двор“).

И все-таки слово *дворняжка* требует специального анализа. Это объясняется тем, что между словами *двор* и *дворняжка* наблюдается не одно ясно осознаваемое звено (*дворняга*), а (кроме него) еще два. Как свидетельствуют факты недавнего прошлого, слово *дворняга* представляет собой суффиксальное производное пренебрежительного характера (ср. *портняга* и т. п.) от существительного *дворня́я* „дворовая собака“ (см.: Д а л ь В. И. Толковый словарь..., т. I, с. 423), возникшего на базе фразеологического оборота *дворная собака* (ср. *легавая собака* и др.).

Слово *дворняга* появилось сравнительно недавно, и скорее всего в дворянской среде, так как только здесь дворная собака могла быть так пренебрежительно противопоставлена комнатным и охотничьим. В словарях слово *дворняжка* отмечается лишь с XIX в., впервые в „Общем церковно-славяно-русском словаре“ Соколова (1834 г.). Оно такое же сравнительно новое, как и *болонка*, название комнатной собаки, заимствованное в начале XIX в. из французского языка. Франц. bolonais „(собака) из Болоньи“ было переоформлено у нас с помощью привычного для слов данного смыслового поля суффикса *-к(а)* (ср.: *лайка*, *овчарка*, *шавка* и т. п.).

По времени появления в русском языке названия двух совершенно различных собак (ср. хотя бы басню И. А. Крылова „Две собаки“), как видим, почти сверстники.

Все цвета радуги

Прилагательные *белый*, *черный*, *красный*, *желтый*, *зеленый*, *синий*... Все они представляют собой в настоящее время совершенно условные немотивированные наимено-

вания и являются корневыми. Но с этимологической точки зрения эти названия цвета предстают перед нами в ином свете. В момент своего возникновения это были мотивированные слова, все они были образованы суффиксальным способом. Почти все указанные прилагательные являются также и сверстниками. Исключение составляет лишь слово *красный*, в цветовом значении сравнительно недавнее. Остальные возникли давно и известны во всех славянских языках.

Все разбираемые слова принадлежат к исконному лексическому фонду русского языка. Это следует отметить потому, что среди цветовых прилагательных в нашей речи немало иноязычных (ср. хотя бы заимствованные из французского языка слова *бежевый*, *палевый*, *оранжевый*, *лиловый*, *фиолетовый*, *пунцовый*, *бордовый*).

Разберем наши „цветные“ слова по порядку. Прилагательное *белый* едва ли не самое старое. Это общеславянское слово индоевропейского характера, образованное от индоевропейского *bhā „светить, блестеть, сиять“ с помощью суффикса *-l-* (ср. латышск. bāls „бледный“, греч. phālos „белый“ и т. п.).

Выделить в этом слове суффикс *-l-* (только в этимологическом плане, конечно) позволяют такие однокорневые образования других индоевропейских языков, которые содержат иные суффиксы, вроде греч. phanos „светлый, яркий“, древнеирландск. bān „белый“, или являются корневыми (в качестве примера можно привести древнеинд. bhās „сияние, блеск“, где *-s* представляет собой окончание).

Таким образом, первоначально слово *белый* имело значение „блестящий, светящийся“.

Из его далеких родственников, пришедших к нам из греческого языка, следует отметить слова *фонарь* (из среднегреч. phanarion, являющегося суффиксальным производным от древнегреч. phanos „свет, блеск“) и *фантазия* (из древнегреч. phantasia „видение, призрак“).

По образному характеру к слову *белый* примыкает прилагательное *синий*, которое в момент своего рождения тоже значило „блестящий, сияющий“. Это общеславянское слово образовано было с помощью суффикса *-n-* от той же основы *(si-)*, что и глагол *сиять*. Родство слов *синий* и *сиять* несомненно. Весьма возможно, что однокорневыми по отношению к прилагательному *синий* (а значит, и глаголу *сиять*) являются также и слова *сивый* и *сизый*,

представляющие собой в таком случае производные посредством суффиксов *-v-* и *-z-*.

Прилагательные *зеленый* и *желтый* тесно связаны между собой не только тем, что они обозначают смежные цвета спектра. Их объединяют также и кровные узы родства. Ведь эти общеславянские слова являются однокорневыми и отличаются друг от друга лишь суффиксами, посредством которых они были образованы.

Слово *зеленый* (из *зеленыи*) — производное с помощью суффикса *-ен-* от той же основы *(zel-)*, что и диалектное *зель* „трава, зелень", греч. chloē „трава", нем. gelb „желтый" и т. д. Ту же основу, но с перегласовкой *e/o* (ср. *везу — воз*, *несу — ноша* и т. д.) мы наблюдаем в словах *злак* (из *zolkъ) и *золото* (из *zolto) с этимологическими суффиксами *-k-* и *-t-* (ср. содержащие те же суффиксы родственные слова: диалектное *жолкнуть* и *желтый*).

Слово *желтый* (из *жьлтыи*) образовано с помощью суффикса *-t-* от той же основы *(жьл-<*gil-)*, что и диалектные *желуница* „желтуха", *жолкнуть* „становиться желтым".

Древние формы **zel-* и **gil-* образуют одну и ту же непроизводную основу и отличаются между собой лишь фонетически: качеством начального гортанного согласного (ср. подобное явление в лит. *город* и диал. *зород* „ограда") и перегласовкой *e/i*. Значение этих форм первоначально не было дифференцировано, что ярко проявилось в словах *зеленый* и *золото* (буквально „желтое").

Так весьма своеобразно (в обозначении их словами одного корня) отразилась в языке близость зеленого и желтого цвета.

Особняком по отношению ко всем разобранным цветовым обозначениям стоит слово *красный*. И не только потому, что, как уже отмечалось, оно довольно молодое. Дело в том, что оно свойственно в данном значении только русскому языку. В других славянских языках для обозначения красного цвета до сих пор пользуются старыми названиями, образованными от основы *черв-* (ср. укр. *червоний*, болг. *червен*, польск. czerwony и т. д.). Последнее объясняется тем, что в общеславянскую эпоху из червей (особого вида) приготовляли красную краску.

В качестве цветового имени собственно русское прилагательное *красный* возникло на основе общеславянского *красный* (*<красьныи*) „красивый, хороший", производно-

го с помощью суффикса *-ън-* от слова *краса* „украшение". В первоначальном значении слово *красный* свободно употребляется и сейчас во всех других славянских языках, кроме русского. В нашем языке оно в своем исходном значении встречается лишь во фразеологических оборотах типа *долг платежом красен*, *ради красного словца*, *красная цена*, *красная рыба*, *красная девица*, *на миру и смерть красна* и т. д.

Своеобразно и слово *черный*. Оно отличается от других общеславянских цветовых обозначений прежде всего тем, что (несмотря на его былую производность) признак, положенный в его основу, не удается установить даже с помощью глубокого этимологического анализа. Да и древний суффикс *-н-* в его основе виден, кажется, лишь на фоне балтийских соответствий, вроде литовск. Kirsnà „черная" (название реки), древнепрусск. kirsnan „черный".

Два *ключа*

Ключ, которым мы отпираем замок или заводим игрушку, и ключ, бьющий из земли, друг на друга совершенно не похожи и не имеют между собой ничего общего. И слова, их обозначающие, тоже являются чужими, хотя звучат и пишутся одинаково. Встречаются они друг с другом очень редко, но в языке тем не менее образуют омонимическую пару. Среди фразеологических оборотов есть выражение, где эти слова-омонимы даже слились воедино, создав выразительный каламбур. Это оборот *Жизнь бьет ключом, и все по голове*, родившийся в результате „распространения" более короткого *Жизнь бьет ключом* (по аналогии с оборотами типа *Не все равно: есть и горки*, построенными на двузначности одного из слов). В нем *ключ* одновременно значит и „гаечный ключ", и „родник".

Наши омонимы обычно считаются словами, совпавшими случайно. Слово *ключ*, обозначающее техническое приспособление, толкуется как родственное существительному *клюка* „палка с загнутым концом, крюк", однокорневое, в частности, лат. clavis „ключ", clusa „запор". Что же касается слова *ключ* „родник", то его относят к глаголу *клюкать* „шуметь, бурлить, клокотать" (о воде).

Думается, что такое исконное различение слов *ключ* „техническое приспособление" и *ключ* „родник" неверно. Было время, когда они входили в одну семью слов, при-

чем сначала в ней появилось слово *ключ* как название технического приспособления, а затем на его основе слово *ключ* со значением „источник, родник".

О возможности такого этимологического решения пишет, между прочим, М. Фасмер: „Обычно сближается с *клю́кать* „шуметь...", но имеет смысл поставить вопрос об одинаковом происхождении с *ключ* I. Ср. нем. выражение eine Quelle erschliessen „открыть источник" (Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 258). Однако разъяснять его не разъясняет. А этот ключ к разгадке слова *ключ* „родник, источник" предлагал уже В. Даль: „*Ключ*, отмычка, перешло... на *родник*, как на отомкнутое недро земли" (Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 122).

Таким образом, в конечном счете два *ключа* появились из одного и того же источника. Вначале было слово *ключ* „клюка, засов, запор, замок", с течением времени получившее значение „отмычка, ключ".

Как ни удивительно, но это исконно русское существительное общеславянского характера родственно иноязычному слову *слесарь*, обозначавшему при его заимствовании из немецкого языка мастера, изготовлявшего именно замки и ключи. Но об этом см. заметку „*Слесарь*, *ключ* и *за́мок*".

Слесарь, ключ и за́мок

По всей вероятности, у многих из вас сразу возникает если не уверенность, то предположение, что в заглавии опечатка, что ударение в слове *замок* поставлено не там, где надо. Ведь слесарь — это мастер, делающий замки́ и ключи, но не тот, кто строит за́мки. Поэтому как будто, если уже объединять в названии заметки связанные друг с другом предметы, то объединять надо слесаря, ключ и замо́к. И тем не менее речь далее пойдет именно о словах *слесарь, ключ* и *за́мок*. Эти существительные (из которых только слово *ключ* исконно русское) оказываются пу́сть десятая вода на киселе, но все же родственниками.

Слово *слесарь* пришло к нам из средневерхненемецкого языка в XVII в. В последнем оно (в виде slōsser > Schlosser) является суффиксальным производным — посредством суффикса *-er-* от слова slōss > Schloss „замок, запор". Это современное слово ведет свое происхождение от древневерхненем. sliozan „запирать", точно так же как

наши *зáмок* и *запор* — от глаголов *замыкати* и *запирати*. Древневерхненем. sliozan восходит к *skliozan, в котором мы наблюдаем приставку ***s-*** (так называемое подвижное ***s***: ср. *кора* — *скора*, *skepa > *щепа* и *kepa — *чепуха*, см. заметку „*Ерунда* и *чепуха*") и непроизводную основу ***klioz-***, однокорневую той, которая содержится в русском слове *ключ* и латинских clavis „ключ", clusa „запор".

Как видим, родство слов *слесарь* и *ключ* налицо. Можно догадаться о близости этих слов к слову *шлюз*, восходящему тоже к средневерхненем. slōss (ср. устарелое *слюз*). К нему же (правда, опосредованно) восходит и слово *зáмок* „крепость, форт, укрепление". И вот как именно. В результате буквального перевода (калькирования) латинского слова clūsa, означавшего и „крепость, форт", и „запор, замок", средневерхненем. Slōss „замóк, запор" тоже приобрело значение „крепость, форт". Его скалькировали чехи. Они также стали называть крепость словом, обозначавшим „замóк, запор". Чешское zámek „зáмок" было в свою очередь „снято" поляками. А получившее новое значение польское существительное (в переоформленном виде ***ek*** > > ***ok***, но с сохранением начального ударения) пришло к нам. Так рядом с исконным и общеславянским *замóк* (от *замкнуть* „закрыть") появилось в русском языке польское слово *зáмок*, связанное словообразовательными узами и со словом *слесарь*, и со словом *ключ*, и даже со словом *шлюз*.

Откуда есть пошло слово *отверстие* и какой в нем корень

Существительное *отверстие* пришло в русский литературный язык из старославянского. В последнем оно образовано с помощью суффикса ***-иј-*** от страдательного причастия прошедшего времени глагола *отъврьзти* (>*отверсти*) „открыть, развязать" — *отъврьзтъ* (>*отверст*) „открытый, развязанный". Таким образом, по своему структурному характеру слово *отверстие* подобно существительному *открытие*. Различной оказалась у них семантическая судьба: слово *открытие* получило абстрактное значение, слово же *отверстие* — конкретное. Глагол *отверсти* (ср. устаревшее *отверзать*) возник на базе глагола *верзти* < *врьзти* „связывать", родственного литовск. veržiù „связываю", авест. verez „запирать" и т. д. В диалектах до сих пор живет еще (ранее бывшее очень ходячим) слово *верзни* „лапти", прямой и непосредственный по-

томок этого глагола: *верзни* буквально значит „сплетенные, связанные“.

Следовательно, с этимологической точки зрения в слове *отверстие* на древнерусском уровне можно выделить приставку ***от-(<отъ-)***, непроизводную основу ***-верс-(<-верз-<-върз-)***, суффикс ***-иj-*** и окончание ***-е***. На более древнем языковом „срезе“ непроизводную основу ***-върз-*** можно делить на корень ***-вър-*** (тот же, что в словах *веревка<вървь*, *вериги*, диал. *вор* „забор, ограда“, *ворота*, литовск. vérti „закрывать, открывать“ и т. д.) и суффиксальное ***-з-***.

Тем самым, в частности наше *отверстие* оказывается в отдаленном, но все же родстве не только с такими словами, как *отворять* и *ворота*, но также и с такими, как *веревка* и *вериги*.

Кровными узами связано, между прочим, слово *отверстие* с глаголом *разверзаться*, которое нам известно сейчас лишь в шутливом выражении *Разверзлись хляби небесные* (см. заметку „Что значит слово *хлябь*“).

Что значит слово *хлябь*

В качестве самостоятельной лексической единицы слово *хлябь* практически в нашей речи отсутствует. Оно живет лишь как часть целой „словесной семьи“ и только в ней. Вспомним шутливое выражение *разверзлись хляби небесные* „пошел сильный, проливной дождь“. Мы видим, что в названном фразеологическом сращении архаично не только существительное *хлябь*, но и глагол *разверзлись*. Хорошо знакомо лишь прилагательное *небесный*. С чем же небесным и что же сделалось? Начнем с последнего. О глаголе *разверзлись* уже упоминалось, когда говорилось об этимологии существительного *отверстие* (см. заметку „Откуда есть пошло слово *отверстие* и какой в нем корень“). *Разверзлись* может значить „раскрылись, развязались, расшатались, ослабли“.

Чтобы понять, какое значение было первоначально у оборота *разверзлись хляби небесные*, нам осталось узнать, что значит слово *хлябь*. Это существительное имеет значение „простор, пустота, глубь; бездна, пропасть“. Таким образом, буквальный перевод выражения *разверзлись хляби небесные* дает нам „открылись небесные просторы“ (или „бездны“ и т. д.). Тем самым становится яснее и оправдан-

нее современное значение оборота, которое является как бы следствием исходной семантики. И все же история нынешнего значения „пошел сильный, проливной дождь“ „разверзается“ перед нами полностью лишь тогда, когда мы привлекаем тот контекст, из которого выражение *разверзлись хляби небесные* явилось на свет.

А извлечено оно было из библейского рассказа о „всемирном потопе“: *Разверзошася вси источницы бездны, и хляби небесные отверзошася. И бысть дождь на землю четыредесять дней и четыредесять ночей.* Н. С. и М. Г. Ашукины (Крылатые слова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966, с. 570) по традиции передают этот отрывок таким образом: „Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей“. Однако, как можно заключить, имея в виду уже изложенное, такой перевод неточен. Ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет, а слово *разверзошася* требует перевода „раскрылись“.

Заметим попутно, что наши *небесные хляби*, после того как они „разверзлись“, отложились не только в разобранном выражении. Слова *разверзлись хляби небесные* оставили после себя и других потомков. Среди них в первую очередь следует назвать глагол *расхлябаться* „расшататься, разойтись, ослабеть“ (ср. *гайки расхлябались*, т. е. расшатались, *сапог расхлябался*, т. е. стал свободным, и т. д.) и существительное *расхлябанность* „недисциплинированность“ (от *расхлябанный*, страдательного причастия глагола *расхлябать*, приставочного производного от *хлябать* „качаться, шататься“).

Глагол *расхлябаться* среди только что названных слов особенно интересен. Он возник в результате своеобразной конденсации словосочетания *разверзлись хляби*, на базе слова *хлябь*, но по модели *разверзлись*: в структурную схему ***раз-(рас-)— -лись*** вместо ***-верз-*** было „засунуто“ ***-хляба-***. Еще более оригинальным сжатием оборота *разверзлись хляби небесные* в слово предстает перед нами диалектное существительное *хляба* „дождь, слякоть“.

Два глагола *обуять*

В настоящее время свободно и часто употребляется лишь одно *обуять* — то, которое имеет значение „охватить, объять, овладеть“: *И такая меня по тебе тоска обуя-*

ла, такая грусть, что, кажется, все бы на свете отдала, лишь бы с тобой хоть минуточку еще побыть (Куприн).

Однако в художественных произведениях XIX в. можно встретить и другое *обуять*, обладающее совсем иным значением. И это надо обязательно учитывать, чтобы правильно понимать, что хотел сказать писатель. Так, во фразе *Виновен я; гордыней обуянный, обманывал я бога и царей* Пушкин использовал слово *обуянный* в современном значении „охваченный, объятый". А вот, например, в его же стихотворении „Наполеон" мы встречаемся уже с таким *обуять*, которое в эту семантику не укладывается: *Надменный! Кто тебя подвигнул? Кто обуял твой дивный ум?* Здесь *обуять* значит „лишить рассудка, сделать безумным".

Между прочим, разным является не только значение этих омонимов, но и их происхождение.

Глагол *обуять* „охватить, объять, овладеть" является древнерусским производным с помощью префикса ***об-*** от *уяти* (ср. современное *унять*), в свою очередь образованного посредством приставки ***у-*** от *яти* „брать, хватать" (ср. *взять, снять, отъять* и др.). От слова *объять* его отличает лишь наличие как бы лишней приставки ***у-***.

Что касается глагола *обуять* „лишить рассудка, сделать безумным", то он образован в старославянском языке посредством приставки ***о-*** и суффикса ***-ати*** от прилагательного *буи* „глупый, безумный".

Далеко не всегда опознать в тексте разные *обуять* так просто и легко, как в приведенных примерах. В отрывке из поэмы Пушкина „Медный всадник" перед нами такой случай, когда слово *обуянный* как бы совмещает оба указанных значения, т. е. когда омонимы вдруг сливаются в одно слово: *И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как обуянный силой черной, „Добро, строитель чудотворный! — Шепнул он, злобно задрожав.— Ужо тебе!.."* Здесь *обуянный* может быть понято и как „лишенный рассудка, сведенный с ума" (черной силой), и как „такой, которым овладела (черная сила)".

Что моет судомойка?

Каждому известно, что судомойка моет. Конечно, посуду. Почему же ее называют не „посудомойкой", а *судомойкой*?

В самом деле, *судомойка* — это женщина, которая по своей должности занимается мытьем посуды. Но это вовсе не женщина, моющая суда. Почему же в существительном *судомойка* корень ***суд-*** соотносится не со словом *судно*, *суда* в значении „корабль, корабли“, а со словом *посуда*? В этом корне сохраняется старое значение слова *судно*, *суда* „посуда“. Кроме существительного *судомойка*, это значение сохранилось только в корнях слов — *посуда*, *судок* и *судно*, *судна*.

Заметим, что наше *судно*, *суда* является яркой иллюстрацией очень интересного и регулярного развития значения „посуда“ в значение „судно, корабль, лодка“, проявляющегося в целом ряде слов.

Возьмем в качестве примера существительное *лодка*. Его современная семантика как уменьшительно-ласкательного образования от утраченного слова *лода* тоже восходит к „посудному“ значению, о чем говорит родственное ему норвежское olda „корыто“ (начальное ***ol*** перед согласным ***d*** изменилось в восточнославянских языках в ***ло***, ср. старославянск. *ладья*). Как свидетельствует современное употребление посудных названий в качестве обозначения судов (ср. *посудина*, *корыто*), первоначальное использование слов со значением „посуда“ по отношению к судам было уничижительным, ироническим.

Между прочим, превращение оценочных названий в нейтральные в языке наблюдается часто и образует один из его наиболее важных внутренних законов.

Но вернемся к слову *судомойка*. В наполовину родственном ему существительном *портомойка* мы наблюдаем такое же сохранение старого значения первой частью сложного слова. Здесь непроизводная основа ***порт-*** также не равняется по смыслу корню ***порт-***, который мы сразу же вспоминаем как основную принадлежность одного из названий брюк (сейчас просторечного и грубоватого) — *портки*.

Ведь *портомойка* — это та же самая прачка, т. е. женщина, которая стирает одежду, верхнее и нижнее белье, а не только брюки. И в слове *портомойка* часть ***порт-*** по вещественному значению равна слову *одежда*. Таким и было, кстати, прежнее значение слова *портъ*, в древнерусском языке „заглавного“ и наиболее употребительного общего наименования одежды. Не случайно, что именно оно легло в основу слова *портной*, обозначающего мастера, шьющего одежду.

Как видим, основа ***порт-*** „сузила" свое значение, превратившись из родового названия одежды вообще в обозначение одного из ее видов — брюк. Та же участь постигла и слово *платье*, которое сейчас в основном специализируется на обозначении одной из частей женского гардероба, хотя исконно было также лишь общим наименованием одежды.

Опять и *обратно*

К. И. Чуковский в книге „Живой как жизнь" пишет: „Вот уже лет двадцать в просторечии утвердилось словечко *обратно* с безумным значением *опять*". Но такое ли уж „безумное" значение „снова, опять" у просторечного *обратно*? Анализ слова *опять* с исторической точки зрения показывает, что такая характеристика этой семантики у слова *обратно* является неверной. Ведь тогда и у наречия *опять* его современное значение следует признать „безумным", поскольку в древнерусском языке слово *опять*, как и слово *обратно*, имело значение „вспять, назад, обратно". Это же значение известно и в диалектах: *Луканька, поиграй, да опять* (=назад) *отдай.*

Таким образом, в словах *опять* (ср. родственные *пятиться, вспять* и пр.) и *обратно* (ср. родственные *возвращаться, поворот* и пр.) наблюдается одинаковое развитие — от значения „назад" к значению „снова". Только в слове *опять* оно в настоящее время завершилось, а в слове *обратно* лишь началось. Последним, между прочим, и объясняется тот факт, что употребление наречия *обратно* в новом значении квалифицируется как неправильное.

О чем рассказывает слово *окно*

Что такое *окно*? Если обратиться к словарю, то мы в нем найдем такое определение этого предмета: „отверстие для света и воздуха в стене здания или стенке какого-либо транспортного устройства" (поезда, парохода, самолета и т. д.). Но всегда ли окно служило таким целям? Оказывается, не всегда. И об этом свидетельствует уже название этого предмета.

Окно — один из многочисленных примеров того, как из слов можно извлечь исторические данные. Ведь слова́

иногда говорят о называемом ими предмете не меньше, нежели археологические находки.

Зачем же делали окно раньше, в эпоху общеславянского языкового единства, т. е. тогда, когда это слово возникло как значимая единица? Об этом четко и определенно говорит его этимологический состав. Сейчас это слово имеет непроизводную основу *(окн-о)*. Однако образовалось оно с помощью суффикса *-н-(<-ън)* от существительного *око*, обозначающего глаз, орган зрения, то, с помощью чего мы видим.

Следовательно, исходная структура слова говорит нам, что окно первоначально было не отверстием для света и воздуха, а служило другим целям: оно делалось (кстати, как свидетельствуют археологи, вначале из щели между бревнами сруба) для того, чтобы можно было наблюдать, видеть то, что происходит вне дома. Поэтому оно и уподоблялось оку, т. е. глазу.

Между прочим, позже для обозначения отверстия, посредством которого можно видеть, наблюдать за происходящим, русские использовали также и новое название органа зрения — слово *глаз* (ср. *глазок* „отверстие в дверях для наблюдения за кем- или чем-либо").

Нечто подобное мы наблюдаем и в некоторых русских диалектах, где слово *зенко* „зрачок" (родственное поэтическому *зеница*, просторечному *зенки* „глаза") известно и в значении „окно, рама, оконный переплет"; у болгар, которые окно сейчас называют словом *прозорец* (от *прозирам* „вижу"); у поляков, которые обозначают иногда окно словом wyziernik (от wyzierać „высматривать, выглядывать"), и т. д.

Чем существительные *порт, гаванъ* и *пристанъ* отличаются друг от друга

Слова *порт* и *гавань* по отношению друг к другу являются синонимами как в прямом, первичном значении „место у берега, специально оборудованное для стоянки судов", так и в переносном, производном значении „приморский портовый город". Не отличаются они между собой и сферой употребления, стилистической окраской и словесными связями. Синонимия этих слов выступает в настоящее время почти как абсолютная. Однако определенная разница между словами *порт* и *гавань* существует. Она про-

является и в большей частотности слова *порт* в значении „приморский портовый город", и в наличии у существительного *гавань* совершенно несвойственного для слова *порт* значения „бухта". Кроме того, дифференцируются в известном отношении эти слова и с точки зрения словообразовательной (ср. наличие прилагательного *портовый* (город) при невозможности образования *гаванный*). Наконец, различными оказываются эти существительные и по своему происхождению: слово *порт* заимствовано русским языком из французского, *гавань* же из голландского языка.

Что касается исконно русского существительного *пристань* (от глагола *пристать*), то оно синонимично словам *порт* и *гавань* лишь в первом из указанных выше значений („место у берега, специально оборудованное для стоянки судов"), причем для него не очень частотном и актуальном.

Чаще слово *пристань* употребляется сейчас в ином и более конкретном значении — „мол". Именно этим объясняется, в частности, тот факт, что оно свободно и охотно сцепляется с предлогом *на (на пристани*, ср. *на молу*), а не с предлогом *в* (как *порт* и *гавань*, ср. *в порту*, *в гавани*).

Таким образом, являясь в части своей семантики синонимичными, слова *порт*, *гавань* и *пристань* тем не менее отличаются друг от друга и входят в силу этого в разные синонимические ряды. Один ряд составляют слова *порт*, *гавань* и *пристань*. Другой образуют существительные *гавань*, *бухта* (от нем. Bucht, от biegen „сгибать"), *залив* и *губа* (от *(с)гибать*). В третий входят лишь два слова — *пристань* и *мол*. Как видим, одинаково „водные" слова *порт*, *гавань* и *пристань* имеют каждое свой семантический „шесток" в общей системе лексики русского языка.

Как родилось слово *драндулет*

Разговорное слово *драндулет* в качестве шутливого названия старого, разбитого экипажа, повозки знают все, хотя в словарях оно начало фиксироваться недавно (см. „Словарь русского языка" С. И. Ожегова. Изд. 9-е. М., 1972).

Однако вряд ли многим известно его происхождение: в существующих этимологических словарях оно еще не объяснялось.

Как же оно появилось в русском языке? Существительное *драндулет* возникло (очевидно, в интеллигентском просторечии) на базе заимствованного из польского языка dryndułа „старый, разбитый экипаж, повозка“ по аналогии с галлицизмом *кабриолет*.

В польском языке слово dryndułа (откуда dryndułka) — суффиксальное производное от drynda того же значения, образованного от глагола dryndać „тащиться, медленно ехать“, возникшего в свою очередь на базе звукоподражания dryn, передающего возникающие при движении звуки (см.: S ł a w s k i Fr. Słownik — etymologiczny języka polskiego, t. 2. Kraków, 1953, s. 172), ср. глагол *тренькать*. Этимологически правильным написанием русского слова является „дрындулет“.

Правильно ли мы пишем слово *гуталин*?

Вопрос является риторическим. Конечно, правильно, поскольку написание *гуталин* — единственное, указываемое словарями. Другое дело: соответствует ли это — принятое сейчас — написание действительной этимологии слова. И вот, когда мы начинаем заниматься происхождением существительного *гуталин*, становится ясным, что современное его написание не первоначально.

В этимологических словарях русского языка слово *гуталин* не объясняется. Единственным словарем, который дает справку о происхождении этого слова, является „Толковый словарь русского языка“ под ред. Д. Н. Ушакова (т. I. М., 1935). Однако предлагаемое им объяснение (от нем. gut „хороший“) более чем сомнительно. Во-первых, слова на *-алин* образуются от основ существительных (ср. *нафталин* — от греч. naphtha „нефть“, *формалин* — от *формальдегид*), а во-вторых, все они обозначают химические соединения. О неправильности объяснения этимологии слова *гуталин* в словаре Ушакова говорит и написание этого слова в 20-е годы — *гуттолин*. Следовательно, надо искать новое объяснение.

Думается, что наиболее правильным будет такое толкование: существительное *гуталин (гуттолин)* образовалось в результате сложения лат. gutta „гуттаперча, твердый кожеподобный продукт, представляющий отвердевший сок гуттоносных растений; камедь“ и лат. oleum „масло“ с одновременным присоединением суффикса *-ин*

(<-ine) по модели *ланолин* (от лат. lana „шерсть“ и oleum), *газолин* (от *газ* и oleum) и т. д.

В современном написании впервые слово *гуталин*, очевидно, отмечается в „Малой советской энциклопедии“ (т. 2. М, 1929, с. 712).

Голышом, нагишом и *телешом*

В редакцию „Русского языка в школе“ пришло письмо, которое не только меня очень обрадовало, но и подсказало тему новой новеллы. (Вы не чувствуете тавтологии в двух последних словах? Ведь слово *новелла*, пришедшее к нам из итальянского языка, восходит к лат. novella, что значит „новая“, от nova — тоже „новая“.) Вот выдержки из письма: „Меня заинтересовала заметка, в которой вы говорите о словах, открытых „на кончике пера“, а именно о слове *драчун*. Вы пишете, что слово *драч* после его реконструкции Вами на основе фактов языка было прочитано как самое настоящее и обычное слово в одном рукописном словаре XVIII в. А я хочу Вас порадовать. Это слово существует в наших южнорусских говорах и сейчас. Значит, Ваше мнение о происхождении существительного *драчун*, действительно, является верным...“ И далее: „P. S. А еще я где-то читала, что слово *голышом* произошло от *голыш*. Не такого ли образования и наречие *телешом*? В литературном языке существительного *телеш* нет, но в нашем говоре оно употребляется совершенно свободно“.

Читательница права. Наречие *телешом* образовано так же, как синонимические ему наречия *голышом* и *нагишом:* от существительного в форме творительного падежа.

На такое происхождение слова *телешом* указывает и однотипность его в смысловом и грамматическом плане с названными синонимами, и наличие в нашем языке большой семьи наречий с суффиксом ***-ом*** на конце (ср. *бегом*, *кругом*, *броском*, *порожняком*, *верхом*, *передом* и т. д.), и очевидность происхождения суффикса ***-ом*** из окончания ***-ом***.

Все это, несомненно, „уличает“ слово *телешом* в том, что родилось оно как наречие, покинув родную ему часть речи — существительное. Более того, позволяет восстановить, реконструировать, обнаружить и его „родителя“ — *телеш*.

Реальность этого существительного документально подтверждается диалектным *телеш*, но не стала бы меньшей, если бы этого диалектизма не было. Ни от чего другого, по законам и правилам нашего словопроизводства, наречие *телешом* возникнуть не могло! Такова уж логика системы языка.

А вот исходные для наречных синонимов слова́ *голыш*, *нагиш* (подтверждается фамилиями *Нагишев*, *Нагишкин*), с одной стороны, и слово *телеш* — с другой, и по структуре, и по образованию являются совершенно разными.

Два первых слова — как производные от прилагательных *голъ* и *нагъ* с помощью суффикса ***-ышъ(>-ыш, -иш)*** — принадлежат к обширному сообществу существительных, составляющих регулярную модель: *малыш*, *глупыш*, *крепыш*, *слепыш*, *коротыш*, *мякиш* и т. д., ср. также *Черныш(ов)*, *худышка* и т. п.

Что же касается слова *телеш*, то оно определенно сделано иначе. А вот как именно — вопрос. На первый взгляд может показаться, что оно подобно древнерусскому слову *лемешь* „лемех" (ср. фамилию *Лемешев)*. Однако это вряд ли так. Слово *лемешь* — очень древнее (ср. родственное латышск. lemesis) и образовано от глагольной основы ***лем-*** с гласным *е*, в перегласованном виде выступающей в глаголе *ломить*, *ломать* (ср. болг. *лом* „мотыга, кирка"). Существительное *телешь* > *телеш* можно толковать как производное той же структуры, очень старое отглагольное (!) образование орудийного значения. Причем в таком случае — только как слово со значением „одежда, то, чем прикрываются, закрывают, постилают" от глагольной основы ***тел-*** (<****toil-***), родственной диал. *тулить* „закрывать, прятать", древнерусск. *тулитися* „прикрываться, скрываться", белорусск. *туліць* „укрывать", болг. *тулям* „прячу" и т. д. (где *тул-*<****toul-***) и, значит, слову *туловище* (<*тулово*<*туло* со значением „то, чем закрывают, защищают" — ср. древнерусск. *тулъ* „колчан" — и далее — „то, что закрывают, одевают", а затем — „туловище"). Предполагаемое значение слова *телеш* (при такой его трактовке) как будто свидетельствуется глаголом *растелешиваться* „раздеваться, разоблачаться".

Объяснять слово *телеш* как суффиксальное производное от *тело* (<*тело*, *телесе*) нельзя, так как в ту эпоху, когда суффикс ***-ешъ*** был жив как словообразовательный элемент, существительное *тело* имело еще основу на со-

гласный (т. е. *тѣлес-*, ср. хотя бы производное *телесный)*.

Именно глубокая древность морфемы *-ешъ* в *лемешъ* и заставляет нас усомниться в том, что *телеш* — того же образа и подобия. Ведь если слово *лемешь*, как уже отмечалось, очень древнее (вероятно, даже балто-славянское) и известно всем славянским языкам, то слово *телеш* не фиксируется ни в древнерусских памятниках, ни в других славянских языках и, очевидно, „по паспорту" недавнее. Взгляд на это слово как на сравнительно новое позволяет объяснить его по-другому, проще и, возможно, вернее.

От слова *телеса* был вначале образован (по аналогии с *разнежиться*, *разрядиться*, *раскраситься*, *распоясаться*, *расхрабриться* и т. д.) глагол *растелеситься*. От него потом „по существующему обычаю" (ср. *окраситься* — *окрашиваться*, *раскваситься* — *расквашиваться*, *свеситься* — *свешиваться* и т. п.) была создана соотносительная форма несовершенного вида — *растелешиваться*. Именно от нее и могло родиться существительное *телеш* в результате так называемого обратного словообразования. В ряду *пояс* — *распоясываться*, *супонь* — *рассупониваться* из глагола *растелешиваться* было извлечено существительное *телеш*. Этимологически оно было неправильным, но имеющим не менее прав на существование, нежели *фляга* (см. заметку „Что было раньше: *фляга* или *фляжка*?"), *зонт* (из *зонтик*, голландск. zondek „покрышка от солнца", по модели *лист* — *листик*, *мост* — *мостик*), *дояр* (от *доярка*, аналогично *санитар* — *санитарка*) и др.

Но вернемся к нашим наречиям. *Голышом*, *нагишом*, *телешом* — все это сейчас стилистически окрашенные синонимы просторечно-диалектного употребления. Нейтральным словом данного синонимического ряда является прилагательное *голый*, рядом с которым активно употребляются смысловые „тезки" иного характера. Это шутливые фразеологизмы в *чем мать родила*, *в натуральном* (т. е. в природном, естественном.— *Н. Ш.*) *виде* и, наконец, *в костюме Адама* (или *Евы*).

Одеколон и жавель

На первый взгляд ничем эти слова не близки, а их соседство выглядит неожиданным. Слишком разные вещи они обозначают: *одеколон* — „парфюмерно-косметическое

средство типа духов", а *жавель* — „хлористый раствор для стирки белья", вытесненный сейчас из повседневного употребления различными новомодными стиральными порошками. Да и звучат эти слова совершенно по-разному.

И тем не менее это в известном отношении родственники. И не только потому, что в конечном счете оба пришли в нашу речь из французского языка. Оказывается, прототипами наших слов во французском языке являются не слова, а два словосочетания, содержащие некоторые общие компоненты. Такими компонентами выступают слова eau „вода" (произносится [*o*]) и de „из".

Существительное *одеколон* появилось у нас в результате слияния французского оборота eau de Cologne в одно слово (eau de Cologne буквально значит „вода из Кёльна"). Одеколон был назван так по месту своего первоначального изготовления. Заметим, что для его названия в XIX в. у нас бытовал и перевод французского оборота — *кёльнская вода*.

Все это так, но при чем тут *жавель?* Где в нем эти общие слова? В современном слове их действительно нет, но посмотрим, как оно появилось. А появилось оно в результате сокращения оборота *жавелева(я) вода* (так же как *самоцвет* из *самоцветный камень*, *противогаз* из *противогазовая маска*, *демисезон* из *демисезонное пальто*, *стационар* из *стационарное отделение* и т. д.). Видите, и здесь есть слово *вода*. Выражение *жавелева(я) вода* также является переводом французского фразеологизма: оно передает франц. eau de Javelle (буквально — „вода из Жавеля").

Жавель, как и одеколон, был назван по месту изготовления (Жавель — сейчас квартал Парижа — был деревней, где в конце XVIII в. находилась соответствующая фабрика). Между прочим, в XIX в. были известны и формы, отражающие прямое заимствование — *оджавель*, *одживель*, аналогичные слову *одеколон*.

Истории слов *одеколон* и *жавель* позволяют показать некоторые пути образования в нашем языке слов на базе фразеологических оборотов:

1) в результате сжатия их в одно слово путем чистой аббревиации;

2) в результате сращения их в одно слово (ср., кроме *одеколон*, и устар. *оджавель*, *одживель*, *игрек* < франц. i grec „греческое *и*", *общежитие* < старослав. *общее житие*, калькирующее греч. koinobiōs, и т. д.).

Партийность

Существительное *партийность*, одно из наиболее часто и широко употребительных слов на *-ость*, появилось в лексике русского языка в конце XIX в. И своим рождением, и получением прав гражданства, и своей частой и широкой употребительностью оно обязано В. И. Ленину.

Первое по времени употребление слова *партийность* встречается у В. И. Ленина в работе „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве", написанной им в конце 1894 — начале 1895 г. и вышедшей за подписью „К. Тулин" в 1895 г. О его индивидуально-авторском характере в этой работе совершенно определенно свидетельствует вводное слово *так сказать*, которым здесь оно сопровождается.

Используя только что созданное слово, В. И. Ленин тут же делает оговорку, учитывая, несомненно, его непривычность и отсутствие в языке (прежде всего — в языке своих читателей): „...С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы".

Как видим, при своем появлении на свет слово *партийность* представляло собой отвлеченное существительное к прилагательному *партийный* в смысле „выражающий интересы, воззрения, стремления какой-либо общественной группы".

Именно в качестве антонима к этому первоначальному семантическому варианту слова *партийность* возникает затем существительное *беспартийность*: „Кто же не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушевать то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши гг. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь „беспартийности" (Ленин В. И. Задачи революционной молодежи, 1903); „Под видом беспартийности ЦК РОС дает рабочим буржуазные фразы, вливает в них буржуазные идеи, развращает их социалистическое сознание буржуазным туманом" (Ленин В. И. Новый революционный рабочий союз, июнь 1905 г.) и т. д.

Позднее слово *партийность* получает у В. И. Ленина и иное значение, начиная выступать как антоним к существительному *кружковщина*. Ср.: „Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действования путем сплетен и кружковых давлений" („Рассказ о II съезде РСДРП", сентябрь 1903 г.); „Основу кризиса мы видим в переходе от кружковой формы жизни социал-демократии к формам партийным; сущность ее внутренней борьбы — в конфликте кружковщины и партийности" („К партии", август 1904 г.) и т. д. А поскольку понятия партийности и кружковщины были неразрывно связаны прежде всего с принципиально различными организационными формами деятельности РСДРП, дальнейшее семантическое развитие слова *партийность* логически привело к появлению у этого существительного значения „принадлежность к Российской социал-демократической партии": „Вся нелегальная печать была партийна, издавалась организациями, велась группами, связанными так или иначе с группами практических работников партии. Вся легальная печать была не партийна,— потому что партийность была под запретом,— но „тяготела" к той или другой партии" (Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература, ноябрь 1905 г.). Позднее на базе указанных значений формируются у слова *партийность* и другие: значение отвлеченного существительного к прилагательному *партийный* в смысле „соответствующий духу Коммунистической партии, ее программе и идеологии" и значение „принадлежность к ВКП(б), а затем — к КПСС".

Хвостизм

В своей речевой практике В. И. Ленин довольно часто и всегда очень оригинально и удачно прибегал к своим собственным неологизмам, индивидуально авторским — только ему присущим — новообразованиям. Последние наблюдаются у него и в области фразеологии, и среди слов. Лексические и фразеологические неологизмы В. И. Ленина играют в его произведениях самую различную роль. Они используются и для более выразительной и яркой характеристики уже названного, и для наименования новых, только что появившихся общественных явлений и понятий.

Многие из таких ленинских неологизмов стали общеупотребительными словами и оборотами, прочно вошли в русский литературный язык. К их числу относится и слово *хвостизм*, давно уже ставшее принадлежностью общеязыкового стандарта. Слово очень меткое и точное, останавливающее внимание и присущей ему экспрессией, и характерной для него структурой.

В качестве лексического неологизма В. И. Ленина слово *хвостизм* „оппортунистическая идеология и тактика в революционной борьбе рабочего класса, следование в хвосте событий" справедливо толкуется целым рядом ученых, в частности А. М. Вирковской (Общественно-политическая лексика книги В. И. Ленина „Что делать?". Минск, 1961, с. 37). Впервые это существительное мы встречаем у В. И. Ленина в работе „Что делать?". Вот то словесное окружение, в котором оно родилось: „В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть „духом", не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее *до „своей программы"*? Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. „Рабочее" же „Дело" не только следует этой „тактике-процессу", но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом*. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от „преуменьшения стихийного элемента развития".

Приведенный контекст позволяет не только убедиться в том, что это ленинское новообразование (ср. оговорочные слова *вернее было бы назвать*, курсивное обозначение слова *хвостизм*, разъяснение его структуры), но и увидеть тот фразеологический оборот *(тащиться, идти в хвосте)*, который был исходным для этого существительного и определил как его морфемный состав, так и удивительную выразительность (ср. подобные *собаку съел — насобачился*, *надоесть как сто чертей — осточертеть* и т. д.).

Слово *хвостизм*, таким образом, было образовано В. И. Лениным в конце 1901 г.— начале 1902 г. Однако оно не сразу стало лексической единицей активного словарного запаса русского литературного языка. Свежим и авторским это слово выступает (хотя уже и очень часто) еще в работе „Шаг вперед, два шага назад", написанной

в 1904 г. (ср.: „...было бы маниловщиной и „хвостизмом“ думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии“).

Заметим, что в данной статье мы встречаемся уже и с соответствующим слову *хвостизм* агентивным существительным на *-ист* — *хвостист* („Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной, ipso facto не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой“).

ЦК

Слово *ЦК* представляет собой одно из первых инициальных сложносокращенных слов буквенного характера в русском языке. Оно возникло в результате универбации, т. е. стяжения в слово, словосочетания *Центральный Комитет*, причем универбации такого типа, при которой новая лексическая единица составляется из начальных букв слов. Такими же по способу образования являются существительные *МГУ*, *СССР*, *ОТК*, *БСЭ* и т. п., появившиеся позднее, уже после Октябрьской революции.

Существительное *ЦК* появилось в самом начале XX в. и укрепилось (сначала в партийных кругах и марксистской публицистике), несомненно, благодаря работам В. И. Ленина.

Впервые оно отмечается в напечатанном в 1902 г. на гектографе „Письме к товарищу о наших организационных задачах“ (брошюрой было издано в 1904 г.). Вот контекст, показывающий первые шаги этого ленинского неологизма: „Я бы заметил только, что газета может и должна быть *идейным* руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические положения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же *практическим* руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом) ... При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения — у нашей партии могут и должны быть *два* руководящих центра: ЦО (Центральный Орган) и ЦК (Центральный Комитет). Первый должен руководить идей-

но, второй — непосредственно и практически“. Помимо отмеченного (первого) случая употребления, слово *ЦК* в этой работе В. И. Ленина встречается 17 раз. Это было началом жизни существительного *ЦК* в русском литературном языке.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Слова, открытые «на кончике пера»

Помните, как была открыта планета Нептун? Наблюдая за движением Урана, французский астроном Леверье обнаружил, что его орбита не совсем совпадает с той расчетной орбитой, которая у него должна была быть „по правилу“, и содержит хотя и незначительные, но несомненные отклонения. Это было на первый взгляд странным и загадочным, и все же тем не менее фактом. Фактом, который требовал объяснения. И Леверье это объяснение нашел. Он предположил, что отклонения в орбите Урана объясняются воздействием на него еще более далекой от Солнца планеты, ученым пока неизвестной, которая и заставляет Уран „вести себя“ не совсем так, как мы ожидали бы. По отклонениям в его орбите Леверье установил, где на небе надо искать виновника этого — планету, известную сейчас под именем Нептун. Пользуясь его расчетами, астрономы с помощью телескопов нашли Нептун точно в указанном месте звездного полога. Так планета сначала была открыта ученым „на кончике пера“, а потом уже „поймана“ путем визуального наблюдения в телескоп.

Точно так же были вначале предсказаны Менделеевым в его периодической таблице и затем лишь реально открыты некоторые химические элементы.

Возможны ли подобные случаи в лингвистике? Практика свидетельствует, что открытия „на кончике пера“ различных фактов языка, очень точные реконструкции и прогнозирование существуют также и в нашей лингвистической сфере.

Конечно, и реконструкция исчезнувших из языкового стандарта фактов, и прогнозирование будущих требуют хорошего и всестороннего знания языка в его статике и развитии, глубокого и скрупулезного анализа фактов как элементов языковой системы, бережного и непредвзятого отношения к каждому конкретному языковому явлению.

Приведем две иллюстрации из области этимологических исследований.

Ярким и в то же время очень наглядным примером слова, действительно открытого „на кончике пера“, является существительное *белица* в значении „белка“. Оно было реконструировано нами, а впоследствии обнаружено в качестве реальной лексической единицы. Вот как это было. Даже самое поверхностное знакомство с прилагательным *беличий* (в сравнении, с одной стороны, с его ближайшим современным „родственником“ *белка*, а с другой стороны,— с однотипными относительно-притяжательными прилагательными) показывало, что оно является уникальным и в общую и регулярную модель не укладывается. В самом деле, слово *беличий* осознается сейчас как производное от существительного *белка*. Но все же оно образовано явно не от слова *белка*, так как в таком случае (как свидетельствуют соотносительные по структуре образования с суффиком ***-j-/-ий*** вроде *галка — галочий*) имело бы форму *белочий*. Вот это-то чисто „уранье“ отклонение слова *беличий* от закономерной при существительных с суффиксом ***-к(а) (<-ък(а)*** формы на ***-очий*** и заставило нас реконструировать — в соответствии с существующими законами русского словопроизводства — в качестве производящего для этого прилагательного слово *белица*. Ведь если предположить, что прилагательное *беличий* образовано не от формы (первоначально уменьшительно-ласкательной) *бѣлъка (>белка)*, а от параллельной формы *бѣлица (>белица)* (ср. литер. *галка* — диал. *галица*, *девка — девица*, *тряпка — тряпица*, *корка — корица*, *водка — водица*, совр. *ложка (<лъжъка)* — древнерусск. *лъжица* и т. д.), то все встанет на свои места. Слово *беличий* тем самым будет выступать как самое заурядное и рядовое образование посредством суффикса ***-j-/-ий*** типа *девичий* (от *девица*), *птичий* (от *птица*) и т. п.

А „водворение“ неясного по своему происхождению и структуре слова в его словообразовательную семью — это обязательное и очень важное звено в этимологическом поиске, ибо слов, от рождения по своему строению изолированных и особых, в языке не существует. Только потом отдельные слова отрываются от себе подобных и оказываются на словообразовательном отшибе.

Как видим, конкретное рассмотрение прилагательного *беличий* в широком лексико-словообразовательном кон-

тексте и с учетом существующих правил словообразования привело нас к реконструкции его непосредственного родителя — слова *белица*.

В свете этого этимологического решения слово *беличий* объясняется как производное (с помощью суффикса *-j-/-ий*) от ныне утраченного существительного *белица*. Эта этимология и была дана в „Кратком этимологическом словаре русского языка" Н. М. Шанского и др., с тем бо́льшим основанием, что — значительно позднее реконструкции, но все же до выхода первого издания словаря в свет — слово *белица*, этот лексический „Нептун", было обнаружено нами в качестве названия белки. Один из наших рецензентов не поверил в правильность предложенной нами этимологии: „По поводу прилагательного *беличий* составители КЭС делают новое открытие в области словообразования, утверждая, что это слово происходит от утраченного *белица* „белка". Однако никто и нигде такого слова не слышал, и в памятниках оно не зарегистрировано. Правда, встречается *белица* в значении „монахиня, не прошедшая чина пострижения" (в том же смысле у В. Даля). Но в КЭС имеется в виду нечто иное". Критикуя наше решение, проф. П. Я. Черных не знал, что свою реконструкцию мы давно уже успели обнаружить „визуально" (о чем — в силу краткости словаря — говорить в словарной статье, естественно, не могли).

Вот относящееся сюда место из памятников письменности: *Прислали къ Владимиру послов своихъ... обецуючи платити, якъ схочетъ, хотяй воскомъ, бобрами, чорными куницами, белицами, албо и сребромъ* (т. е. „Прислали к Владимиру послов своих... обещая платить (дань), как он захочет, либо воском, бобрами, черными куницами, белками, либо серебром").

Слово *белица* зафиксировано в словаре И. Тимченко (Історичний словник україньского языка, т. 1. Киев, 1930, с. 170).

Другим примером слова, открытого „на кончике пера", может быть слово *драч* в значении „драчун", которое мною при этимологизации существительного *драчун* сначала было реконструировано, а затем — каюсь, совершенно случайно, но с большой радостью — прочитано вдруг как „самое настоящее" и обычное слово в одном рукописном словаре XVIII в.

При поверхностном знакомстве слово *драчун* не вызы-

вает у нас ни впечатления необычности, ни интереса. Действительно, рядом с ним есть и соотносительное слово *драка*, и однорядовые слова с суффиксом ***-ун*** (вроде *крикун, летун, бегун* и пр.).

Поэтому оно воспринимается как совершенно нормальное и ясное образование с суффиксом ***-ун***, даже и не заслуживающее этимологического анализа. Однако это только поперволачалу. Оригинальность слова *драчун* (по сравнению с другими образованиями на ***-ун***) начинает вырисовываться сразу же, как только мы сравним его с другими словами этой модели, также выступающими как производные от основы с конечным согласным ***к*** (ср. *пачкать — пачкун* и т. п.).

Тогда становится ясным, что присоединение суффикса ***-ун*** к основам с конечным ***к*** не сопровождается чередованием согласных, звук ***к*** остается как он есть (ср. *плакать — плакун* и др.). В нашем же слове (если считать его производным от *драка*) наблюдается непонятная мена ***к*** на ***ч***.

Именно это отклонение слова *драчун* от словообразовательной „орбиты" слов на ***-ун*** и заставляет относиться к нему по-особому и, в частности, вынуждает искать причину исключительности, пусть не очень заметной и существенной.

В результате поисков этой причины и было „на кончике пера" открыто слово *драч*. В самом деле, от слова *драка* существительное *драчун* по правилу (*крик — крикун* и т. п.) не могло быть образовано. Тогда появилось бы не *драчун*, а *дракун*.

Не могло быть образовано слово *драчун* и непосредственно от глагола *драться*: в суффиксальном „инвентаре" русского языка суффикса ***-чун*** нет.

С другой стороны, нет никаких оснований выводить слово *драчун* из круга образований на ***-ун***.

А раз так, то оно могло появиться только на базе слова, основа которого оканчивается на звук ***ч***.

Если учитывать существующие модели, то в качестве такого слова теоретически возможно либо существительное *драча*, либо существительное *драч*. Первое слово, представляющее собой гипотетическую реконструкцию отглагольного существительного типа *удача* (от *удаться*), в роли производящего для слова *драчун* маловероятно. Почему? Да потому, что слова на ***-ун*** со значением лица от глагольных и суффиксальных по своему характеру

существительных не образуются. Среди слов на *-ун* нет ни одного, образованного от существительного абстрактного действия, которое в свою очередь являлось бы производным от глагола.

Поэтому слово *драча* (если даже оно является реальной лексической единицей) вряд ли было положено в основу нашего *драчун*. Последнее, скорее всего, было образовано от слова *драч*, подобного существительным с суффиксом *-ч* типа *трепач*, *рвач*, *врач* (о нем см. заметку „Происходит ли существительное *врач* от слова *врать*?") и т. д.

„Позвольте, — можете сказать вы, — но ведь, коль скоро слово *драч* аналогично отглагольным названиям лица с суффиксом *-ч*, оно и само означает лицо по действию образующего глагола, т. е. драчуна. Выходит, суффикс лица (*-ун*) был присоединен к основе слова, которое уже было названием лица и содержало в себе „личный" суффикс *-ч*?" Совершенно справедливо. Так оно и есть. И — самое интересное — в этом отношении слово *драчун* ничего особого и исключительного среди других имен со значением лица не представляет. Целый ряд обозначающих лицо существительных являются производными от существительных, уже имевших значение лица. Таким является, например, слово *лазутчик* (от существительного *лазута* „лазутчик", образованного в свою очередь от *лаза*, что значит опять-таки „лазутчик"; и *лазута* и *лаза* в диалектах еще известны).

Заметим, что такое „повторение" в слове одних и тех же по значению суффиксов — для более наглядного и формального выражения категориального значения — выступает в развивающейся языковой системе как одна из его специфических закономерностей, проявляющихся во многих словах самого различного характера. Укажем в качестве примеров хотя бы существительные *кустарник* (от древнерусск. *кустарь* „кустарник"), *логовище* (от *логово*, производного в свою очередь от *лог*), *дороговизна* (от древнерусск. *дороговь* „дороговизна", ср. *любовь*) и т. д.

Смазливый и *нелепый*

Имеет ли какое-нибудь отношение к красоте лица косметика? Для женщин этот вопрос давно решен практически. Ведь косметика — это „средства ухода за лицом и телом, применяемые с целью гигиены или для придания красоты".

Эта связь косметики с понятием красоты лица проявляется и в языке, в прилагательных, обозначающих красивое.

Возьмите, к примеру, слово *смазливый*. Сейчас это прилагательное обозначает миловидного, красивого, приятного человека, его лицо безотносительно к косметическим ухищрениям. Ср.: *Матап, Матап! — вскричала, вбегая в комнату, смазливая девочка лет одиннадцати, — к нам Владимир Николаевич верхом едет* (Тургенев). Однако первоначально это слово — как свидетельствует его этимологический состав — обозначало напомаженного, нарумяненного человека. Ведь оно образовано с помощью суффикса *-лив-* от существительного *смазь* со значением „мазь, белила, румяна" (ср. диал. *мазка*, *мазила*, „белила, румяна", *смазень* „щеголь, смазавшийся мазями, нарумяненный, напомаженный" и др.).

Так что, как видите, значение „миловидный, красивый, приятный" у прилагательного *смазливый* развилось из значения „нарумяненный, напомаженный", значения, так сказать, чисто косметического. И надо сказать, это не единственный пример того, как слово „косметического плана" получает с течением времени значение „красивый".

Укажем хотя бы на диалектные слова *писаный* „красивый" (ср. *писаная дура* „красавица, но глупа" — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, М., 1955, с. 113), *писанка* „красавица" (*Писанка ты моя!* — там же), восходящие к слову *писать* в его исходном, первичном значении „раскрашивать, рисовать".

Этимологически выражение *писаная красавица* представляет собой поэтому такую же тавтологию, как, например, *черные чернила*, *торная дорога* (устаревшее *тор* значит „дорога"), *старый ветеран* (ср. лат. veteranus — от vetus „старый") и т. п.

То же развитие значения можно отметить и для синонимического прилагательного в чешском языке, в котором malovaný „писаный красавец" (ср. býti jako malovaný „быть писаным красавцем") восходит к malovaný „раскрашенный" (от malovati „красить, рисовать").

Кстати, и *красивый* тоже ведь является словом, близким по превращениям его значения к только что разобранным. Правда, оно вначале было не косметическим термином, а „ювелирным". Буквально *красивый* в момент своего

появления в языке значило „тот, кто украшен, надел на себя какие-либо украшения".

Однако вернемся к заглавию. Какое отношение имеет слово *нелепый* к прилагательному *смазливый*? Оно же значит „бессмысленный, неразумный". Слово *нелепый* только в современном русском языке не соотносится по значению со словом *смазливый*. В древнерусском языке это были антонимы, так как *нелепый* означало „некрасивый". Образовано же оно было посредством приставки *не-* от слова *лѣпыи* „красивый", еще известного в некоторых диалектах в виде *лепый* (ср. также *великолепный*). И только? Лишь потому были названы вместе эти слова, что они были когда-то антонимами? Нет. Дело в том, что прилагательное *лепый* проделало тот же путь семантического развития, из слова косметического плана (оно родственно глаголу *лепить* „мазать") став названием красивого вообще.

Похож ли кран на журавля?

Вы никогда не сравнивали их? Механизм для подъема и перемещения грузов и большую болотную птицу с длинными ногами и шеей? А ведь в их внешнем облике есть нечто общее: и у крана стрела большая и длинная.

Какое же значение имеет это сходство технического приспособления с журавлем для языка? Очень большое, если иметь в виду, что одни предметы называются нередко по сходству с другими теми же словами.

В частности, это позволяет определенно ответить на вопрос, почему кран называется *краном*. Но вначале немного о журавле. Слово *журавль* существует в русском языке не только как название птицы. Есть еще одно существительное *журавль* „длинный шест у колодца, используемый как рычаг для поднятия воды" (очень похожий, между прочим, на журавля!). Эти слова родственники: второе возникло на основе первого. Название птицы было по сходству перенесено на приспособление для поднятия воды. Данный признак при назывании механизма был использован не только русскими. Так, древние греки словом geranos „журавль" назвали и „кран для подъема тяжестей". „Журавлиное" имя получило это приспособление и у немцев, у которых для журавля используется слово Kranich (>Kran), являющееся, кстати, родственным и

греческому и нашему названию журавля. Из немецкого языка и пришло к нам слово *кран*.

„Животное" название крана и колодезного приспособления — не исключение. Достаточно вспомнить русские слова *лебедка* (от *лебедь*) „рукоять во́рота, изогнутая в виде лебяжьей шеи", *кошка* „багор", „якорь", *баран* „древнерусское стенобитное орудие", *быки* „опоры моста" и т. п.

Такие же „звериные" названия различных технических приспособлений широко представлены и в других языках.

Так, в немецком языке слово Bär обозначает не только медведя, но и таран, слово Boch — и барана, и кронштейн, слово Katze — как кошку, так и крановую тележку, слово Hund — и собаку, и собачку наборного храповика, слово Hahn называет как петуха, так и курок винтовки, и т. д.; в латинском слово grus является наименованием и журавля, и стенобитной машины, слово aries служит для обозначения как барана, так и осадного орудия, слово ciconia употребляется и как название аиста, и как название наугольника (в форме буквы „Т") для измерения ширины и глубины рвов и др. Примеры можно было бы без труда умножить.

Ерунда и *чепуха*

Эти синонимы по своему употреблению друг от друга не отличаются совершенно. Даже в пределах фразеологических оборотов они выступают как братья-близнецы (ср. вполне возможные правильные обороты *городить чепуху* и *городить ерунду*, *пороть ерунду* и *пороть чепуху*, *нести чепуху* и *нести ерунду* и т. д.).

Свойственное обоим словам значение „вздор, чушь, пустяки" крепко связывает их в один синонимический „узел" и позволяет нам заменять одно слово другим совершенно свободно. Разнятся они между собой не настоящим, а прошлым — своим различным происхождением. Причем это различие идет сразу по нескольким направлениям.

Одно из них касается „национальности" слова-прародителя, остальные — способа образования и путей проникновения в русский литературный язык.

По первому вопросу можно привести цитату из романа „Соборяне" Н. С. Лескова, в которой, кстати, отмечается также и промежуточная между современным словом и его прародителем форма *(герунда)*. Вот она: *Ну*, *им* (литера-

торам.— *Н. Ш.*) *и книги в руки: пусть их сидят с своей „герундой“, а нам с тобой на что эту герунду заимствовать, когда с нас и своей русской чепухи довольно.*

Субъективно-экспрессивная оценка слова *герунда* как заимствованного, чужого (в отличие от своей, исконно русской *чепухи*) верна и этимологически. Действительно, слово *ерунда* (в современной форме сменившее более старое *герунда*, так же как *январь* сменил *генварь*, *история* — *гисторию* и т. д.) представляет собой хотя и собственно русское образование, однако на основе иноязычного слова, а именно латинского *герундий* (gerundium). Появилось оно в бурсацком арго. Именно бурсаками, семинаристами название одной из грамматических форм латинского языка было преобразовано в синоним существительного *ерунда*.

В этом „благородном деле“ они действовали по принципу „чужое, непонятное — значит пустяки, вздор“. Между прочим, по таким же основаниям стало обозначением бессмыслицы и слово *чушь*, которое еще во времена В. Даля писалось этимологически правильно как *чужь* (ведь образовано оно от прилагательного *чужой*).

Несомненно, что вначале у слова *герунда* > *ерунда* возникло значение „пустяки“, а затем уже значение „чушь, ахинея, вздор“. Что касается фонетико-грамматического оформления слова на *-да*, то в этом также, определенно, решающую роль сыграло влияние на него существительных типа *белиберда* и *бурда*.

Совершенно иная родословная у существительного *чепуха*.

Этимология этого слова до последнего времени считалась неустановленной. М. Фасмер по поводу происхождения этого существительного пишет лишь следующее: “*Чепуха* „вздор“. Неясно. Едва ли из * *че-пуха* от *пýхнуть*, также не из *тще-*, вопреки Горяеву...“ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, М., 1973). Справедливо сомневаясь в правильности объяснения Горяева, Фасмер, как видим, сам ограничивается одной констатацией неясности слова.

Между тем анализ слова *чепуха* как определенного звена словообразовательной цепи в ряду родственных и однотипных по структуре и значению слов позволяет дать, как нам кажется, весьма вероятное объяснение родословной этого слова. Вполне возможно, что существительное *чепуха* было образовано при помощи суффикса ***-уха*** (ср. с тем

же суффиксом слово *шелуха*, родственное словам *шелудивый*, *выхолостить* и т. д.) от не сохранившегося в языке слова *чепа* „щепа“ (из *kepa), родственного слову *щепа* (из *skepa, ср. *щемить* — *оскомина*, *щель* — *скала*, *щадить* — *скудный* и т. д.). Однокорневые *kepa *(>чепа)* и *skepa *(>щепа)* отличаются друг от друга так же, как *кора* и *скора* и т. п.

Старое значение слова *чепуха*, соотносительное с семантикой слова *щепа*, наблюдалось еще в XVIII в. (ср. пример, приводимый Б. М. Ляпуновым из „Краткого описания путешествия по северным морям“ 1754 г.: *Льды от ветру в чепуху разбиваются*, т. е. „льды от ветра разбиваются в щепки“). Кстати, подобное развитие значения наблюдается и у синонимического слова *вздор*, в современном общелитературном значении продолжающего существительное *вздор* в значении „мусор, стружка“ < „то, что остается, взодрано после рубанка“.

Кувалда и *наковальня*

В русской этимологии еще немало загадок, белых пятен и нерешенных вопросов. Одной из таких загадок до самого последнего времени являлось слово *кувалда*, обозначающее в современном русском литературном языке, как известно, молот для ручной ковки металла. Откуда оно появилось в нашей речи? Каким словам родственно? С помощью какого способа словопроизводства создано? На все эти вопросы сейчас, думается, можно дать уже исчерпывающие ответы. Нельзя сказать, что это существительное не привлекало к себе внимания. Оно есть и в „Этимологическом словаре русского языка“ А. Преображенского. Однако А. Преображенский говорит о нем читателю только следующее: „Вероятно, к *ковать*, *кую*; образование не совсем ясно“. А это, конечно, исчерпывающим объяснением слова *кувалда* считать нельзя. Ведь здесь не указывается самое главное: как оно от *ковать* было образовано (если наше слово действительно создано на базе этого глагола). Если *кув-* в *кувалда* родственно *ков-(ку-)* в *ковать (кую)*, то чем является в этом слове отрезок *-алд(а)*? Известно, что суффикса *-алд(а)* в нашем языке нет.

М. Фасмер в своем „Этимологическом словаре русского языка“ (т. I, с. 678) этимологизирует лишь диалектное

кувалда в значении „неуклюжая, толстая баба", членя его на приставку *ку-*, корень *-вал-* (ср. *валить*) и суффикс *-д(а)*, и считает его, таким образом, приставочным производным от несохранившегося *валда*.

Как же возникло слово *кувалда*? В основном правильное решение этого вопроса (правда, без деталей и фактов) предложил О. Н. Трубачев в книге „Ремесленная терминология в славянских языках" (М., 1966, с. 352), заключая обзор терминов кузнечного ремесла. Вот что можем мы прочитать у него о слове *кувалда*: „Ср. еще русск. *кувалда* „тяжеловесный молот", „наковальня", которое едва ли является древним словом и, возможно, заимствовано (через украинское посредство? — ср. *-у-*) из польск. kowadło. Фасмер вряд ли правильно видит здесь сложение *ку-валда*".

Заметим, что подобное заключение (в еще более сжатой — чисто словарной форме) мы находим уже в „Словаре русского языка" Второго отделения Академии наук (т. 4, М., 1909, с. 1237), в котором диалектное существительное *ковалда* „молот" сравнивается как со словом *кувалда*, так и с украинск. и белорусск. *ковадло*, *ковадла* „наковальня".

Биография слова *кувалда* сейчас рисуется следующим образом. В общеславянском языке от глагола kovati (>*ковать*) с помощью инструментального суффикса *-dlo* было образовано существительное kovadlo, обозначавшее „наковальню", т. е. „то, с помощью чего куют". Это слово в своей исходной форме (с *dl*) сохранилось лишь в западнославянских языках (ср. польск. kowadło, чешск. kowadlo и т. д.). В южнославянских и восточнославянских языках — в связи с изменением сочетания *dl* в *л* — оно превратилось в *ковало* (ср. *мыло*, *шило*, *жало*, *горнило*, *светило* и т. п.). Причем в русском языке (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. II, с. 128) слово *ковало* получило (коль скоро оно значит „то, с помощью чего куют") значение „молот".

Польское kowadło „наковальня" проникло в XIV—XV вв. в соседние говоры украинского и белорусского языков, где употребляется в этом значении до сих пор.

В белорусском языке в силу сильного аканья оно начинает звучать как *кавадла*, а затем — под влиянием глагола *куваць* „ковать" — как *кувадла* и наконец (после фонетического изменения *дл*>*лд*) — как *кувалда*.

Форма *кувалда* приобретает в белорусском языке „противоположное" первоначальному („наковальня") значение

„молот“ и с этим значением заимствуется русским языком, вначале, естественно, пограничными русскими говорами.

В украинском языке форма *кувалда* с *у* после *к* и с *а* после *д* (ср. диал. *ковалдо*) является, очевидно, также белорусизмом.

Когда появилось слово *кувалда* в русском языке? По данным картотеки древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, оно впервые отмечается в памятниках XVI в. Такова история слова *кувалда* в его литературном значении (как свидетельствует В. Даль, рядом со значением „молот“ существовало и исконное значение „наковальня“).

Ну, а слово *наковальня*? Каково его происхождение? Оно, пожалуй, проще.

Это существительное представляет собой суффиксальное производное (ср. *жаровня* и т. п.) от общеславянского *nakovadlo (ср. старослав. *наковало*, чешск. nákovadlo и т. д.) того же значения, возникшего, как полагают, в результате взаимодействия более древних названий наковальни — kovadlo (о нем уже говорилось) и nakovъ или nakova (ср. чешск. nákova, верхнелужицк. nakow и пр.), калькирующих древнегерманское слово anahaua (ср. нем. hauen „ковать“), которое в свою очередь является поморфемным переводом лат. incūs (корень cūdō „бью, кую“).

Таким образом, слова *кувалда* и *наковальня* связаны друг с другом неразрывными словообразовательными узами. То слово, из которого вышло в конце концов неуклюжее *кувалда*, было также основой и для гладкого *наковальня*.

Почему назвался *груздем*?

Всем известно выражение *Назвался груздем — полезай в кузов* — „если взялся за что-нибудь, делай все, что надо, до конца“. Оно выступает как синоним пословицы *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*. Прозрачно и не требует объяснения также и его (образно-метафорическое по своему характеру) происхождение. Совершенно иным — сложным и запутанным — представляется вопрос: почему *груздь* назвался „груздем“? Названия многих грибов являются говорящими. В их структуре, как в зеркале, отражены характерные для обозначаемых грибов признаки:

подберезовик — „гриб, чаще всего растущий под березами“, *рыжик* — „гриб рыжего цвета“, *сыроежка* — гриб, который можно есть сырым“, и т. д.

Не такое имя у груздя. Оно хотя и выразительно, но без специального, причем глубокого и всестороннего, этимологического анализа кажется непонятным. Именно поэтому о происхождении слова *груздь* учеными высказывались различные мнения. А. А. Потебня считал, что это слово родственно литовск. gruzdenù, gruzdènti „тлеть, куриться, дымить“ и, следовательно, гриб назван по имеющемуся у него горьковатому привкусу (Потебня А. А. Заметки этимологические и о народной поэзии. — „Русский филологический вестник“, 1880, № 3, с. 92). В свете его этимологии *груздь* первоначально значило „горьковатый“ (гриб).

Такое объяснение неаргументированно: ни в одном славянском языке нет ничего похожего на указанный литовский глагол, с этим глаголом существительное *груздь* сравнивается совершенно произвольно. В самом деле, если бы слово *груздь* < *грузд* (ср. диал. *грузд*, *груздок*; *гвоздь* < <*гвозд* и т. д.) было производным от глагола с основой *грузд-*, то в нем имелся бы суффикс (ср. *горький*, образованное от той же основы, что и *гореть*, *ковкий*, *варкий*, *ломкий* и т. д.); если бы, напротив, соответствующий глагол был образован от имени, то он обладал бы иным значением. В силу этого толкование А. А. Потебни и не было принято лингвистами.

Несколько позднее И. М. Эндзелин предложил иную этимологию нашего слова: существительное *груздь* является словом того же корня, что и *груда*, и отношения между ними такие же, как между *громоздкий* и *громада*. Его объяснение поддерживается М. Фасмером, а вслед за ним и В. А. Меркуловой, причем первый определяет исходное значение слова *груздь* как „растущий на груде, куче“, а по мнению второй, „следует говорить о связи *груда* — *груздь* по линии значений „ком“ — „гриб“. (См.: Эндзелин И. М. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, с. 108; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 463—464; Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, с. 175—176.)

Ф. П. Филин и Ю. В. Откупщиков, напротив, считают, что сопоставление слов *груздь* и *груда* как родственных

сомнительно (Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 280; Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л. 1967, с. 146). Откупщиков не только дает критическую оценку приведенных этимологий, но и предлагает новое толкование названия груздя, объясняя его как субстантивированное прилагательное, имеющее точное соответствие в литовск. gruzdùs „ломкий, хрупкий“: „Как известно, грузди относятся к семейству пластинчатых грибов, характерным признаком которых обычно является хрупкость шляпки“. Как думает В. А. Меркулова, это объяснение „менее правдоподобно, так как, по-видимому, *груздь* — самостоятельное образование на почве древнерусского языка“.

Что можно сказать по поводу этих противопоставляемых друг другу точек зрения?

Совершенно несомненно, что неверно наивное толкование первоначального значения слова *груздь* — „гриб, растущий на груде, куче“ или „гриб, похожий на ком“; оно не учитывает ни место произрастания груздей, ни их внешний вид. Неаргументированно также утверждение В. А. Меркуловой о меньшей правдоподобности выдвинутого Ю. В. Откупщиковым объяснения. Из того, что слово *груздь* как название гриба самостоятельно образовано на древнерусской почве (и не „по-видимому“, а определенно!), вовсе не следует, что оно не может быть родственно указанному литовскому прилагательному. Одно другого не исключает.

Что же касается слова *груздь* в ином, не „грибном“ значении, то оно очень древнее, явно не древнерусское, так как суффикс ***-зд-*** как словообразующая морфема в письменную эпоху был уже мертвым.

В то же время немотивированны и сомнения Ф. П. Филина и Ю. В. Откупщикова в родстве существительных *груда* и *груздь*.

Каково же происхождение слова *груздь*?

Думается, что этимологии И. М. Эндзелина и Ю. В. Откупщикова в основном не противоречат друг другу, а как бы дополняют одна другую. Кратко историю появления на свет восточнославянского названия груздя (ср. укр. *груздь*, белорусск. *груздзь*) можно представить себе следующим образом.

Слово *груздъ* (изменившееся впоследствии в *груздь*) возникло в результате сокращения словосочетания *груздъ*

грибъ „хрупкий, ломкий гриб" (ср. *портной* <*пъртьныи шьвьць* „портной швец", *мостовая* < *мостовая улица* и т. д.). Прилагательное *груздъ* идентично литовск. gruzdùs „хрупкий, ломкий" (ср. литовск. gruzdẽlis „вид ломкого, хрупкого печенья"; „крупный песок, щебень, мусор") и является словом того же корня и происхождения, что и *груда* „куча, ворох". Словообразовательные отношения между *груздь* и *груда* такие же, как между литовскими словами gruzdùs и graudùs „хрупкий, ломкий", русскими *громада* и *громоздить*, диалектными *глудкий* и *глуздкий* „гладкий, скользкий" и т. д., и отражают чередование имеющих одно и то же значение суффиксов *-zd-* и *-d-*.

Слова́ *груда* (первоначально „обломки", ср. древнерусск. *груздие* „комки", диал. *груда* „насыпной курган") и *груздь* (буквально „ломкий, хрупкий гриб") выступают не как производящее и производное, а как равноправные образования от одной и той же основы *гру-*, той же самой, что и лат. rudus „обломки, щебень", латышск. grūt „разрушаться", древнеисландск. grautr „крупа", нем. Gries „крупный песок", а также — в „глухом" варианте — греч. kroūō „толку", слова *кроха*, *крупа*, диал. *крух* „щепка, осколок" (откуда *крушить* „ломать"), диал. *кропкий*, *скропкий* „хрупкий, ломкий" (с так называемыми подвижными *с*; ср. *кора* — *скора* и т. п.) и, наконец, *хруст* „сушняк, хворост" (ср. диал. *хрустеть* „ломаться").

Последнее в словообразовательном и семантическом отношении является точным повтором (только в „глухом" варианте, ср. *свист* — древнерусск. *звиздъ* и т. д.) нашего *груздь* < *груздъ* и первоначально также, вероятно, было прилагательным со значением „ломкий, хрупкий". Именно ему и было обязано своим рождением не отмеченное еще ни в одной специальной этимологической работе название груздя — *хрущ* (<*chrustjь, ср. *хвощ* — от *хвостъ*, *хрящ* — от *хрястъ* и т. д.), тоже указывающее на ломкость, хрупкость этого гриба. По тому же признаку — по хрупкости древесины — названа *крушина* (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. II, с. 204).

Исконная смежность действий „разрушаться" (ломаться, дробиться, разбиваться и т. д.) и „издавать при этом те или иные звуки", широко отраженная в языке (ср., в частности, *хрустеть* „хрустеть" и диал. *хрустеть* „ломаться", *грохать* „стучать" и *грохнуться* „разбиться", диал. *хряпать* „хрустеть" и диал. *хряпнуть* „треснуть,

сломаться“, *хрупкий* и *хрупать* и т. д.), проявилась, возможно, и в еще одном грибном имени, на этот раз уже подгруздя — *скрипун*. (Если это слово не возникло под влиянием глагола *скрипеть* из *скропун* как производного от той же основы *(скроп-)*, что и диал. *скропкий* „хрупкий, ломкий“).

Сладкий и соленый

Разница между сладким и соленым общеизвестна. Различно и отношение к ним: одни любят сладости, другие — соленья. Поэтому кажется вполне естественным и оправданным, что прилагательные *сладкий* и *соленый*, как и все их родственники, образуют два совершенно особых гнезда слов.

Ведь *соленый* — это „содержащий в себе соль или приготовленный в растворе соли“ (*соленая вода*, *соленый огурец)*, а *сладкий* — „имеющий в себе сахар“ (*сладкий чай, сладкий арбуз)*. Разве может быть между ними какая-нибудь связь? И все же эти слова тесно связаны между собой как однокорневые. Это отразилось даже в пословице *Без соли не сладко, а без хлеба не сытно*, в которой слово *сладкий* имеет одно из промежуточных (между „сладкий“ и „соленый“) значений — значение „вкусный“.

Попробуем в нескольких словах изложить родословную этих прилагательных. Слово *соленый* — старое страдательное причастие прошедшего времени от глагола *солить*, в свою очередь образованного от существительного *соль* (ср. родственные литовск. sálti „становиться сладким“, лат. salire „солить“ и т. д.).

Слово *сладкий* — заимствование из старославянского языка (исконно русская форма — *солодкий)*. Уже с точки зрения современного русского языка в слове *сладкий* — по соотношению со словом *сладость* — можно выделить суффикс *-к-* (ср. соотношение *крепкий* — *крепость)*.

Исчезнувшая ныне форма без суффикса *-к-* подтверждается и словами *солод*, болг. *слад*, сербскохорватск. *слад* „солод“ и литовск. saldùs „сладкий“. Что же касается праславянского *soldъ (именно отсюда возникла полногласная форма *солод* и соответствующее неполногласие *слад*), то оно образовано посредством суффикса *-d-* от той же основы *(сол < *sal-)*, что и *соль*, *солон* — в *солонина*, *солонка*, *не солоно хлебавши* (<**soln-*), готск. salt и т. д.

Суффикс *-d-* выделяется этимологически также в словах *молодой* (того же корня, что и *молоть*), *твердый* (того же корня, что и *творить*), *редкий* (родственное лат. rēte „сеть“), *скудный* (того же корня, что и *щадить*), *гнедой* (родственное старослав. *гнѣсти* „зажигать, жечь“) и т. д.

Слово *soldъ>*сладкий* первоначально значило „с солью, соленый“ (ср. *солоно*, готск. salt с суффиксами *-n-* и *-t-*), затем „приправленный“, а значит, „вкусный“, а потом уже приобрело более узкое значение — „вкуса сахара, содержащий в себе сахар“. В результате „единокровные“ слова *соленый* и *сладкий* выступают сейчас как чужие.

О «сотворении» слова *тварь*

Слово *тварь* в современном русском литературном языке имеет три значения. Два из них являются ныне уже устаревшими и проявляют себя только в пределах фразеологических оборотов, связанных по своему происхождению с библейскими мифами (о сотворении мира и всемирном потопе). Такими выражениями являются *божья тварь* и *всякой твари по паре*.

В первом обороте реализуется значение „произведение, создание, творение“. Это значение является исходным, первоначальным, прямо и непосредственно связанным с глаголом *творить*, на базе которого было образовано слово *тварь* (по всей вероятности, еще в общеславянском языке). Отношения по смыслу между *творить* и *тварь* „произведение, создание, творение“ такие же, как между *создать* — *создание*, *производить* — *произведение*, *творить* — *творение*. От синонимических слов типа *творение* (ср. *творения поэта*, *гениальные произведения* и т. д.) существительное *тварь* отличается лишь способом образования. Будучи таким же отглагольным именем, оно образовано не с помощью суффикса *-ниj(е) (-енuj(е))*, как его синонимы, а посредством перегласовки и темы -ĭ>-*ь* — точно так же, как слова вроде *гарь* (от *гореть*), и т. п.

На базе значения „произведение, создание, творение“ у слова *тварь* в старославянском языке, откуда оно было заимствовано нами, возникло значение „живое существо, животное“. Сейчас оно реализуется четко и свободно лишь в рифмованном обороте *всякой твари по паре* — шутливом обозначении пестрой группы людей, восходящем к преда-

нию о всемирном потопе, во время которого Ной, спасшийся со своей семьей в ковчеге, для сохранения жизни на земле взял с собой по паре зверей, птиц и пресмыкающихся всех пород.

Именно эта „животная“ семантика слова *тварь* и дала его современное бранное значение. Между прочим, вполне закономерное: достаточно лишь вспомнить бранную семантику синонимических слов типа *скотина*, *животное*, *зверюга*, а также видовых обозначений животных вроде *медуза*, *крокодил*, *змея*, *медведь*, *осел*, *собака*, *корова* и многих других.

В результате смысловых метаморфоз, как видим, современное и первичное значения нашего слова друг друга совершенно не напоминают. А вообще-то оказывается, что *небесное* (т. е. божье) *создание* и *тварь* — одно и то же. Недаром слово *создание* того же корня, что древнерусское существительное *зьдь* „глина“, а слово *тварь* — того же корня, что и прилагательное *твердый* (по библии, бог создавал животный мир из глины, делая ее твердой, т. е. — в отличие от жидкой — имеющей определенную форму, ср. родственные древнерусск. *творъ* „вид“, литовск. tvérti „придавать форму“ и др.).

Жужу и *жучка*

Два этих слова связаны друг с другом (и это несомненно) принадлежностью к одному и тому же смысловому кругу „собачьих“ названий. Некоторые ученые считают, что связь данных существительных является еще более тесной и „кровной“, поскольку толкуют их как родственные, однокорневые слова.

М. Фасмер в „Этимологическом словаре русского языка“, в частности, говорит следующее: „*Жучка* „маленькая собачка“. Вероятно, от *жужý*. Едва ли прав Горяев.., принимая родство с *жук*“ (т. II, с. 68); „*Жужу* — собачья кличка (Лесков и др.)... Вероятно, отсюда уменьш. *жýчка*“ (т. II, с. 64). Как видим, сомневаясь в объяснении существительного *жучка* Н. Горяевым, который трактует его как производное от слова *жук*, М. Фасмер в предположительной форме, правда, однако довольно настойчиво интерпретирует это название собаки как форму субъективной оценки от собачьей клички *Жужу*, представляющей собой переоформление франц. joujou „игрушка“.

Между тем все факты, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, совершенно неопровержимо свидетельствуют о том, что выдвигаемое М. Фасмером толкование происхождения существительного *жучка* является неверным. Как, между прочим, и о том, что по своему происхождению это слово, несомненно, является родственным существительному *жук*. Что же это за факты?

Во-первых, наблюдается смысловое и стилистическое несоответствие слов *жучка*, с одной стороны, и *жужу* — с другой. Слово *жучка* обозначает дворовую непородистую собаку, по большей части черную, ср.: *Вот бегает дворовый мальчик, В салазки жучку посадив...* (П у ш к и н); *Возьми-ка у меня щенка любого От Жучки: я бы рад соседа дорогого От сердца наделить, чем их топить* (К р ы л о в); *И тогда как одна часть бури ревет вокруг дома, другая... напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубком под рогожей* (Г р и г о р о в и ч). Что же касается существительного *жужу*, то оно является наименованием комнатной собаки, ср.: *Дворовый верный пес . . . Увидел старую свою знакомку, Жужу, кудрявую болонку* (К р ы л о в).

По своему употреблению слово *жужу* — элемент „смешения французского с нижегородским" — в народной речи неизвестное, в то время как существительное *жучка*, напротив, носит явно просторечный характер.

Во-вторых, *жука* (ср. *черный жук*) и *жучку* (ср. у В. Даля: „Жучка — кличка черной собаки" — Толковый словарь..., т. I, с. 54) объединяет общий для них обоих признак — черный цвет (ср. замечания В. Даля: „Вообще *жук* и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте" — там же). Тот же признак был положен в основу костромского *жукола* „черная корова" и вологодского *жучка* „чернорабочий".

В-третьих, в отдельных диалектах для обозначения черной собаки используется само слово *жук* (см.: Д о б р о в о л ь с к и й В. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, т. 2, вып. 2. М., с. 628).

Как же возникло в русском языке слово *жучка*, отмечаемое уже в „Словаре Академии Российской" (1790)?

По нашему мнению, не прямо на основе существительного *жук*, как можно подумать. Нам кажется, что слово *жучка* представляет собой видоизменение под влиянием слов типа *лайка*, *шавка*, *моська* и т. д. слова *жучко*, вхо-

дящего в ту же словообразовательную модель, что и *гнедко*, *сивко*, *серко*, укр. *Рябко* и т. п. (ср. *сивка* < *сивко*, не без воздействия родового *лошадка*). Слово *жучко* употреблялось уже Ломоносовым и В. Майковым: *Жучко с ним бросился в бой* (Ломоносов); *Овцы здоровы и Жучко со мной* (Майков).

Таким образом, между словами *жужу* и *жучка* никаких родственных связей нет, „родственником" названию черной собаки *жучка* является *жук*.

Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*

Термины *склонение* и *наклонение* становятся самыми привычными и известными для нас уже в школе. Без них представить себе существование глаголов и существительных просто невозможно.

Между тем далеко не все знают их биографию. А она любопытна и занимательна. Обратите внимание: эти термины обозначают совершенно разные морфологические явления, относящиеся к различным частям речи, но очень похожи друг на друга. Собственно говоря, в этимологическом разрезе морфемный состав этих слов отличается лишь одними приставками *с-* и *на-*, за ними в обоих терминах мы находим одно и то же *клонение*, соотносительное с глаголом *клониться* „склоняться, сгибаться, опускаться, падать". Это поразительное сходство наших терминов — удивительно далеких как будто по своему смыслу — не случайно. Ведь, по существу, они имеют одних и тех же, причем не русских, родителей. Это греческие слова klisis и eñklisis. Ведь слово *склонение* родилось как буквальный перевод, морфемный слепок греч. klisis, а слово *наклонение* появилось как точная копия греч. eñklisis. Греческие оригиналы наших копий были первоначально еще ближе друг к другу, так как общими у них вначале были не только корни, но и значение.

В качестве грамматических терминов эти слова искони означали одно и то же, а именно морфологическое изменение слова (как склонение, так и спряжение). Специализация первого (klisis) на имени, а второго (eñklisis) на глаголе произошла позже.

Заметим, что терминологическое значение у греческих слов возникло на основе соответствующей семантики исходных для них многозначных глаголов klinō̄ и eñklinō̄

(приставочного производного от первого) „склоняю, наклоняю, клонюсь, опускаюсь, падаю, кладу, лежу, поворачиваю, изменяю, изменяю по формам (т. е. склоняю и спрягаю)“ и т. д.

При калькировании греческих терминов нашими грамматиками был, между прочим, использован глагол *клонить*, того же корня и словесной семьи, что и греч. klinō (а также латышск. klans „наклон“, древневерхненем. hleinan „прислонять“ и т. п.).

Таким образом, слова *склонение* и *наклонение* предстают перед нами как весьма своеобразные кальки, поскольку передача чужого корневого материала на нашей языковой почве была осуществлена с помощью генетически тождественного корня (klin было передано родным ему *клон*).

Слова *склонение* и *наклонение* обосновались в русской грамматической терминологии не одновременно и по-разному. Первое слово появилось несколько раньше, чем второе, оно встречается уже в „Адельфотисе“ (Adelphotēs. Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка... Львов, 1691). Термин *наклонение* впервые отмечается в грамматике М. Смотрицкого (Эвю, 1619). В грамматике Л. Зизания (Вильно, 1596) наклонение обозначается еще словом *образ*. Заметим, что еще раньше понятие наклонения выражалось словами *чин* и *залог*, а в самой древней статье „О осмих частех слова“, переведенной с греческого языка на старославянский Иоанном, екзархом болгарским, передавалось словом *изложение*.

Термин *склонение*, по существу, предшественников не имел и укрепился сразу же, как только было введено соответствующее лингвистическое понятие. До него в „Донате“ (русский перевод латинской грамматики Доната Элия был сделан Д. Герасимовым в 1522 г.) отмечается лишь *клонение* и *уклонение*.

Другой была судьба слова *наклонение*. Понятие о различных наклонениях глагола отражено, как было отмечено, уже в статье „О осмих частех слова“. Однако хороший термин для него искали долго. И лишь у М. Смотрицкого наклонение наконец стало *наклонением*.

Характерно, что даже намного позже, у М. В. Ломоносова, рядом с новым термином (правда, значительно реже) употребляется и старый, зизаниевский — *образ*. Правда, именно у него — в то же время — это понятие впервые приобретает характер настоящего лингвистического понятия.

Вместе с общим понятием наклонения входили в научное обращение и порожденные им частные (вроде понятия изъявительного наклонения). Их фразеологическое выражение также варьировалось, пока не была найдена подходящая формула.

Так, для обозначения изъявительного наклонения в статье „О осмих частех слова" употребляется выражение *повестное изложение* (буквальный перевод греческого oristikē eñklisis).

В „Донате" для этого используются словосочетания *указательный залог* и *указательный чин*, калькирующие лат. modus indicativus. В „Адельфотисе" мы находим уже *изъявительное изложение*, которое передает греч. oristikē eñklisis. У Л. Зизания оно начинает называться уже *указательным образом* или *изъявительным образом*. Он словно соединяет прилагательные „Доната" и „Адельфотиса" со своим собственным переводом (вообще-то более точным) латинского слова modus „образ".

М. Смотрицкий ставит здесь последнюю точку, с одной стороны, выбирая в качестве основы термина фразеологическую кальку с греческого „Адельфотиса" *(изъявительное изложение)*, но одновременно заменяя в ней существительное *изложение* более точной (и близкой даже по корню, как вы уже знаете, см. выше) словообразовательной калькой греч. eñklisis — словом *наклонение*. Авторитет М. В. Ломоносова делает это новообразование М. Смотрицкого всеобщим.

Несколько слов о повелительном и условном (или сослагательном) наклонениях.

Термин *повелительное наклонение* пережил приблизительно те же метаморфозы, что и название изъявительного наклонения. В статье „О осмих частех слова" мы находим кальку с греч. prostaktikē eñklisis — *повеленное изложение*, в „Донате", естественно, встречаем в виде *повелительный залог* или *повелительный чин* кальку латинского выражения modus imperativus. В „Адельфотисе" модернизируется прилáгательное и вместо *повеленного изложения* появляется *повелительное изложение*. Л. Зизаний (по образцу *изъявительный образ*) вводит *повелительный образ*.

И наконец, у М. Смотрицкого повелительное наклонение получает свое современное имя. Что касается сослагательного наклонения, то биография его названия значительно проще и короче. Этот термин ввел тот же М. Смот-

рицкий, „сфотографировав" по словам латинский фразеологизм modus conjunctivus. Параллельное обозначение этого наклонения (*условное наклонение*) родилось в русских грамматиках в конце XVIII в. в качестве пословного перевода французского термина mode conditionnel.

О «вине» винительного падежа

Вы никогда не задумывались, почему винительный падеж называется именно винительным, а не как-либо иначе? А над этим стоит подумать! Ведь достаточно сравнить значение слова *вина* и „амплуа" винительного падежа в парадигме склонения, чтобы сразу же увидеть, что к вине он никакого отношения не имеет.

Совсем иное — названия подавляющего большинства других падежей. Они абсолютно прозрачны по своему морфемному составу и очень „идут" называемым падежам, особенно если иметь в виду их конкретный падежный характер.

В самом деле, открывающий парад падежей именительный падеж — это падеж, который просто что-либо или кого-либо называет, именует. Поэтому он и прозывается *именительным*. А вот последний падеж парадигмы — *предложный* — получил такое имя по своей несамостоятельности: слова в форме предложного падежа употребляются сейчас в русском языке только в сочетании с тем или иным предлогом (ср. *на столе*, *в саду*, *о слове*, *при жизни* и т. д.). Так он был, между прочим, „окрещен" М. В. Ломоносовым.

Такого же типа и „говорящие" названия дательного и творительного падежа (ср. *брату*, *руке*, *братом*, *рукой* и т. д.), соотносительные в своих значениях с глаголами *дать* (кому- или чему-либо) и *творить* „делать" (чем-либо).

Ясным и простым является также название звательного падежа, морфологически оформлявшего раньше обращения, т. е. слова „зовущие", обозначающие, называющие лица и предметы, к которым обращена речь (ср. *отче*, *боже*, *врачу* в обороте *врачу, исцелися сам* и т. д.). Правда, ясность и простота этимологического состава перечисленных названий не мешает большей части из них иметь довольно сложную и запутанную биографию в нашей речи. Но это уже особая статья.

Ведь признак, положенный в их основу, мы и сейчас все же ощущаем четко и определенно. А вот связь термина *винительный падеж* и слова *вина* кажется если не отсутствующей вовсе, то по крайней мере странной и случайной. Действительно, разве есть что-нибудь общее между *виной* и *винительным падежом*? Уж не ошибка ли связала эти два слова? Такое предположение может, не без оснований, показаться сомнительным (ведь нет же этого в названиях других падежей!). И тем не менее подобное объяснение мы находим даже в таком солидном словаре, каким является „Этимологический словарь русского языка" М. Фасмера (т. I, с. 316): „Винительный падеж — калька лат. casus accusativus, последнее из греч. aitiatikē (ptōsis), первоначально от aitiatos „вызванный, причиненный", т. е. „падеж, обозначающий результат действия". В русском языке отражен неверный перевод с латинского: „винительный, т. е. падеж обвинения".

Как видим, виной появления термина *винительный падеж* М. Фасмер считает ошибочный перевод латинского словосочетания accusativus casus.

Так ли это на самом деле?

Изучение истории грамматических терминов в русском литературном языке показывает, что оборот *винительный падеж* появился в нем иначе. Никакой ошибки не было, все было правильно и не так. Сочетание *винительный падеж* появляется впервые в грамматике Л. Зизания на базе более раннего оборота *виновный падеж* в результате аналогического подравнивания по модели на *-тельный*. У Л. Зизания эти два термина (*виновный падеж* и *винительный падеж*) употребляются еще рядом. Не является первичным и термин *виновный падеж:* он возник в результате замены слова *падение* словом *падеж* на основе оборота *виновное падение*. Последний встречается уже в статье „О осмих частех слова" (в переводе Иоанна, екзарха болгарского) и представляет собой непосредственную фразеологическую кальку греческого aitiatikē ptōsis. Да, но греческое выражение буквально означает „причинный падеж", ведь aitia — это „причина". Значит (могут сказать), ошибка в переводе — пусть не с латинского, а с греческого — все же налицо? Нет, никакой вины Иоанна, екзарха болгарского, здесь нет.

Не надо только забывать старых, ныне уже устаревших значений слов.

А слово *вина* имело в старославянском и древнерусском языках, кроме современного значения, также и значение „причина“, aitia, causa (ср., например, в послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху: *Врачеве первую вину недуга пытаютъ*, т. е. „Врачи узнают основную причину болезни“). Так что никакой языковой ошибки в возникновении термина *винительный падеж* не существует. И виной (т. е. причиной, употребим это слово в старом, сейчас архаическом значении) рождения *винительного падежа* была не ошибка переводчика, а выбор им при переводе такого слова, которое свойственного ему прежде значения уже не имеет.

О *спряжении* и *падежах*

Большинство грамматических терминов русского языка так или иначе отражает соответствующие обозначения греческих грамматик древности. Указанные в заглавии названия в этом отношении исключения также не представляют.

Слово *спряжение* появляется для обозначения соответствующих изменений по лицам довольно поздно. Оно является неологизмом М. Смотрицкого (см. ниже) и родилось, несомненно, на базе более раннего термина *супружество* (того же корня), имевшего в XVII в. довольно длительную и прочную традицию употребления. Он, кстати, употребляется уже в статье „О осмих частех слова“, в „Адельфотисе“ и у Л. Зизания (см. заметку „Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*“). Чем объяснить эту замену? Скорее всего, она объясняется двумя причинами: 1) стремлением М. Смотрицкого устранить из сферы грамматической терминологии слово, имеющее очень употребительный бытовой омоним *супружество* „брак“, 2) стремлением однотипно назвать изменение по лицам глагола и изменение по падежам имени, а в связи с этим ориентацией на образцы в виде *склонение* и *наклонение*.

Ответ на вопрос о том, как, в частности, возникло слово *склонение*, содержится в заметке „Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*“.

Первоначальное *супружество* „спряжение“ — старославянизм, совершенно точно калькирующий греческий

термин syzygia, исходно обозначавший, между прочим, словоизменение в целом (как спряжение, так и склонение). Так что объединение спряжения с падежами в заглавии не столь уж странное. В греческом языке этот термин возник на базе слова syzygia в значении „связь, соединение; парная упряжка; пара, брак".

Как видим, и там понятие спряжения сопрягалось с понятием соединения, связи, супружества.

Термин *падеж* впервые отмечается в „Адельфотисе" конца XVI в. Он сменил употреблявшееся до этого слово *падение*, появившееся в русском языке как старославянизм (*падение* — словообразовательная калька греч. ptōsis).

Книжный характер слова *падеж* определил его своеобразную огласовку с *е*, а не *о* под ударением. В омонимическом существительном устной бытовой речи *падёж* (ср. *падёж скота*) отклонения не наблюдается, и произносится *'о*.

О названиях конкретных падежей попутно уже говорилось в заметке „О «вине» винительного падежа". Несколько добавлений.

Название *именительный падеж* появляется у М. Смотрицкого. До этого исходный падеж именной парадигмы именовали то *правым падением*, то *именовательным падением*, то *именовным падежом* (греч. onomastikē ptōsis).

Тот же „родитель" и у *родительного падежа*. Этот термин также идет от М. Смотрицкого и сменил прежние терминологические сочетания *родный падеж*, *родственное падение*, *родное падение* (<греч. genikē ptōsis).

А вот название дательного падежа было знакомо грамотным людям и до М. Смотрицкого. Между прочим, именно оно (вместе с именем звательного падежа) послужило образцом, по аналогии с которым создавались остальные падежные „фамилии".

Фразеологическое сочетание *дательный падеж* появляется одновременно со словом падеж в „Адельфотисе". Оно сменило более старый термин *дательное падение*, который является дословным переводом соответствующего греческого грамматического термина dotikē ptōsis.

Творцом современного имени творительного падежа, как и винительного, был, вероятно, Л. Зизаний. Во всяком случае, первый раз этот термин мы видим в его книге „Грамматика словенска совершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных" (Вильно, 1596).

О предложном падеже говорилось уже в заметке о винительном. Его название — изобретение М. В. Ломоносова, до этого он носил имя, данное ему М. Смотрицким,— *сказательный* (говорить — сказать о чем-нибудь).

Осталось сказать два слова о последнем — звательном — падеже. Его название родилось, вероятно, вместе с наименованием дательного в „Адельфотисе" в результате замены в старом обороте *звательное падение*, встречающемся еще в статье „О осмих частех слова", слова *падение* существительным *падеж*. Исходный оборот *звательное падение* — калька греческого синонима klētikē ptōsis.

Как можно видеть, названия падежей создавались у нас с оглядкой на греческие прототипы при переводе грамматик, если, конечно, не были заимствованы из старославянского.

Греческие грамматики заимствовали, очевидно, понятие ptōsis (откуда идет наш *падеж*) из игры в кости. Буквально ptōsis значит „падение брошенной кости той или иной стороной кверху". Та или иная падежная форма сравнивается с той или иной стороной игральной кости.

Электрификация

Общенародным по своему употреблению это слово, несомненно, стало только после того, как превратилась в крылатую фраза *Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны*, произнесенная В. И. Лениным в „Докладе Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома о внешней и внутренней политике" 22 декабря 1920 г. Однако у В. И. Ленина оно встречается и ранее. Уже в „Наброске плана научно-технических работ", написанном в апреле 1918 г., спустя всего полгода после Октябрьской революции, он указывал, что в план реорганизации промышленности и экономического подъема России должно входить среди многих других важных мероприятий также и „обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию".

По своему происхождению существительное *электрификация*, как и многие другие слова с суффиксом ***-ификация*** (ср. *кодификация*, *классификация*, *спецификация*, *фортификация* и т. п.), является новым заимствованием из французского языка, где оно появилось в конце XIX в.

Французское слово électrification, на русской почве как обычно латинизированное (*-tion*>*-ция*), было образовано (по аналогии со словами типа fortification „фортификация") на базе слова électriqe „электрический" с помощью суффикса *-ification*.

Любопытна история словообразовательного элемента *-ification*, возникшего в результате слияния *-i-* первой основы (имени существительного), глагольного корня *-fic-* (ср. народнолатинское ficare „делать") и суффикса *-ation* (<лат. *-atio*). Одно из самых старых слов этой структуры *фортификация* (во французском языке оно из народной латыни) в языке-источнике делилось еще так: *fort-*, *-i-* (ср. fortis „форт", где *-s-* — окончание), *-fic-*, *-ation*.

Во французском и русском языках основа этого слова состоит лишь из корня (*форт-*, *fort-*) и одного суффикса.

Небезынтересно, что в русском языке у элемента *-ификация* в исконных словах появился „усеченный" вариант *-фикация*: это произошло тогда, когда стали образовывать подобные слова от несклоняемых существительных на гласный *о* (ср. *кинофикация*, *радиофикация*). Последнее повлекло за собой и неверные в словообразовательном отношении (ср. правильные *газификация*, *русификация*) слова типа *теплофикация*, *звукофикация*, в которых как бы оживляется (с помощью соединительного гласного *о*) корневое прошлое морфемы *-фикация*.

Заметим, что в отдельных словах с суффиксом *-ификация* можно наблюдать и еще одну особенность — уже в характере объединения морфем в словесное целое. Это случаи аппликации, наложения морфем, что наблюдается, в частности, в слове *тарификация* (*тар/иф* + *иф/икация*).

Теперь (поскольку электрификация представляет собой внедрение в народное хозяйство и быт электричества) несколько слов о существительном *электричество*. Состав этого слова прозрачен, сравнение со словами того же корня *электрический*, *электровоз*, *электрик* и т. п. позволяет установить его очень легко: *электр-ич-еств-о*.

Но характер и значение выделяющихся в нем суффиксов становятся понятными лишь тогда, когда мы узнаем его этимологию. Ясно одно: они в слове *электричество* совершенно иные, нежели в существительных типа *соперничество*, где *-ич-* (<*-ик-*) — суффикс лица, а *-еств-* — суффикс отвлеченного действия или состояния. Ведь существительное *электричество* не осознается как производ-

ное от *электрик* (ср. *католик* — *католичество*) и не обозначает ни действия, ни состояния. Такое своеобразие этого слова объясняется тем, что по своему происхождению оно является словообразовательной полукалькой новолатинского electricitas (откуда франц. électricité, нем. Electricität, англ. electricity): часть electric была заимствована, а суффикс ***-itas*** переведен суффиксом ***-еств(о)*** (ср. *гуман-н-ость* < нем. Human-ität). В результате этого в слове *электричество* суффикс ***-ич-*** после связанной основы ***электр-*** передает латинский суффикс ***-ic(us)*** (ср. *электрический*), а суффикс ***-еств(о)*** выступает как суффикс абстрактного качества.

В заключение две этимологические справки. Слово electricus „электрический" (а отсюда — electricitas „электричество") было образовано английским физиком Гильбертом в 1600 г. на базе лат. electrum „янтарь", передающего греч. electron того же значения.

Янтарь не случайно дал название электричеству. Ведь электрическая энергия впервые предстала перед человеком как крошечный заряд, возникающий в янтаре, когда его трут о суконку. Электротехника, электроприборы, электромоторы, электровозы и электрички (а со всем этим и соответствующие слова) появились совсем недавно, уже в советскую эпоху.

Что такое *писатель*

Ну кто же не знает, что такое писатель? Писатель — это человек, который занимается литературным трудом, сочиняет художественные произведения. А вот могут быть другие писатели? Слово *писатель* самой своей структурой свидетельствует, что могут.

Заглянем вместе с вами внутрь этого слова. В языковом сознании любого говорящего на современном русском языке существительное *писатель* прямо и неразрывно связано с глаголом *писать*. В соответствии с этим его основа делится на корень ***пис-***, тематический суффикс глагола ***-а-*** и суффикс действующего лица ***-тель***, и наше слово входит в ряд слов типа *читатель*, *подражатель*, *наблюдатель*, *мечтатель*, *мучитель*, *исполнитель*, *грабитель*. Однако среди слов этого рода *писатель* все-таки выглядит в известной степени чужаком. Правда, особый характер су-

ществительного *писатель* проявляется лишь в результате специального, хотя и очень элементарного анализа.

В самом деле, значение слов типа *мечтатель* целиком составляется из значений составляющих их морфем: *мечтатель* — „тот, кто мечтает", *читатель* — „тот, кто читает", *мучитель* — „тот, кто мучит", *исполнитель* — „тот, кто исполняет", *грабитель* — „тот, кто грабит" и т. д. Что же касается слова *писатель*, то оно обозначает не всякого, кто пишет, а только того, кто не столько п и ш е т, сколько с о ч и н я е т художественные произведения. Наше слово имеет более узкое значение, чем то, которое можно „сложить" из составляющих его значащих частей. Заметим, что такое явление наблюдается у слов, пожалуй, даже чаще, нежели простое суммирование в семантике целого слова значений образующих его морфем. Нередко признак, положенный в основу названия, и его структура выступают лишь как самые первые наметки его действительного значения и ясного представления о последнем не дают. Например, чувство признака, положенного в основу болгарского слова *писец* (мы сразу же и верно связываем его с нашим глаголом *писать* и суффиксом *-ец*), не дает нам в то же время знания о его действительном значении. А в болгарском языке оно обозначает не „писец", а „перо" (т. е. не того, кто пишет, а то, чем пишут).

Смысловая оригинальность слова *писатель* по сравнению с названными образованиями на *-тель* не является исконной. В древнерусском языке это слово имело буквальное значение „тот, кто пишет". Так что, действительно, *писатель писателю* рознь. Обратившись к древнерусским письменным памятникам, мы можем прочитать: *Радуется купец, в дом свои пришедъ, а корабль в тихо пристанище пришедъ, якоже отрешится волъ отъ ярма, так писатель книг кончавъ*. Эта приписка в рукописи принадлежит не автору, а писцу, который закончил переписывание книги. Это ведь было трудным делом, длившимся, как правило, целыми месяцами (так, известное „Остромирово евангелие" дьякон Григорий переписывал для посадника Остромира около семи месяцев).

Ну, а как и когда появилось в таком случае современное слово *писатель*? Это частое в нашей речи и всем известное существительное родилось в XVIII в. как семантический перевод (семантическая калька) французского écrivain (<лат. scriba „писец").

Исконно русское слово *пионер*

В нашем языке сейчас существует три слова *пионер*: *пионер* „солдат инженерных войск", *пионер* „разведчик, первооткрыватель" (ср. *пионеры естествознания*, *пионеры космонавтики* и т. д.) и *пионер* „член детской коммунистической организации". Последнее слово является не только наиболее употребительным. Оно нам также и особенно близко и дорого: им мы называем нашу смену, юных ленинцев, будущих строителей коммунизма. Однако это слово родное для нас не только потому, что прямо и непосредственно связано с нашей советской действительностью, но и потому, что в качестве определенной лексической единицы возникло в русском языке.

Два первых слова пришли к нам соответственно из французского и английского языков в XIX в.

Существительное *пионер* „член детской коммунистической организации" представляет собой исконно русское слово, созданное после Октября.

Как же оно было образовано и когда появилось в общем употреблении?

Наше *пионер* сменило слово *юк* (<*юный коммунист*), известное с 1919 г. Оно родилось сразу же после создания пионерской организации 19 мая 1922 г., на базе появившегося несколько ранее оборота *юный пионер*.

Таким образом, оно было образовано с помощью лексико-семантического способа словообразования, путем концентрации общего значения исходного выражения на грамматически опорном существительном *пионер* в значении „первооткрыватель, разведчик" (ср. *песок* < *сахарный песок*, *столпотворение* < *вавилонское столпотворение* и т. д.).

Что касается слова *пионер* „первооткрыватель, разведчик", заимствованного из английского языка, то оно стало особенно популярным в XIX в. после появления романа Ф. Купера „The pioneers" („Пионеры"; чаще это заглавие на русский язык переводилось как „Переселенцы").

Вообще же это слово было усвоено английским языком из французского и передает франц. pionnier „солдат инженерных войск" (идущий впереди и пролагающий путь остальным). Последнее имело вначале значение „пехотинец" и было образовано от слова pion „пеший", восходящего к лат. pedo (вин. пад. pedonem) того же значения, в свою

очередь являющемуся суффиксальным производным от pes (род. пад. pedis) „нога“.

Поскольку лат. pes, pedis родственно нашему *пеший*, слова *пионер* и *пехотинец* связаны между собой кровными узами. Что касается фразеологического оборота *юный пионер*, ставшего базой для возникновения нашего слова, то оно сменило выражение *юный разведчик*, существовавшее еще до революции и передававшее англ. *бойскаут*.

От *мимохода* до *лунохода*

Слово *луноход* — один из недавних неологизмов среди имен существительных русского языка. Оно родилось в середине ноября 1970 г. Самой первой его печатной фиксацией является первая заголовочная строчка газеты „Вечерняя Москва“ от 17 ноября 1970 г., в которой было помещено соответствующее сообщение ТАСС о мягкой посадке на поверхность Луны в районе Моря Дождей автоматической станции „Луна-17“. Вот та фраза, в которой появилось на свет наше слово: *Первый советский луноход — на луне*. Слово *луноход* сразу же „зашагало“ по страницам газет, причем не только в прозе, но и в стихах: *Сквозь закат и сквозь восход В кипень белопенную Мчится, мчится луноход Через всю вселенную* (Островой С. Лунопроходец. „Правда“, 19 ноября 1970 г.); *Увидев нынче на экране пейзаж Луны и луноход, предугадать хочу заранее: Какое чудо завтра ждет?* (Каныкин А. Рубежи чудес, там же). Более того, оно послужило отправным пунктом других однотипных ему новых слов. По его образу и подобию возникли (правда, пока еще не привившиеся) слова *венероход*, *марсоход* и даже *планетоход*. Газета „Известия“ от 23 декабря 1970 г. поместила статью Б. Коновалова под названием „Будущее планетоходов“, в которой, в частности, можно прочитать такие предложения: *Как, на ваш взгляд, появятся ли когда-нибудь венероходы?*; *Марсоходы — вещь в будущем вполне реальная*.

Появившись на наших глазах, слово *луноход* выступает в качестве очень ясного и простого производного. Никаких этимологических тайн оно не содержит: понятно и то, на базе чего оно образовано, и то, как, по какой словопроизводной модели и по какому именно конкретному лексическому образцу оно сделано.

Как пишет В. Орлов в своей „Оде луноходу" („Правда", 18 ноября 1970 г.), единым вздохом миллионов уст родилось крылатое русское слово, которого нет у Даля, — *луноход*. Но изобретено оно было, как и сама машина, не на голом месте. Оно имело своих предшественников и в материальной, и в „духовной" части. И совершенно очевидных, о чем свидетельствуют своеобразные словообразовательные экскурсы, встречающиеся в газетных статьях о луноходе: *На посадочной ступени станции установлен лунный самоходный аппарат „Луноход-1"* („Вечерняя Москва", 17 ноября 1970 г.); *Надо внимательно посмотреть сегодня на Луну: где-то там есть Море Дождей, где-то там ходит наш луноход. Не паровоз, не самолет, не пароход — луноход!* („Московский комсомолец", 18 ноября 1970 г.); *Вслед за лунным геологом — первый лунный вездеход* („Правда", 19 ноября 1970 г.). *Итак, „Летучий голландец" на Луне. Им стал посланник Земли, советский луноход, впервые бороздящий безбрежные просторы Моря Дождей* („Комсомольская правда", 18 ноября 1970 г.); *Впервые в истории астронавтики, подчеркивает научный обозреватель агентства, вездеход, доставленный с Земли, начал передвигаться по поверхности Луны* (там же).

Совершенно ясными являются и морфемный состав нового „лунного слова" *(лун-о-ход (   ))*, и его образование. Его создали наши ученые по модели сложных слов на ***-ход***, обозначающих „самоходные аппараты" *(пароход, теплоход, электроход, самоход, атомоход* и т. д.), однако „с оглядкой" конкретно на существительные *снегоход* и *вездеход*. Таким образом, *луноход* — это „лунный самоходный аппарат, машина, которая ходит по Луне, лунный вездеход". Именно эти словосочетания „сжались" в процессе словопроизводства в существительное *луноход*, подобно тому как словосочетание *автомобиль, предназначенный для передвижения по глубокому снегу, снежной целине* дало слово *снегоход*. Ведь в словах подтипа *пароход* и т. д. первая часть сложения говорит не о месте действия самодвижущегося аппарата, а о характере его двигателя, о том, чем машина ходит. И они поэтому дальше от слова *луноход*, чем слова *снегоход* и *вездеход*, и образуют близкую, но особую структурную группу, самым старым среди которых является слово первой половины XIX в. *пароход*, обозначавшее вначале и „паровоз", и родившееся в качестве своеобразной кальки англ. steam-boat „пароход". Заметим, что слово *электроход* отме-

чается в качестве окказионального уже у Ф. Одоевского. Несколько особо от рассмотренных стоят слова *дымоход* „труба для отвода дыма из печи“ и *плотоход* „устройство, позволяющее пропускать плоты через гидротехнические сооружения“, оба сравнительно недавние (в частности, эти слова в словаре В. Даля еще отсутствуют). Они обозначают уже не самодвижущуюся машину, а более простое техническое устройство.

Всем названным существительным противостоит группа слов на *-ход*, обозначающих лицо: *пешеход*, *скороход*, *тихоход*, устаревшие *судоход* и *мореход*. Они значительно старше, и именно им были обязаны своим появлением первые слова типа *пароход*, *электроход* и др.

Ближе всего по структуре к нашему *луноходу* здесь *мореход* (луноход ходит по Луне, мореход — по морю), возникшее, несомненно, в качестве словообразовательной кальки др.-греч. pontonautēs „мореплаватель“, когда для передачи др.-греч. nautēs было использовано ныне исчезнувшее в значении действующего лица слово *ход* (об агентивном значении этого слова и ему подобных см.: П о т е б н я А. А. Из записок по русской грамматике. т. III, М., 1968, с. 81 и сл.).

Однако исходный тип образования представлен другими словами, среди которых на первое место должно быть поставлено существительное *пешеход* (*пешеход*, *судоход*, *скороход*, *тихоход*). Из ныне существующих слов на *-ход* оно самое древнее. Но и самое странное! Ведь в нем его корневые части как бы тавтологично повторяют одно и то же: *пеший* тоже ведь „пешком идущий“, утраченное в настоящее время *ход* „пеший, пешеход“ (ср. диал. *ходок*, *ходец* той же семантики). Такая оригинальность слова *пешеход* объясняется тем, что в древнерусском языке (как и в современном) глагол *ходить* имеет значение не только „идти, ступая ногами“, но и „двигаться, передвигаться“. По словарю И. И. Срезневского, в памятниках письменности слово *пешеход* встречается уже в XIV в.

„Все это очень хорошо,— скажете вы,— но почему заметка называется „От *мимохода* до *лунохода*“?“ Мимоходом, в двух словах о слове *мимоход*. Слова *мимоход* как существительного сейчас в языке нет. От него осталась одна только форма творительного падежа единственного числа *мимоходом*, относящаяся уже к категории наречия (в значении „проходя мимо, по пути; между прочим“). Но рань-

ше — в древнерусском письменном языке — оно было и значило „прохожий“. По времени фиксации в памятниках письменности это самое древнее слово на *-ход*. Оно известно уже в рукописях XI в. По своему происхождению в древнерусском книжном языке это существительное является заимствованием из старославянского языка. В последнем же оно родилось как калька причастия др.-греч. глагола paraporeuomai „проходить мимо, миновать“.

Луна и Селена

Совсем недавно слово *Селена* как синоним существительного Луна можно было встретить разве только в поэтической речи первой половины XIX в. Например, у В. А. Жуковского в стихотворении „К Батюшкову“ мы находим такие строки: *Среди прозрачной пены Летучих облаков Мелькает рог Селены.* В наши „космические“ дни слово *Селена* в значении „Луна“ начинает проникать и свободно употребляться в газетном языке и научно-популярных статьях.

Так, в „Правде“ от 19 ноября 1970 г. была опубликована статья акад. С. Вернова и Н. Контора, которая называлась *„Служба Солнца“ на Селене*, в газете „Вечерняя Москва“ от 9 января 1971 г. в статье „Лунными тропами“ А. Санфирова можно было прочитать: *Как не прекращают люди изучать планету, на которой они живут, так неуемны будут и их стремления подоскональней узнать Селену.*

В качестве синонимических слова *Луна* и *Селена* выступают сейчас и как корневые части производных слов *лунография* и *селенология: Урок лунографии с картой в руках* („Комсомольская правда“ от 18 ноября 1970 г.); *На счету у советской селенологии большие достижения* („Правда“ от 19 ноября 1970 г.). Заметим, что первое слово нами впервые было отмечено в „Комсомольской правде“ от 27 октября 1959 г. (см. нашу „Лексикологию современного русского языка“. М., 1964, с. 160).

Как видим, смысловое родство слов *Луна* и *Селена* налицо. Однако они близки не только своей синонимичностью. Эти слова объединяет также и одинаковость их „признаковой модели“. Несмотря на различную этимологию и историю, оба именуют естественный спутник Земли по одному признаку — его блеску, сиянию, свету.

Если буквально „перевести“ слова *Луна* и *Селена*, то и то и другое значит „блестящая, сияющая, светящая“. Но о каждом по порядку.

Слово *Луна* у нас исконное. Оно очень древнее, известно во всех славянских языках и даже за его пределами. Это общеславянское слово, имеющее точные соответствия в некоторых других индоевропейских языках (ср. др.-прусск. lauxnos мн. число „звезды“, авест. raōxšna „блеск, свет“, др.-греч. lychnos „светильник“). Последние позволяют восстановить его праславянскую исходную форму *louksnā и ясно представить его дальнейшие родственные связи и способ образования.

Слово *луна* <*louksnā образовано с помощью суффикса *-snā* от той же основы *(*louk-)*, что и *луч* (буквально „свет“), *лоск*, *лысый*, лат. lux „свет“, греч. leukos „светлый, блестящий“ и т. д. Такой же суффикс имеют слова *борона*, *стена*, *струна* и др. В русских диалектах и некоторых славянских языках слово *луна* и сейчас имеет значения, близкие к исходному (диал. *луна* „зарево, зарница, отблеск“, укр. *луна* — тж., чешск. luna „зарево“ и др.).

Иная биография у слова *Селена*. Оно пришло в русскую стихотворную речь в конце XVIII в. из древнегреческой мифологии, где *Селена* — богиня луны. В древнегреческом языке Selenē „богиня луны“ <selenē „луна“ представляет собой суффиксальное производное от той же основы, что и selas „свет, сияние; блеск, сверкание; молния“ и др.

Почему луну назвали месяцем

Из заметки „*Луна* и *Селена*“ вам теперь известно, почему луна называется луной. Но у слова *луна*, как все знают, есть и еще один синоним (значительно более народный). Это существительное *месяц*, по своему употреблению разговорное и нетерминологическое. Вспомните, как прекрасно использовал эти свойства слова *месяц* в сравнении со словом *луна* И. А. Гончаров в романе „Обломов“: „Бог знает, удовольствовался ли бы поэт или мечтатель природой мирного уголка. Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать щелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви дерев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонни-

кам. А в этом краю никто и не знал, что за луна такая, все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поле и очень походила на медный вычищенный таз".

Почему же луну называют еще и месяцем? Ответить на этот вопрос совершенно точно пока нельзя, но наиболее правдоподобное объяснение дать можно. Среди многих ученых-этимологов существует мнение, что слово, из которого получилось современное *месяц*, обязано своим появлением регулярному времени обращения луны вокруг Земли, позволившему сделать последнее определенной мерой времени ($^1/_{12}$ года). Отсюда и родилось слово, которое дало наше *месяц*. Оно также сначала имело только значение „промежуток времени в $^1/_{12}$ года", а затем получило и значение „предмет, который на это время указывает", как, скажем, слово *часы*, имевшие вначале лишь временное значение *(счастливые часов не наблюдают)*, потом приобрело и предметное значение *(золотые часы)*.

Но разберем слово *месяц* по порядку и начнем „с конца". Сознательно (чтобы не усложнять изложение) избежим подробностей. Не выходя за пределы современного русского языка, невооруженным глазом можно установить, что ***-яц*** в слове *месяц* является бывшим суффиксом. Достаточно вспомнить диал. *месик* „месяц" (уже с суффиксом ***-ик***) и подобной структуры слово *заяц* (с родственными *зайчик*, *зайка*, *зайчонок*, позволяющими выделять суффикс ***-яц*** в существительном *заяц* даже в пределах литературного языка).

Скорее всего суффикс ***-яц(<*-inko)*** в нашем слове был уменьшительно-ласкательным, таким же, как суффиксы ***-ец***, ***-ица***, ***-це*** в словах *морозец*, *дельце*, *землица* и т. д.

Тогда слово *месяц* исконно представляет собой „форму" субъективной оценки исчезнувшего в славянских языках слова с основой ***мес-*** (< ***мѣс-*** < ****mēs-***<****mēns-***). Так смело о существовании этого утраченного слова позволяют говорить его родичи в других индоевропейских языках: латыш. menesis „месяц, луна", др.-прусск. menins — тж., лат. mensis „месяц", др.-инд. ***mās-*** „месяц, луна", арм. amis „месяц", готск. mēna „луна" и др.

А все эти слова возводят к индоевроп. корню *mē „мерить", тому же, который наблюдается в слове *мера* (исходно с суффиксом ***-р-***, ср. существительное *вера* с тем же — сейчас уже „незримым" — суффиксом).

Мзда, возмездие и безвозмездный

В нашей лексике есть немало слов с общим корнем, которые тем не менее имеют самое различное происхождение. К ним необходимо отнести и слова *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный*. Корень ***мзд- (мезд-)*** в словах *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный* один и тот же, но появились они в русском языке в разное время, пришли в литературную речь различными путями и были образованы каждое по-своему. Да и в семантическом плане эти слова развивались далеко не одинаково.

Самым древним из них является существительное *мзда*. Оно было унаследовано древнерусским языком из общеславянского языка. Более того, есть все основания предполагать, что в качестве определенной лексической единицы оно родилось даже не в праславянский период, а еще раньше: в целом ряде индоевропейских языков издревле выступают его точные соответствия. Ср. хотя бы осетинск. mizd „плата, награда", греч. misthos — тж., готск. mizdō — тж., англ. meed „плата, награда" и др. Когда после возникновения письменности слово *мьзда* (>*мзда*) попало из устной речи в литературный язык, оно давно уже было непроизводным. Но эта непроизводность слова *мьзда* была не исконной. Как не без оснований считают многие этимологи (см.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 148—155), слово *мьзда* было образовано с помощью суффикса ***-зд-*** от того же глагольного корня ***мь-*** (<***mi-***), что и слова *мьсть* „месть" и — с другой огласовкой (***мѣ-*** <***moi-***) — *мѣна* „мена", и родственно греч. (сицилийск.) moitos „вознаграждение, благодарность", лит. maĩna „мена", др.-инд. máyatē „меняет", готск. gamains „общий" и т. д.

По своему суффиксальному характеру слово *мьзда* (звукосочетание *мзда* появилось после падения слабого редуцированного ***ь*** перед гласным полного образования *а*) идентично таким существительным, как *борозда*, *звезда*, *езда* и т. п. Древний суффикс ***-зд-*** изо всех одноструктурных слов сейчас вычленяется по соотношению с глаголом *ехать*, *еду* только в существительном *езда*.

Родство слов *мзда* и *месть* ясно „просвечивает" и в их семантике. И здесь народная пословица *Мста не мзда*,

переводимая В. Далем как „Месть не возмездие за добро“ (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. II, с. 321), оказывается справедливой не абсолютно, а лишь в определенных временных пределах, и именно в новую эпоху. Семантика рассматриваемых слов, равно как и их синонимов, в динамике языка перекрещивается и тесно связывает их вместе. Сейчас, действительно, *мста* — не „мзда“. По С. И. Ожегову (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 9-е. М., 1972, с. 319,322), в современном русском литературном языке *месть* — „действие в отплату за причиненное зло, возмездие“, а *мзда* — „награда, плата“.

Сейчас, конечно, и слово *возмездие* семантически не равно слову *мзда*. В словаре С. И. Ожегова (с. 85) существительное *возмездие* совершенно правильно определяется как „отплата, кара за преступление, за зло“. Однако так было далеко не всегда. Слово *возмездие* еще для Даля было обозначением и кары, и платы, награды, воздаяния (см.: Даль В. Толковый словарь..., т. I, с. 228). Такое же синкретическое значение может быть отмечено и у основы *мзд-* как составного элемента ныне устаревшего глагола *мздовоздаять* „карать и жаловать по заслугам“, и у др.- греч. misthos, имеющего, помимо уже указанных выше значений „плата, награда“, также и значение „кара, возмездие“ (см.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 2. М., 1958, с. 1101).

Ср. аналогичные семантические отношения в словах *плата* и *расплата* „кара, возмездие“, *расчет* и *рассчитаться* (с кем-нибудь) в значении „отомстить кому-либо“ и т. д. Ср. также родственные *цена* (в древнерусском языке „плата“) и авест. kaena „месть“.

Производное от *мьсть* — общеславянский глагол *мьстити* обозначает не только „мстить, наказывать“, но также „защищать“ и даже „награждать, жаловать“ (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. Спб., 1895, с. 234).

Последнее значение этого глагола позволяет реконструировать также бывшую когда-то у слова *мьсть* семантику „плата, награда“. Таким образом, в очень давние времена слова *мзда* и *месть* были синонимами и оба имели значение „плата, награда“ (по заслугам). Лишь потом слово *месть*, как и значительно позже *возмездие* и *расплата*, приобрело новое, современное значение „месть,

кара“. Заметим, что подобное развитие семантики мы наблюдаем и у неславянских родственников другого однокорневого со словом *мзда* существительного — слова *мена* „обмен, изменение“ (ср. глагол *менять* „отдавать и брать одно за другое“, раньше также и „покупать“ и, следовательно, „платить“). Так, точное смысловое соответствие нашему слову *мена* мы находим в соответствующем слове авестийского языка.

Поэтому вполне возможно, что исходным (этимологическим) значением слов *мзда* и *месть* было то, которое и поныне свойственно однокорневому *мена* „обмен“ (сначала натурой).

Как видим, слово *мзда* в русском языке исконное, досталось ему по наследству из праславянского языка еще в дописьменную эпоху. Образовано оно было — еще в индоевропейский период — суффиксальным способом словообразования и по корню кровным родством связано со словами *месть* и *мена*.

Совсем иная биография у существительного *возмездие*. Оно сразу появилось в письменной речи и до сих пор носит ярко выраженный книжный оттенок. В русском литературном языке оно не исконное, а пришло к нам из старославянского языка. Впервые отмечается в старославянских памятниках письменности русского извода с XI в. со значением „вознаграждение, воздаяние, возмездие“. Эта семантика затем сузилась, и слово *возмездие* стало употребляться лишь для обозначения кары, наказания. Последнее было обусловлено, помимо семантических возможностей, заложенных в самом слове (см. выше), также влиянием контекстов, где речь идет о расплате за дурные поступки и причиненное зло. Таких контекстов в церковнокнижной литературе, где прежде всего употреблялось слово *возмездие*, встречается предостаточно. Старославянизм *възмьздие* не был образован с помощью приставки *въз-* и суффикса *-иj-*, как может показаться с первого взгляда, а представляет собой слово, возникшее путем словообразовательного калькирования др.-греч. antimisthia „плата, воздаяние, вознаграждение, возмездие“, т. е. посредством его последовательной поморфемной „съемки“: приставки *anti-* — приставкой *въз-*, основы *misth-* — основой *мьзд-* и суффикса *-ia-* суффиксом *-ие* (указываем их здесь для удобства вместе с окончаниями).

Таким образом, если иметь в виду этимологический состав, то слово *возмездие* можно перевести как „ответная кара".

В биографическом аспекте, следовательно, слово *возмездие* резко отличается от слова *мзда* и своим неисконным для русской речи происхождением, и появлением лишь после принятия христианства, и способом деривации.

В настоящее время в актуальном языковом сознании рядового носителя современного русского языка слово *возмездие* со словом *мзда* уже не связывается: они стали совершенно чужими в силу резкого семантического сдвига, происшедшего в первом слове.

А теперь о прилагательном *безвозмездный*. По сравнению со словами *мзда* и *возмездие* оно „подросток", так как родилось на свет совсем недавно. По данным „Словаря современного русского литературного языка", оно впервые фиксируется в „Словаре церковнославянского и русского языка" 1847 г. По своему образованию оно довольно оригинальное, ибо получилось в результате переделки более раннего и „более правильного" прилагательного *безмездный*, известного еще в древнерусском языке. *Безвозмездный* возникло на базе *безмездный* точно так же, по той же „модели", что и *бесталанный* — из *бесталантный*, *свидетель* — из *съвѣдѣтель*, *солянка* — из *селянка*, в результате процесса замещения[1] основы: основа ***-мзд-*** под влиянием слова *возмездие* в старом значении „плата, вознаграждение" была заменена основой ***возмезд-***.

Следовательно, слово *безвозмездный*, будучи исконным, является собственно русским образованием, весьма поздним по степени своего появления и очень своеобразным с точки зрения деривации. В семантическом плане оно полностью повторяет своего предшественника иной основы (слово *безмездный*) и своего значения „бесплатный" пока не меняло.

Что касается исходного *безмездный* „бесплатный" (ср. *Безмѣздьна врачьба* „бесплатное лечение" в Стихираре праздничном Софийской библиотеки до 1163 г.), то оно, вероятно, представляет собой известную с XI в. словооб-

---

[1] Подробно о замещении основы см. наши «Очерки по русскому словообразованию» (М., 1968, с. 244—249).

разовательную кальку др.-греч. amisthos „неоплачиваемый, безвозмездный, даровой".

Впрочем, этимология старого *безмездный* для прилагательного *безвозмездный* — это уже связи и отношения „второго колена".

Казначей, барабанщик и *басмач*

В языке немало слов-родственников, генетические связи которых совершенно не чувствуются. Превратности языковой судьбы резко меняют и их фонетическое „лицо", и их морфемный характер. Встречаясь с ними, мы и не подозреваем прежней близости этих слов. К таким лексическим единицам можно отнести и те слова, которые вынесены в заглавие, хотя на первый взгляд кажется, что между ними ничего общего нет и не могло быть. В самом деле, что роднит эти слова сейчас? Пожалуй, только одно категориальное значение лица: все они обозначают пусть и разное, но действующее лицо и, в соответствии с этим, относятся к разряду агентивных имен существительных. Ничего другого, что бы их сближало, современное языковое сознание нам не подсказывает. Особенно разными они кажутся по своей словообразовательной структуре и морфемному составу. Слово *барабанщик* в своей основе членится на непроизводную основу ***барабан-*** и агентивный суффикс ***-щик (-чик)***, свободно выделяющийся в других словах, более того — активно их образующий (ср.: *атомщик*, *трамвайщик*, *бетонщик* и др.). Что касается слова *казначей*, то в нем рядом с непроизводной основой ***казн-*** (ср. *казна*) мы наблюдаем уже нерегулярный суффикс ***-ачей***, суффикс в известной степени уникальный. Существительное же *басмач* вообще предстает перед нами как корневое. И несмотря на все это, названные существительные оказываются генетически принадлежащими к одной и той же словообразовательной модели. А отрезки ***-щик***, ***-ачей*** и ***-ч*** восходят к одному и тому же суффиксу лица. Какому? Агентивному суффиксу ***-чи*** тюркских языков. Вряд ли вы думали (мне приходилось это проверять на многих аудиториях), что слово *барабанщик* нерусское по своему происхождению: ведь это „тот, кто играет на барабане", так же как, скажем, *стекольщик* — это „тот, кто вставляет стекла". И тем не менее это так. Слово *барабанщик* такой же тюркизм, как

казначей и *басмач*. Только заимствовались эти слова в разное время, поэтому их русификация и происходила поразному. Данный пример — яркое доказательство глубокой разницы (иногда даже пропасти), которая существует между современной словообразовательной структурой слова и его реальным происхождением в языке.

Но обо всем по порядку. Ранее всего в нашей речи появилось слово *казначей*. Древнетюркское *казначи* было переоформлено в древнерусском языке в *казначии* (конечное *и* равно *jь*), а затем, после падения редуцированных, изменилось в *казначей*, так же как *Сергий* > *Сергей*. Так, сохранив соотнесенность со словом *казна*, оно получило современную структуру: *казн-ачей* ( ). В этом отношении его судьба напоминает устаревшие слова *домрачей* (<*домрачи*), *арбачей* (< *арбачи*) и др. (по происхождению тоже тюркизмы).

Иная судьба ждала тюркское *барабанчи*. Оно пришло к нам уже тогда, когда в русском языке суффикс *-чик* (*-щик*) стал активным словообразовательным элементом, с помощью которого оформлялись новые слова со значением действующего лица. По картотеке древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, оно впервые фиксируется в памятниках начала XVI в. Тюркск. *барабанчи* при заимствовании было подогнано под слова на *-щик* типа *данщик*, точно так же как ранее *ямчи* > *ямщик* и позднее *духанчи* > *духанщик*. Языковое чутье подводит нас здесь особенно сильно: казалось бы, самое русское слово, образованное продуктивным суффиксом со значением лица, на поверку оказывается иноязычным.

Заимствованный характер слова *басмач* чувствуется сразу. Это объясняется и тем понятием, которое оно выражает, и новыми условиями его усвоения. Борьба с басмачеством в Средней Азии хотя и является прошлым, но все еще свежа в памяти многих. Узбекское происхождение этого слова ясно. Слово *басмач* примечательно не столько своим сторонним характером, сколько способом своего переоформления на русской почве. Тюркск. *басмачи* (буквально „налетчик"), являющееся в языке-источнике суффиксальным производным от *басма* „налет", было осознано, по аналогии со словами *трубачи*, *лихачи*, *богачи* и т. д., как форма им. пад. мн. числа. Кусочек тюркского суффикса *-чи -и* стал окончанием в русском языке. Произошло „межъязыковое" переразложение на стыке

корня и суффикса, которое привело к рождению слова, состоящего из корня и окончания. Так появилось совершенно немыслимое для тюркских языков слово *басмач* с нулевым окончанием после непроизводной основы.

Как видим, совершенно непохожие друг на друга по своей структуре слова генетически все являются тюркизмами и принадлежат к одной и той же словообразовательной модели. Однако в языке бывает и обратное. Слова, структурно идентичные, в действительности по своему происхождению могут быть самыми разными. Но об этом рассказ особый.

Чужие близнецы

Существительные *вольность*, *дородность*, *плотность* кажутся самыми простыми, словообразовательно и генетически прозрачными словами. С точки зрения современного языкового сознания все они прямо и непосредственно связаны с соответствующими прилагательными и поэтому, несомненно, воспринимаются как производные, образованные в русском языке с помощью суффикса ***-ость***. Пары *вольность* — *вольный*, *дородность* — *дородный*, *плотность* — *плотный* и принадлежность существительных к обширной, с каждым днем растущей категории слов на ***-ость*** не позволяют подозревать здесь ничего этимологически особенного. Но осторожнее с такими „одинаковыми" фактами! Именно эти словообразовательные „близнецы", выделяющие все один и тот же суффикс ***-ость***, очень ярко и наглядно свидетельствуют о том, что нередко как будто совершенно очевидное и единственно правильное решение оказывается абсолютно неверным. Если мы скажем, что слова *вольность*, *дородность* и *плотность* в русском языке были образованы посредством суффикса ***-ость***, то совершим грубую этимологическую ошибку, приняв настоящее за прошлое, современные словообразовательные связи этих слов за их реальное происхождение в нашей речи.

Как повествует лексическая история, только слово *дородность* было создано в русском языке с помощью суффикса ***-ость***. Что касается двух других, то у них родословная совсем иная.

Слово *плотность* появилось на свет у А. Д. Кантемира в его переводе книги Фонтенеля „Разговоры о множестве

миров". Свой неологизм Кантемир (о чем говорит он сам в примечаниях, см.: Соч., т. 2. Спб., 1868, с. 428) создал не с помощью суффикса *-ость* на базе прилагательного *плотный*, а как словообразовательную кальку франц. solidité. Таким образом, слово *плотность* образовано калькированием, путем поморфемной съемки чужого слова (*solid-* — *плотн-*, *-ité* — *-ость*). Оно представляет собой не суффиксальное производное, каким сейчас выглядит, а словообразовательную кальку. И хотя сделано из русского языкового материала, но по структурной „мерке" своего французского „родителя".

Еще больше может удивить биография существительного *вольность*. Ведь это, на первый взгляд, самое исконно русское слово в нашем языке по происхождению является пришлым, заимствованным из близкородственной, но иной языковой системы.

Откуда пришло к нам слово *вольность*? Оно принадлежит к довольно большой группе полонизмов и появилось в лексике нашего языка в XVI в. через посредство так называемого литературного языка Юго-Западной Руси, т. е. украинско-белорусского книжного языка.

Как видим, в мире слов мы должны быть готовы к самым удивительным неожиданностям. Слова, непохожие друг на друга (*барабанщик*, *басмач* и *казначей*), по определенной линии оказываются родственными, слова суффиксально одинаковые — совершенно различными.

Что общего между словами *капитан* и *капуста*?

Если не считать их принадлежности к категории имен существительных, то между этими словами как будто нет ничего общего. Впрочем, подождите. Оба слова начинаются с одного и того же звукосочетания и буквосочетания *кап*. Но так ли это существенно? Разве мало слов, имеющих в своем составе одинаковые звуковые и буквенные отрезки и тем не менее абсолютно никакого отношения друг к другу не имеющих? Сколько угодно. Есть ведь даже омонимы, которые фонетически и орфографически целиком повторяют один другого, но являются друг другу совершенно чужими.

Данные русской этимологии говорят, что совпадение „кусочка" *кап* в словах *капитан* и *капуста* не случайно

и они состоят между собой в известном родстве, правда, очень далеком, опосредованном и сложном.

Последнее сказывается, в частности, в том, что слово *капуста* в такой же степени оказывается родственным не только слову *капитан*, но также и словам... *композиция* и *компот* (!). Дело все в том, что существительное *капуста* в славянских языках — своеобразный лексический гибрид, возникший путем скрещения слова, родственного существительному *капитан*, со словом, родным и близким существительным *композиция* и *компот*.

Заметим сразу же, что первоначально это скрещение отразилось не только во внешней форме слова *капуста*, но и в его семантике. Но судите сами.

Существительное *капитан* пришло к нам в древнерусскую эпоху. В памятниках письменности оно отмечается по крайней мере с 1419 г. Не совсем ясно, из какого языка непосредственно оно у нас появилось (из итал. capitano или польск. kapitan), но первоисточник известен очень хорошо. Им является среднелат. capitaneus „главный; начальник", представляющее собой суффиксальное производное от лат. caput „голова". По своему „образному" строению слово *капитан*, таким образом, однотипно нашему слову *голова* в значении „начальник, предводитель; глава, вождь".

Как видим, в слове *капитан* корень *кап-* идентичен *cap-* в лат. caput „голова". Это же слово своим корнем представлено и в существительном *капуста*, но оно в нем причудливо совмещено с другим, в „чистом виде" давшим слова *композиция* и *компот*.

Когда же и как это произошло? Какие конкретно лексические единицы были виновниками появления слова *капуста*? Слово *капуста* по времени своего появления в нашем языке значительно более древнее, нежели существительное *капитан*. Оно досталось древнерусскому языку по наследству от праславянского. Там это слово, по мнению большинства этимологов, родилось в результате скрещения двух различных слов, пришедших из разных языковых источников.

Одним словом было существительное того же корня, что и слово *капитан*. Это древneверхненем. chapuʒ (> *капус)*, восходящее к лат. caputium „кочан (головка) капусты", суффиксальному образованию от caput „голова". Другим словом было существительное с тем же корнем,

который в историческом плане можно выделить в словах *композиция* и *компот*. Это среднелат. composta < composita (буквально „сложенная" зелень), пришедшее к славянам через немецкое посредство (ср. средневерхненем. kumpost „кислая, квашеная капуста", „блюдо, кушанье из квашеной, кислой (а потом и сладкой) зелени, капусты". *Капуе* и *компоста* дали *капусту*. В значениях обоих исходных слов слово *капуста* известно еще в древнерусском языке (ср. в „Уставе" XII в.: *капуста солона без масла*, где *капуста* значит „кушанье из квашеной, соленой капусты", и в „Псковской летописи" под 1477 г.: *Повезе псковитин съ огорода капусту*, где *капуста* значит „кочанная капуста") и диалектах (Ср. *Налей мне капусты*, где *капусты* значит „щей"; *Вешний пир капустой давят*, где *капустой* значит „квашеной капустой" и т. д.).

Родственники среднелат. composta < composita *композиция* и *компот* пришли к нам: первое — из латинского языка, а второе — из французского.

Откуда получают имена реки

С севера на юг и с юга на север, сквозь леса и степи, торопливо и медленно текут большие реки и маленькие речушки — голубые дороги земли. Все они имеют свое имя, которое или сразу (ср. *Донец*, *Сосновка*, *Ржавец*, *Невка* и т. д.), или после соответствующего анализа, иногда очень глубокого и тщательного (ср.: *Волга*, *Десна*, *Яуза*, *Луга* и пр.), говорит нам о том, чем когда-то обратила на себя внимание народа та или иная река. Тем самым, так сказать, имя говорит само за себя. Что же кладется говорящими в основу „речных" наименований и какую структуру они имеют?

Название реки представляет собой, как правило, слово, указывающее на какой-нибудь ее признак: в одном случае характер течения, в другом случае цвет или вкус воды, в третьем — размер, в четвертом — особенности дна, в пятом — местность, где она течет, или береговая растительность и т. д.

Реку Омь, на которой стоит большой промышленный город Омск, назвали так за ее плавное и медленное течение (на языке барабинских татар слово *омь* значит „тихая").

По тому же признаку дали имя и Амуру. Амур окрестили *Амуром*, также имея в виду его спокойное течение

(по-монгольски *амур* — „спокойный“). Быстрицу и Торопу (правый приток Западной Двины), напротив, назвали так за их быстрое, „торопливое“ течение.

За тот же самый неспокойный нрав были названы *Проней* правые притоки Оки и Сожи (ср. чешск. *prony* „стремительный, буйный“) и правый приток Днестра *Стрый* (с тем же корнем, что и *стремя* „быстрое течение“ и *стремительный*). Хуанхэ получила свое имя по цвету воды (на китайском языке *хуан* значит „желтый“, а *хэ* — „река“), точно так же как несколько рек под именем *Белая* и *Аксу* в Советском Союзе (по-тюркски *ак* значит „белая“, а *су* — „вода“).

Таких „цветных“ имен у рек очень много. Вспомните хотя бы реки Красную (в Китае и на севере Вьетнама) и Колорадо. Последнее название происходит из испанского языка, где Rio Colorado значит „река Красная“. Колорадо была названа так за красноватую от глины размываемых течением каньонов воду.

„Похожее“ наименование имеют частые в европейской части СССР Рудни, получившие имя за красноватый и бурый оттенок воды (от глины или болотных руд), ср. диал. *рудой* „рыжий“.

Характеристику черной речки получила за соответствующий цвет воды река Мста в Новгородской области, впадающая в озеро Ильмень (в западных финно-угорских языках *musta* значит „темная, черная“).

Считают, что молочные реки текут (обязательно в кисельных берегах) только в сказках. Но это неверно. С рекой Молочной мы встречаемся и в Приазовье и в бассейне Днепра. Эти реки получили такое имя за „молочный“, мутноватый цвет воды.

За извилистый характер русла, вероятно, была словом *уж* названа река Уж, на которой стоит город Ужгород.

Как и река Уж, за изогнутость и повороты названы Случью притоки Припяти и Горыни: слово *случь* образовано от прилагательного *слукий* „кривой, изогнутый“ (того же корня слова *лук* „орудие стрельбы“, *излучина*, *лукавый*, *лукоморье* и т. д.).

Река Вязьма получила свое название по другому признаку: ее назвали так за вязкое, илистое дно.

С этой точки зрения ее „однопризнаковой“ тезкой является также такое название реки, как Миссури (на языке индейцев Северной Америки *миссури* значит „илистая“).

Напротив, по каменистому дну названы многочисленные Каменки в европейской части СССР. А вот река Кума на Северном Кавказе „позаимствовала" свое название у песчаного дна (по-тюркски *кум* значит „песок").

Горьковатый вкус воды (от солончаков) был виновником имени левого притока Дона — Маныч (по-тюркски *манач* означает „горький").

Что же касается Донца (его называют Северским или Северным) и реки Великой, впадающей в Псковское озеро, то они названы так по размеру. Слово *Донец* образовано от имени *Дон* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ец*: Донец — это маленький Дон. Великая — значит большая. Конечно, размер в данном случае определяется не абсолютно, а относительно: Донец сравнивался с рекой, в которую он впадает, Великая — с реками, текущими поблизости.

А вот реки Липовка, Ольшанка, Вязовка были так названы по береговой растительности, за липы, ольхи и вязы по их берегам.

Более общее наименование получили маленькая Дрезна, впадающая около Москвы в Клязьму (ср. диал. *дрезда* и *дрезна* „лес"), и одна из самых больших рек мира Конго (в языке банту это слово значит „горы").

Разнообразны, как видим, не только речные истоки, но и языковые источники „речных" имен.

Иногда собственным именем реки становится нарицательное существительное со значением „река" (см. об этом в заметке „О *Волге* и *влаге*").

Строение и история речных названий могут быть самыми различными. Ответ на вопрос, откуда получают имена реки, может, так сказать, лежать на поверхности и быть видным невооруженным глазом. Но иногда, как уже говорилось, говорящим имя реки становится лишь в результате его этимологического разбора. Некоторые такие названия будут далее разобраны.

О *Волге* и *влаге*

Всем хорошо известна великая русская река Волга. Если самим не приходилось бывать на ней, то во всяком случае „лично" знакомы с ней по школьному курсу географии и нашим песням. А вот название этой реки для многих, вероятно, загадка. Почему у красавицы Волги такое

странное имя, напоминающее по своему звучанию существительное *влага*?

Даже для видных специалистов по гидронимии (т. е. по названиям всевозможных водных бассейнов: морей, рек, озер и т. д.) долгое время название *Волга* было „книгой за семью печатями".

Впрочем, такая участь не у одной Волги. Подавляющее большинство больших рек, названных давно и очень часто еще не русскими, носит точно такие же — с первого взгляда загадочные и непонятные — имена. Ведь, в отличие от больших городов, большие реки своих имен не изменили с древнерусской эпохи. Достоверно известен лишь случай переименования реки Яик, по „высочайшему повелению" Екатерины II после подавления Пугачевского восстания, получившей (по горам, в которых река берет свое начало) название *Урал*.

В настоящее время — несмотря на несколько гипотез, в которых слово *Волга* толкуется по-другому,— можно считать установленным, что название Волги является не заимствованным, а исконно русским, более того — свойственным также и некоторым другим славянским языкам. Об этом свидетельствует и география этого слова, и его фонетическая структура, и, наконец, его „нарицательный первоисточник". Поэтому совершенно напрасно В. А. Никонов (см. его „Краткий топонимический словарь". М., 1966, с. 87) считает, что с толкованием слова *Волга* как исконно русского может и сейчас соперничать объяснение его как заимствования из финских языков (ср. финск.: valkea, эстонск. valge „белый, светлый"); как правильно указывает М. Фасмер, объяснение названия *Волга* из соответствующих финских прилагательных „невозможно фонетически" (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 337).

Кстати, о невозможности объяснения слова *Волга* как заимствования из финских языков говорит и география этого имени: *Волги* есть не только в России, но и в Польше и Чехословакии, где финские гидронимы такого типа исключены абсолютно. В Чехословакии течет река *Влха* (Vlha), относящаяся к бассейну Лабы, в Польше такое название — *Вильга* (Wilga) — носит река бассейна Вислы.

Как раз эти тезки нашей Волги и позволяют восстановить древнейшую фонетическую структуру разбираемого гидронима. В праславянскую эпоху это слово звучало как

*Vьlga, принадлежа к образованиям с сочетанием „редуцированный плюс плавный“ между согласными типа *волна* (ср. чешск. vlna, польск. wełna), *волк* (ср. чешск. vlk, польск. wilk), *долг* „обязанность“ (ср. чешск. dluh), *болтать* (ср. польск. bełtać) и т. д.

Форма *Vьlga изменилась в форму *Волга* в связи с тем, что перед отвердевшим *л* *ь* изменился сначала в *ъ*, а затем после падения редуцированных прояснился (перед плавным между согласными *в* и *г*) в гласный полного образования *о*. Какой же признак был положен славянами в основу названия *Волга*? Почему Волга была названа именно так, а не как-либо иначе? Об этом без утайки говорит „нарицательный первоисточник“ слова *Волга* — исчезнувшее прилагательное *vьlga „влажная, мокрая“ (ср. польск. wilgósí „влажность“), с одной стороны, отложившееся в глаголе *волгнуть* „становиться влажным“, прилагательном *волглый*, а с другой — близкородственное (поскольку имеет ту же основу, но с перегласовкой *о*/*ъ*) существительному *влага*, или — слово *влага* заимствовано из старославянского языка — древнерусскому *волога* „жидкость, вода“.

Как видим, звуковое сходство слов *Волга* и *влага* не является случайным: это слова одного и того же корня. Волга названа (кстати, „несомненно, в верхнем течении“— Никонов В. А. Краткий топонимический словарь, с. 87, где вода ее не отличается „белизной и светлостью“, что также противоречит финской гипотезе) так просто потому, что она река, т. е. поток, текущая вода, влага.

Заметим, что процесс превращения нарицательного существительного со значением „влага, вода; текущая вода, река“ в собственное имя представляет собой широко распространенное явление, для гидронимии очень характерное. В качестве примеров можно привести хотя бы слова *Москва* (из старого *Москы*, род. пад. *Москъве*, родственного словам *промозглый*, диалектному *мзга* „мокрый снег с дождем“ и т. д.; сложное наименование *Москва-река* закрепилось за рекой после того, как исходное стало именем города), *Дон* (ср. древнеинд. *дану* „сочащаяся жидкость“, осетинск. *дон* „вода, река“), *Охота* (по которой названо *Охотское море*; из тунгусо-маньчжурск. *Оката*, буквально „вода, река“), *Обь* (из иранск. *аб* „вода, река“), *Парана* (от индийск. *пара* „вода, река“), *Нигер* (из туарегск. *н'егирен* „текущая вода, река“), *Юг* (из финск.

йэкки „река, вода"), правый приток днепровской Десны *Снов* (из *snov = „текучая вода", ср. древнеинд. *снаути* „течь") и др. Отмеченные факты — еще один (правда, косвенный) аргумент, свидетельствующий о „кровном" родстве слов *Волга* и *влага*.

Как называются города

В заметке „Откуда получают имена реки" было рассказано о том, как возникают наименования рек, почему и когда их окрестили именно так, а не иначе. А как называются города? Что принимается во внимание, когда дается наименование тому или иному городу?

Многие города называются у нас по имени той реки, на которой они находятся.

Так, город Москва, стоящий, как известно, на реке Москве, „присвоил" себе ее имя. Имя *Москва* настолько тесно связалось с городом, что одноименную реку сейчас называют не иначе, как употребляя рядом с собственным именем *Москва* нарицательное существительное *река*. *Москва-река* сейчас является единым словом, подобно словам *плащ-палатка* или *платье-костюм*. Это новое имя для реки Москвы возникло в связи с тем, что старое стало восприниматься только как имя города.

Как город, получивший свое имя по реке, на которой он расположен, может быть указан Тирасполь. Правда, река, на которой он расположен, называется *Днестр*, но дело в том, что при наименовании этого города (он был основан в 1792 г.) было использовано не современное исконно русское название реки Днестр, а имя, которым в свое время называли его древние греки, — *Тирас* (Tyras). Давая имя новому городу, наши предки к слову *Тирас* прибавили по образцу названия *Севастополь* корень *-поль* (polis), что по-древнегречески значит „город". Таким образом появился Тирасполь, буквально — „город на Днестре".

От реки Витьбы, притока Западной Двины, получил свое имя город Витебск. Определенно говорит своим именем о местоположении на реке Сестре город Сестрорецк.

Ну, а Великий Устюг? Этот город назван так потому, что он стоит на реке Сухоне неподалеку от устья реки Юг, впадающей в Сухону.

Почему так часто использовались для обозначения городов имена рек? Это вполне понятно, ведь многие города возникали и, как правило, возникают на реках.

Конечно, местоположение города в момент его основания может быть и иным. Города могли возникать по берегам озер и морей, в таких случаях они получали имена, соответственно, по названию озера или моря: *Белозерск*, *Балтийск*, *Каспийск* и т. д.

Города появлялись в лесных дебрях (отсюда, например, название *Брянск* из более старого *Дьбрянскъ*), в долинах (например, город в Станиславской области Украинской ССР *Долина)*, по соседству с минеральными источниками (например, *Серноводск*, *Железноводск)* и т. д.

Но чаще всего города появлялись все же на реках. Вот поэтому-то многие названия городов перекликаются (если не совпадают полностью) с именами рек.

„Речные" в своей основе имена городов по строению и образованию могут быть различными. Однако можно наметить здесь две большие и продуктивные однотипные группы.

Одну группу составляют такие названия городов, которые являются как бы эхом имени реки. Слова типа *Нарва*, *Вологда*, *Пярну*, *Луга*, *Ишим*, *Онега*, *Дрисса*, *Жиздра*, *Хатанга*, *Печора* и т. д.— это названия городов, но они в точности повторяют имена рек.

Значительно интенсивнее растет и обогащается новыми образованиями другая группа, в которую входят слова с суффиксом ***-ск-***.

Корень в таких словах указывает на реку, около которой стоит город. Что касается суффикса, то он как бы сигнализирует нам, что слово является названием города. Действительно, ни в каких других существительных, кроме имен городов, этот суффикс не встречается. В эту группу входят названия городов Иркутск, Тобольск, Томск, Омск, Пинск, Орск, Ейск, Вилюйск, Енисейск, Задонск, Приволжск и многие другие.

С „речными" названиями городов по количеству и продуктивности можно сравнивать лишь такие названия, которые появились на основе фамилий. По своей структуре они, как и „речные" названия городов, различны.

Если спросить о Пушкине, Горьком, Кирове, Фрунзе, Бабушкине, то будет неясно, о чем идет речь. Ведь слово *Пушкин* — это и фамилия нашего великого поэта, и на-

звание города в Ленинградской области; слово *Горький* — это и фамилия основоположника социалистического реализма, и название областного центра на Волге; слово *Киров* — это и фамилия выдающегося деятеля нашей партии, и название областного города, ранее носившего „речное" имя — *Вятка*, и т.д.

„Одно и то же" слово обозначает и лицо, и город. Однако слова „одно и то же" в предыдущей фразе взяты нами в кавычки. Это сделано не случайно. Несмотря на родство (город назван в честь лица) и одинаковое написание и звучание, это два разных слова, два омонима, вроде слов *мир* „вселенная" и *мир* „противоположное войне". О том, что это разные слова (если они склоняются) говорит, в частности, и их склонение. В творительном падеже будет, например: *с юным Пушкиным*, но *под городом Пушкином.*

Как фамилии стали использоваться для названий городов? Почему они свободно употребляются как имена городов? Для того чтобы понять это, вспомним, как появилось название *Ярославль* и что представляют собой по происхождению русские фамилии.

Слово *Ярославль* является перешедшим в существительное притяжательным прилагательным, образованным от имени *Ярослав* с помощью суффикса *-j- (-вj-* дало *-вль*, *ср. ловить — ловля)*.

Название города *Ярославль* возникло из словосочетания *Ярославль городъ* „город Ярослава". Этот населенный пункт был основан киевским великим князем Ярославом (как полагают, в 1024 г.).

Притяжательными прилагательными первоначально были также и такие слова, как *Киев* (первоначально *Киевъ городъ*, т. е. „город *Кия*"). *Алексин* [1] (первоначально *Алексинъ городъ*, т. е. „город Алексы", *Алекса* — сокращение имени *Александр*) и т. п.

Слов, подобных словам *Киев*, *Алексин*, значительно больше, чем названий типа *Ярославль* (ср. *Лихославль*, *Переяславль*, *Путивль* [2] и некоторые другие). И это понятно.

---

[1] Город в Тульской области на реке Оке.

[2] Форма *Путивль* передает более старую *Путимль* (ср. диал. *мнук* вместо *внук*), возникшую из словосочетания *Путимль городъ* «город Путима». Имя *Путим* является не полным, а интимным, уменьшительно-ласкательным, производным из *Путимир* < *Путимѣръ)*.

Притяжательные прилагательные чаще всего образовывались при помощи суффиксов *-ин* и *-ов*. Такими же притяжательными прилагательными являются по происхождению и русские фамилии типа *Петров*, *Гаврилин* и др. Только они возникли не из сочетания притяжательного прилагательного со словом *город*, как названия городов, а из сочетания притяжательного прилагательного со словом *сын*. Ведь современные фамилии — это прежние отчества: *Петров* появилось из *Петров сын*, *Гаврилин* — из *Гаврилин сын* и т. д. Это общее происхождение и структура фамилий и городских названий типа *Киев*, *Алексин* и явились предпосылкой для употребления фамилий как названий городов.

Среди них в новое время появились и такие, которые в своем составе суффиксов *-ов*, *-ин* не содержат (например, *Фрунзе*, *Жуковский* и др.). Однако подавляющее большинство „фамильных" имен городов оканчивается на *-ов* и *-ин*. Именно поэтому в народной речи некоторые имена городов, звучавшие ранее по-другому, начинают звучать как слова на *-ов* и *-ин*. В этом сказывается влияние внешней формы основного типа. Мы, например, напрасно будем искать в названии *Саратов* слово, от которого было образовано это на первый взгляд „притяжательное прилагательное". Почему? Да потому, что такого прилагательного никогда не было. Конечное *-ов* в слове *Саратов* появилось по аналогии с *Дмитров*, *Киев* и т. п. На самом деле слово *Саратов* является заимствованным из тюркских языков и звучало раньше как *Сарытау* (*сары* „желтый", *тау* „гора").

С названиями городов, точно соответствующими фамилиям, конкурируют другие. Это такие слова, в строении которых есть указание на их значение, именно на то, что они являются именем города.

Одну группу составляют слова с суффиксом *-ск*: *Хабаровск*, *Пржевальск*, *Дзержинск*, *Ульяновск*, *Кировск*, *Мичуринск*, *Ворошиловск* и т. д. Как и в „речных" названиях городов, этот суффикс указывает здесь на город.

Другую группу образуют слова, отличающиеся от фамилий наличием в их составе конечного *-о* (по происхождению окончания им. пад. ед. числа притяжательного прилагательного ср. рода). Правда, среди названий городов их меньше, нежели среди названий мелких населенных пунктов (сел, деревень, поселков и т. д.). Такого рода

модель возникла на базе сочетания притяжательного прилагательного со словом *село*. Например, название *Борисово* возникло на основе словосочетания *Борисово село*, т. е. „село Бориса“.

Села впоследствии вырастали в города, но названия оставались прежними: *Сасово*, *Ртищево*, *Синельниково* и т. д. Сейчас имена городов такого рода образуются от соответствующей фамилии сразу, с помощью прибавления к ней *-о*. Такого происхождения имена городов *Кирово*, *Пушкино* (Московской обл.), *Репино* (Ленинградской обл.) и т. д.

Третью группу образуют сложные слова, второй частью которых является *град* „город“. Это *Ленинград*, *Калининград*, *Ворошиловград* и др. Примыкают сюда также старое название Ленинграда *Петроград* и древнерусское название Константинополя (ныне Стамбула) *Царьград*.

Первой частью таких имен является существительное, которое соединяется со словом *град* непосредственно, без помощи соединительной гласной. Однако есть и исключения. На Украине есть областной город, который называется Кировоградом, в Харьковской обл. УССР находится Красноград. Есть и еще более интересные явления. После Великой Отечественной войны в Калининградской области появился Зеленоградск. Так был назван город, ранее имевший имя *Кранц*. В названии *Зеленоградск* значение города выражено дважды: во-первых, корнем *-град*, во-вторых, суффиксом *-ск*.

Рядом с именами, имеющими старославянский корень *-град-*, стоят имена, вторая часть которых является исконно русской и звучит, как *-город*. Это *Новгород*, *Миргород*, *Ужгород*, *Белгород*, *Иван-город* (в Ленинградской обл.), *Славгород* (в Могилевской обл. БССР).

Сложные имена, вторая часть которых является корнем со значением „город“, наблюдаются не только в географических названиях славянского происхождения, какими являются, например, *Асеновград* в Болгарии, *Белград* в Югославии и т. д. Они имеются и в таких топонимических названиях, которые по происхождению являются неславянскими. Город по-немецки — *бург* и *штадт*. В качестве составных частей эти слова мы встречаем в именах *Марксштадт*, *Гамбург*, *Эйзенштадт*, *Зальцбург* и т. д. В английском языке сродни нашему слову *город* по значению корни *таун*, *сити*, *полис* и *вилл*.

Отсюда названия *Джорджтаун* (Малайя), *Атлантик-сити* (США), *Канзас-сити* (США), *Индианаполис* (США), *Флорианополис* (Бразилия), *Джэксонвилл* (США) и т. д.

В среднеазиатских республиках СССР и в Афганистане имеется ряд городов, оканчивающихся на *-абад*. Например, *Ашхабад* в Туркмении, *Джалалабад* в Афганистане. Корень *-абад*, выступающий в этих словах в качестве второй части сложения, имеет тоже значение „город".

Такими же по своей „анатомии" являются и названия городов *Даугавпилс* (по-латышски *пилс* „город", буквально — „город на Даугаве", т. е. на Западной Двине, ср. старое *Двинск*), *Дунайварош* (по-венгерски *варош* „город", буквально „город на Дунае"), *Ташкент* (по-ирански *кент* „город, селение", буквально — „каменный город", от тюркск. *таш* „камень"), *Тимишоара* (по-румынски *оара* „город", буквально — „город на реке Тимиш") и т. д.

Наконец, родственными указанным сложным именам являются слова с *-поль* (греч. polis значит „город"). На территории СССР к ним, например, относятся *Севастополь*, *Симферополь*, *Никополь*, *Ставрополь*, *Кастрополь*, *Мариуполь* (ныне *Жданов*), а также *Тирасполь*[1].

Но близость русских и иноязычных сложных названий городов может быть еще большей. Семантически одними и теми же оказываются не только вторые части, но и первые.

Вот, например, *Неаполь* в Италии. Перевод частей, из которых состоит это название, показывает, что его назвали так по той же причине, что и наш Новгород. Это, так сказать, итальянский „Новгород": по-гречески polis — „город", а neos, nea — „новый, новая". Слово polis в греческом языке женского рода, поэтому в названии города ему предшествует „определение" в форме женского рода *nea*. Напомним, что интересующий нас город был основан древними греками.

Точным переводом слова *Петербург*, его двойниками (но не с немецкой, а с греческой и старославянской второй частью) являются слова *Петрополь* и *Петроград*.

---

[1] С ними нельзя смешивать слова с *-поль*, в которых основа *-поль* является исконно русской и связана со словом *поле*. Таковы, например, названия *Чистополь* (город в Татарской АССР) и *Златополь* (город в Кировоградской обл. Украинской ССР), возникшие на основе словосочетаний *чистое поле* и *златое поле*.

Но вернемся к обзору продуктивных моделей, по которым образуются названия городов в нашем языке.

Очень многие „городские" имена представляют собой сложные слова со второй частью, звучащей как ***-горск***: *Нефтегорск*, *Пятигорск*, *Зеленогорск*, *Магнитогорск*, *Лениногорск*, *Углегорск*, *Белогорск* и др. Большинство этих названий также связано с разнообразными группами сложных имен городов (на ***-град*** и ***-город***) и выступают сейчас как слова, возникшие на базе словосочетаний, включающих *город*. Так, *Лениногорск* — это город Ленина, ***-горск*** равнозначно в нем части ***-град***, ***-поль***, ***-бург*** и т. п. в именах *Ленинград*, *Мелитополь*, *Питтсбург* и др.

Однако среди этих названий есть и такие, в которых часть ***-горск*** обозначает иное. *Пятигорск* — город около Бештау, состоящего из пяти гор; *Магнитогорск* — город около горы Магнитной. Часть ***-горск*** в этих словах складывается из основы ***-гор(а)*** и суффикса ***-ск***.

Именно такого рода слова послужили образцом для возникновения слов типа *Лениногорск*. Опорная основа ***-горск*** перестала связываться с породившим его словом *гора* и отождествилась с частью ***гор-*** в слове *город*. Следовательно, при определении образного характера и структуры слов на ***-горск*** надо быть осторожным.

Одни слова на ***-горск*** представляют собой „горные" названия городов (ср. *Дивногорск*, *Змеиногорск*, *Медногорск*, *Медвежьегорск*, *Железногорск* — старое название Кировска, *Хибиногорск*, *Бокситогорск*, *Белогорск*, *Высокогорск* и т. д.). В других морфема ***-горск*** равна морфеме ***-град*** или ***-город*** (это мы видим, например, в топонимах *Светогорск*, *Электрогорск*, *Углегорск*, *Нефтегорск*, *Зеленогорск*, *Красногорск*, *Мончегорск* — буквально „город на Мончагубе" и др.).

В последнее время продуктивной моделью городских названий стали „прилагательные" имена городов. Это слова типа *Грозный*, *Верный*, в XIX в. бывшие единичными. Сейчас такие топонимы (исходно в виде качественных и относительных прилагательных мужского рода) появляются очень часто: *Мирный*, *Изобильный*, *Волжский*, *Октябрьский*, *Отрадный*, *Заозерный*, *Долгопрудный*, *Железнодорожный*, *Горячеводский* и т. д.

Таковы наиболее яркие и многочисленные группы городских имен. Кроме них, есть и такие, которые регуляр-

ными не являются и состоят из отдельных изолированных слов. Таковы, например, *Краснодар*, *Павлодар*, *Владивосток*, *Владикавказ* (ныне *Орджоникидзе)*, *Усть-Кут*, *Усть-Урень*, *Орехово-Зуево*, *Кирово-Чепецк* и некоторые другие.

Более того, многие города, подобно большинству крупных рек, имеют весьма своеобразные имена, не похожие на другие ни происхождением, ни строением. В отличие от рассмотренных выше имен, в своей массе сравнительно новых, это названия, возникшие очень давно. Приведем два примера.

В Калининской области есть город Бологое, недалеко от Москвы находится город Бронницы. Почему они так названы? Какие имена образованы так же?

Бологое — это древнерусское прилагательное того же значения, что и слово *хорошее*. Сейчас как прилагательное в русском литературном языке оно не употребляется, вместо него бытует старославянская форма *благое* (ср. *благая мысль*, *благой совет* и т. д.). *Бологое* (первоначально это было село) названо по качеству и значит „хорошее“. Так же названы, например, города Золотое (Ворошиловградской обл. УССР), Болотное (Новосибирской обл.), Раменское (Московской обл.; *раменское* — буквально „лесное“).

Совершенно другой признак был положен в основу названия *Бронницы*. Это село, ставшее с течением времени городом, было названо так по основному занятию его жителей. Здесь раньше жили бронники, изготовлявшие броню. Такого же типа имена *Вязники* (Владимирской обл.) и *Чашники* (в Белорусской ССР). Слово *Бронницы* отличается от них лишь тем, что оно сохранило старую форму им. пад. мн. числа со звуком *ц* на месте звука *к*.

Такие городские имена требуют особого, индивидуального подхода, и рассказать их биографию можно только тогда, когда мы призовем на помощь этимологию, историю и географию. О некоторых интересных и забавных названиях городов будет далее рассказано отдельно.

О городке *Городке*

В Витебской области БССР один из небольших городов носит название *Городок*. Не правда ли, забавное и интересное имя, сразу говорящее нам и о городском характере

населенного пункта, и о его небольшом размере? Как видим, и здесь, подобно наименованиям рек (ср. *Эбро* в Испании — из баскск. *эбр* „река", правый приток Енисея *Кан*— из тунгусо-маньчжурск. *кан* „река" и т. д.), нарицательное существительное могло прямо и непосредственно переходить в собственное и название города вообще становиться именем какого-либо одного города. Только в наименование города здесь превращается не современное существительное *город* со значением „крупный населенный пункт, являющийся административным, торговым и промышленным центром", а слово *город* в своем старом, исходном значении „укрепление, крепость < огороженное место < забор", близкородственное словам *городить* и *огораживать*, *загородка*, *ограда* и т. д.

Таким образом, выражение *городок Городок* только с точки зрения нашего языкового сознания выступает как полный повтор. По своему происхождению нарицательное *городок*, давшее топоним *Городок*, значит не „маленький город", а „небольшое огороженное поселение, крепостца, укрепленьице".

Действительно, в Городке на правом берегу реки Горожанка и поныне сохранились остатки земляного вала.

Сходное с тем, что мы отметили по поводу названия *Городок*, наблюдается в биографии имени небольшого города Горьковской обл. РСФСР — *Городец*.

Хотя В. А. Никонов в „Кратком топонимическом словаре" (с. 108) пишет, что нарицательное *городец* буквально значит „маленький город", это не так. И здесь собственное „городское" имя восходит к существительному *городец* в значении „маленькая крепость, укрепление". Об этом правильно писал еще В. Даль: „*Городец* м. городок, крепостца, укрепленное тыном местечко, селение; в Ниж. губ. (т. е. в Нижегородской губернии.— *Н. Ш.*) есть большое село Городец, с остатками земляных укреплений" (Даль В. Толковый словарь..., т. 1, с. 381).

Топонимами *Городок*, *Городец* и *Городище (Городищи)* городские имена „крепостного" характера не ограничиваются. В этот же ряд входит и название города *Острог* (в Ровенской обл. УССР). Оно также родилось из нарицательного *острог*, имевшего в древнерусском языке значение „огороженное место, укрепление, крепость", а также и еще более древнее „частокол, ограда из заостренных вверху кольев".

Разница между городком (или городцом) и острогом заключалась, таким образом, в том, что последний делался наскоро и обносился оградой из бревен, а первый требовал времени и рубился стеной, с углами, башнями и бойницами.

В новое время слово *острог* сузило свою семантику и стало обозначать „тюрьма".

Естественно, что подобные городские названия наблюдаются и в других языках. Достаточно указать хотя бы на испанский город Бургос, имя которого восходит к вестготскому слову burg „замок, крепость".

Болград и *Гранвиль* — маленькие большие города

Эти разные по географической семантике и происхождению городские названия являются, вероятно, не только однородными членами предложения в заглавии заметки. Они скорее всего однородны и по своей образной структуре. А это с полным правом позволяет охарактеризовать их как особых топонимических тезок, в своем морфемном составе (правда, средствами разных языков) повторяющих друг друга.

Нам уже приходилось говорить об этом явлении в заметке „Как называются города", касаясь *Новгорода* и *Неаполя*. К их числу относятся и указанные там *Славгород* (бывший Пропойск Могилевской обл. БССР, названный городом Славы в знак победы над гитлеровской Германией), и киргизский *Джалал-Абад* (сложение арабск. *джалал* „слава" и *абад* „город").

Такими же по имени зеркально похожими друг на друга являются и маленькие „большие города", вынесенные в заголовок данной заметки.

Несмотря на свой небольшой размер, Болград в Одесской обл. УССР и Гранвиль во Франции оба по своим названиям большие.

Болград был основан и назван болгарами, бежавшими на Украину от турецкого гнета. Название сложили (по образцу топонимов типа *Царьград)* из болгарских слов *бол* „большой" (ср. русск. *более*) и *град* „город". Франц. *Гранвиль* также является двухосновным и образовано сложением слов grand „большой" и ville „город".

„Большие" уже при рождении города́ не оправдали своих имен и остались маленькими, но в этом они, правда, не были виноваты: так решила история.

Впрочем, только что рассказанное отражает лишь одну из существующих этимологических точек зрения на городское имя *Болград*. Так оно толкуется в „Кратком топонимическом словаре" В. А. Никонова со ссылкой на Б. Г. Унбегауна (Revue des études slaves. Paris, t. 16, p. 74) и авторов работы „Български етимологичен речник" (св. I, с. 68). Существует и иная точка зрения на происхождение слова *Болград*, по которой это — не „большой город", а „болгарский город". В таком случае считают, что слово *Болград* возникло в результате гаплологии из *Болгарград* (т. е. „град болгар"). Если принимать эту точку зрения (а она в словообразовательном отношении очень уязвима), то *Болград* и *Гранвиль* тезками уже являться не будут.

Почему в слове *Солигорск* пишется буква *и*

Городские имена на ***-горск*** в настоящее время возникают постоянно. Это одна из продуктивных моделей, по которым сейчас образуются названия городов. Недавним топонимом является и слово *Солигорск*, которым был назван в 1963 г. город в Белоруссии. Это имя город получил вполне заслуженно, так как он возник около разработок калийных солей, бывших первым горнодобывающим предприятием в БССР. Поэтому вполне закономерно появление в его имени в качестве первой основы корня ***соль-***. *Солигорск* — это „город соли", „соляной город". Странным кажется в этом названии только ***-и-*** между первой и второй основами. Ведь все слова на ***-горск*** являются сложными словами с соединительной гласной ***о*** или ***е***. Если первая основа сложения оканчивается на твердый согласный, появляется соединительный ***о*** (ср. *Лениногорск*, *Светогорск*, *Зеленогорск* и др.). Если же первая основа сложения оканчивается на мягкий согласный, то ее с морфемой ***-горск*** соединяет уже ***е*** (ср. *Нефтегорск*, *Мончегорск* и т. д.). Это железный словообразовательный закон, который действует так же неотвратимо и в нарицательных существительных. Почему же в слове *Солигорск* не ***е***, как мы ожидали бы по правилу, а ***и***? Может быть, это словообразовательная или орфографическая ошибка? Не то и не другое. *Солигорск* вместо, как нам кажется, единственно правильного *Солегорск* появилось потому, что здесь скрестились два разных словообразовательных разряда. С одной стороны, слова на ***-горск***, а с другой

стороны, старые „соляные“ имена городов типа *Солигалич* и *Соликамск*. Вот в результате этой словообразовательной „прививки“ и появился такой топонимический гибрид, как наше *Солигорск*.

Что же касается слов *Солигалич* и *Соликамск*, то *и* там является исконным, так как они возникли в результате аббревиации (сокращения) более старых имен фразеологического характера *Соли Галичские* и *Соли Камские*. Таким образом, на первый взгляд совершенно неверное *Солигорск* оказывается в какой-то мере оправданным словообразовательной аналогией, хотя и противоречит ведущей модели на *-горск*.

В заключение одно попутное замечание. В образном отношении славянское *Солигорск* не одиноко. Вспомните хотя бы австрийский город *Зальцбург* (Salz „соль“, Burg „город“), тоже „город соли“.

Владимир и *Познань*

Объединение этих двух городских имен на первый взгляд может показаться совершенно неосновательным. Ведь если название русского города точно перекликается с личным мужским именем, то в польском *Познань* ничего подобного нет. Да и в фонетическом отношении они совершенно непохожи даже характером конечного согласного основы. В первом конечный согласный твердый, во втором — мягкий. И тем не менее в этих словах есть нечто общее. Что именно? Одинаковым является для названий этих городов их происхождение из притяжательных прилагательных. Топоним *Владимир* звучал ранее иначе и не совпадал с соответствующим мужским именем. Он произносился с мягким *р* на конце: *Владимирь*. Как название города *Владимир* возникло из оборота *Владимирь город* „город Владимира“ в результате выпадения грамматически опорного слова (так же возникло слово *Ярославль* и прочие городские имена этого типа). Притяжательное *Владимирь* является производным от *Владимúръ* с помощью старого суффикса *-j-*; *рj* дало мягкое *р'*, так же как *-вj-* дало *-вль*. Город был назван по имени основавшего его киевского князя Владимира Мономаха.

Таким же старым притяжательным прилагательным от исчезнувшего славянского личного имени *Познанъ* является слово *Познань* < Poznań gród „город Познана“.

Кстати, именно тем, что *Познань* было первоначально определением к существительному gród „город“, и объясняется принадлежность его в польском языке к словам мужского рода. Женский род этого топонима в русском языке объясняется тем, что он был воспринят как слово, аналогичное многочисленному разряду топонимических наименований на ***-ань*** типа *Рязань*, *Тамань*, *Казань*, *Умань* и др.

ПО СЛЕДАМ МЕЖДОМЕТИЙ

Что такое междометие

Без междометий наш разговорный язык просто нельзя себе представить.

Разные по своему значению и стилистическим свойствам, междометия, пожалуй, являются самыми оригинальными словами языка. Обращает внимание уже их синтаксическая особенность. Ведь это слова, которые в качестве рядовых членов предложения не выступают. В составе предложения они оказываются изолированными словами-одиночками, островками непосредственного чувства и воли, как бы брошенными между словами, передающими мысли и образующими определенные словосочетания и фразы. Кстати, именно этим объясняется и их общее наименование — *междометие*, которое точно калькирует латинское interjectio (***inter*** = *между*, ср. *интернациональный*; ***ject*** = ***мет-***, ***брос-***, ***кид-***; ***-io*** = ***-ие***, ср. *инъекция* с in „в“).

Но еще более примечательны и своеобразны междометия по своему происхождению. Многие из них являются первообразными и представляют собой вербализованные (т. е. превращенные в слова) рефлекторные звуки и инстинктивные выкрики. Таковы *А*!, *Ой*!, *Ух!*, *Фу!*, *Ба!* и др. Некоторые появились позже, уже на основе междометий (к ним, например, относятся слова типа *Ого!* $<$ *О!*+*О!* с интервокальным *г*; *Ау!* $<$ *А!*+ *У!* и т. д.). Однако занятней всего по своей родословной третья группа междометий, куда входят такие образования, которые вначале междометиями не были и попали в большую и пеструю междометную семью из других частей речи. Происхождение некоторых таких междометных „пришельцев“, наиболее

известных и употребительных, далее в краткой форме и сообщается. Из междометий двух первых групп взяты лишь наиболее интересные.

Адью, прощай и до свиданья

По прихоти языка наш этимологический обзор междометий приходится начинать словами, которые „по правилу“ должны бы его заканчивать. *Адью* — это грубовато-фамильярный синоним нейтральных *прощай* и *до свиданья*. Его иноязычное (а именно — французское) происхождение ясно чувствуется уже в звуковом облике. К нам оно пришло в XIX в. В языке-источнике adieu появилось на два столетия раньше — в результате слияния в одно слово предлога *á* и существительного dieu „бог“. Так что по своему образу французское adieu подобно русскому междометию *с богом* „прощай, до свиданья“, сейчас уже устаревшему, но пожилым еще хорошо известному.

Совершенно иными по своему происхождению являются нейтральные синонимы *адью* — *до свиданья* и *прощай*.

Междометие *до свиданья* — сочетание предлога *до* с родительным падежом существительного *свиданье* — имеет точные однообразные параллели в других языках (например, польск. Do widzenia! — ср. widzieć „видеть“, нем. Aufviedersehen! — ср. wieder „вновь“, sehen „видеть“, румынск. la revedere — ср. re „снова“, vedere „видеть“ и т. п.). В нем, как и в его иноязычных „двойниках“, в основу положено пожелание увидеться, свидеться вновь.

Совсем иное по своему внутреннему стержню и исходной структуре слово *прощай*: это ставшая междометием повелительная форма глагола *прощать*, имеющая „извинительное“ значение. Первоначально *прощай* значило „прости (если что не так)“. Эта семантика ярко чувствуется еще у слова *прощай* в фразеологическом обороте *Прощай, не поминай лихом*. Кстати, в русском языке XIX в., кроме *прощай*, в этом же значении употреблялось и междометие *прости*, являющееся императивом от глагола — уже совершенного вида — *простить* (последний, между прочим, образован от прилагательного *простой* в значении „свободный“, ср. *опростать*).

Так, у А. С. Пушкина в романе „Евгений Онегин" читаем: *Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель. Прости (прости = прощай).* Синонимичные в обыденной речи, *до свиданья* и *прощай* поэтами используются иногда как антонимы (ср. у П. Антокольского в стихотворении, посвященном памяти А. Фадеева: *Никогда не прощай, навсегда до свиданья, Милый друг, дорогой человек).*

Заметим, что антономическими по своему значению могут быть (даже в общем употреблении) и слова, имеющие один и тот же образный стержень. Так, *Будь здоров!* значит „прощай, до свиданья", а *Здорово! Здравствуй!* является междометием приветствия, хотя этимологически оба выражают одно и то же — пожелание быть здоровым.

Между прочим, это наблюдается не только в русском языке. Латинское vale (от valere „здравствовать, быть здоровым") значит „до свиданья, всего хорошего": вспомните Евгения Онегина, который *знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать, Потолковать об Ювенале, В конце письма поставить vale, Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха.* Что же касается лат. salve, то оно уже равнозначно словам *Здравствуй! Привет!*, хотя и оно является производным от глагола, имеющего семантику „быть здоровым",— salvere.

Такое развитие противоположных значений у слов одного и того же корня или имеющих одинаковый образный стержень — явление нередкое (ср. диал. *погода* „вёдро", откуда — *распогодилось, погожий денек*, и диалектное же *погода* в значении „непогода", *бесценный* „очень дорогой", „неоценимый" и *бесценный*, „малоценный", откуда — *за бесценок*; *урод* и польск. uroda „красота" и т. д.).

Айда и *гайдамаки*

Вас не удивляет, что эти слова стоят рядом? Ведь выражают они совершенно разное. И все же их созвучие (фонетический комплекс *айда* целиком повторяется в существительном *гайдамак*) не случайно: это слова одного и того же корня.

Слово *айда* пришло к нам из татарского языка, где оно является формой повелительного наклонения („иди, ну") от глагола *айдамак* „погонять, гонять скотину на паст-

бище“. Как можно видеть, первоначально это междометие применялось при „обращении“ к скоту (ср. аналогичное по исходной сфере употребления — сначала лишь к лошади — слово *ну*).

Что касается слова *гайдамак*, то оно попало в нашу речь из украинского языка, в котором появилось из родственного татарскому языку турецкого (чем и объясняется начальное *г*). В последнем у слова *гайдамак* значение „разбойник, грабитель“ развилось из значения „погонщик скота“. Так что слово *айда* чаще всего вначале было в ходу у гайдамаков.

Алло, слушаю, у телефона

Это междометие является одним из недавних и появилось в языке вместе с телефоном. А. И. Германович в книге „Междометия русского языка“ (Киев, 1966, с. 39) отождествляет его с морским *алло*, заимствованным из английского языка, однако это неверно. *Алло*, которое представляет собой морской призыв к переговорам (с одного судна на другое), восходит к англ. hallo „здравствуй“, иногда употребляющемуся в виде *хэлло* и у нас. Совсем иного рода „телефонное“ *алло*. Во-первых, оно пришло в русский язык в конце XIX в. из французского. Во-вторых, оно является одним из немногих в речи искусственных новообразований. Подобно тому как слово *газ* было создано Я. Б. ван Гельмонтом на основе греческого *хаос*, французское allô (с 1878—1880 гг.) было образовано Ш. Бивором от слова allons „ну“.

Так как allons „ну“ восходит к allons „Идем! Пошли!“ (это форма 1-го лица мн. числа от aller “идти“), то по своей исходной образной структуре *алло*, как видим, оказывается похожим на своего алфавитного предшественника — *айда*.

Амба и баста

Эти междометия объединены не только одним и тем же значением как синонимы слов *хватит*, *довольно*, *достаточно*, *полно* и т. д. Они пришли к нам из одного источника — из итальянского языка, и, более того, оба являются по своему происхождению игорными терминами, укрепившимися в литературной речи в XIX в.

Слово *амба* — это лотерейный термин, которым обозначался выход в лотерее двух номеров сразу. Наше *амба* передает итал. ambo—тж., восходящее к лат. ambo „оба“ (которое, заметим, является родственным своему русскому эквиваленту — *оба*).

Что касается междометия *баста*, то оно является термином карточной игры. Итал. basta „хватит, довольно“ аналогично нашему *полно* (от *полный*): оно является производным от глагола bastare „быть достаточным, хватать“, в свою очередь образованным от прилагательного basto „полный“.

Обратите внимание на тот же признак (достаточность), который был положен в основу также и других русских синонимов слова *баста* — *достаточно*, *хватит* и *довольно* (от *довольный*, которое является производным от *довол* $<$ *довълъ* „достаток, обилие, имущество“, отсюда же и *довлеть*).

От междометия *баста* в русском языке было образовано *бастовать* (первоначально „кончать, переставать играть“), от префиксального производного которого — *забастовать* — во второй половине XIX в. появилось существительное *забастовка*.

Ась

Коротенькое, в один слог, междометие отклика (оно равнозначно словам *что? как?*) на самом деле составное и образовалось из двух слов. Оно родилось в результате сращения в одно слово союза *а* и указательного местоимения *се* „это, вот“. Первоначально (а в памятниках оно отмечается с XVII в.) это междометие имело значение „а вот я, здесь я“ и звучало как *асе*. Потом конечное безударное *е* отпало, так же как *о* в *тамо* (ср. *камо* „куда“, *семо и овамо* „сюда и туда“), *у* в *нету* (см. ниже), *и* в *буди* (сейчас *будь*) и т. д.

Раньше ученые объясняли происхождение этого слова по-другому, считая его то видоизменением старославянского *азъ* „я“, то сокращением *а с(удар)ь?*. Однако эти толкования принадлежат к области лингвистической фантастики, которой, между прочим, в этимологии немало и сейчас. Кстати, последнее слово предыдущей фразы *(сейчас)* своей первой частью роднится со второй частью нашего *ась*. Разница здесь лишь в роде и форме: *се* „это“

в *ась* является краткой формой среднего рода, а *сей* „этот" в *сейчас* — полной формой мужского.

Ату и его антоним *тубо*

Эти охотничьи междометия различаются между собой прежде всего значением. *Ату* является термином натравливания и синонимично словам *усь*, *бери*, *хватай*. *Тубо* — команда лежать на месте, равнозначная словам *смирно*, *не тронь*, *будь на месте*.

Но разница между этими словами четко просвечивает и в другом: в степени прозрачности и ясности их происхождения. Этимология *тубо* проста и несомненна: это одно из слов, заимствованных в XVIII в. русским дворянством из французского языка (ср. оттуда же *пиль*, *иси*, *куш*, *аппорт* и др.). Наше *тубо* передает французский фразеологический оборот tout beau, буквально значащий „все хорошо".

Что касается происхождения *ату*, то оно вызывает споры. Одни (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 96; Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка, т. I, А. М., 1963, с. 174) склоняются к тому, что оно также заимствовано из французского языка и, как и его антоним *тубо*, содержит то же tout „все" (*ату* < франц. à tout, где à является предлогом). Другие считают его исконно русским сложением междометия *а* и наречия *ту* „тут" (см.: Германович А. И. Междометия русского языка. Киев, 1966, с. 53); в таком случае оно аналогично галлицизму *иси* (буквально франц. ici значит „здесь, тут").

Предпочтительнее, несомненно, первое объяснение. Возможно, что франц. à tout восходит к выражению à toutes jambes „со всех ног", в котором был опущен именной компонент. В таком случае следует предполагать также отпадение в *атут* конечного *т*, что само по себе — без влияния слов типа *тубо* — маловероятно.

Баю-бай

Родное, знакомое всем с детства междометие усыпления ребенка употребляется обычно не в одиночку (*баю* или *бай*), а целой цепочкой, иногда даже в уменьшительно-ласкательной форме (*баюшки* или *баиньки*).

По своему происхождению *баю* (*бай* < *баю* после отпадения конечного безударного *у*, ср. *нет* < *нету*) является формой 1-го лица ед. числа глагола *баять* „говорить; рассказывать сказки". Таким образом, слово *баю-бай* оказывается того же корня, что и *басня*, *краснобай* и *обаятельный*.

Бис и *браво*

Эти слова сразу переносят нас в театр. Оба они являются междометиями одобрения зрителей, но *бис* значит не только „превосходно, замечательно", но и содержит в себе просьбу повторить номер еще раз. У нас *бис* и *браво* „иностранцы", они пришли из разных языков: первое — из французского, второе — из итальянского.

Франц. bis восходит к лат. bis „дважды, два раза" (ср. содержащее это же слово существительное *биссектриса*).

Итальянское bravo возникло в качестве междометия одобрения (между прочим, в театре итальянской оперы) на базе bravo „смелый, храбрый; молодец!". Так что по своему происхождению оно напоминает наше хоккейное *Молодцы!*.

Брр! Мороз

Соседство этих слов в речи всем понятно, а связь их вполне оправданна. Слово *брр!* является междометием, выражающим чувство сильного — до дрожи — холода, который бывает в первую очередь при морозе (ср. у Короленко в рассказе „Мороз": *Брр!..— сказал он.— Мороз, братцы*).

По своему происхождению *брр!* принадлежит к звукоподражаниям, средствами языка передавая рефлекторные звуки, сопровождающие дрожь от холода (ср. *тьфу!*, передающее звук плевка).

Кроме отмеченного (прямого) значения, слово *брр!* в нашем языке имеет и переносное, выступая в этом случае для выражения чувства крайнего отвращения. И вот что особенно любопытно: нечто подобное в семантическом развитии мы наблюдаем и у полнозначных слов, уже не выражающих чувство холода, а этот холод называющих. Так что и в этом аспекте существительное *мороз* находится

рядом с междометием *брр!*. В самом деле, слово *мороз* (старослав. *мраз*) называет холод, а однокорневое — по происхождению старославянское — существительное *мразь* обозначает гадость, нечто отвратительное и противное; те же отношения наблюдаются в родственных им словах *мерзнуть* и *мерзкий*.

Аналогичное явление можно отметить и для слов *стынуть* „становиться холодным" и *постыдный*, сербскохорватск. *зебети* „зябнуть" и „испытывать отвращение, бояться", греч. heima „зима, холод" и dishimos „страшный, отвратительный" и т. д.

Брысь и *прочь*

По своему значению эти однородные члены далеко не однородны. Вместо *брысь*, отгоняя кошку, сказать *прочь* можно всегда. Употреблять же междометие *брысь* вместо слова *прочь* можно только шутливо и в определенных речевых ситуациях.

Различны эти междометия и по своей этимологии. Слово *брысь* (см. *айда*, *прощай*, *пли*, *стоп*, *усь* и др.) является, очевидно, отглагольным. Его можно объяснить как образование, родственное словам *брыснуть* „отогнать, выгнать" (обычно кошку), *бросать*, *брызгать* и даже *прыскать*, ср. *Хотелось брыснуть, а пришлось свистнуть*, т. е. „Хотелось выгнать, а пришлось звать"; *Кошка так и брызнула от собак на дерево* (Даль В. Толковый словарь..., т. I, с. 132—133); *Ребята сразу же прыснули в разные стороны* и т. д.

Совершенно „иного рода и племени" междометие *прочь*. Оно пришло в междометия из наречий. И сейчас рядом с междометием *прочь* не менее часто и охотно употребляется омонимическое наречие. Междометное *прочь* возникло из наречия *прочь* в результате выпадения глагола в оборотах типа *пошел прочь*. Само же наречие *прочь* является производным от общеславянского прилагательного *прокъ*, *прочь* „остальной, прочий" (ср. того же корня *прочный*, *прочить*, *впрок* и др.).

Вишь

Происхождение этого междометия (из *видишь*) правильно объяснял еще В. Даль (см. „Толковый словарь...", т. I, с. 209). *Вишь* является, таким образом, одним из

многочисленных в междометной семье примеров отглагольных и аллегровых („скороговорочных“) образований одновременно. Подробнее об этимологии данного слова можно прочитать в заметке „Откуда в слове *ишь* мягкий знак“.

Два ли *вон*?

Если вы заглянете, скажем, в „Словарь русского языка“ С. И. Ожегова, то найдете в нем только два слова *вон*: указательная частица *(Вон он идет)* и наречие *(выйти вон)*. О междометии ничего не говорится. А ведь в контекстах типа *Вон отсюда!* слово *вон* имеет значение „прочь, уходи“ и уже не является ни указательной частицей, ни наречием. Значит, в русском языке сейчас три слова *вон*, а одно из них — последнее — представляет собой междометие, синонимичное слову *прочь*. Кстати, сходство между *вон* „прочь, уходи“ и *прочь* „вон, уходи“ не только в значении. Они подобны и по своей этимологии. Междометие *вон*, как и *прочь* (см. выше), родилось из наречия *вон* после выпадения глагола в оборотах типа *Пошел вон!*. Следовательно, из трех существующих ныне *вон* два являются близкими родственниками.

Между прочим, было время, когда в нашей речи употреблялось только одно *вон* — „наружу“, и то оно звучало как *вънъ* (ср. *вне* „снаружи“ < *вънe)*.

Указательная частица *вон* „там, вот“ появилась лишь в древнерусскую эпоху из указательного местоимения *он* „тот“ (ср. *оный*) после возникновения протетического *в* (ср. *восемь* — из *осмь*, *вобла* — из *обла* „круглая“, *вотчина* — из *отчина*, производного от *отчий*, и т. д.).

О третьем *есть* и единственном *нет*

В русском языке сейчас есть три слова *есть*. Одно *есть* < *ѣсти* является неопределенной формой глагола и значит „кушать“. Другое *есть* представляет собой форму 3-го лица ед. числа глагола *быть* и имеет значение „имеется“. Они каламбурно объединены, например, в старой поговорке *И зубы есть, да нечего есть*.

Сейчас нас интересует третье *есть* — междометие, выступающее как ответ или отзыв на оклик или команду и имеющее семантику „слушаю, готово, согласен, хорошо,

ладно". Находится ли оно в каком-нибудь родстве с предыдущими *есть*? И каково его происхождение?

В качестве морского термина это слово, как предполагают, пришло из английского языка. Однако тот факт, что английское yes „да" было в таком случае у нас переоформлено именно в *есть*, не случаен. Он определенно связан с тем, что раньше в русском языке с таким же значением употреблялось выражение *есть будет*. Ср. употребление этого оборота в документах посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг.: *И Алексей ...говорил: Только изволит ц-ое в-во отписать о том к Александру царю ... и царь Александр и католикос повеление е. ц-го в-ва совершат ли, и из Дидьян ее возьмут ли, и к Москве ... пришлют ли. И митрополит сказал: Есть будет ц-ое в-во. К Олександру царю и к католикосу отпишет, и тое ц-го в-ва повеление исполнят.*

Таким образом, междометие *есть* выступает как скрещение английского yes „да" и русского *есть* из старого сочетания *есть будет* „хорошо, согласен, слушаю".

С этим же *есть* „имеется" (от *быть*) связано кровными узами — как ни странно — и *нет*, возникшее (что уже отмечалось) после отпадения конечного безударного *у* из *нету*. *Есть* „имеется" и *нету* связаны между собой как исходное и производное, так как *нету* возникло из *есть*.

Нету представляет собой скороговорочный вариант (аллегроформу) сочетания *нѣ(сть) ту* „нет тут, нет здесь" из первоначального *не есть ту*. Старое *несть* < < *нѣсть* „нет" еще сохраняется в фразеологизме *несть числа* „нет числа".

Здравствуй

Сколько раз за свою жизнь мы произносили это слово, самое распространенное и обычное русское междометие приветствия при встрече! Но вряд ли кто-нибудь из нас задумывался при этом о его исконном и исходном смысле. Сейчас оно для нас простой знак вежливости. А между тем первоначальное значение этого слова было глубоко благожелательным.

Ведь *здравствуй* буквально значит „будь здоров", возводить ли его непосредственно к форме повелительного наклонения глагола *здравствовать* „быть здоровым; жить" (*здравствуи* > *здравствуй* после отпадения конечного без-

ударного *и*, ср. *будь* < *бу́ди*, но *неси́*, *вози́* и т. д.) или же объяснять как форму 1-го лица ед. числа глагола *здравствовать* „приветствовать; желать здоровья" *(здравствую* > > *здравствуй* после отпадения конечного безударного *у)*.

Заметим, что правильнее — второе. А это значит — наше *Здравствуй!* аналогично по первоначальному строению современному *Приветствую!*.

Между прочим, такое же „приветственное" значение имело когда-то и слово *целовать*. Обычная для нас семантика этого слова (= *лобзать*) возникла в нем позднее, в связи с обычаем при встрече не только приветствовать, но и целоваться. Буквально же *целовать* „желать быть целым, невредимым, здоровым". Именно поэтому „Здравствуй!" у полабских славян — c'ol! „цел!". Ср. также немецкое *хайль* (< древневерхненем. heil „целый, здоровый"), также родственное общеславянскому *цѣлъ* „целый" (< *kailos).

Ишь

Об этом слове, возникшем из *вишь* (ср. *усь* < *куси* „кусай"), писалось специально в заметке „Откуда в слове *ишь* мягкий знак".

Что такое *кричать караул*

Сейчас выражение *кричать караул* значит „взывать о помощи". Слово *караул* в этом обороте — такое же междометие, каким оно является, будучи употребленным отдельно, например: *„Караул! Бежим!" — закричал он* (Чехов).

Совершенно иным в грамматическом отношении было оно в сочетании с глаголом *кричать* еще в XVII в. Один, но яркий пример: *Тогожь мѣсяца апрѣля въ 30 день закричалъ мужикъ караулъ, и сказалъ за собою государево слово, и приведенъ въ стрѣлецкой приказъ, и роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ, что онъ сдѣлалъ крылѣ, станетъ лѣтать как журавль*. Сочетание *закричал караул* здесь значит „позвал стражу, караул". И слово *караул* выступает как существительное. Именно в таких оборотах (с глаголом *кричать*) существительное *караул* и дало омонимическое ему междометие. Само же существительное

в русском языке является пришлым, заимствованным из тюркских языков (ср. чагатайск. *караул*, татарск. *кароул* „стража").

Французское *марш* и английское *стоп*

Междометия *марш* и *стоп* — антонимы, пришли к нам из разных (французского и английского) языков, однако есть у них и нечто общее — оба они представляют собой междометия, возникшие из повелительной формы глаголов.

Междометие *Марш!* восходит не к существительному *марш* (ср. *караул*), а к франц. marche „иди" от глагола marcher „идти" (в русском языке он известен в виде *маршировать*). Так что по своей исходной образной структуре *Марш!* = *Айда!*.

Антонимическое *Стоп!* передает stop! „задержи, остановись", производное от англ. to stop „задерживать, останавливать" (< лат. stuppare „затыкать, задерживать", образованного в свою очередь от stuppa „пакля").

Отметим, кстати, что слову *Стоп!* являются родственными такие слова, как *штопать*, передающее нем. stopfen „затыкать, задерживать", восходящее к указанному латинскому глаголу, и даже — как это ни странно — *штопор*.

Последнее слово пришло к нам не из английского языка, где оно (stopper, *st* читается как *ст*) имеет „законное" значение „затычка, пробка", а из голландского, в котором оно (stopper, *st* читается как *шт*) получило как бы противоположное значение и стало обозначать приспособление для откупоривания.

Английское stopper в виде *стопор* „затычка, пробка" сохранилось сейчас лишь как непроизводная основа глагола *стопорить*.

Пли!

Об этом коротеньком слове скажем кратко. Оно тоже отглагольное. И также является бывшей формой повелительного наклонения, но уже русского глагола *палить* „стрелять" (ср. того же корня *самопал*, *пальба)*.

Исходное *пали* „стреляй" изменилось в *пли* в разговорном стиле (ср. *барин* — из *боярин*, *бишь* — из *баишь*, *товсь* — из *готовься* и т. д.).

Спасибо и *пожалуйста*

Эти два междометия вежливости являются совершенно различными с точки зрения своего происхождения. И все же они содержат в себе нечто одинаковое — глагольный в своей основе компонент, которым оба „начинаются".

Междометие *спасибо* возникло в результате сращения в одно слово устойчивого словосочетания *спаси бог* < < *съпаси богъ* (конечное *г* отпало после утраты редуцированного *ъ*).

Слово *пожалуйста* было образовано от *пожалуй* с помощью частицы (а точнее — суффикса, восходящего к частице) *-ста*; ср. устаревшие *спасибоста*, *здоровоста* и т. д.

Исходное *пожалуй* появилось, очевидно, из *пожалую* „отблагодарю", формы 1-го лица ед. числа от *пожаловать* (ср. *благодарствуй* < *благодарствую*), с отпадением конечного безударного *у*.

Что касается частицы *-ста*, то ее происхождение точно не установлено. Скорее всего, она является такой же бывшей формой 2—3-го лица ед. числа аориста (от глагола *стать*), как частицы *бы* и *чу* (см. ниже).

О словах *ура* и *виват*

По данным картотеки древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, слово *ура* впервые отмечается в „Юрнале" 1716 г.: *В пятом часу король и все протчие... кричали ура трижды* (ср. в „Походном журнале" 1721 г.: *Палили из тринадцати пушек, кричали ура по отъезде пять раз)*. Эта первая фиксация слова *ура*, относящаяся к Петровской эпохе, причем в контексте, характеризующем действия иноземцев („короля" и если не всех, то также и некоторых „протчих"), позволяет согласиться с М. Фасмером, который считает (см. его „Этимологический словарь русского языка"), что это слово „из-за значения скорее является заимствованным из нововерхненем. hurra от средневерхненем. hurrā, которое восходит к hurren „быстро двигаться", чем из тюрко-татарск. ura „сбивай" от urmak „бить".

Таким образом, первоначальное значение междометия *ура* было „быстро вперед".

Время появления в русском языке, сфера первоначального употребления и значение слова *ура* совершенно исключают выдвинутую недавно А. И. Германовичем точку зрения о том, что „*ура* пришло к нам от народов нашего Востока" („Междометия русского языка". Киев, 1966, с. 32). Указываемое им якутское *уруй* (шаманский возглас) „даруй, ниспошли" никакого отношения к нашему *ура* не имеет.

Слово *ура* известно не только русскому языку, но и употребляется во многих других (во всех языках народов СССР оно из русского). Ср. франц. hurrah, шведск. hurra, итал. hurra, датск. hurra, испанск. hurra, англ. hurrah и т. д.

Слово *ура* выступает перед нами как образование, аналогичное междометиям *айда*, *алле* „вперед, марш" (франц. allez < allez „идите" от aller „идти"), *марш* и т. п.

Слово *виват* „да здравствует" является междометием той же образной структуры, что и *здравствуй*, *салют*, *будь здоров* (см. выше), а также устаревшее *гой* „будь здоров" (бывшая форма повелительного наклонения глагола *гоить* „жить, здравствовать", родственного слову *жить*; чередование *г* — *ж*, как в *горло* — *жерло*, *город* — *жердь*, *гореть* — *жар* и т. д.).

Два исчезнувших звука в слове *усь*

Междометие натравливания собак (а *усь* служит именно для этого) появилось в разговорном стиле как аллегроформа (т. е. скороговорочная форма) слова *кусь*. Последнее возникло после отпадения конечного безударного *и* из *куси* „кусай", формы повелительного наклонения глагола *кусить* „укусить" (*кусь* < *куси* после отпадения конечного безударного *и*, как *встань* < *вста́ни*, *брось* < < *бро́си*; ср. *неси́*, *гони́* с ударным *и*); глагол *кусити*, известный сейчас лишь в диалектах, относится к литературному *кусать*, так же как *бросить* к *бросать*.

Загадочная история этого междометия была раскрыта А. А. Булаховским (см. его статью „Деэтимологизация в русском языке", — „Труды института русского языка АН СССР", т. I. М.— Л., 1949, с. 187).

Таким образом, по первоначальному характеру *усь* аналогично своему французскому собрату *пиль* (франц. pille „хватай" < piller „хватать"). А по фонетической

судьбе *кусь* > *усь* напоминает *ишь* (см. выше). Междометие *усь* лежит в основе глагола *науськивать* „натравливать, подстрекать“, его не следует смешивать с близким по значению глаголом *наустить, наущать* „подговорить, подстрекать“, этимологическим корнем которого является существительное *уста* „рот“.

Галлицизм ли *фюить*?

Образное и эмоциональное выражение исчезновения чего-нибудь, каким является междометие *фюить*, обычно считается иноязычным, пришедшим в нашу речь из французского языка. В таком случае оно возводится к французскому существительному fuite „бегство“.

Сфера употребления и характер слова *фюить* заставляют, однако, сильно сомневаться в этой этимологии.

Думается, что здесь мы имеем дело с передачей звуковыми средствами языка короткого и энергичного свиста. Возможно, что присущее междометию *фюить* значение закрепилось за ним в связи с тем, что глагол *просвистать* переносно обозначал „промотать состояние, деньги“.

Чуть-чуть о *чу*

Народно-поэтическое междометие *чу* призывает к вниманию и значит „слушай!“, „слышишь?“.

Вслед за А. И. Соболевским, его принято объяснять как бывшую форму 2—3-го лица ед. числа аориста от глагола *чуть* (< *чути*) „слышать, ощущать“, до сих пор еще известного в русских диалектах. Вероятно, это так и есть. Как бы то ни было, его родство с указанным глаголом (в литературной речи он известен лишь в „осложненном“ виде *чуять* „чувствовать“, ср. отношения *бати* — в *баснь* — и *баять*, *сети* — в *семя* — и *сеять* и т. д.) несомненно. Как старая форма 2—3-го лица ед. числа аориста слово *чу* в таком случае аналогично частице *бы*. По своему внутреннему образному стержню оно похоже на слова *внимание!* (от *внимать* „слышать“), *слышь* (из *слышишь*).

Между прочим, первое слово заглавия этой заметки, каламбурно сближенное с *чу*, является и на самом деле ему очень близким: Ведь *чуть* (*чуть-чуть* образовано удвоением, ср. *еле-еле*, *только-только* и др.) произошло от

того же глагола (ср. *знать* „должно быть, вероятно“ — от глагола *знать)*, что и междометие *чу*.

Первоначальное значение слова *чуть*, таким образом, — „ощущаемое; самая малая часть чего-либо, которую можно ощущать, чувствовать“. Думаю, что если вы не знали, то теперь догадываетесь, что и два последних слова в предыдущем предложении того же корня, что и наше *чу*.

От *чш*! до *цыц*!

Думаю, что вряд ли кто-нибудь из читателей чувствует родство этих междометий. Вот смысловую близость этих слов ощущает каждый говорящий: ведь и то и другое обозначает прежде всего требование молчать. Что же касается общности в их происхождении, то, вероятно, она кажется вам сомнительной и сейчас. И тем не менее эти два слова связаны между собой очень тесными этимологическими узами. И не только эти. Известно, что приказ соблюдать тишину выражается также и словами *ш-ш! тсс! сс! тс!*. Они тоже близкие родственники наших *чш!* и *цыц!*. Однако степень родства отмеченных междометных синонимов, требующих тишины, разная. И дальше всего, в самом конце этого синонимического ряда стоит *цыц!* Начинает же этот ряд слово, которое еще не называлось, но назвать которое совершенно необходимо потому, что оно является родоначальником всех остальных. Это слово *тише!*. Однако не все междометия, выражающие приказ молчать, непосредственно восходят „к слову *тише*, у которого опущены гласные и иногда изменяются согласные“ (!?), как считает А. И. Германович („Междометия русского языка“, Киев, 1966, с. 39). От слова *тише* образовалось — как „скороговорочная“ форма разговорного стиля — только междометие *чш!* (ср. *вишь* из *видишь*): *тш!* > *чш!* с долгим шипящим. Уже на базе *чш!* возникло (с устранением аффрикатного затвора) *ш-ш!* и (с заменой шипящего согласного свистящим) *тсс!*. Это последнее, с одной стороны, дало — с устранением аффрикатного затвора — *сс!*, а с другой стороны, после устранения длительности свистящего — *тс!* (=*ц*), произносимого нередко также и в вокализованном виде с гласным *ы* — *цы*. Именно от него с помощью суффикса *-ка-* (ср. *мяукать*, *тявкать*, *тыкать* „говорить ты“, *акать* и т. д.) и был образован (Преображенский А. Этимологический словарь русского

языка, т. II, с. 50) глагол *цыкать*, междометным производным от которого — по аналогии со словами типа *бац* — является вульгарно-грубоватое *цыц*.

Как видим, от исходного *тише* до *цыц* — несколько промежуточных звеньев, но и эти слова находятся между собой, действительно, в родственных отношениях.

Шабаш!

Междометие это имеет значение „довольно, хватит" и в этом отношении аналогично слову *баста* (см. выше). Однако его происхождение иное — не глагольное. Оно возникло в русском языке на базе существительного *шабаш*, имевшего семантику „отдых, конец работы" „день отдыха", а еще раньше — „суббота".

С последним значением существительное *шабаш* было заимствовано нашим языком из польского, в котором szabes передает еврейск. schabbes. Кстати, существительное *суббота* является по существу тем же словом, что и *шабаш*. Только пришло оно к нам значительно раньше, еще в древнерусскую эпоху и из старославянского языка. А туда это существительное попало из греческого, где sambaton передает древнееврейск. šabbāth. Пара *шабаш* и *суббота* — один из примеров, иллюстрирующих большое значение, которое имеют в процессе заимствования различные языковые посредники и переоформление иноязычных слов по внутренним законам русского языка.

Чтобы не считать этот случай исключительным, достаточно вспомнить такие слова, как *сарай* и *сераль*, *мастер* и *маэстро*, *известь* и *асбест*, *гитара* и *цитра*, *рынок* и *ринг*, *талер* и *доллар*, *фунт* и *пуд* и другие им подобные.

В СТРАНЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Лучше меньше, да лучше

Это прекрасное афористическое выражение, представляющее собой в настоящее время общеупотребительный фразеологизм, по своему происхождению является за-

главием одной из самых последних и знаменательных статей В. И. Ленина. Содержание и форма его высказывания поразительно гармоничны. Особый, если так можно выразиться, поэтический характер оборота *лучше меньше, да лучше* создается тем мастерским использованием тавтологии и полисемии, которое для В. И. Ленина было характерно. Слово *лучше*, обрамляющее разбираемое фразеологическое выражение, выступает здесь и в роли структурных вех *(лучше меньше, да лучше)*, и в роли „катализаторов" афористичности этого оборота (появляющееся в конце оборота *лучше* совсем не тó, которое его начинает). Именно поэтому так динамично и остроумно, в самом лучшем смысле этого слова, крылатое выражение В. И. Ленина. Игра слов *(лучше* „пусть" и *лучше* — форма сравнительной степени от *хорошо)* в этом обороте лишний раз обращает внимание на глубину заключенного в нем смысла. Особая выразительность афоризма В. И. Ленина становится ясной при его сравнении с тем образцом, от которого оно, несомненно, „отталкивалось". Таким фразеологизмом является *лучше поздно, чем никогда*, возникший у нас как калька франц. Mieux vaut tard que jamais. Владимир Ильич употреблял его неоднократно (ср. „Конечно, лучше поздно, чем никогда, и даже робкий шаг Совета, готовность послать двоих его „представителей", мы от души приветствуем" — статья „Первый шаг", март 1905 г.).

Крылатые слова *лучше меньше, да лучше* появились у В. И. Ленина не сразу. Им предшествовали иные — описательные и развернутые — формы выражения той же очень важной, постоянно волновавшей его мысли. Так, в статье „К вопросу о задачах Рабкрина..." (написанной 27 сентября 1921 г.) мы находим: „Лучше взять немногое, но довести до конца". Как свидетельствует текст статьи „Лучше меньше, да лучше", при создании своего афоризма В. И. Ленин опирался не только на оборот *лучше поздно, чем никогда*, но и учитывал также (переводя его в антонимическое) грибоедовское выражение *числом поболее, ценою подешевле*. Вот отрывок, являющийся доказательством этого: „Надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал".

Всерьез и надолго

Выражение *всерьез и надолго* относится к числу фразеологических неологизмов В. И. Ленина, очень различных по содержанию и форме, но всегда очень выразительных и ярких. Оно появилось на свет (естественно, еще в виде переменного словосочетания) в докладе на IX Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1921 г.). В. И. Ленин говорил тогда о нэпе: „Вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда".

По своей структуре фразеологизм *всерьез и надолго* принадлежит к конструкциям с сочинительным союзом *и*, объединяющим однородные члены предложения (в данном случае — однородные обстоятельства), ср. *сплошь и рядом*, *вдоль и поперек*, *взад и вперед* и т. п. Вполне понятно, почему афоризм *всерьез и надолго* получил у В. И. Ленина данную форму. Дело в том, что отмеченная модель построения переменных словосочетаний является у него одной из излюбленных. В его трудах объединение в одно смысловое целое различных обстоятельств (в том числе обстоятельства образа действия и обстоятельства времени) встречается очень часто. Такие переменные, но семантически слитные сочетания у него не только частотны, но и постоянны (некоторые из них даже неоднократно повторяются), что делает их одной из отличительных черт его индивидуально-авторского стиля. Вот несколько примеров: „А когда дошло до серьезного, решающего момента, князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что „победа" над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом" (статья „Благодарность князю Г. Е. Львову", август 1917 г.); „В войне против немцев именно теперь нужно *дело: т о т ч а с* и *б е з у с л о в н о* **предложить** *м и р* на *т о ч н ы х* условиях" („В Центральный Комитет РСДРП", август 1917 г.); „За исправление этого недостатка надо взяться спешно и изо всех сил" (Наказ от СТО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям, май 1921 г.); „Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархистский уклон: партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять" (Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) на X съезде РКП(б), 8 марта 1921 г.);

„Все это азбука. Все это просто и ясно" (книга „Детская болезнь „левизны" в коммунизме", апрель — май 1920 г.); „Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее действуют неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства" (речь „О международном и внутреннем положении Советской республики", 6 марта 1922 г.); „Всякие общие нормы числа служащих, по-моему, следует изгнать сразу и бесповоротно" (статья „Лучше меньше, да лучше", март 1923 г.) и т. д.

Порядок дня

Фразеологический оборот *порядок дня* употребляется со значением „круг вопросов, предназначенных для обсуждения в определенной последовательности на заседании, собрании, конференции, совещании, съезде и т. д.". По своей структуре он принадлежит к той же модели (существительное+существительное в род. пад.), что и выражения *точка зрения*, *полнота власти*, *болезнь роста* и т. п. Сейчас он представляется таким же обычным и давним, как и родственный ему по лексическому составу оборот *распорядок дня*.

А между тем на самом деле возник он сравнительно недавно. В 1903 г. В. И. Ленин, как правило, употреблял еще его прототип — немецкое сложное слово Tagesordnung, давшее затем кальку *порядок дня*. Так, в „Рассказе о II съезде РСДРП" (сентябрь 1903 г.) находим: „Другой эпизод — борьба из-за § 1 „устава партии". Это был уже п. 5-ый Tagesordnung' а, близко к концу съезда"; „В Tagesordnung'е стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор центральных учреждений* партии".

Первое употребление оборота *порядок дня* у В. И. Ленина наблюдается в „Неподанном заявлении" от 29 октября 1903 г.: „Сопоставьте „дополнение", расширение состава центров по теперешнему уставу партии, принятому на съезде, и по тому первоначальному проекту, который мы вместе с Мартовым запечатлели в вышеприведенном комментарии к п. 23 порядка дня".

Учиться, учиться и учиться

Это выражение давно уже стало крылатым и любимым. Общеизвестно, что оно является одним из фразеологических неологизмов В. И. Ленина. Но далеко не все знают

его историю. Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в своей книге „Крылатые слова" (Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966, с. 688) безоговорочно объясняют его как оборот, возникший в результате „конденсации" лозунга В. И. Ленина из статьи „Лучше меньше, да лучше", написанной им в 1923 г.: „Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом". Думается, что это не совсем так, особенно если иметь в виду непосредственный источник распространения этого фразеологизма в общеязыковой форме.

Ведь различные афористические „повороты" глагола у *учиться* нередко встречаются у В. И. Ленина и раньше. Вспомним хотя бы троекратное повторение этого слова в речи на III Всероссийском съезде Комсомола 2 октября 1920 г., в которой В. И. Ленин, определив задачу молодежи вообще и комсомола в частности („задача состоит в том, чтобы учиться"), далее разъясняет, „чему учиться и как учиться".

Не приводя других примеров, следует указать наиболее ранние и близкие к современной форме. Так, в материалах совещания расширенной редакции „Пролетария", состоявшегося в июне 1909 г., читаем: „Использованию легальных возможностей надо *учиться* и учиться так же настойчиво, *как* учились и учимся мы приемам нелегальной деятельности". В статье „Очередные задачи Советской власти" (апрель 1918 г.) находим: „Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное,— это значит воспитывать массы и на опыте учиться, вместе с ними учиться строительству социализма". А в статье „Попятное направление в русской социал-демократии", написанной В. И. Лениным еще в конце 1899 г., мы вообще встречаемся с тем троекратным повтором глагола *учиться*, который является „точной копией" современного выражения: „В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму,

среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию".

По всей вероятности, именно отсюда и было взято выражение *учиться, учиться и учиться* в его современном лексическом составе и структуре. А почву для этого приготовили, несомненно, статья „Очередные задачи Советской власти", речь на III съезде комсомола и статья „Лучше меньше, да лучше".

Следует иметь в виду, что, несмотря на то что статья „Попятное направление в русской социал-демократии" написана в конце 1899 г., она впервые была напечатана в журнале „Пролетарская революция" (№ 8—9) в 1924 г.

Что же касается статьи „Лучше меньше, да лучше", то она дала фразеологии современного русского языка свое афористическое заглавие.

Лишь только

Вряд ли вас когда-нибудь специально интересовало это устойчивое словосочетание. Таких немало среди частиц и союзов русского языка, очень привычных и совершенно безобразных. Между тем выражение *лишь только* не такое уж обычное и заурядное, как мы привыкли считать. И это становится очевидным, лишь только мы обратимся к его конкретному значению как выделительно-ограничительной частицы (*Лишь только слышно: кто идет?* — Лермонтов) или временного союза (пример можно не приводить: им является только что прочитанное вами предложение). В самом деле, оборот *лишь только* синонимичен, равен по значению отдельным словам, его составляющим (*лишь* и *только*). *Лишь только* можно заменить и одним первым его компонентом (*лишь*), и одним вторым (*только*). Понятно, почему: *лишь* и *только* сейчас употребляются как синонимы, обозначают одно и то же.

Таким образом, оказывается, что выражение *лишь только* принадлежит к числу фразеологических оборотов, построенных на синонимии, составленных из однозначных

слов, тавтологически повторяющих в „усилительных" целях одно и то же (ср. *целиком и полностью*, *судить да рядить*, *ум за разум заходит*, *переливать из пустого в порожнее*, *маг и волшебник* и т. д.).

Однако — и это еще один любопытный факт, касающийся данного оборота,— слова, его составляющие, не всегда были синонимами.

В устойчивом словосочетании *вокруг да около* бывшие синонимы (*вокруг* — от *круг*, *около* — от *коло* „круг", ср. *округ*, *окрест*) превратились в слова с разным значением: *вокруг* — не *около*. В нашем же выражении несинонимы превратились в синонимы.

Об исконной несинонимичности *лишь* и *только* ярко свидетельствует старая поговорка *только стало, а лишку нет*. *Только* восходит к *толико* (ср. *малая толика*), обозначавшему первоначально „столько" („сколько есть"), т. е. определенное любое количество.

Лишь возникло из *лише* „больше, сверх, свыше" (после отпадения конечного безударного *е*, ср. *авось* из *авосе* <*а осе* „вот"), сравнительной формы от прилагательного *лихъ* „большой, лишний" (давшего также и *лишек* „излишек"). Мягкий знак в слове *лишь* стали писать по аналогии со словами типа *авось*, с одной стороны, и *бишь* — с другой.

Где же были смысловые точки соприкосновения в таких разных по своему значению словах, как *лишь* и *только*? Они обнаружились, очевидно, в обозначении словом *толико* > *только* малого количества (недаром в „Толковом словаре..." В. Даля *лишь* и *только* объясняются через посредство слов *чуть*, *едва*, *еле*) в контекстах типа *малая толика*, *только-только хватило* и т. д.; излишек же всегда был по отношению к общему количеству небольшим.

Люблю молодца за обычай

Этой поговоркой мы одобряем чье-либо поведение или поступок.

Превращению фразы в устойчивое словосочетание способствовала потеря словом *обычай* того значения, которое было ему свойственно в исходном переменном словосочетании: „умение, сноровка" (между прочим, первоначально слово *обычай* к своим родственникам *навык*, *учеба* стояло

значительно ближе). Таким образом, буквально *люблю молодца за обычай* значит „люблю молодца за умение, сноровку".

Кануть в вечность

Этот оборот, на первый взгляд самый заурядный и неинтересный, позволит нам познакомиться с тем, как создаются новые устойчивые сочетания слов по модели.

Как известно, *кануть в вечность* значит „исчезнуть навсегда и бесследно, подвергнуться совершенному и полному забвению". Сравнение этого целостного значения со значениями составляющих оборот слов, несомненно, указывает на моделированный характер нашего фразеологизма.

В самом деле, глагол *кануть* вначале обозначал „упасть каплей, капнуть". Так, еще у А. С. Пушкина читаем: *Слеза повисла на реснице И канула в бокал.*

Современная форма *капнуть* возникла значительно позже, чем *кануть*. Образование *кануть* общеславянское, а *капнуть* собственно русское, оно отмечается в словарях лишь с XVIII в. Кстати, образовалось оно на базе *кануть* в результате переноса *п* из *капать*.

Отмеченное начальное значение *кануть* „упасть каплей, капнуть" исключает существование в прошлом свободного сочетания слов *кануть в вечность*, имевшего прямое значение. Ведь *кануть* „упасть каплей, капнуть" *в вечность* „в бесконечное существование во времени" невозможно. Это значит, что наше выражение не могло возникнуть из переменного словосочетания (именно так появился оборот *перемывать кости*; см. заметку „О слове *костить* и обороте *перемывать косточки*"), а образовалось по модели на базе уже существовавшего в языке фразеологического образца.

Как же появился на свет оборот *кануть в вечность*? Расскажем об этом в хронологическом порядке. Вначале было слово... да, было слово *кануть*. Затем с его участием возник сравнительный оборот *исчез* (или *пропал*), *как в воду канул*. В этом обороте слова *как в воду канул* обозначали „бесследно, не оставив следа" (действительно, разве найдешь упавшую в воду каплю?).

В процессе употребления выражение *исчез (пропал), как в воду канул* сокращается. Глаголы *исчез* и *пропал*

становятся необязательными. Появляется самостоятельный фразеологический оборот *как в воду канул* (а далее и — без союза! — *в воду канул*), причем уже не с наречным значением „бесследно“, а с современным глагольным значением „исчез, пропал бесследно“.

На основе этого разговорного выражения в начале XIX в. в книжной речи (в первую очередь — в поэзии) был образован оборот *кануть в Лету* (в древнегреческой мифологии *Лета* — „река забвенья в подземном царстве“), ср. у Н. В. Гоголя: *Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь этакую Лету, как называют поэты*. Этот оборот получил не только значение „бесследно исчезнуть“, но также значения „исчезнуть навсегда“ (ведь из подземного царства, т. е. с того света, не возвращаются!) и „стать совершенно забытым, подвергнуться полному забвению“ (ведь *Лета* — это „река забвенья, из которой души умерших пили воду, чтобы забыть свою прошлую жизнь“). Все эти значения по наследству от своего родителя *кануть в Лету* получило и наше выражение *кануть в вечность*. Оно возникло в результате замещения слова *Лета* словом *вечность*, извлеченным из оборотов *отойти в вечность*, *переселиться в вечность* в значении „умереть“.

Таким образом, фразеологизм *кануть в вечность* представляет собой скрещение, контаминацию оборотов *кануть в Лету* и *отойти, переселиться в вечность*. В этих оборотах слово *вечность* имеет значение „загробная жизнь“ (вечная по религиозным представлениям, в отличие от жизни на этом свете), ср. синонимичное выражение *отправиться на тот свет*.

Очень интересно индивидуально-авторское преобразование фразеологизма *кануть в вечность* — связанное с оживлением „этимологических представлений“ — у В. Г. Белинского: *Тихо и незаметно еще канул год в вечность, канул, как капля в море*.

Филькина грамота

Так мы называем не имеющую никакого значения пустую бумажку, липовый, не обладающий какой-либо реальной ценностью документ. Как показывает лексический состав этого выражения и сравнение с оборотами, имеющими то же опорное слово (*жалованная грамота*,

духовная грамота, *купчая грамота* и т. п.), наш фразеологизм возник по модели с „оглядкой" на выражения типа *духовная грамота*. Притяжательное прилагательное от интимно-пренебрежительного имени *Филька*, появившееся на месте относительных прилагательных типа *духовная*, придало нашему обороту яркую экспрессию.

Значение фразеологизма первоначально было несколько иным, чем сейчас. Об этом недвусмысленно говорит нарицательное употребление существительного *филька* в значении „глупый, недалекий человек, дурак" (ср. *простофиля*). *Филька* образовано от *Филя*, которое в свою очередь является производным от *Филимон*. Вспомните аналогичные *фофан* < *Феофан*, *фефёла* < *Феофила* и т. п.

Таким образом, *филькина грамота* буквально значило „глупо составленный, плохо написанный документ".

Во весь опор

Этим фразеологическим оборотом выражается понятие чрезвычайной быстроты движения. В силу этого он сцепляется только с такими глаголами, которые обозначают соответствующее действие (*бежать*, *скакать*, *мчаться*, *нестись* и т. д.), причем глаголы с приставками обозначают начало движения. Поэтому, например, *во весь опор*, т. е. „очень быстро", можно только *бежать* и *побежать*. Употребить это выражение при глаголе *прибежать* уже нельзя. Если мы захотим понятие „очень быстро" при глаголе *прибежать* выразить фразеологически, то придется прибегнуть к каким-нибудь другим оборотам, вроде *в мгновение ока* (ср.: *Прибежал он в мгновение ока*).

Отмеченная разница в употреблении синонимических оборотов *во весь опор* и *в мгновение ока* с глаголами движения определяется различием той образной структуры, которая для этих выражений была характерна в начале их фразеологической жизни.

Фразеологический оборот *в мгновение ока* в значении „очень быстро" (*мгновение* от *мигнуть*, ср. *дуновение* — от *дунуть*; *око* — „*глаз*") восходит к выражению идеи маленького отрезка времени, буквально такого, в который можно лишь один раз моргнуть. Фраза *Прибежал он в мгновение ока*, собственно, значит „прибежал он, затратив столько времени, сколько нужно, чтобы моргнуть".

Совершенно иная биография у выражения *во весь опор*. И идет оно в своем современном значении „очень быстро" уже не от характеристики времени, затраченного на движение, а от наименования образа действия, способа, посредством которого осуществляется движение.

Первоначально оборот *во весь опор* употреблялся лишь для обозначения особого бега лошади — галопа, когда она скачет „во весь опор", опираясь почти одновременно то на обе передние, то на обе задние ноги.

Между прочим, „лошадиное" происхождение имеют и синонимические нашему выражению фразеологизмы *во весь дух* и *во все лопатки*. Второй оборот чуть ли не полностью повторяет образную структуру выражения *во весь опор*: *во все лопатки* буквально значит „во все передние ноги, скоком" (ср. оборот *со всех ног*), ведь лопатки у лошади — это „плоские широкие треугольные кости в верхней части спины, к которым прикреплены передние ноги". Что касается выражения *во весь дух*, то оно (*дух* здесь имеет значение „дыхание", ср. *перевести дух* „отдышаться", *дух захватило* „стало трудно дышать") аналогично выражению *что есть духу* и значит „так быстро, насколько хватает дыхания".

Заметим, что первоначально словами-спутниками всех трех разобранных выражений были глаголы *скакать* и *бежать*, со словами *мчаться* и *нестись* они стали сцепляться позднее.

Прокатить на вороных

Прокатить на вороных значит „забаллотировать, провалить на выборах". Возникает естественный вопрос: откуда появилось такое значение у этого, казалось бы, типично „транспортного" оборота?

Метафорическое значение появилось у него в XIX в. из каламбура, который объясняется существовавшей тогда процедурой голосования белыми („за") и черными („против") шарами.

Каламбурное устойчивое сочетание слов *прокатить на вороных* буквально, таким образом, обозначает „положить кому-нибудь черных (вороных) шаров".

Так по прихоти словесной игры (правда, очень удачной) слово *вороные*, обозначавшее лошадей, получило в данном обороте значение „шары".

Прописать ижицу

Это шутливое выражение представляет собой выразительный фразеологический эквивалент словам *высечь, наказать*. По своему происхождению оно тесно связано с нашей старой азбукой и письмом и существовавшей ранее на Руси „по́рочной" (и, конечно, поро́чной) методой обучения грамоте отстающих. Для того чтобы стало ясным, как родилось это устойчивое сочетание слов, надо знать, во-первых, что такое *ижица*, и, во-вторых, каково здесь значение глагола *прописать*. *Ижица* — это название последней буквы старого кириллического алфавита, которая по форме напоминает развилку. Что касается глагола *прописать*, то в нашем обороте он употребляется в значении „очень хорошо написать, написать образцово, так, как пишут для прописи".

Если учитывать, что очень часто прописные буквы ранее писали не чернилами, а красной краской, то становится особенно понятной меткость иронии выражения *прописать ижицу*. Ведь при „хорошей", старательной порке (когда удары ложатся под углом друг к другу) на теле действительно возникает что-то вроде прописной ижицы.

Разные *шалаши*

Всем хорошо известны ходовые и популярные выражения *С милым рай и в шалаше* и *Милости прошу к нашему шалашу*. Пословица *С милым рай и в шалаше* значит „с любимым человеком всегда хорошо, даже в очень стесненных материальных условиях". Поговорка *Милости прошу к нашему шалашу* является фамильярно-шутливым приглашением присоединиться к компании, сесть за стол. Выражения эти очень непохожие, но есть в них и общее. Сближает эти обороты наличие в их составе существительного *шалаш*. Однако *шалаши* в названных выражениях, при всей своей близости друг к другу, все же разные. И эта разница смысловая, она возникла в результате развития у слова *шалаш* переносного значения. Но почувствовать и увидеть ее можно только тогда, когда мы узнаем биографию обоих выражений.

Пословица *С милым рай и в шалаше* возникла в XIX в. По своему происхождению она является получившей крылатость строчкой из стихотворения поэта Н. М. Ибраги-

мова „Русская песня“ (1815), которое не только очень быстро завоевало любовь и популярность, но и действительно стало русской народной песней. Фраза из песни вошла в пословицу. Вот ее родное четверостишие, откуда она была извлечена:

Не ищи меня, богатый:
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!

Как видим, здесь *шалаш* значит „бедное жилище“, „лачуга“, „легкая постройка“, наскоро сделанная, как выражается В. Даль, „из подручных припасов“ (веток, соломы и т. д.). Недаром ведь он противопоставляется слову *палаты* предыдущего предложения *(Что мне, что твои палаты?)*.

Иное (уже вторичное и более узкое) значение имеет слово *шалаш* в поговорке *Милости прошу к нашему шалашу*. В ней *шалаш* выступает уже не как антоним существительного *палаты*, а как синоним его уменьшительно-ласкательного производного *палатка* (!) в значении „легкая постройка с прилавком для мелкой торговли“. Дело в том, что выражение *Милости прошу к нашему шалашу*, несомненно, пришло из речи мелких торговцев на ярмарке, зазывавших покупателей каждый к своему шалашу — небольшой палатке или ларьку с товарами (в них нельзя было войти, как, например, в лавку, к ним можно было только подойти).

Такое значение слова *шалаш* в XVI—XVIII вв. было очень употребительным. Два примера из многих. В писцовых книгах Казани 1565—1568 гг. читаем: *Середи площади шалаши, а сидят в них с рыбою с вареною и с пироги с пряжеными и с кисели*.

В „Проекте законов о правах среднего рода жителей“ 1768 г. находим: *Мелочные купцы суть те, которые, не быв в состоянии имети лавки, сидя в прилавках и так называемых окошках и шалашах, мелочные товары, назначенные для торгу им, продают в розницу*.

Заметим, что подобное развитие „торгового“ значения наблюдается и у некоторых других названий построек. Достаточно назвать слова *палатка* — 1) „временное помещение из натянутой на остов ткани“, 2) „легкая постройка с прилавком для мелкой торговли“, *балаган* — 1) „лег-

кое строение, предназначенное для временного жилья", 2) „легкая постройка для торговли и зрелищ", *шатер*, имеющее в сербскохорватском языке значения „шатер" и „рыночная палатка", *киоск* (во французском языке первоначально „садовая беседка"), *павильон* (исходно лишь „палатка, шатер").

Как ни кинь — все клин

Этот фразеологический оборот интересен не только по значению, но и по структуре. Образующие его части связаны между собой в единое целое (помимо грамматических и смысловых отношений) с помощью неточной, но очень удачной рифмы. Поэтому в речи он выступает как своеобразное „фразеологическое стихотворение", подобное выражениям типа *редко да метко*, *Федот да не тот*, *ни ответа ни привета*, *ни кожи ни рожи*, *для милого дружка и сережка из ушка* и т. п. У фразеологизма *Как ни кинь — все клин* есть вариант *Куда ни кинь — все клин*, возникший независимо, но при тех же самых обстоятельствах.

Значение обоих выражений можно сформулировать так: „выхода из положения нет" (ср. в романе И. С. Тургенева „Новь": *Только от этого мне бы не было легче — и ничего бы не изменилось... Куда ни кинь — все клин!*).

По происхождению наши фразеологические синонимы связаны с бывшим ранее крестьянским обычаем при распределении общинной земли кидать жребий. Заметим, что земля при этом (хорошая и плохая отдельно) распределялась малыми долями. В исходном свободном сочетании слов существительное *клин* значит „самая маленькая мера земли, узенькая полоска поля" (даже меньше осминника, т. е. $^1/_8$ десятины, ср. старую пословицу *Не постой за клин, не станет и осминника*, имевшую обобщенно-метафорическое значение „Уступишь в малом, не будет и большого").

Это объясняет современную семантику разбираемых оборотов. Ведь, действительно, выхода из положения нет, если, как и куда ни кинь крестьянин жребий при дележе земли, все равно целого хорошего участка он не получит: достанутся одни клинья.

Заварить и расхлебывать кашу

В заглавии заметки для краткости два оборота объединены. Обычно же они употребляются в речи отдельно и представляют собой антонимы. Ведь *заварить кашу* зна-

чит „затеять хлопотное и сложное дело (иногда даже очень неприятное)“, а *расхлебывать кашу*, напротив,— это „хлопотное и сложное дело распутывать“. В рамках одного словесного целого оба эти выражения обязательны лишь в поговорке *Сам кашу заварил, сам ее и расхлебывай*, т. е. „сам затеял что-либо хлопотное, сам и выпутывайся“.

Каково происхождение этих очень употребительных выражений? Почему и откуда появились у них указанные значения (явно образно-метафорического характера)?

Сначала были свободные сочетания слов *заварить кашу* и *расхлебывать кашу*. Современное обобщенно-переносное значение у них появилось после того, как слово *каша* стали употреблять в значении „званый обед, праздник по поводу крестин или свадьбы“ (такое значение существительное *каша* в диалектах сохранило и сейчас), а затем и в значении „беспорядок, суматоха, сумятица, путаница“.

Заметим, что последнее значение у кулинарных терминов развивается очень часто (ср. хотя бы существительные *винегрет*, *кавардак* и *вермишель*).

Интересно, что подобное развитие пережило слово, родственное глаголу из выражения *заварить кашу*,— простонародное существительное *заваруха*, также имеющее значение „сложное и запутанное дело“. Оно тоже вначале имело только „кулинарное“ значение и было одним из названий каши (в диалектах „кашные“ имена *завара*, *заваруха*, *завариха* еще известны).

Что же касается противопоставления слову *заварить* именно глагола *расхлебывать*, а не какого-либо другого, то это объясняется тем, что слово *каша* обозначало прежде не современную кашу, т. е. одно из вторых блюд, а первое блюдо — похлебку из крупы (с этимологической точки зрения, *каша* буквально значит „крупа, очищенное зерно“). Кашу тогда можно было, действительно, расхлебывать.

Заметим, что слова *кашевар* и *однокашник* появились как производные от словосочетаний *варить кашу* и *одной каши*, в которых существительное *каша* имеет еще одно, пока не названное значение „артель, семья“, в русских диалектах XIX в. очень распространенное. Слова *кашевар* и *однокашник* в момент возникновения их в языке соответственно обозначали артельного повара и товарища по артели или воспитывающегося в той же семье.

Не миновать глаголя

Этот оборот имеет значение „быть повешенным, погибнуть“ и, между прочим, не имеет никакого отношения к глаголу. Он требует объяснения лишь потому, что содержит в своем составе устаревшее ныне слово *глаголь* „виселица“. Таким образом, буквально выражение *не миновать глаголя* значит „не миновать, не избежать виселицы“.

Что же касается существительного *глаголь* „виселица“, то оно возникло на базе слова *глаголь* как названия буквы „Г“. Виселица получила свое новое имя от прописной буквы „Г“ благодаря сходству формы этих (во всем остальном совершенно не похожих друг на друга) предметов.

Гол, как сокóл

Это рифмованное выражение означает „очень бедный“. Как показывают факты истории русского языка, такое значение возникло в нем после появления у слова *голый* „нагой, неодетый“ переносного значения „бедный“ (ср. собирательные *голытьба, голытепа* „беднота“). Мирное сосуществование обоих этих значений у прилагательного *голый* наблюдается в обороте *С миру по нитке — голому рубашка*, в котором, кстати, существительное *мир* имеет архаическое значение „народ, крестьянская община“.

Что касается сравнительной части нашего выражения *(как сокóл)*, которая равна по значению слову *очень*, то она никакого отношения к известному названию птицы не имеет, о чем свидетельствует не только исходный смысл слова *голый*, но и наконечное ударение в существительном *сокóл*.

Сокóл в ней — обозначение металлического тарана, употреблявшегося в древности в качестве стенобитного орудия. Этот таран представлял собой совершенно гладкую, т. е. „голую“, чугунную болванку, подвешенную на цепях. Заметим, что фамилия *Соколов* по своему происхождению у одних ее владельцев может восходить к древнерусскому имени *Сóкол* (из *сóкол*), а у других — к *Сокóл* (из *сокóл*).

Очертя и сломя голову

Обороты *очертя голову* и *сломя голову* имеют каждый не только свое, одному ему присущее значение (*очертя голову* „безрассудно, не подумав“, *сломя голову* „стремитель-

но, опрометью, стремглав"), но и особые, лишь для него характерные словесные связи.

Выражение *очертя голову* свободно сцепляется с самыми различными глаголами. Правда, есть у него и „любимчик" — глагол *броситься*. Что касается фразеологизма *сломя голову*, то его окружение ограничено глаголами быстрого передвижения (*бежать*, *мчаться*, *скакать* и т. д.).

И все же у этих различных по значению и словесным связям фразеологических оборотов есть нечто общее.

Прежде всего, что видно даже невооруженным глазом, у них является одинаковым зависимый компонент — *голову*. Однако общий зависимый член в идиомах *очертя голову* и *сломя голову* лишь внешнее выражение их кровного родства по происхождению. Дело в том, что выражение *очертя голову* родилось, так сказать, при поддержке и содействии оборота *сломя голову*. Оно появилось в языке в результате контаминации оборотов *очертя* (себя или кого-либо другого) *кру́гом* и *сломя голову*. Происхождение первого связано с суеверным (еще языческим) обычаем очерчивать себя или кого-либо другого кругом для ограждения от нечистой силы. В момент своего появления в языке сочетание *очертя кру́гом* было синонимично более позднему обороту *осеня крестом*.

Очертя себя кру́гом или осеня крестом, можно было уже как будто делать что-либо, не боясь. Но это, по мнению тех, кто семь раз отмерял, чтобы один раз отрезать, и на бога надеялся, а сам не плошал, значило действовать не думая, безрассудно. Отсюда и пошло современное значе́ние оборота *очертя голову*.

Совершенно иного происхождения выражение *сломя голову*. Оно тоже, между прочим, вначале имело только значение „безрассудно, отчаянно", о чем свидетельствует, в частности, существующее и сейчас в диалектах слово *сломиголова* „отчаянный смельчак, сорви-голова".

Оборот *сломя голову* возник из соответствующего свободного словосочетания со значением „потеряв голову", соприкасающегося с сочетаниями *сложить голову*, с одной стороны, и *сложа руки* — с другой. На развитие современного значения у фразеологизма *сломя голову*, возможно, повлияло (кроме закономерной соотнесенности „не думая" — „очень быстро") также выражение *стремя голову*, известное сейчас лишь в диалектах и других славянских языках. По корневому составу и значению оно как бы

повторяет литературное наречие *стремглав* (буквально „опустив голову, вниз головой“), заимствованное русским языком из старославянского.

Семь пятниц на неделе

Выражение *семь пятниц на неделе* — это образное обозначение человеческого непостоянства. Так говорят о том, кто часто меняет свои решения, постоянно отступает от своего слова, не выполняет своих обещаний, т. е. о людях, на которых нельзя положиться и которым нельзя доверять.

О происхождении этой поговорки спорят, но, кажется, решение, предложенное С. В. Максимовым еще в конце XIX в., является единственно правильным. Разгадка каламбурного выражения *семь пятниц на неделе* заключена в слове *пятница*: ведь если данное выражение передать буквально, то это можно сделать словами *вся неделя состоит из пятниц, неделя — сплошная пятница*. По какой же причине для обозначения людей, не выполняющих своих обещаний, в качестве главного „героя“ была выбрана пятница, а не какой-либо другой день недели? И отчего это выражение стало художественно-выразительным обозначением человеческого непостоянства?

Оказывается, все определяется историческими причинами, условиями старого русского быта. Дело в том, что пятница некогда была свободным от работы днем (и не только у славян — ср. нем. Freitag — буквально „свободный день“), а потому и базарным. Поэтому-то пятница была долгое время также и днем исполнений различных торговых обязательств. В пятницу, получая деньги, давали честное слово привезти на следующей неделе заказанный товар. В пятницу, получая товар, обещали в следующий базарный день (т. е. в пятницу следующей недели) отдать полагающиеся за него деньги.

О нарушающих эти обещания и было первоначально гиперболически сказано, что у них семь пятниц на неделе. Вполне возможно, что обобщенно-метафорическое обозначение непостоянства в решениях человека, на которого нельзя положиться, закрепилось в выражении *семь пятниц на неделе* под влиянием народно-этимологического сближения слов *пятница* и *пятиться* „отступать“ (от своего слова) (ср. *идти на попятную*), особенно ясно проявляющегося в поговорке *семь раз на неделе попятиться*.

Выразительность оборота *семь пятниц на неделе* всегда привлекала к себе художников слова. Очень удачно использовал его, в частности, А. С. Пушкин в своей эпиграмме на книготорговца Смирдина:

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка в четверг.

В этом контексте оборот *семь пятниц на неделе* органически связан с выражением *после дождичка в четверг*, т. е. „никогда". Заметим, что еще более тесно связаны друг с другом, по существу своему слиты воедино эти обороты в синонимической поговорке *после пятницы в четверг.*

Выражение *после дождичка в четверг* в этимологическом отношении представляет собой, как полагают, формулу недоверия к Перуну, славянскому языческому богу грома, днем которого был четверг: поскольку мольбы, обращенные к Перуну, не достигали цели, то о том, чего не будет, стали говорить, что это будет — *после дождичка в четверг.*

К черту на кулички

Сейчас это выражение значит „очень далеко, неведомо куда, в глухомань". По своему происхождению оно, скорее всего, является распространением ответа все на тот же действительно сакраментальный, „запретный" вопрос *куда?* (ср. ходячую реплику *к черту* в ответ на пожелание успеха в виде фразеологизма *ни пуха ни пера*). Современная форма, как обычно полагают и как считал еще В. Даль, представляет собой переделку более старого выражения *к черту на кулижки*, возникшую в результате подмены ставшего узкодиалектным слова *кулижки* „лесные полянки, острова на болоте" и т. д. созвучным существительным *кулички* „куличики, пасха". В результате этого фразеологизм приобрел (сейчас уже, правда, осознаваемую очень слабо) экспрессивную выразительность соединения противоречивых понятий (оксюморона): отправляться „к черту на кулички", а значит, и на пасху — само собой разумеется, идти или ехать бог знает куда,— ведь понятия черта и религиозного праздника пасхи совершенно несовместимы.

Острая каламбурность этого выражения (ср. *реветь белугой*, *белая ворона*, *живой труп*, *от жилетки рукава* и т. п.) потускнела у него потому, что в современном русском языке нет уже слова *кулички* в значении „пасха" и почти не употребляется уменьшительно-ласкательная форма от слова *кулич*.

На кудыкину гору

Этот оборот чаще всего используется сейчас в качестве экспрессивно-выразительного ответа на назойливый и ненужный с точки зрения спрашиваемого вопрос: *куда* (*идешь*, *едешь*, *спешишь* и т. д.)? По своему значению он равен фразам типа *А тебе какое дело?* или *Тебе не все равно?* и т. п. По сфере употребления это общенародный фразеологизм, свойственный живой и непринужденной разговорной речи.

Родился же он в охотничьей среде и первоначально представлял собой ответ охотников на запрещенный с их точки зрения вопрос о том, куда они отправляются. Строгий запрет охотников на такой вопрос объясняется существовавшим у них ранее поверьем, что если хочешь успеха, нельзя называть места охоты (ср. поговорку *Не кудыкай, счастья не будет*). Вполне возможно, что такое табу было наложено на вопрос *куда?* по чисто лингвистическим причинам (см.: Зеленин. Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Л., 1929, с. 79), в силу созвучия *куда* со словами *куд* (куда) „злой дух, черт, дьявол", *кудесить* „колдовать", *кудь* „колдовство", известного в диалектах *прокуда* „лукавый, зловредный человек" и др.

Таким образом, искони в выражении *на кудыкину гору* как бы сливаются два значения: буквальное — „на твою — кудыкину — гору" (*кудыка* — это „тот, кто спрашивает, *куда* охотник направляется") и метафорическое „к черту" (*кудыка* — от *куд*(*а*) „злой дух, черт, дьявол").

Фразеологизм на *кудыкину гору*, по сути дела, „повторяет" выражение *к черту на кулички*.

О слове *костить* и обороте *перемывать косточки*

Современная форма фразеологического сращения *перемывать косточки*, синонимического глаголам *сплетничать*, *злословить*, *судачить* (о ком-либо), сменила более старую

перемывать кости, известную еще в XIX в. Именно эта старая форма и явилась основой для образования слова *костить* „ругать".

Оборот *перемывать кости* в качестве устойчивого сочетания слов родился на базе переменного словосочетания, связанного с существовавшим в древности у славян обрядом так называемого вторичного захоронения, которое осуществлялось спустя несколько лет после похорон умершего для очищения его от грехов и снятия с него заклятия. Перед вторичным захоронением выкопанные останки (т. е. кости) перемывались, что, естественно, сопровождалось воспоминаниями о покойнике, оценкой его характера, поступков и дел. Это и явилось причиной образно-метафорического переосмысления слов *перемывать кости*, первоначально имевших самый прямой, буквальный смысл.

Это его конек

Так мы называем чье-либо увлечение, излюбленное занятие или, как теперь часто говорят, хобби. Слово *конек* выступает здесь в качестве синонима словам *увлечение*, *страсть*, *хобби*. Очень хороший пример этого мы находим в одной из журнальных статей: *...Это пристрастие, которому отдается свободное время. Можно его назвать очень распространившимся в последнее время английским словом „хобби". Или русским литературным „увлечение". Или менее литературным, но более метким „конек"* („Театр", 1965, № 5, с. 136). Такое значение существительное *конек* получило уже в момент появления в русском языке выражения *это его конек* (а также оборотов *сесть на своего конька* и *оседлать своего конька*). А все эти выражения увидели свет в конце XVIII в. Все они суть не что иное, как фразеологические кальки, т. е. пословные переводы французских оборотов, в свою очередь калькирующих английские фразеологизмы. Родились последние в романе „Сентиментальное путешествие" Л. Стерна, с которым русское общество конца XVIII в. вначале познакомилось в переводе на французский язык. Наше выражение передает французский оборот c'est son dada, родившийся при переводе английской поговорки It is his hobby-horse. Обратили внимание на последнее английское слово? Да, вы правы. Оно имеет прямое и непосредственное отношение к популярному сейчас *хобби*. Ведь это оно же, но только в полном, не-

сокращенном виде. Таким образом, английское слово *хобби* (сокращение первоначального hobby-horse) приходило в наш язык дважды: в виде кальки *конек* в конце XVIII в. и в качестве прямого заимствования буквально несколько лет назад.

Намылить голову и задать головомойку

Эти очень употребительные и образные выражения — синонимы. Оба они имеют значение „сильно бранить, распекать". Но не только это делает их фразеологическими „собратьями" в нашей речи. Они одинаковы и с точки зрения сферы их употребления, и по своей стилистической разговорно-фамильярной окраске.

Больше того, эти фразеологизмы родственны и по происхождению. Правда, родство их не непосредственное, и родственники они дальние. Однако языковой источник у них один и тот же.

Как ни удивительно, эти, казалось бы, чисто русские выражения отражают в себе (правда, по-разному) иноязычное влияние и в конечном счете обязаны своим появлением на свет соответствующему немецкому выражению.

Как же все-таки родились в русском языке обороты *намылить голову* и *задать головомойку?*

Сначала, как пословный перевод, точная фразеологическая калька немецкого оборота den Kopf waschen, появилось выражение *мыть голову*. В XIX в. этот оборот (и его формы) употреблялся довольно часто (ср. в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: *Я знал, что Оболенский мыл голову Каченовскому за какие-то стихи*), но затем стал архаизмом и вышел из речевого обихода. Но он не исчез бесследно. На его базе возникли фразеологизмы *намылить голову*, с одной стороны, и слово *головомойка* — с другой.

Выражение *намылить голову* появилось в обороте *мыть (вымыть, помыть) голову* путем замены глагола словом той же смысловой сферы *(мыть — намыливать)*. Подобные процессы в фразеологии — не редкость (ср. *на всех парах* < *на всех парусах*, *городить чушь* < *городить чепуху*, *бог знает* < *бог весть* и т. д.).

Существительное *головомойка* возникло на базе оборота *голову мыть* посредством сложения и суффикса *-к(а)*.

Такие „фразеологические“ по своему происхождению слова в словообразовательной системе русского языка также встречаются очень часто (вспомните хотя бы слова *головоломка* < *голову ломать*, *головокружение* < *голова кружится*, *зубоскал* < *зубы скалить*, *кривотолки* < *кривые толки* и т. п.)

Позднее существительное *головомойка* было использовано говорящими как слово той же смысловой сферы, что и слово *баня*, и появилось — на базе фразеологизма *задать баню* — выражение *задать головомойку*.

Заметим, что выражение *задать баню* само по себе также не исконно. Оно родилось (как, между прочим, и фразеологизм *задать жару*) от оборота *задать пару*, в связи с замещением слова *пар* опять-таки словом той же тематической группы — существительным *баня*.

Что же касается выражения задать пару (< *дать пару)*, то оно является изначальным и возникло как устойчивое сочетание слов уже не по модели, а из свободного сочетания, когда составляющие его слова стали употребляться не в прямом („парильном“) значении, а в обобщенном и образно-переносном.

В заключение заметим, что заимствованный характер выражения *мыть голову* отмечался уже В. Далем: „*Намылить* и *вымыть кому голову*, с нем. пожурить“ (Толковый словарь..., т. 1, с. 367), но впоследствии никем из лингвистов замечен не был. Мы до сих пор плохо используем то, что было сделано нашими предшественниками.

Пиррова победа

Фразеологизм *пиррова победа* „победа, не оправдывающая понесенных за нее жертв, победа, равная поражению“, возник из свободного сочетания слов. По описанию Плутарха, победа над римлянами в 279 г. до н. э. эпирскому царю Пирру стоила стольких жертв, что, когда он узнал об этом, то воскликнул: „Еще одна такая победа, и мы погибли!“ И в самом деле, в следующем, 278-м году его войска были разбиты теми же римлянами.

Не зная происхождения этого оборота, нельзя оценить прелесть и изящество остроумной миниатюры Ф. Кривина: „*Много* побед одержал великий Пирр, но в историю вошла только одна *пиррова победа*“.

Заметим, что в этой небольшой фразе писатель не только разлагает выражение *пиррова победа* на его составные компоненты, но и, делая это, употребляет еще один оборот со словом *победа* — сочетание *одержать победу*. Вряд ли оно когда-нибудь останавливало на себе ваше внимание; обычное, рядовое описательное выражение, равное глаголу (*победить*) и входящее в привычную и типовую модель (ср. *дать гудок* — *загудеть*, *провести беседу* — *побеседовать*, *нанести удар* — *ударить* и т. д.). Но особенность у него все же есть. Она не в том, что в выражении *одержать победу* лексическое значение целиком прибрало к рукам существительное *победа*, оставив на долю глагола *одержать* чисто морфемное значение (равное значению суффикса *-и(ть)* в глаголе *победить*). Это интересно, но свойственно всем такого рода описательным оборотам. Своеобразие в том, как наш оборот появился на лингвистический свет. А возникло это (книжное!) выражение на базе разговорно-просторечного оборота *одержать верх*, в результате замещения слова *верх* в известной степени синонимичным (ср. *верх* — *его*, *победа* — *его*) словом *победа*.

Крокодиловы слезы

Фразеологический оборот возник в русском языке в результате буквального перевода сложного немецкого слова Krokodilstränen (ср. подобное происхождение выражений *детский сад* — Kindergarten, *соломенная вдова* — Strohwitwe и т. д.).

Первую запись этого фразеологизма мы находим в „Немецко-латинском и русском лексиконе“ Вейсмана 1731 г. (с. 123). Появление соответствующего образования в немецком языке связано с поверьем о том, что когда крокодил пожирает человека, то он плачет (ср. в „Азбуковнике“ XVIII в.: *Крокодил зверь водный ... Егда имат человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает*).

Зарыть талант в землю

Это выражение интересно тем, что в одном слове *талант* здесь содержатся ... два слова, различных не только по значению, но и по происхождению. Очень часто оборот *зарыть талант в землю* объясняют как фразеологизм, заимствованный из старославянского языка. В действитель-

ности же он возник уже в русском языке, хотя и на базе евангельской притчи.

В притче рассказывается о том, как один из рабов некоего господина — в отличие от других, пустивших деньги в ход и умноживших их, — зарыл данный ему талант в землю, так как не хотел обогащать далее хозяина своим трудом. Эта притча и легла в основу нашего устойчивого сочетания слов в переносно-метафорическом значении „погубить свои способности". Здесь слово *талант* имело вначале свое исходное значение „крупная денежная единица". По происхождению оно является старославянским переоформлением греч. talanton. Позднее, уже в XVIII в., чему способствовало целостное значение оборота „погубить свои способности", старое слово *талант*, являющееся историзмом, заместилось заимствованием из немецкого языка (правда, этимологически восходящим к первому), уже со значением „талант, дарование". И в нашем обороте произошла незаметная подмена греческого talanton немецким Talant.

Заметим попутно, что рассматривать слово *талант* „дарование, способности" как переносное значение существительного *талант* „большая денежная единица", возникшее на русской почве, было бы совершенно неправильно. А это иногда наблюдается (см. хотя бы кн.: Попов Р. Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. Вологда, 1967, с. 20).

Хранить молчание и играть в молчанку

Понятие „молчать" в нашем языке можно выразить по-разному. Самым обычным и стилистически нейтральным является однословное его выражение — с помощью глагола *молчать*. Но можно в том же значении употребить и иные средства. В самом деле, в современном русском литературном языке рядом со словом *молчать* как его фразеологические синонимы свободно и часто употребляются также обороты *хранить молчание* и *играть в молчанку*.

Первый принадлежит книжной речи, второй относится к устойчивым сочетаниям слов разговорного языка. Как же они возникли?

Совсем недавно — только в XVIII в. (ср. у Пушкина: *Хранить молчанье в важном споре*...) — в книжной речи

возникает выражение *хранить молчание.* Оно рождается как пословный перевод латинского оборота silentium servare.

Несколько позже в качестве разговорного эквивалента обороту *хранить молчание* входит в употребление выражение *играть в молчанку.* По своему происхождению оно является таким же результатом фразеологизации свободного сочетания слов, обозначающего вид игры, как и обороты *играть в кошки-мышки* „хитрить, обманывать“, *играть в прятки* „скрывать, утаивать что-либо“, *играть в бирюльки* „заниматься пустяками“ и т. д. Основной смысл игры в молчанку (слово *молчанка* значит „молчание“) заключался в том, чтобы не проговориться первому; первый сказавший что-нибудь платил штраф. Сама игра исчезла из обихода, но ее название в виде фразеологизма *играть в молчанку* „молчать“ осталось жить.

Идти ва-банк

О значении этого оборота говорится далее в связи с объяснением фразеологизма *идти напропалую.* Как же оно появилось? Возникло оно в речи любителей карточной игры также по модели, т. е. по аналогии с другими, уже существовавшими оборотами. Но есть в рождении этого оборота и своя особенность. Дело в том, что родился он ... по ошибке, в результате „смешения французского с нижегородским“. Было это так. Сначала в среде игроков-дворян появилось французское выражение va banque (собственно — „иду на банк“), слившееся затем в нашей речи в слово. Затем это слово было включено в фразеологическую схему со словом *идти.* И пошло гулять выражение *идти ва-банк,* в буквальном смысле не что иное, как „идти, иду на банк“ (т. е. на все, что разыгрывается на кону).

Нечто подобное — по этимологической неправильности — мы находим и в выражении *не в своей тарелке.*

Не в своей тарелке

Это очень употребительное в разговорном языке выражение равнозначно наречиям *неудобно, плохо, стесненно* и в качестве обязательных слов-сопроводителей имеет глаголы *чувствовать* или *быть.* Этот оборот с этимологиче-

ской точки зрения неправильный. Фразеологическое сращение *не в своей тарелке* является ошибочным переводом французского оборота ne pas dans son assiette. Слово assiette „состояние, положение" спутали с его омонимом assiette „тарелка". В результате этого вместо правильного *не в своем положении, не в своем состоянии* возникло *не в своей тарелке*. Сейчас этот плод переводческого недоразумения никаких возражений у говорящих не вызывает и является самым обычным и рядовым, никаких норм литературной речи не нарушающим. В первой же половине XIX в. против его употребления бурно протестовали. Выступал против него, в частности, и А. С. Пушкин.

Разводить тары-бары

Разводить тары-бары — это болтать пустяки, заниматься пустыми разговорами. Выражение было создано по модели, по аналогии с фразеологизмами *разводить разводы, разводить антимонии* и т. д. При этом в качестве нового грамматически зависимого компонента было использовано сложное существительное *тары-бары*, представляющее собой „перегласованный" повтор типа *трень-брень, шаляй-валяй, шуры-муры, фигли-мигли, шахер-махер* и т. д. Обе части этого слова являются звукоподражательными и соответственно связаны с глаголами *тараторить* и *тарабарить* „говорить пустяки". Следовательно, буквально *тары-бары* значит „болтовня".

В разбираемом обороте перед нами форма множественного числа. В форме единственного числа существительное *тара-бара* наблюдается в составе производного от него слова *тарабарщина*.

Собаку съел

Вряд ли кто-нибудь из вас не употреблял в своей речи этого выражения. И очевидно, почти у каждого когда-нибудь возникал вопрос: а почему мы так говорим? Почему понятие „мастер на что-либо" выражается оборотом, состоящим из существительного *собаку* и глагола *съел?* Надо сказать прямо, вопрос этот очень трудный. Даже те, кто действительно собаку съел на решении таких задач (имеем в виду этимологов и специалистов по фразеологии), пока что не дали не только удовлетворительного, но и более или

менее вероятного объяснения происхождения этого странного фразеологического сращения.

А. А. Потебня в свое время предполагал, что оборот *собаку съел* появился в крестьянской среде и что его рождение связано с земледельческим трудом: лишь „тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел“ (К истории звуков русского языка, IV. Варшава, 1883, с. 83). Однако такое объяснение В. В. Виноградов (см. его „Русский язык“, М., 1947, с. 23) не без оснований считает ложным субъективным осмыслением имеющегося выражения вместо реального определения его биографии. Ведь устойчивого сочетания слов „устанешь, с голоду и собаку бы съел“ никогда в нашей речи не существовало.

Явно неправильное, анекдотическое объяснение нашего загадочного оборота находим мы у С. В. Максимова (Крылатые слова. М., 1955, с. 194—196), считающего, что фразеологизм *собаку съел* восходит к свободному сочетанию слов, заключающему в себе насмешку над петрозаводцами, нечаянно будто бы чуть не съевшими на свадьбе щи с собачиной.

Думается, что оборот *собаку съел* при всей своей исключительности (с точки зрения логического несоответствия значения целого и составляющих его частей) не представляет собой ничего исключительного. Скорее всего, это выражение является одной из многих идиом, родившихся в результате сокращения полной формы (ср. *Голод — не тетка* < *Голод — не тетка, пирожка не подсунет*; *Как заведенный* < *как заведенные часы*; *На чужой каравай рот не разевай* < *На чужой каравай рот не разевай, а раньше вставай, да свой затевай* и т. д.). И истоком его является поговорка, зафиксированная В. И. Далем,— *Собаку съел, а хвостом подавился*. Эта поговорка употребляется по отношению к человеку, который сделал что-то очень и очень трудное и споткнулся на пустяке (мясо у собак невкусное, собак не едят, и съесть целую собаку если не невозможно вовсе, то, действительно, чрезвычайно трудно).

Современное же значение („мастер на что-либо“) возникло уже у сокращенной формы *собаку съел:* тот, кто сделал или может сделать что-либо очень и очень трудное, является, несомненно, мастером своего дела.

Дополнительной аргументацией в пользу предлагаемого объяснения может служить „морфологическая ущерб-

пость“ нашего оборота. Ведь можно сказать лишь *собаку съел (-а, -и)*, употребив глагол в тех же формах прошедшего времени, что и в соответствующей полной поговорке.

Заметим, что „морфологическая недостаточность“ выражения *собаку съел* устранена в глаголе *насобачиться* „стать мастером на что-либо“, возникшем в результате сжатия фразеологизма в слово (ср. подобные по происхождению глаголы *наладиться* < *пойти на лад*, *надрызгаться* < *напиться вдрызг*, *смотаться* < *смотать удочки*, *зажмуриться* < *зажмурить глаза* и т. д.).

Кстати, грубовато-просторечный оттенок этот глагол приобрел сравнительно недавно. Еще в начале XIX в. слово *насобачиться* совершенно свободно в своей авторской речи употребляли самые взыскательные стилисты.

Чужими руками жар загребать

Оборот этот представляет собой образно-метафорическое выражение, синонимическое словам *пользоваться результатами чужого труда*. Он появился в нашем языке в результате сокращения более распространенного и полного. А именно этот фразеологизм возник на базе поговорки *Легко чужими руками жар загребать*. Отметим, что в последней слово *жар* употребляется в конкретном значении „горящие уголья“ (загребать которые из печи для хозяйки было делом нелегким). То же значение слово *жар* имеет и в фольклорной формуле *как жар горит* („блестит“), и в составном названии птицы русских сказок *жар-птица*, а возможно, и в диалектном наименовании клюквы — *жаровика* (ср. *жаровый* „огненный, багряный, красный“), если ягода, как черника, голубика, вороника, получила свое имя по цвету.

Задеть за живое

Фразеологический оборот *задеть за живое* в значении „обидеть, взволновать“ возник в результате переосмысления выражения *задеть за живое* со значением „поранить“. Последнее родилось в живой разговорной речи благодаря сокращению более полного по составу фразеологизма *задеть за живое мясо* „пораниться“ (при стрижке ногтей или срезке мозолей). Так объяснял это выражение уже В. Даль (см. „Толковый словарь...“, т. I, с. 538).

Как вкопанный и как заведенный

Эти ходовые и выразительные обороты различны по значению, но тем не менее имеют немало общего. Бросается в глаза прежде всего их одинаковая структура: и в том и в другом после сравнительного союза *как* следует страдательное причастие прошедшего времени, образованное от приставочного глагола совершенного вида. Но не только это роднит их друг с другом. Похожим оказывается и появление их в речи. Ведь и одно и второе выражение родилось от более полных фразеологизмов.

Оборот *как заведенный* значит „без остановки". Еще во второй половине XIX в. его в современном виде не существовало. И употреблялась несокращенная форма фразеологического единства *как заведенные часы* (ср. у Л. Н. Толстого: *Князь ... по привычке, как заведенные часы, говорил вещи, которым он и не хотел, чтобы верили*, у В. Даля: *Василько молол без умолку, как заведенные часы*, и т.д.). После сокращения оборота причастие стало изменяться по числам и родам. Рядом с одной-единственной ранее формой *как заведенные* (в составе выражения *как заведенные часы*) появились формы *как заведенная, как заведенный.*

Оборот *как вкопанный* в литературном языке сцепляется только со словами *стоять* и *остановиться*. Его прямое значение — „неподвижно, замерев на месте от ужаса или удивления". По происхождению он также является сокращением более ранней формы *как вкопанный в землю*, восходящей в свою очередь к соответствующему свободному сочетанию слов. Последнее родилось вместе с бывшим — вплоть до Петра I — наказанием окапывать живых людей за какое-либо серьезное преступление (см. указ Алексея Михайловича 1663 г., по которому так наказывали жену за убийство мужа).

Разделать под орех

Значение „разругать, раскритиковать" возникло у этого оборота на базе более старого — „сделать (что-либо) очень основательно и хорошо".

В своем первоначальном значении фразеологизм родился в профессиональной речи столяров и краснодеревщиков из соответствующего свободного сочетания слов. Изготовление мебели под ореховое дерево из других сор-

тов древесины требовало большого труда и хорошего знания дела.

Из речи столяров и краснодеревщиков выражение *разделать под орех* и проникло в русский литературный язык. Ср. оттуда же обороты *топорная работа* (первоначально о работе плотников) и *без сучка и задоринки* (буквально — „без каких-либо изъянов").

Нечем крыть

Так в непринужденной разговорной речи мы нередко передаем значение „нечего возразить" или „нечего ответить" (ср. хотя бы у Н. А. Островского в романе „Как закалялась сталь": *Да тебе любой скажет — увиливаешь от ответственности, и тебе крыть нечем*). Этот очень выразительный и энергичный оборот — один из довольно многочисленных в современном русском литературном языке фразеологических арготизмов. Пришел он в литературную речь из арго картежников, где обозначал, что у игрока нет карт, которыми он мог бы крыть, т. е. бить, карту противника.

Таким образом, выражение *нечем крыть* — из той же „картежной" семьи, что и фразеологизм *смешать карты* „расстроить чьи-либо планы или намерения", *ставить на карту* „надеясь чего-либо добиться, подвергать что-либо опасности", *втирать очки* „обманывать кого-либо, изображая что-либо в искаженном, но выгодном для себя свете" (выражение возникло первоначально для обозначения шулерства с очками, т. е. знаками игральных карт), *идти ва-банк* „действовать, рискуя всем, что есть" (буквально — „играть на все деньги, которые поставлены на кон") и др.

Идти напропалую

Фразеологизм этот принадлежит по своему происхождению к той же „картежной" семье, что и выражения *нечем крыть*, *втирать очки*, в известной степени синонимичный ему оборот *идти ва-банк* (о нем см. заметку „*Идти ва-банк*") и некоторые другие.

Его значение в настоящее время — „идти наугад, не раздумывая, напролом". В арго картежников оно имело иную семантику, о чем очень наглядно говорит его происхождение. А родилось оно там как выражение, прямо

противоположное по смыслу обороту *идти на верную (идти на верную ставку)* „играть наверняка“, давшему, между прочим, слово *наверное* „наверняка“ (затем оно получило значение „вероятно“). Причем и возникло наше выражение по модели оборота *идти на верную* с использованием еще одного фразеологизма — поговорки *Или пан, или пропал*, из которой был взят последний ее компонент *пропал*. Так *идти на верную*+*Или пан, или пропал* дали *идти напропалую*.

Притча во языцех

Фразеологизм *притча во языцех* в современном русском языке имеет значение „предмет всеобщих разговоров, объект постоянных пересудов“.

Появился он в нашей речи как одно из довольно многочисленных библейских выражений, заимствованных из старославянского языка. По своему лексическому составу этот оборот представляет собой объединение слов *притча* (с исходным значением „рассказ, пословица, поговорка“) с предложно-падежной формой *во языцех*, в которой слово *язык* имеет значение „народ“. Таким образом, буквально *притча во языцех* „поговорка в народе“, затем „то, о чем постоянно говорят“.

Форма *во языцех* < *въ языцѣхъ* является старой формой предл. пад. мн. числа с чередованием *к* — *ц* (ср. современную форму *в языках*). Аналогично „застряла“ старая форма с *ц* в выражениях *темна вода во облацех* „непонятно, неясно“ и *всё в руце божией* „на все воля бога, судьба“ (ср. современные формы в *облаках*, *в руке*), также, между прочим, восходящих к библии и усвоенных русским литературным языком из старославянского.

С гулькин нос о *с гулькин нос*

Вы никогда не задумывались, почему этот оборот имеет именно такое зачение? Очень просто. Ведь буквально выражение *с гулькин нос* обозначает „с голубиный (очень маленький) клюв“. Предлог *с* указывает на употребление по размеру (ср. *сам с ноготок*). А слово *гулькин* является притяжательным прилагательным от *гулька* „голубь“, в свою очередь образованного с помощью суффикса *-к(а)* от *гуля*

того же значения. Слово же *гуля* как название голубя возникло на базе звукоподражательного подзывания *гуль-гуль*.

Бразды правления

Выражение это представляет собой книжный синоним слова *власть*. Отвлеченное значение „власть", характерное для него сейчас, является вторичным и возникло на основе очень конкретного. Это становится ясным, как только мы обращаемся к истории фразеологизма. Он сформировался на базе свободного сочетания слов *бразды правления*, в котором первое существительное, ныне устаревшее, означало „вожжи". Таким образом, буквально *бразды правления* значит „вожжи правления".

Заметим, что слово *бразды* „вожжи" не является старославянизмом и со словом *бразды* „борозды" (ср. у А. С. Пушкина: *Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая*) совершенно не связано. Слово *бразды* „борозды", заимствованное из старославянского языка, образовало омонимическую пару с исконно русским *бръзды* после того, как сильный *ъ* прояснился в *о*, а последнее затем в результате аканья совпало по звучанию с *а* (что по ошибке также было закреплено и в написании).

Стоять у кормила

Этот книжный фразеологический оборот со значением „быть у власти, управлять" возник в древнерусском литературном языке из свободного сочетания слов *стоять у кормила*, в котором слово *кормило* (ср. однокоренное *кормчий* „рулевой") обозначало руль для управления ходом судна.

Уже в советское время на базе нашего оборота возник фразеологизм *стоять у руля* (в результате замены архаизма *кормило* синонимическим *руль* (заимствованием из голландского языка). На его же основе как следствие „скрещения" с синонимическими выражениями *находиться у власти*, *быть у власти* появился, между прочим, и его более распространенный и этимологически явно ошибочный (в силу тавтологичности слова *власть* и оборота *стоять у кормила*) вариант *стоять у кормила власти*, который

весьма употребителен, несмотря на свою исходную „незаконность“.

Заметим, что и обороты *находиться у власти*, *быть у власти* появились на свет также не без влияния идиомы *стоять у кормила*. Ведь в древнерусском письменном языке слово *кормило* имело также и (несомненно, извлеченное из оборота *стоять у кормила*) метафорическое значение „власть“.

Очная ставка

Очной ставкой, как известно, называется одновременный и перекрестный допрос лиц, сведение их лицом к лицу (в ходе судебного разбирательства) для выяснения правды.

Оборот *очная ставка* целиком состоит из частей, которых вне его сейчас нет. Ведь прилагательное *очная* „глазная“ и существительное *ставка*, обозначающее действие по глаголу *ставить*, отдельно уже не существуют.

По своей структуре выражение *очная ставка* относится к модели „прилагательное+существительное“, поэтому можно подумать, что оно возникло на базе свободного сочетания слов именно такого типа (ср. *красная девица*, *зачетная книжка*, *голубая кровь* и т. д.). Неважно, что его сейчас нет, раньше оно ведь могло быть. Однако такое решение было бы неверным, так как искомого (казалось бы, совершенно необходимого) переменного сочетания прилагательного и существительного *очная ставка* не было никогда.

Выражение *очная ставка* родилось сразу как фразеологизм в результате переработки более старой юридической формулы *ставить с очей на очи* (ср. в записи 1606 г.: *Доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити съ очей на очи*).

За душой нет ничего

Этот фразеологический оборот среди других ничем как будто не выделяется. Состоит он из привычных и всем известных слов. Ясно и его значение: (У него) *за душой нет ничего* значит или „он беден, у него нет денег“, или — это значение вторично — „он пустой человек, духовное ничтожество“.

И все же выражение это своеобразным и любопытным делает слово *душа*, имевшее в первоначальной форме оборота совсем не тот смысл, который мы сейчас в него вкладываем (и который выступает до сих пор в таких, например, фразеологизмах: (предан) *душой и телом* „полностью“, *от всей души* „искренне“, (жить) *душа в душу* „дружно“ и т. д.). Дело в том, что существительное *душа* в исходном словосочетании *за душой нет ни копейки* (затем *ни копейки* заменилось более общим *ничего*) обозначает не душу, а ямочку, расположенную между ключицами на шее. Душой это углубление названо в свое время потому, что — по народным представлениям — здесь помещается душа.

Возникновение нашего оборота связано с существовавшим ранее обычаем хранить деньги на груди, „за душой“.

Заметим, что такое же несовременное значение имеет существительное *душа* еще в одном выражении — (У него) *душа нараспашку*, служащем для образной характеристики искреннего, откровенного и чистосердечного человека. В момент своего появления в речи словосочетание (У него) *душа нараспашку* обозначало человека с расстегнутым воротом рубахи, не боящегося показать, что у него за пазухой.

Сравните выражение *с открытым забралом* „честно, открыто“, в котором слово *забрало* обозначает переднюю часть шлема, опускаемого на лицо для его защиты в сражении.

Нести околесицу и *говорить невесть что*

Названные в заголовке выражения синонимичны: и то и другое имеет значение „болтать чепуху“. Но они объединяются друг с другом не только этим. В обоих оборотах современное значение возникло не сразу, причем и там и там в результате строгой, но справедливой оценки народом стилистики речи (в первом случае — с точки зрения ее ясности и краткости, во втором — с точки зрения ее точности). Оборот *нести околесицу* первоначально обозначал „говорить вокруг да около, не затрагивая прямо сути предмета, вести разговор намеками и недомолвками, не кратко и ясно, а очень многословно“. Слово *околесица* (от наречия *около*) в нем ранее обозначало „не идущие к делу речи“, которые с позиции слушающего являются по-

мехой для понимания сути дела, и следовательно, лишним, пустяками, чепухой.

Выражение *говорить невесть что* получило значение „болтать чепуху" по другой причине. В новом значении этого оборота отразилось отрицательное отношение к людям, говорящим о том, чего сами точно не знают. В момент своего возникновения как устойчивого сочетания слов он буквально обозначал „говорить о том, чего не знает" и имел закрепленную форму 3-го лица ед. числа *говорит, не весть что*. Слово *весть* в этом фразеологизме представляет собой 3-е лицо ед. числа настоящего времени глагола *вѣдѣти* „знать", вытесненного затем словом *ведать* того же значения.

Обороту *говорить невесть что* аналогично по своему внутреннему образному стержню выражение *говорить черт знает что* (другой вариант — *говорить бог знает что*).

Три фразеологических алогизма

Почему мы говорим *пятая спица в колеснице, и дешево и сердито, на воде вилами написано?* Вы не обращали внимания на эти выражения? Нет, нет, не на значение этих устойчивых словосочетаний (оно ясно всем), а на то, что слова в них сочетаются „не в лад" с их значением, без учета логики и привычных смысловых связей. Почему же все-таки мы так говорим?

Выражение *пятая спица в колеснице* (о ком-нибудь или чем-либо лишнем и ненужном) возникло в нашей речи в результате соединения рифмованной поговорки *последняя спица в колеснице* („человек или предмет, имеющий очень небольшое — даже ничтожное значение в чем-то") и оборота *пятое колесо в телеге* (о ком-либо или чем-нибудь лишнем и ненужном), представляющего собой скорее всего дословный перевод немецкого выражения fünfte Rad am Wagen. У Салтыкова-Щедрина еще встречается „промежуточное звено" — *пятое колесо в колеснице: На одну минуту помпадуру даже померещилось, что он как будто совсем лишний человек, вроде пятого колеса в колеснице.*

Разбираемое выражение взяло значение у оборота *пятое колесо в телеге*, а подавляющее большинство слов (кроме прилагательного *пятая*) позаимствовало из фразеоло-

гизма *последняя спица в колеснице*. Так родилась новая поговорка — *пятая спица в колеснице*.

Совсем другая история произошла с оборотом *и дешево и сердито* (о чем-нибудь дешевом, но в то же время вполне отвечающем своему назначению). Его состав остался неизменным, но нами оказалось забыто старое значение наречия *сердито*. Дело в том, что раньше слово *сердитый* среди других имело также значение „дорогой, хороший" (прилагательное *сердитый* образовано от *сьрдь* „сердце", ср. *сердечный друг* и *дорогой друг*). Это значение особенно часто и ярко проявлялось в обороте *сердитая цена* (ср. у Лескова: *У графини теперь ... страстное желание иметь пару сереньких лошадок с колясочкой, хотя не очень сердитой цены*). Отсюда в качестве каламбура и появилось наше выражение *и дешево и сердито* (буквально „и дешево и дорого, хорошо", но дорого не по цене, а по качеству), причем несомненно как своеобразный полемический выпад против пословицы *дорого, да мило; дешево, да гнило*.

Аналогичный случай того, как логичное стало алогизмом, наблюдается и в поговорке *на воде вилами написано* („очень сомнительно, неясно"), в которой первоначальное *вилы* „круги" (ср. *вилок*, диал. *вил* „завиток" и т. д.) — в силу выхода его из употребления — понимается (а правильнее — не понимается!) как *вилы* „вид сельскохозяйственного орудия".

Быть немым как рыба и *реветь белугой*

Эти выражения по своему значению прямо противоположны, антонимичны. Однако в их составе есть нечто общее. Вы обратили на это внимание? Ведь и в первом и во втором фразеологическом обороте есть слово, обозначающее рыбу (в первом случае — рыбу вообще, во втором — одну из разновидностей осетровых рыб).

И если выражение *быть немым как рыба* никаких вопросов не вызывает (рыбы действительно „не говорят"), то оборот *реветь белугой*, несомненно, привлекает к себе внимание. Почему мы говорим *реветь белугой?* Ведь белуга реветь не может. В чем же здесь дело? Может быть, это сознательное сочетание несочетающихся логически слов, например такое же, как в выражениях *живой труп, начало конца, без году неделя* и т. д.? Нет, оказывается, не совсем так.

Дело в том, что вначале было выражение *реветь белухой* (а не *белугой*), в котором слово *белуха* обозначает полярного дельфина, действительно способного реветь. И лишь потом оно было „переделано“ в *реветь белугой* и превратилось в каламбур.

Глухая тетеря

Как образно писал С. Т. Аксаков в своих „Записках ружейного охотника Оренбургской губернии“, этой „всем известной укорительной поговоркой потчуют того, кто, будучи крепок на ухо или по рассеянности, чего-нибудь не дослышал“. Выражение это имеет грубоватый, даже бранный оттенок, однако употребляется часто и охотно.

Кроме своей основной, „женской“ формы *(глухая тетеря)*, оно известно даже и в „мужской“ форме — *глухой тетерев*. „Мужской“ вариант используется лишь по отношению к лицам мужского пола. В своем же основном виде (в „женской“ форме) рассматриваемый оборот употребляется и по адресу лица женского пола, и по адресу лица мужского пола. Он выступает в качестве „фразеологического существительного“ общего рода, вроде слов *разиня*, *соня*, *рёва* и т. п.

Каково происхождение этого оборота? По мнению С. Т. Аксакова, появление его прямо и непосредственно связано с названием птицы — глухого тетерева (глухаря). В таком переносе птичьего имени на человека сказалось будто бы общепринятое в русском народе представление о глухом тетереве как о глухой птице:

„В молодости моей я еще встречал стариков охотников, которые думали, что глухие тетерева глухи, основываясь на том, что они не боятся шума и стука ...

Народ также думал, да и теперь думает, что глухарь глух. Это доказывает всем известная укорительная поговорка ... „Эх ты, глухая тетеря“.

Однако этот перенос названия с птицы на человека, как полагает писатель-охотник, не является законным, так как распространенное мнение о глухоте глухого тетерева „совершенно ошибочно ... Глухарь, напротив, имеет необыкновенно тонкий слух, что знает всякий опытный охотник“. Что же касается названия птицы, то „имя глухаря дано ему не потому, что он глух, а потому, что водится в глухих, уединенных и крепких местах“.

Таким образом, если верить С. Т. Аксакову, оборот *глухая тетеря* возник в результате метафоризации составного наименования глухаря по отношению к человеку. На первый взгляд в этом он как будто прав. И все-таки в его объяснении есть явные ошибки. Во-первых, несправедливо, будто народ „думал, да и теперь думает, что глухарь глух". Во-вторых, перенос названия с птицы на человека является вполне законным: ведь, несмотря на тонкий слух, в определенные моменты, при токовании, глухарь действительно не слышит. В-третьих, неверно, будто название *глухарь* дано птице потому, что она „водится в глухих, уединенных и крепких местах". Это название связано „с тем, что эта птица при токовании как бы глохнет..." (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 417). Но дело не только в этом. Внимательное „дознание" приводит к выводу, что С. Т. Аксаков ошибался и в главном. Фразеологизм *глухой тетерев* — вовсе не образно-переносное употребление птичьего составного термина, обозначающего глухаря. Он возник путем прямого сочетания прилагательного *глухой* с существительным *тетерев* на основе сжатия выражения *глух, как тетерев на току*.

Что касается „женской формы", то она появилась позднее и по общему правилу на базе „мужской".

Быльем поросло

Если говорят, что нечто быльем поросло, то это значит, что оно давно забыто. Этот оборот появился на свет в результате сокращения фразеологизма *было да быльем поросло*, в свою очередь возникшего путем сжатия пословицы *Было да прошло, и быльем поросло*. Последняя организована как художественное целое не только ритмом и рифмой. В ней мы наблюдаем также и игру слов, основанную на каламбурном сближении исконно однокорневых, но давно уже очень далеких друг от друга слов *было* и *былье*. Слово *былье* „трава" искони является собирательным существительным (типа *тряпье*, *старье*, *гнилье* и т. д.) от слова *быль* „травянистое растение, трава, бурьян". Это старое слово до сих пор сохраняется в составе вариантного нашему выражению фразеологизма *былью поросло* и в производном слове *былинка*. Образовано же оно было от глагола *быть (быти)*, но не в современном его значении, а в более древнем — „расти, произрастать".

Омонимическое, хотя и этимологически родственное слову *быль* „трава, растение“ существительное *быль* (ср. пословицу *Быль молодцу не укор* „за прошлое не упрекают“) восходит уже к глаголу *быть* в значении „быть“.

Заметим, что отношения, подобные *быль* „растение, трава“ — *быль* „то, что было“, наблюдаются и в других языках, ср., например, греч. phyton „растение“ и physis „то, что есть, природа, действительность“.

Два *сердца* в одном *сердце*

Как известно, у человека только одно сердце. Одно слово *сердце* найдете вы и в толковых словарях. Правда, у этого слова несколько значений, и в одном из них налицо любопытный „разрыв сердца“ на две (по своему значению противоположные, антонимические) части.

В исходном, прямом, основном значении слово *сердце* выступает как название центрального органа кровообращения (ср. *операция на сердце*). В другом — вторичном и переносном — значении это слово употребляется сейчас как синоним слова *средоточие* (ср. *Москва — сердце нашей Родины*).

Еще одно значение, также вторичное и переносное, обычно определяется очень расплывчато: „сердце как символ переживаний, чувств, настроений человека“. Ведь переживания, чувства и настроения у человека могут быть самые разные, даже противоположные. Именно этим и объясняется отмеченный смысловой „разрыв сердца“.

Данное значение существительного *сердце* проявляется только тогда, когда оно употребляется в составе фразеологических оборотов. Здесь-то и становится особенно яркой антонимичность слова *сердце*. В одних оборотах оно называет различные хорошие чувства (душевности, расположения, внимания, волнения и даже любви): (у кого-либо) *золотое сердце*, *от всего сердца*, *брать за сердце*, (что или кто-либо) *пó сердцу* „нравиться“, *принимать близко к сердцу*, (у кого-либо) *нет сердца* „черствый человек“ и т. д. В других выражениях слово *сердце* имеет уже значение „злоба, гнев, раздражение“: *сорвать сердце* (на ком-либо) „излить злобу“, *иметь сердце* (на кого-либо) „сердиться, злиться“, *сказать с сердцем* „сказать со злобой или с раздражением“.

Чем объясняется такая смысловая многоплановость и противоречивость слова *сердце*? Она свойственна ему потому, что сердце считалось (в отличие от головы) вместилищем всех чувств, которыми может обладать человек,— от любви до гнева и злобы.

Многозначность слова *сердце* проявляется и в производных от него словах. Так, слова *сердцевидный*, *сердцебиение* образованы на базе существительного *сердце* в его прямом значении, слово *сердцевина* является производным от *сердце* уже в значении „средоточие". Но обратитесь к такому слову, как *сердечный*. От какого *сердца* оно образовано? Все будет зависеть от того, какое прилагательное мы возьмем. *Сердечный* в словосочетании *сердечная болезнь* является суффиксальным производным от слова *сердце* в его исходном значении „центральный орган кровообращения". А вот *сердечный* в словосочетаниях *сердечный прием* „искренний прием" и *сердечные тайны* „любовные тайны" будет уже иным: суффиксальным производным от слова *сердце* в переносном (притом положительном) значении „душевность, любовь". Возникает вопрос: а нет ли производных от слова *сердце* тоже в переносном, но уже отрицательном значении — „злоба, гнев"? Есть и такие. Во-первых, это наречие *в сердцах* „осердясь, в гневе" (это одно слово, хотя и пишется раздельно), возникшее в результате сращения предложно-падежного сочетания. Во-вторых, это глагол *серчать* „сердиться", образованный от *сердце* в значении „злоба, гнев" с помощью суффикса *-а(ть)* (ср. *ужинать*, *мужать*, *делать* и т. д.). Заметим, что его современное написание этимологически является неверным. Еще в XIX в. (ср. „Толковый словарь..." В. Даля) его писали правильно — *сердчать*.

Словами *в сердцах* и *серчать* состав производных от слова *сердце*, „злоба, гнев" и ограничивается. Особняком стоят слова *сердить*, *сердиться* и *сердитый*. Но об этом см. в заметке „Как членится на морфемы и как образовано прилагательное *сердитый*".

С грехом пополам

Данное разговорное выражение означает „кое-как" или „с большим трудом". Второе значение более позднее, оно возникло на базе значения „кое-как". Наш фразео-

логический оборот появился из свободного сочетания слов *с грехом пополам*, в котором существительное *грех* обозначало не проступок, как сейчас, а ошибку. Таким образом, *с грехом пополам* буквально значит „пополам с ошибкой“ (и следовательно, „кое-как“).

Заметим, что такое же значение имеет слово *грех* и в пословице *На грех мастера нет.*

В эпоху Пушкина значение „ошибка“ у слова *грех* было еще вполне обычным. Вспомните хотя бы строки из романа „Евгений Онегин“: *...Да помнил, хоть не без греха* (т. е. „не без ошибки“.— *Н. Ш.*), *Из Энеиды два стиха.*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В заметках, с которыми вы уже познакомились, рассказывалось о том, что можно назвать генеалогией слов. Эти лингвистические „метрики“ слова, указывающие время и место появления его на свет, его „родных и родителей“, его первоначальную форму и значение и т. д., являются результатом того или иного (то глубокого, то весьма приблизительного и предварительного) этимологического анализа.

И к нему в своей школьной практике учитель не только часто прибегает сам, но и нередко заставляет обращаться учеников. Естественно, что в классе это, как правило, самый элементарный этимологический разбор, с большими упрощениями и неизбежными неточностями, с опорой почти исключительно на языковое чутье. Однако свою роль — и большую — он играет, особенно если словообразовательные факты языка (как прошлого, так и настоящего) берутся не сами по себе, а в каких-то утилитарных целях, диктуемых методикой преподавания русского языка как учебного предмета.

Как известно, работа по словообразованию в школе направлена сейчас в первую очередь на ознакомление учащихся с морфемным составом слов современного русского языка. На уроках, специально посвященных словообразованию, ученики знакомятся также с тем, по каким правилам в русском языке создаются новые слова, какие словообразовательные способы и средства существуют в нем в настоящее время.

Однако работа по словообразованию в школе может носить и несколько иной, по существу прикладной характер. Очень часто слова разбиваются на значимые части не для определения их структуры и способа образования, а для того, чтобы уяснить их правильное написание, или их смысловое значение и стилистические оттенки, или их происхождение и т. д. Такого рода работа проводится не только на уроках русского языка, но и на уроках литературного чтения, где она является частью общей работы по обогащению лексики и повышению культуры речи школьников. Именно в этих случаях дается не только словообразовательный анализ слова, но иногда и анализ этимологический.

Словообразовательный анализ слова вскрывает его строение и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы русского словообразования. Так как эта система, как составная часть грамматического строя, очень устойчива, то в подавляющем большинстве слов определение их современного словообразовательного характера оказывается в известной мере и установлением их происхождения, т. е. этимологии.

Для слов с активно производящими основами, с продуктивными словообразовательными элементами этимологического анализа часто практически не существует: он совпадает в них с разбором словообразовательным. Например, в таких словах, как *норка*, *кареглазый*, *резчик*, *бурный*, *горнист*, *выбросить*, *ледокол*, *голосистый*, *садовый*, *соткать*, *входить*, *соавтор*, *пригорок*, уяснение их словообразовательного строения (*нор-к(а)*, *кар-е-глаз(ый)*, *рез-чик( )*, *бур-н(ый)*, *горн-ист( )*, *вы-брос-и(ть)*, *лед-о-кол( )*, *голос-ист(ый)*, *сад-ов(ый)*, *со-тк-а(ть)*, *в-ход-и(ть)*, *со-автор( )*, *при-гор-ок( )* является одновременно и установлением их реального образования.

Это же можно сказать и о всех существительных, содержащих в своем составе суффикс *-изн(а)* (ср. *голубизна*, *желтизна*, *крутизна* и др.), которые не только сейчас выделяют этот суффикс, но и являются словами, при помощи его образованными.

Это же свойственно глаголам на *-кать*, образованным от разнообразных звукоподражательных слов и местоимений (*якать*, *тыкать*, *тявкать*, *хихикать*, *мяу-*

кать, *аукать*, *каркать*, *баюкать*, *кукарекать*, *хрюкать* и т. п.).

Такое совпадение словообразовательного разбора с этимологическим объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время они членятся на части так же, как членились в то время, когда появились в русском языке. Изменение в морфологическом составе наблюдается не во всех словах и отнюдь не является обязательным для всех слов русского языка.

Вместе с тем, производя анализ морфологического состава слова, следует всегда иметь в виду, что многие слова за время существования в языке изменили свое морфологическое строение. Поэтому, например, нет никакой гарантии, что слова, ныне корневые, непроизводные, ранее не распадались на морфемы, что слова, сейчас каким-либо образом членимые, ранее членились так же. Определение словообразовательных связей, существующих между такого рода словами и другими словами в настоящее время, не будет уже уяснением того, как, от каких слов, при помощи каких способов словопроизводства они возникли.

Для разбора с морфологической точки зрения слов, изменивших по тем или иным причинам свою первоначальную словообразовательную структуру, большую роль приобретает этимологический анализ.

Различие словообразовательного, с одной стороны, и этимологического — с другой, разбора слова можно показать, например, на анализе слов *здание*, *жук*, *час*, *смородина*, *окно*, *ужин*, *скрупулезный*, *халатное* (отношение), *целовать*, *посетить* и т. д.

Если с точки зрения современных словообразовательных связей все это слова с непроизводной основой (слова *целовать*, *посетить* выделяют в основе лишь суффиксы *-а-* и *-и-)*, то с исторической точки зрения, как показывает этимологический анализ, все они оказываются и разложимыми словами с производными основами, и вместе с тем словами, сохранившими внутреннюю форму слова, т. е. словами, в которых ясен мотив возникновения их как названий предметов объективного мира.

С этимологической точки зрения слово *здание* предстает перед нами как образование от *зьдати* „строить“ (ср. *зодчий* „архитектор“) при помощи суффикса *-ниj(е)*, слово *жук* — как производное с суффиксом *-к-* от зву-

коподражательного комплекса *жу*, слово *час* — как слово, возникшее на базе глагольного корня ***ча-*** (ср. *чаяти* „ждать“, *паче чаяния* „сверх ожидания“), осложненного суффиксом ***-с-***.

Этимологический разбор приводит нас к выводу, что такими же производными являются и слова *смородина* (с суффиксом ***-ин(а)***, от слова *смородъ* „сильный запах“; ср. старославянск. *смрадъ*), *окно* (от слова *око* „глаз“, с суффиксом ***-ъно)***, *ужин* (первоначальное „полдник“, от слова *угъ* „юг“, с суффиксом ***-инъ)***, *скрупулезный* (с суффиксом ***-езн(ый)*** от слова *скрупул* — название старинной единицы аптекарского веса, равной 1,24 грамма), *халатный* (с суффиксом ***-н-***, от слова *халат*).

Такой разбор позволяет нам вскрыть мотивацию называния и невыделяемые с современной точки зрения морфемы в словах *посетить* и *целовать: посетить* оказывается образованием с приставкой ***по-*** и корнем ***-сет-*** (ср. древнерусск. *сѣть* „гость“), а *целовать* — производным от прилагательного *цѣлъ* „здоровый, невредимый“, первоначально обозначавшим не „целовать“, а „приветствовать“ (ср. современное „здравствуй“).

Необходимость этимологического анализа для выяснения происхождения и действительной картины образования многих слов, существующих в современном русском литературном языке, определяется зачастую не теми изменениями, которым подверглось их словообразовательное строение, а тем, в качестве каких — исконно русских или заимствованных — появляются они (с соответствующим смысловым значением и морфемной структурой) в нашей речи.

В словообразовательной структуре, например, таких слов, как *октябрь, дуэль, флигель, флюгер, небоскреб, живопись*, (газетная) *утка*, с того времени, как они появились в русском языке, никаких изменений не произошло.

Этимологическое рассмотрение этих слов для объяснения их образования и происхождения обусловливается их сторонним, заимствованным характером. Оно показывает, что слова *небоскреб* и *живопись* являются словообразовательными кальками (первое — с английского слова skyscraper, второе — с древнегреческого слова zōographia), а слово *утка* (газетная) представляет собой семантическую кальку с французского слова canard.

Этимологическое рассмотрение дает возможность установить иноязычное происхождение слов: *октябрь* — из латинского, *дуэль* — из французского, *флигель* и *флюгер* — из немецкого языка. Знакомство с их значением и употреблением в языке-источнике позволяет выяснить и тот образ, который был положен в основу соответствующего названия: *октябрь* (от octo „восемь“) по римскому календарю был восьмым месяцем в году; *дуэль* (из среднелат. duellum) восходит к латинскому словосочетанию duo bellum и буквально означает „война двух“; слова *флигель* и *флюгер* представляют собой трансформацию немецкого слова Flügel в значении „крыло“ (от глагола fliegen „летать“).

Производя на практике этимологический разбор слова, не следует забывать, что его никоим образом нельзя смешивать с делением слов на морфемы с точки зрения современных языковых связей и соотношений. Ведь если морфемный анализ дает нам картину морфологического состава рассматриваемого слова в настоящем, то этимологический разбор знакомит нас с его прошлым, иногда весьма отдаленным.

Основное методическое правило, которое вытекает из всего изложенного, сводится к тому, чтобы при ознакомлении учеников с основными понятиями и фактами словообразования современного русского языка брать по возможности исконно русские и этимологически ясные слова, производить только морфемный и словообразовательный разбор. Этимологический же анализ нужно применять лишь в тех случаях, когда он необходим как вспомогательное средство для орфографических, лексических и других целей. Следовательно, этимологический анализ в школе никогда не должен быть самоцелью, он всегда должен быть целенаправленным, обусловленным конкретными задачами, связанным с работой по повышению грамотности, языкового чутья и общей речевой культуры. Кроме того, этимологический разбор всегда должен проводиться учителем лишь в той мере, в какой это доступно ученику соответствующего возраста.

В IV—VII классах следует ограничиваться этимологическим анализом непроизводных или производных слов с морфологически ясной и исторически явно составной словообразовательной структурой.

Так, например, этимология слов *азбука* и *алфавит* (соответственно представляющих собой древнерусскую словообразовательную кальку греч. alfabētos и его прямое древнерусское заимствование; первое известно с XIII в., второе — с XV в.) в „облегченном" и методически адаптированном виде может быть дана уже в IV классе. Она и дается в ныне действующем учебнике для IV класса.

То же можно сказать и об этимологии прилагательного *оранжевый*. Происхождение этого слова как заимствования из французского языка, восходящего к *оранж* (orange) „апельсин", можно объяснить очень доходчиво, особенно если его сопоставить с синонимическим прилагательным *апельсиновый* „цвета апельсина" и с односуффиксальным прилагательным *сиреневый* „цвета сирени" (ср. также *оливковый*, *кремовый*, *вишневый*, *малиновый*, *свинцовый*, *кумачовый* и т. п.).

Уже в V—VI классах вполне доступной учащимся будет этимология существительных *понедельник* и *опахало*. Для того чтобы ученики уяснили ее, необходимо сообщить им лишь старые значения слов *неделя* (которое раньше обозначало „воскресенье — свободный от работы день": *недѣля* от *не дѣлати*) и *пахать* (оно имело ранее значение „махать", ср. *врукопашную*) и напомнить о значении предлога *по* „после" (ср. *по истечении*, *по прибытии* и т. д.) и суффикса *-л(о)*, образующего слова со значением орудия действия (ср. *поддувало* от *поддувать*, *белила* от *белить* и т. п.).

Что же касается этимологии и родства слов, например, *корова* и *серна*, то, для того чтобы было ясно происхождение и первоначальное словообразовательное строение этих слов, приходится выходить за пределы русского и даже близкородственных славянских языков и привлекать данные по крайней мере из латинского языка. Только сопоставление этих слов (с учетом их фонетических изменений: *корова* < *korva; *серна* < *сърна* < *srna со словами латинского языка cornū „рог", cerna „лань") вскрывает их производный с этимологической точки зрения характер, существование в них когда-то корня* ***kor-/sър-*** и выделявшихся суффиксов ***-va*** и ***-na-***, а также первоначальное их значение, связанное с образом, положенным в основу названия: „рогатая", „имеющая рога".

Такой этимологический разбор слова, связанный с привлечением не только данных русского языка и его

истории, но и фактов близкородственных славянских языков, а в отдельных случаях и других западноевропейских и классических, возможен и целесообразен лишь в специальных кружках и факультативах для учеников средних и старших классов.

Выше, при разграничении словообразовательного и этимологического анализа, уже указывалось, что прежде всего отличает их друг от друга. Этимологический и словообразовательный анализ противопоставлены друг другу прежде всего тем, что первый является средством выяснения прошлого в жизни слова, тогда как второй имеет своей целью объяснить его настоящее.

Но разница между ними не только в этом. Словообразовательный и этимологический анализ не соотносительны и резко разнятся между собой объемом своих задач.

Когда слово подвергают словообразовательному анализу, то интересуются лишь его морфологическим строением и составом, но отнюдь не его значением, как таковым, и исконно русским или заимствованным характером.

При разборе со словообразовательной точки зрения слов *подгруппа*, *колоннада*, *подлодка* важно установить, что слово *подгруппа* делится на приставку ***под-*** и непроизводную основу ***-групп(а)*** и образовано приставочным способом; что слово ***колоннада*** представляет собой суффиксальное образование с помощью ***-ад(а)*** от основы ***-колонн(а);*** что слово *подлодка* соотносительно со словосочетанием *подводная лодка* и осознается как сложение сокращенной основы ***под-*** и полной основы ***-лодк(а)*** и т. д. В этом случае специально не рассматриваются другие факты, например то, что слово *подгруппа* является исконно русским, слово ***колоннада*** — заимствованным из греческого языка, а слово *подлодка* — калькой с французского слова (из лат. submarina).

Что касается значений слов, то их в данном случае не анализируют, а из них исходят при установлении семантико-словообразовательных связей с другими словами. Предметом словообразовательного анализа оказывается лишь современная морфологическая структура слова.

Этимологический анализ слова не ограничивается определением того, как слово делилось раньше, каким способом и на базе каких слов оно образовано. Его за-

дачи оказываются гораздо более разнообразными и соответственно более сложными.

Конкретно в задачи этимологического анализа слова входит: 1) определение исконного или заимствованного характера слова (с данным значением и структурой), 2) выяснение образа (представления), положенного в основу слова как названия предмета действительности, 3) установление того, когда слово появилось в языке и как, на базе чего и с помощью какого способа словообразования оно возникло, 4) реконструкция его праформы и старого значения.

При выяснении этимологии слова прежде всего важно установить его происхождение: является ли данное слово исконно русским или же оно заимствовано из какого-либо языка. Здесь существенно четкое разграничение: 1) иноязычных слов и слов, возникших на их основе в русском языке, 2) происхождения морфем, составляющих слово, и самого слова, 3) одинаковых по структуре и значению слов разных языков и словообразовательных и семантических калек и 4) языка-передатчика и языка-источника.

Нельзя считать, например, заимствованными слова *ехида*, *спец*, *нигилист* (или такие, как *чайник*, *соавтор*, *школьный*, *якшаться*, *известняк* и т. п., имеющие русские словообразовательные элементы). Несмотря на их иноязычные корни, они являются словами русского языка: слово *ехида* возникло в результате усложнения основы на базе греч. echidna (от непроизводной основы *-ехидн-* отпочковался суффикс *-н-* по аналогии со словами *голодна*, *свободна* и т. д.); слово *спец* появилось в советскую эпоху как сокращение слова *специалист* (франц. spécialiste); слово *нигилист* — как образование от лат. nihil „ничто", впервые в статье Надеждина „Сонмище нигилистов" в первой трети XIX в. В других языках мы можем встретить эти слова лишь как заимствованные из русского языка.

Определяя источник иноязычного слова, надо четко отличать происхождение частей того или иного слова от реального возникновения этого слова в языке при назывании явлений действительности.

Неправильно, например, было бы, учитывая греческое происхождение частей слов *утопия* и *телефон*, относить их к заимствованиям из греческого языка,

потому что как слова они возникли в английском языке: слово *утопия* — неологизм Томаса Мора (XV—XVI вв.), слово *телефон* появилось в конце XIX в.

Требуется четко различать кальки и слова, возникшие как одноструктурные и синонимические в разных языках совершенно самостоятельно (ср., например, слова *выход* и Ausgang как аналогичные образования от глаголов *выходить* и ausgehen). Для того чтобы слово отнести к калькам, необходимо иметь совершенно определенные факты, говорящие о том, что его структура или значение воспроизводит соответствующий факт иноязычного слова.

Наконец, при определении, из какого именно языка пришло в русский язык то или иное слово, обязательно следует учитывать, что слова попадают в нашу речь часто не непосредственно из того языка, в котором они возникли, а через какой-либо другой или другие языки.

В ряде случаев при этом в языке-передатчике происходит такая трансформация звуковой оболочки, значения и структуры слова, что в русском языке его приходится уже считать заимствованным не из языка-источника, а из того языка, из которого слово в наш язык поступило.

Было бы совершенно неверным, например, считать, что слово *бронх* является заимствованием из латинского языка, а слово *рынок* — из немецкого. С тем звучанием и значением, которое им свойственно, они характерны соответственно французскому и польскому языкам и в русском языке должны определяться: *бронх* как галлицизм, а *рынок* как полонизм. Другое дело, что во французском языке слово bronche является заимствованием из латинского языка, а в польском языке слово rynek не что иное, как переработка немецкого слова Ring.

Второй задачей этимологического разбора слова (с которой связаны и две остальные) является определение образа, который был положен в основу слова как названия. Почему данный предмет объективной действительности назван именно так, а не как-либо иначе? Таков вопрос, который возникает в данном случае. Ответ на него очень часто является одновременно ответом на вопрос, от какого слова было образовано анализируемое слово.

Название первоначально при своем возникновении всегда является мотивированным. Называя тот или иной

предмет объективной действительности, люди используют названия других предметов или явлений, в том или ином отношении с ним связанных или соотносительных. Вещи и явления в результате этого начинают называться по тому признаку, иногда весьма несущественному, который казался достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других.

Таким бросающимся в глаза признаком, по которому предмет или явление получает свое название, может быть форма, цвет, функция, размер, сходство с чем-либо и другие внешние и внутренние свойства. *Кольцо*, например, получило свое название по форме (*коло* „круг"; ср. *около*), *желток* (яйца) — по цвету, *мыло* — по функции, *окно* — по сходству (от *око*) и т. д.

Образ, положенный в основу названия, и оформляющие его словообразовательные элементы составляют лишь основу того значения, которое закрепляется потом за словом в результате длительной традиции употребления. Признак, положенный в основу названия данного предмета, может характеризовать не только его, но и другие явления объективного мира. Кроме того, он всегда является весьма общим и неопределенным. Реальное значение слова, напротив, конкретно и индивидуально. Поэтому очень часто ясного представления о действительном значении слова образ, положенный в основу названия, не дает.

Например, понимание образа в болгарских словах *черница*, *ветрило*, *птичка* не приводит нас к знанию их фактического значения (*черница* „тутовое дерево", „ягода этого дерева", *ветрило* „веер", „бумажный змей", *птичка* „воробей").

Ясное представление образа в русских диалектных словах *голянка* и *зеленец* не дает все же возможности твердо сказать, не зная соответствующего говора, что́ они называют (*голянка* „особого типа рукавица", *зеленец* в разных диалектах — „свежий веник", „незрелая ягода", „островок, поросший камышом или ивняком", и т. д.).

Напротив, нередко бывает, что во многих хорошо знакомых нам словах образ уже не ощущается, так как в результате изменений значения, звучания и структуры слова он очень часто стирается и мотивированность названия исчезает. В ряде случаев это приводит к возникновению в языке таких словосочетаний, которые с эти-

мологической точки зрения как бы противоречат логике, или объединяя совершенно различные вещи (*розовое белье*), или тавтологически повторяя одно и то же (*торная дорога, силосные ямы*; *тор* „дорога“, ср. чешск. tor „дорога“, *силос* — из испанского языка, silos буквально „ямы“).

Все слова с непроизводными основами и некоторые производные функционируют в языке как чисто условные и немотивированные обозначения. Первоначальные представления, образы, положенные в основу, например, таких слов, как *комната*, *долото*, *курица*, *забота*, *греча*, *зеркало*, *яровые*, в настоящее время совершенно исчезли, и слова предстают перед нами как условные названия.

Этимологический анализ восстанавливает забытое говорящими. Оказывается, *комната* названа была так потому, что первоначально это было помещение с камином (лат. caminata). В основу слова *долото* был положен глагол *долбить* (*долото* из *dolbto „орудие для выдалбливания“). Слово *курица* оказывается производным от слова *кур* (ср.: *как кур во щи*), для обозначения особи женского пола. *Кур*, т. е. петух, получил название звукоподражательного характера (по крику *кукареку*). *Забота* (ср. севернорусск. *зобота*) осознается как образование от глагола *зобать* „есть“. *Греча* получила наименование по происхождению (из Греции), *яровые* — по времени (от исчезнувшего в русском языке слова *яро* „весна“, ср. *ярка*, *пояро*к, *Ярило* и др.), *зеркало* (старое — *зерцало*) — по функции (как орудие для „созерцания“, ви́дения, ср. глагол *созерцать*).

Для восстановления признака, ставшего основой названия, важнее всего определить то слово, которое послужило базой для образования анализируемого. Тем самым его определение в известной степени ведет к выяснению того, как данное слово было образовано.

При выяснении этого чрезвычайно важного вопроса этимологический разбор слова должен привести нас к реконструкции наиболее древней, насколько это возможно, структуры слова, к определению конкретного слова, на основе которого разбираемое слово образовано, наконец, к установлению действительного способа его образования.

Разбирая слова с этой точки зрения, следует учитывать прежде всего историчность их звучания, структуры

и значения, в первую очередь процессы опрóщения, переразложения и усложнения основы, а также факты тесного слияния морфем в слове. Совершенно необходимо возникающие на основе всестороннего анализа выводы проверять данными словарей как современного русского литературного языка, так и древнерусского, диалектных словарей и словарей других языков.

Анализируя способы образования того или иного слова, важно четко отграничивать их один от другого. Будет неверным, например, утверждение, что слова *вожатый* и *закусочная* образовались путем превращения соответствующих имен прилагательных в существительные.

На поверку оказывается, что слово *вожатый* никогда не было прилагательным (обращает особое внимание на себя уже его структура: суффикс *-ат-* следует за глагольной основой и не имеет присущего ему значения), напротив, это существительное с суффиксом *-атай* (ср. у Пушкина: *Но я молю тебя, поклонник верный твой, Будь мне вожатаем*), подвергшееся влиянию имен прилагательных на *-ый*. Результатом было переразложение основы в пользу окончания, образование на месте суффикса *-атай* суффикса *-ат-* и включение слова в систему склонения имен прилагательных.

Что же касается существительного *закусочная*, то оно тоже никогда не было прилагательным, а создано по модели прилагательных, действительно превратившихся в существительные женского рода, обозначающие то или иное помещение (*гостиная* < *гостиная комната*, *прихожая* < *прихожая комната* и т. д.; определение „перетянуло" на себя значение всего сочетания, определяемое существительное исчезло). Слово *закусочная* никакого существительного в таком значении не определяло.

Неправильно будет отнесение к прилагательным, перешедшим в существительные, такого слова, как *вселенная*, к причастиям, перешедшим в прилагательные, такого слова, как *рассеянный* (человек): оба слова являются кальками с соответствующих греческого и французского слов oikoumenē и distrait.

Мы совершим ошибку, если современные словообразовательные соотношения между словами *жилище* — *жить* отождествим с реальным образованием первого слова с помощью суффикса *-лищ(е)*. Как указывает

устаревшее слово *жило* (ср. *Почему ты думаешь, что жило недалече?* у Пушкина в „Капитанской дочке"), слово *жилище* образовано посредством суффикса *-ищ(е)*.

Определяя старую структуру слова и его производящую основу, следует учитывать все те изменения, которые возможны в слове.

Чтобы стала несомненным фактом связь слова *набалдашник* с исчезнувшим словом *балдак* „эфес, рукоятка", заимствованным из тюркских языков, необходимо иметь в виду фонетические изменения в слове, именно закрепление на письме произношения *чн*, как *шн* (ср. *Столешников* переулок, *Свешников* и т. д.).

При восстановлении картины образования слова *разинуть* нельзя будет не принимать во внимание изменений в структуре слова, связанных с тесным слиянием приставки *раз-* и корня *-зи-*, который, в частности, мы находим в глаголе *зиять*.

Естественно, что очень часто для определения первоначальной составной структуры корневых слов приходится прибегать к сопоставлению данных русского языка с фактами других языков. Так, отглагольное происхождение слова *рука* (из *ronka) проясняется лишь при учете родственных литовских слов: существительного rankà „рука" и глагола renkú „собираю"; образование слова *крупа* с помощью суффикса *-п(а)* — при сопоставлении его с родственным ему греческим словом krūō (ударяю) и т. д.

Так как значение слова в процессе употребления в языке с течением времени может меняться и во многих словах сейчас совершенно другое, нежели раньше, то этимологический анализ слова включает в себя также и определение наиболее древнего значения, которое возможно установить на основании существующих языковых фактов и их взаимоотношений.

Такое определение старого (иногда чрезвычайно давнего) значения того или иного слова осуществляется, как правило, при помощи сравнительного анализа данных древнерусского и других — славянских и прочих индоевропейских — языков. Однако в ряде случаев необходимо также и всестороннее рассмотрение фактов, бытующих в системе современного русского языка (как литературного, так и диалектов). Так как такого рода факты привлекаются в этимологической практике до-

вольно редко, а именно они являются наиболее доступными для школьников, то прежде всего остановимся на них.

На старое значение слова, употребляющегося в настоящее время с иным значением, могут указывать 1) значения производных слов и 2) фразеологические обороты, включающие в свой состав анализируемое слово. Использование при этимологическом разборе производных слов оказывается возможным потому, что эти слова были образованы на базе слов с ныне исчезнувшими значениями. Использование с этими же целями фразеологических оборотов связано с тем, что в ряде устойчивых выражений сохраняются не только устаревшие, ныне не употребляющиеся отдельно слова, но и старые значения таких слов, которые с другими значениями еще и сейчас входят в активный словарный запас. Разберем на конкретных примерах эти два источника отдельно.

Значения производных слов могут быть использованы для уяснения старого значения слова, от которого они были образованы, только в том случае, если они имеют прозрачную морфологическую структуру и если имеющимся в них словообразовательным элементам свойственно четкое, закрепленное за ними значение. Привлекаемые слова подвергаются в таком случае обязательно морфологическому разбору с исторической точки зрения.

Возьмем к примеру такое слово, как *богатый*. С современной точки зрения оно предстает перед нами как слово с непроизводной основой, несоотносительное со словом *бог*. Однако этимологически по своему строению оно явно составное, и суффикс ***-ат-*** в нем вычленяется совершенно свободно. Суффикс ***-ат-*** (ср. ***рогатый***, ***крылатый***, ***бородатый*** и т. д.), как известно, имеет значение „обладающий чем-либо". Исходя из этого, мы видим, что корню ***бог-*** в слове *богатый* свойственно иное значение, чем слову *бог*. Учитывая общее значение слова *богатый* „обладающий большим имуществом, богатством" и как бы вычитая из него значение суффикса ***-ат-*** „обладающий чем-либо, что обозначено корнем", можно прийти к выводу, что корень ***бог-*** в нем имеет значение „богатство", „большое имущество" и т. д. Этот корень в слове *богатый* лишен религиозной окраски и имеет старое конкретно-бытовое содержание. Отсюда можно сделать заключение, что когда-то (до появления на Руси христианства) слово

богъ имело значение „богатство“, „большое имущество“, и именно от него (в таком значении) было образовано слово *богатый*, в отличие, скажем, от слов *богиня*, *богомолье* и т. д., возникших на базе слова *бог* в сравнительно новом, религиозном значении. О том, что этот вывод правилен, свидетельствует наличие других слов с данным корнем (ср. *убогий* „крайне бедный“, приставка *у-* здесь имеет значение отрицания), а также факты других индоевропейских языков.

То же можно отметить и для слов *грех*, *господь*, первоначально не имевших в русском языке религиозных значений (они были заимствованы из старославянского языка). Старые значения этих слов сохраняются в словах *огрех*, *господин*, *господство* и др.

Слова *краснобай*, *красноречие* указывают на старое, когда-то бывшее у слова *красный* значение „хороший“, „красивый“ (ср. *краснозем*, *краснокожий*, *раскраснеться* и т. п., образованные уже от слова *красный* как обозначения цвета).

Слова *черепок*, *Черепанов* (ср. диал. *черепан* „гончар, горшечник“) отражают старое значение слова *череп* — „глиняная посудина, горшок, плошка“.

Слова *непогода*, *погожий*, *беспутный* свидетельствуют о старых „положительных“ значениях слов *погода* и *путь* (слово *погода* обозначало ранее только хорошую погоду, слово *путь* — только хорошую дорогу).

Слово *пятиалтынный* своим значением точно определяет для нас значение слова *алтын* „три копейки“, ныне существующего лишь в пословице *Не было ни гроша, да вдруг алтын*.

Слово *сад-виноград* своей структурой и семантикой „выдает“ нам старое значение существительного *виноград*, обозначавшего ранее „сад“, „виноградник“. Ведь по своему характеру это сложносоставное образование принадлежит к разряду словесных производных, возникших в результате объединения синонимов того же типа, что и *друг-приятель*, *путь-дорога*, *сила-моченька*, *грусть-тоска* и т. д.

Слова *разглагольствовать* и *наречие* дают возможность ясно представить старые, ныне исчезнувшие значения слов *глагол* и *речь:* нетерминологическое значение „слово“ у слова *глагол* и терминологическое значение „глагол“ у слова *речь* (*наречие* — словообразовательная калька греч. epirrēma, т. е. „приглаголие“).

Слова *средний* и *бремя* сохраняют прежние значения слов *среда* („середина"; *средний* „находящийся в середине") и *брать* („нести", ср. подобное значение в латинском слове fero, греческое слово pherō и т. д.).

О старых значениях ряда перечисленных выше слов говорят также и некоторые фразеологические обороты, имеющие эти слова в качестве одного из своих членов (ср. *с грехом пополам, на миру и смерть красна, плошки да черепки — те же горшки* и т. д.).

О старых, иных, нежели свойственных им сейчас, значениях слов *неверный* „неверующий", *жир* „богатство", *талант* „монета", *горб* „спина", *стопа* „шаг" говорят такие фразеологические выражения, как *с жиру беситься, зарыть талант в землю, гнуть горб перед кем-нибудь* (слово *спина* укрепляется в русском языке как заимствование из польского в XVI в.), *Фома неверный, пойти по стопам* и т. д.

Производные слова говорят не только о старых значениях употребляющихся в настоящее время слов, но и о существовании слов, сейчас уже в русском языке неизвестных. Очень часто один этимологический анализ слова, без привлечения других данных, приводит к знакомству с устаревшими словами. Так, простой этимологический разбор слов *персидский, беличий, подаяние, утлый, одеяло* указывает на исчезнувшие из употребления слова *Персида* (старое название Персии), *белица* (старое название белки), *подаять* („подавать"), *тло* („дно", ср. *дотла*), *одеять* („одевать") и т. д.

В целях установления старого значения важно также привлекать лексические данные русских диалектов, сохраняющих в отдельных случаях очень древние языковые факты. Так, например, старое значение слова *полено* „расколотое надвое" (от *пол* „половина") вскрывается при сопоставлении его с диалектным словом *полоть* „разрубать, раскалывать надвое". Собственное имя *Шульга* раскрывается в своем первоначальном нарицательном значении при сравнении его с диалектным нарицательным *шульга* „левша" и т. д.

Вопросы, на которых мы остановились, вовсе не исчерпывают, конечно, всех тех проблем, которые к этимологии относятся. В частности, почти не затрагивалось использование в этимологическом анализе сравнительно-исторического метода, проблемы архетипов, праформ,

калькирования, далекой реконструкции звучаний и т. д.

Все, о чем мы говорили, в первую очередь обращено к учителю и касается поэтому только таких фактов, которые или имеют методическое значение и связаны с разграничением этимологического и словообразовательного анализа, или так или иначе (чаще всего и свободнее всего, конечно, на факультативных занятиях и в кружках) могут быть применены в школьной практике.

Учитель не должен пренебрегать на уроках русского языка (да и литературы тоже, см. об этом в главе „Читатель, писатель и слово") испытанным оружием этимологического анализа. Ведь, вскрывая прошлое слова, мы тем самым открываем для себя в нем и то, что принадлежит ему как определенной лексической единице и сегодня, точнее и вернее понимая его семантику, полнее представляя себе его место в языковом „обществе", сознательно усваивая его орфографическое обличье, глубже проникая, наконец, в его художественно-выразительные возможности и образную суть. Уместные и умелые (с учетом возрастных особенностей учащихся и характера излагаемого материала) путешествия в дальние этимологические страны, посильные справки о происхождении слов — одно из действенных средств сделать обучение русскому языку в школе не только по-настоящему обучающим и развивающим, но и интересным.

ЧИТАТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

■

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ ПОД ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ МИКРОСКОПОМ

Сложен и многоцветен мир слов в нашей повседневной речи. Но еще более сложным и многоцветным оказывается слово, когда оно попадает в бурную стихию поэтического языка.

Слова в художественном произведении предстают перед нами иными не только потому, что окрашиваются переносно-метафорическими красками и сплавляются в единую образную систему выражаемой писателем идеи. На страницах художественного текста мы встречаемся и с такими словами и выражениями, с такими формами и категориями, которые нашему обыденному общению совершенно несвойственны.

Именно поэтому в изучении языка художественной литературы приобретает такое большое значение лингвистический анализ, тот самый лингвистический анализ, который основан на учете нормативности и исторической изменчивости литературного языка, с одной стороны, и четком ограничении и правильной оценке индивидуально-авторских и общеязыковых фактов — с другой.

Важность лингвистического анализа художественного текста для понимания его идейно-художественных особенностей — того, что вскрывается во всем многообразии и сложности литературоведами и стилистами,— является первостепенной.

Ведь для того чтобы изучить идейное содержание какого-нибудь произведения, его художественные особенности, отличающие его от других произведений, надо это произведение прежде всего п о н и м а т ь. Понимание художественного текста как определенной информации,

выраженной определенными языковыми средствами, и дает нам его лингвистический анализ, различный, естественно, в зависимости от жанрово-хронологической принадлежности произведения и индивидуальных художественных особенностей речевой практики писателя.

В то время как основной задачей литературоведческого анализа является изучение литературного произведения как факта истории общественной мысли и социальной борьбы, а основной задачей стилистического анализа является изучение приемов индивидуально-авторского использования языковых средств, важнейшей целью лингвистического анализа можно считать изучение использованных в художественном тексте языковых явлений в их значении и употреблении, поскольку они связаны с пониманием литературного произведения, как такового.

Как язык является первоэлементом литературы, так и лингвистический анализ художественного текста является первоосновой, необходимой предпосылкой его литературоведческого и стилистического изучения. Только после него можно переходить к рассмотрению идейного содержания и художественных особенностей литературного произведения.

Казалось бы, все это само собой разумеется. Однако об этом придется, по всей вероятности, говорить еще не раз, так как очень часто все сказанное не учитывается не только литературоведами, но и лингвистами, работающими в области стилистики, методистами и т. д.

Лингвистический анализ художественного текста, замедленное чтение его лингвистически вооруженным глазом совершенно необходимы потому, что язык любого литературного произведения — от маленького лирического стихотворения до романа-эпопеи — является многоплановым и разнослойным, в силу чего содержит в своем составе в ряде случаев такие на первый взгляд малозначимые речевые „инкрустации", которые в том или ином отношении лингвистически специфичны, выделяются или отделяются от средних, рядовых, обычных для современного языкового стандарта фактов.

Особенно важным и первоочередным лингвистический анализ литературного произведения оказывается тогда, когда художественный текст, написанный в прошлом веке, содержит в большом количестве не только стили-

стически или социально-диалектно ограниченные факты, но и устарелые.

Приведу несколько таких примеров, которые являются простыми и в то же время разнородными, чтобы показать, насколько важно замедленное чтение для понимания художественного текста, оценки словесного образа, ощущения и правильного восприятия тонких стилистических эффектов художника и т. д.

Если мы возьмем, например, две приводимые далее фразы из произведений А. С. Пушкина и, прочтя их, не вдумаемся в значение тех слов, которые им употребляются, то в ряде случаев для нас останутся непонятными и „неговорящими" языковые средства, которые были использованы с одной стороны, в оде „Вольность", а с другой стороны, в романе „Евгений Онегин".

Сначала разберем такой отрывок:

Увы, куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.

В этом отрывке прежде всего обращает на себя внимание рифмовка *железы — слезы*, где наблюдается особое произношение *ё* как *е* под ударением и перед твердым согласным, которое характерно для поэтической орфоэпии конца XVIII — начала XIX в.

Если мы немного подумаем над этим текстом, то наше внимание привлечет слово *позор* („законов гибельный позор"), к которому „неприложимо" свойственное ему сейчас значение. В данном случае это слово употребляется в старом значении „зрелище".

Вероятно, если мы будем опять-таки медленно, вдумчиво читать, нам покажется странным употребление здесь и слова *железо*, имеющего в настоящее время лишь форму единственного числа и называющего определенный металл. В разбираемом тексте *железы* не что иное, как *оковы*.

Но мы не обратим никакого внимания, и пожалуй совершенно справедливо, на строчку: *Увы, куда ни брошу взор*... В этой строчке слово *взор* употребляется в том значении, которое свойственно ему и сейчас.

Было бы неверно, однако, если бы это слово не привлекло нашего внимания в отрывке из романа „Евгений Онегин“:

> Заметя трепетный порыв,
> С досады взоры опустив,
> Надулся он...[1]

Здесь Пушкин употребляет слово *взоры* — и это наблюдается неоднократно — не в привычном для нас значении „взгляд“, а в совершенно другом — значении „глаз“, в качестве синонима к словам *глаза*, *очи*.

Этот пример ярко показывает, как важно при изучении литературного произведения, тем более написанного в прошлом веке, учитывать устаревшие языковые факты, особенно архаизмы в области семантики.

Во фразе *Богу было угодно лишить меня вдруг отца и матери*, которую мы встречаем в повести „Капитанская дочка“, Гринев говорит не о том, что богу было угодно лишить его отца и матери внезапно, а о том, что бог лишил его отца и матери сразу, одновременно.

Это мы будем наблюдать и в трагедии „Борис Годунов“, когда Годунов обращается к сыну:

> Как хорошо, вот сладкий плод ученья!
> Как с облаков ты можешь обозреть
> Все царство вдруг: границы, грады, реки.

Возьмем пример из „Войны и мира“ Л. Н. Толстого. Одна из фраз в романе начинается так: *Тот пошлый разговор, который необходим был людям...* Это сразу же останавливает нас, если мы читаем текст, а не бегло просматриваем его: неужели Л. Н. Толстой признавал необходимость пошлого разговора между людьми? Конечно, нет. Дело в том, что слово *пошлый*, которое в современном русском языке имеет значение „низкопробный, тривиальный“, употреблялось здесь великим писателем в старом значении, в качестве синонима к прилагательному *обычный*.

Еще пример. У одного из персонажей повести „Степь“ А. П. Чехова вы встречаете такую фразу: *Нет хуже наглой смерти.* Только учитывая то значение, которое свойственно было слову *наглый* в русском литератур-

---

[1] В черновике было сказано даже ярче: *На взоры брови опустив...*

ном языке XVIII в. и которое свойственно ему в отдельных случаях и сейчас в диалектах, вы поймете что прилагательное *наглый* употребляется Чеховым в значении „внезапный", именно в том значении, которое характерно для него в западнославянских языках и в настоящее время.

Было бы неправильно думать, что эти незаметные на первый взгляд словесные инкрустации, которые требуют к себе очень внимательного лингвистического отношения, встречаются только в произведениях русской классической литературы. Их мы в достаточной степени встретим и при анализе советской литературы, правда, они могут иметь здесь уже иной характер. В одном из стихотворений читаем:

И этой сладостной любови
Нельзя мне выразить в словах,
Затем что чувству тесно в слове,
А слову тесно на губах. (Е. Тагер)

При быстром чтении кажется, что сказано неплохо. Однако если мы обратим внимание на те слова, в которых выражена в общем хорошая мысль, то увидим, что в этом небольшом четверостишии сделано две ошибки, представляющие нарушение лексических норм современного русского литературного языка. Во-первых, надо сказать *этой сладостной любви*, а не *любови*. Во-вторых, нельзя архаический союз *затем что* (он равнозначен союзам *оттого что*, *потому что*, *так как*, *по причине того что* и т. п.) употреблять в настоящее время без какой-либо стилистической установки.

А вот в стихотворении П. Антокольского „Памяти А. Фадеева" будет наблюдаться весьма удачное (хотя и индивидуально-авторское) использование общенародных оборотов, но опять-таки таких, которые требуют к себе специального внимания, требуют определенного лингвистического анализа. Вот четыре строчки из этого стихотворения:

Нет ни изданных книг, ни любовниц, ни славы,
Ни жилья, ни угла, ни кола.
Лишь бы молодость старостью не заросла бы,
Не смолчала бы, не солгала.

Выразительность этих строчек создается оксюморонным использованием антонимов и анафорической связью ярких синонимических средств, а также творческим оформлением существующего фразеологического оборота *ни кола ни двора* в виде *ни жилья, ни угла, ни кола.* Если понимать слово *кол* в буквальном смысле, то можно обвинить поэта в довольно странном употреблении этого слова. Здесь оно выступает в значении, равном семантике выражения *ни кола ни двора* в целом[1].

В силу того что нередко в общелитературный языковой стандарт художественного текста вовлекаются различные диалектные явления, текст может быть вообще непонятен без обращения к толковому словарю русского языка.

Возьмем для анализа отрывок из стихотворения И. Авраменко:

Я накину азям и жгутом подпояшусь.
И усядусь один в обласок.
И уеду рекою
дней на пять
иль на шесть —
к шишкарям в отдаленный лесок.
Много лет погодя
как богатство открою:
душный зной августовский цветов.
Этот ветер, шумевший опавшей листвою,
обласок,
проносивший меня шиверою,
над багульником и над увядшей травою
несмолкаемый звон паутов.

В этом небольшом отрывке для большинства будут непонятны такие слова, как *азям, обласок, жгут*[2], *шишкарь, паут, шивера.* Идейное содержание отрывка может быть вскрыто только после того, как мы поймем автора

---

[1] Если говорить об этимологии выражения *ни кола ни двора*, то можно отметить следующее. Раньше оно имело более обширный состав: *ни кола, ни двора, ни милого живота.* Позднее вторая часть отпала. Слово *кол* здесь выступает в старом значении «небольшой участок земли», слово *живот* — в старом значении «лошадь» или «нажитое имущество».

[2] Здесь оно употребляется в значении «ремень».

с чисто языковой точки зрения, когда мы узнаем, что *азям* — это короткий кафтан халатного покроя из домотканого полотна, *обласок* — это лодка, выдолбленная из целого бревна, *шишкарь* — это собиратель кедровых шишек, *паут* — это овод, *шивера* — это перекат, порог на реке.

Приведенные иллюстрации показывают, что лингвистический анализ того или иного художественного текста (или его отрывка) может иметь различный характер и направленность в зависимости от того, что представляет собой данное литературное произведение по жанру и времени появления.

В самом деле, такая, например, проблема, как отграничение стилистических архаизмов и архаизмов времени, возникает лишь тогда, когда лингвистическому анализу подвергается художественное произведение, написанное в прошлом. Современный литературный текст если и имеет архаизмы, то лишь архаизмы стилистические, выполняющие определенную художественно-выразительную нагрузку. Присутствие в нем стилистически „пустых“ архаизмов следует расценивать как нарушение существующего ныне словоупотребления.

В приведенном отрывке из „Бориса Годунова“ (см. с. 264) наблюдаются как архаизмы, употребленные с определенной художественно-выразительной целью, так и архаизмы времени, которые для А. С. Пушкина архаизмами еще не были.

Нельзя ставить в один ряд, скажем, такие (для нас одинаково архаические) слова, как *вдруг* и *грады*.

Вдруг „сразу, одновременно, вместе“ — это семантический архаизм, который стал словом пассивной лексики русского литературного языка лишь во второй половине XIX в. Для Пушкина он еще архаизмом не был. Что касается слова *град*, то это такое слово старославянского происхождения, которое употребляется Пушкиным (вместо исконно русского существительного *город*) в качестве стилистически наполненного архаизма, являющегося элементом языковой стилизации древнерусской речи. *Вдруг* для Пушкина живое слово, а *грады* — архаизм.

В данном случае перед нами возникает и более сложная проблема — не только отграничения того, что существует в современном русском языке в активном запасе,

от того, что ушло из него, но также и отграничения различных слоев в самом пассивном запасе.

Еще примеры (из романа Л. Н. Толстого „Война и мир"): 1) *Тихон неожиданно и гибко лег на брюхо*; 2) *„Неприятель с великими силами вошел в пределы России и идет разорять любезное наше отечество", — старательно читала Соня своим тоненьким голоском.*

Слова *любезный* и *брюхо* — это два различных архаизма с точки зрения их значения в лексической системе художественного произведения. Существительное *брюхо* (как нейтральное обозначение того, что мы называем сейчас словом *живот*) для Л. Н. Толстого не представляет собой архаизма. Если сейчас слово *брюхо* в русском литературном языке является просторечным словом, употреблять которое в отдельных случаях просто неудобно, то для Л. Н. Толстого это слово было самым обычным. О том, что раньше это было самое обычное, стилистически нейтральное слово, свидетельствуют производные от него термины *брюшной* тиф, *брюшина*, *грудобрюшная*, существующие по сей день в нашей речи.

Другого типа слово *любезный*, которое появилось у Л. Н. Толстого в контексте не сразу, а лишь в результате дальнейшей переработки им художественного текста „Войны и мира". В первом издании там было обычное для нас слово *любимое*. Но позднее Л. Н. Толстой пришел к выводу, что в соответствующем контексте (здесь им воспроизводилось воззвание, с которым обратился к населению Ростопчин) в силу своих лингвистических качеств прилагательное *любимое* не совсем удачно. Так как слово *любезный* в значении „любимый" в первой половине XIX в. употреблялось значительно шире, чем слово *любимый*, то Толстой во втором издании заменил *любимое* на *любезное*, пойдя тем самым на сознательную архаизацию языка отрывка.

Таким образом, лингвистический анализ художественного текста может быть различным. Это зависит в первую очередь от характера произведения, от его жанровой принадлежности, от времени его написания, во многом — от индивидуальной авторской практики писателя.

Однако лингвистический анализ художественного текста всегда будет включать в себя в качестве обязательного компонента также и определение и оценку индиви-

дуально-авторского языкового своеобразия, его лингвистических поисков, что требует учитывать нормативность и историческую изменчивость литературного языка.

Два примера из области орфоэпии. В приводимых ниже отрывках наблюдаем один и тот же характер рифмовки: слово, оканчивающееся на *х*, рифмуется со словом, оканчивающимся на *г*:

Только дальше углубиться
Нам мешает тонкий мо*х*,
Почему же, голубица,
Не растешь ты у доро*г*? (Флоров)

Но в нем мучительный неду*г*
Развил тогда могучий ду*х*
Его отцов... (Лермонтов)

С точки зрения орфоэпии современного русского литературного языка произношение звука *г* в конце слова как *х* является неправильным.

Для современного поэта Г. Флорова рифмовка *г* — *х* — отражение диалектного (южнорусского) произношения. Флоров совершает в данном случае ошибку: нарушает орфоэпические нормы современного русского литературного языка. А вот к Лермонтову никаких претензий мы предъявить не можем, потому что для первой половины XIX в. рифмовка *г* — *х* была в качестве старой нормы поэтической орфоэпии высокого слога одной из вполне допустимых поэтических вольностей.

Прочтите четверостишие из „Кавказского пленника" А. С. Пушкина:

Шумит кустарник. На утес
Олень веселый выбегает.
Пугливо он подножий лес
С вершин высоких озирает.

У Пушкина *утес* произносится с *е*. Между тем очень часто наше произношение, характерное для живой прозаической речи, вторгается в систему произношения, которое свойственно поэтическому языку. Такое вторжение является совершенно неоправданным и может повести к искажающим структуру стиха орфоэпическим поправкам классиков. Именно такой факт имел место, например, в старом школьном учебнике русского языка

для III класса, в котором слово *пойдет* получило две точки над *е* в таком контексте из басни И. А. Крылова:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет.

Читая соответствующую басню, мы обязаны нарушить нормы современного русского литературного языка и читать: *На лад их дело не пойдет*, иначе разрушается строй поэтической строчки.

Мы можем сделать очень серьезные ошибки и при анализе фактов фразеологии, если не будем учитывать изменений в литературном языке. Обратимся к Пушкину:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

В современном языке нет словосочетания *кривые толки*, а есть слово *кривотолки*. Что же представляет собой выражение *кривые толки?* Может быть, фразеологический неологизм поэта, разложение им слова на образное сочетание слов? Оказывается, нет.

В этом словосочетании нет ничего индивидуально-авторского, ничего специфически пушкинского. Это обычное словоупотребление первой половины XIX в. Слово *кривотолки* закрепилось в литературной речи позже в результате процесса сжатия фразеологического оборота в слово.

Совершенно иным является словосочетание *черные мечты*, представляющее собой творческую переработку фразеологизма *видеть все в черном свете* (< франц. voir en noir):

Врагов имеет в мире всяк.
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я...
А что? Да так, я усыпляю
Пустые, черные мечты.

При быстром чтении в этом словосочетании можно увидеть только хороший эпитет *(черные мечты)*. Между тем важно обратить внимание на то, что слово *мечты* здесь обозначает вовсе не „мечты“, а „видения“ (поэт не

хочет все видеть в черном свете). Кстати, это можно почувствовать при замедленном („вникающем“) чтении даже без специального анализа, так как ни о каких мечтах здесь логически речь идти не может.

Следовательно, чтобы правильно понимать, а не только чувствовать и воспринимать пушкинский текст, необходимо хорошо знать фразеологию современного русского литературного языка и фразеологию литературного языка XIX в., а также и те отслоения (из французского языка), которые изредка всплывают в художественных структурах писателя.

Кстати, цитированная строфа содержит и еще несколько такого рода фактов, на которых следовало бы остановиться. Разберем лишь один:

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель.

Слово *печальная* в данном случае употребляется Пушкиным не в том значении, к какому мы привыкли, а в значении „достойная сожаления, достойная сочувствия“.

Особенно важно учитывать нормативные и исторические изменения литературного языка при определении и оценке словообразовательных неологизмов. Действительно, только зная законы русского словообразования, изменчивость тех правил и моделей, которые составляют словообразовательную систему русского языка и регулируют процессы словообразования, можно правильно оценить такие новообразования, как *другиня*, *стиходей*; *кюхельбеккерно*, *огончарован*, *полуподлец* и т. д.

Лингвистический анализ литературного текста, если он опирается на хорошее знание системы современного русского литературного языка и языка художественной литературы XIX в., позволяет практиковать такой методический прием, как лингвистическое комментирование художественного текста. Естественно, лингвистическое комментирование может иметь разные формы и объем в зависимости как от степени подготовленности учащихся, так и от того, что можно условно назвать языковыми трудностями художественного текста.

Поверхностный лингвистический комментарий, который очень часто наблюдается при словарной работе, должен уступить место настоящему лингвистическому

комментированию, основанному на хорошем знании всей системы языковых средств, которые были использованы художником слова в данном произведении или отрывке. Для этого, естественно, необходимо глубже познавать систему современного русского литературного языка, хорошо знать жанровые особенности литературного произведения, учитывать также и индивидуальное словоупотребление и, самое главное, расстаться с той практикой, которая является сейчас широко распространенной (по крайней мере, в русской школе), когда при изучении литературного произведения ограничиваются иногда пониманием его в общем и целом, когда художественный текст читается бегло и без „пристрастия" (из-за боязни, что от этого якобы разрушится образная система произведения).

Между тем, напротив, только чтение литературного текста „с чувством, с толком, с расстановкой" позволяет глубоко и правильно понять художественное произведение как определенное явление словесного искусства и, следовательно, образную систему.

Если же при этом читатель за деревьями словесных фактов и мелочей перестает видеть лес произведения в его идейной и эстетической цельности (это, конечно, не исключено), то лучше текст прочитать еще раз.

Беглое чтение художественного текста с установкой лишь на глобальное понимание его как определенной информации, чтение, называемое в обиходе чтением „по диагонали", по существу, отучает учеников читать (радио и телевидение этому будут только способствовать), делает их безразличными к художественной форме, глухими к красоте и выразительности настоящего литературного языка. Невнимание к языковым мелочам, „аэрофотосъемочное" перескакивание „с пятого на десятое" в погоне лишь за сюжетом и образами героев приводит в ряде случаев к непониманию в произведении даже его содержательной сути, не говоря уже о том, что привносит в анализ художественных произведений чисто субъективные критико-оценочные моменты, не позволяет увидеть, как художественный текст „сделан".

О некоторых аспектах лингвистического анализа художественного текста (в том числе и о тех, которые уже были затронуты) будет рассказано в следующих далее заметках.

ТРУДНЫЕ СТРОКИ

А вдруг не то *вдруг*?

Читая Пушкина, мы должны, как об этом уже мельком говорилось, постоянно помнить, что многие слова у него выступают в таком семантическом амплуа, которое им сейчас несвойственно.

Среди других примеров в очерке „Художественный текст под лингвистическим микроскопом“ — и, конечно, не вдруг — приводилось, в частности, слово *вдруг*, в ряде контекстов обозначающее у поэта „сразу, одновременно, вместе“.

Таким образом, вопрос „А вдруг не то *вдруг*?“ не является праздным и должен учитываться. Однако это вовсе не значит, что у Пушкина не встречается и наше *вдруг* „внезапно, неожиданно“. Оно тоже может у него быть. И определить, какое перед нами *вдруг* (а оно имеет и третье значение — „тотчас, немедленно“), можно, только внимательно и беспристрастно читая соответствующий отрывок.

Вот один показательный пример.

В предисловии П. Антокольского к роману А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ в „Народной библиотеке“ (М., 1966, с. 8—9) неверное толкование слова *вдруг* выступает даже в роли одного из аргументов его концепции о трагической сложности в работе Пушкина над романом и окончательности текста последнего. Но дадим слово П. Антокольскому: „Перед нами трагедия самого Пушкина: горестно осознанная им необходимость кончить роман по-иному, чем он был задуман. Отсюда естественный вопрос: является ли находящийся уже более ста лет перед русскими читателями текст окончательно завершенным созданием Пушкина? Или он был компромиссом для автора? На этот счет не может быть никаких сомнений. Сколько бы страданий ни стоило Пушкину сожжение десятой главы и уничтожение восьмой, все равно решение проститься с героем и романом, которое с такой силой звучит в последних строфах и с такой силой закреплено в памяти и в сознании поколений русских читателей,— это решение Пушкина было твердым и безоглядно смелым! Недаром поэт приравнивает его к прощанию с жизнью, к ранней гибели:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Вдруг — в словаре Пушкина это значит быстро, без проволочек, безжалостно отдавая себе отчет в безвозвратности расставания. В этом — весь Пушкин".

Лингвистический анализ и замедленное чтение пушкинского произведения выявляют, что П. Антокольский здесь выдает за существующее желаемое. Слово *вдруг* в приводимом отрывке не имеет семантики „быстро, без проволочек, безжалостно отдавая себе отчет в безвозвратности расставания", как оно не обладает и никогда не обладало такой семантикой и в современном обиходном языке. Значение „скоро, не думавши", отмечаемое, наряду с другими у слова *вдруг* уже в словаре Геснера 1767 г., совершенно исключает момент раздумья, без которого отдавать себе отчет в чем-либо просто немыслимо.

Расширенное рассмотрение отрывка, помещение его в больший контекст совершенно определенно говорит нам (тут надо иметь в виду также и излюбленные Пушкиным стилистические приемы всяческих неожиданных поворотов), что слово *вдруг* употребляется в заключительной строфе „Евгения Онегина" в самом обычном и родном для нас значении „внезапно, неожиданно".

Об этом говорит не только его непосредственное словесное окружение (в котором роман жизни и внезапно ушедшие из нее обдуманно и прихотливо сравниваются со стихотворным романом и Евгением Онегиным), но — может быть, в еще большей мере — 48-я строфа, с ее причудливым и внезапным сюжетным „сгибом", следующим за признанием — отказом Татьяны:

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор незапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,

В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...

Нет сомнений и в том, что Пушкин кончил роман так, как он хотел, а не так, как ему диктовала „горестно осознанная необходимость“, кончил в том же ключе, в каком все время его писал: не быстро (более семи лет!), не спеша, легко и свободно, но с изумляющими своей неожиданностью поворотами.

Вообще в „Евгении Онегине“ слово *вдруг* чаще всего выступает в современном значении:

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад.

Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,
Она дрожала и бледнела.

Вдруг меж дерев шалаш убогий.

Вдруг изменилось все кругом... И т. д.

Но встречается в романе и иное *вдруг*, равное словам *немедленно*, *сразу*. Вот примеры из 5-й главы:

Мое! — сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг.

И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Между прочим, это *вдруг* в какой-то степени причастно и близко выражению *будь друг*. Не верите? И тем не менее доля правды в только что сказанном есть: фразеологизм *будь друг* возник в результате аббревиации, т. е. сокращения более полной и рифмованной формы: *Будь друг, да не вдруг* (т. е. „будь другом, да не сразу“). Такая поговорка отмечается еще в словаре В. Даля.

Светоч, да не тот

Лермонтовская строчка *Угас, как светоч, дивный гений* хорошо знакома всем еще со школьной скамьи. Вот ее непосредственное словесное окружение из замечательного

стихотворения, написанного поэтом на смерть А. С. Пушкина:

Что ж? веселитесь... Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Перед нами четверостишие, заканчивающее первую часть горького и гневного поэтического некролога.

И в этой части — наша строчка, которая содержит единственное образное сравнение произведения — *как светоч*. Обращали ли вы внимание на выразительность, поэтический характер и лиричность этого сравнения? Ведь в строчке, его заключающей, в слове *светоч* просвечивает его старое, близкое к этимологически исходному значение, а вовсе не то, которое оно имеет сейчас.

В настоящее время существительное *светоч* значит „носитель" и в своем употреблении является фразеологически связанным. Как определенная лексическая единица со значением „носитель" оно реализуется лишь с род. падежом немногих абстрактных существительных положительной семантики (*мир*, *прогресс*, *правда* и т. д.): *светоч мира*, *светоч правды* и пр. В лермонтовском сравнении этому слову свойственно старое, ныне уже архаическое значение — „свеча, лучина, факел", „все то, что, горя, освещает". Благодаря этому в строчке *Угас, как светоч, дивный гений* глагол *угас*, имеющий в качестве факта традиционно-поэтической лексики переносное значение „умер" (ср. у Пушкина: *И на скале изгнанником забвенным, Всему чужой, угас* (=„умер") *Наполеон*), как бы получает также и свое исходное прямое значение „потух, перестал гореть".

Возникшее в результате сравнения *(как светоч)* двойное содержание глагола *угас* позволяет Лермонтову снять со строчки налет поэтической условности и дать зрительно очень яркую и выразительную картину, напоминающую образы русских песен (ср.: *Догорай, гори моя лучина, Догорю с тобой и я*; *Словно свечка восковая, угасает жизнь моя* и т. д.). Хотя, по всей вероятности, разбираемая нами строчка не восходит непосредственно к фольклору, а представляет собой творческую трансформу элегического словоупотребления предшественников.

Вспомните, например, отрывок из поэмы „Кавказский пленник“ А. С. Пушкина:

И гасну я, как пламень дымный,
Забытый средь пустых долин.

Подобного характера и соответствующие строчки из его элегии „Я видел смерть...“:

Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу.

Заметим, что и в следующей за нашей строчке стихотворения Лермонтова „Смерть поэта“ глагол имеет аналогичную семантику (*увял*=„умер“)[1], так совмещенную с прямой и исходной („засох“): *Увял торжественный венок.*

Подобное оживление метафорической сущности слова *увял*, причем развернутое в образ, на котором строится все стихотворение, находим у Пушкина. Ср. заключительные строчки „Цветка“:

И жив ли тот, и та жива ли?
И ныне где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

В заключение лингвистического комментария текста следует указать, что обе разобранные строчки из стихотворения „Смерть поэта“, несомненно, являются очень своеобразным и самобытным „переплавом“ пушкинских строк (ср. *И он убит — и взят могилой, Как тот певец, неведомый, но милый, Добыча ревности глухой, Воспетый им с такою чудной силой, Сраженный, как и он, безжалостной рукой*) о Ленском:

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

А теперь несколько слов о слове *светоч* в словообразовательно-этимологическом аспекте.

Это существительное в своем прямом значении („то, что, горя, освещает; факел, свеча, лучина“) возникло,

---

[1] Ср. у Пушкина в стихотворении «Иностранка» (1822): *Мой друг, доколе не увяну, В разлуке чувство погубя, Боготворить не перестану Тебя, мой друг, одну тебя.*

как и слово *свеча*, в качестве суффиксального производного от слова *свет*. Правда, первоначально в нем выделялся не суффикс *-оч*, как сейчас, а суффикс *-ьч*.

Кем же стал Калинович?

К чему может привести поверхностное чтение художественного текста и пренебрежение к языковым фактам, хорошо видно из случая с одним литературоведом, изучавшим роман „Тысяча душ“ А. Ф. Писемского. В газете „Ленинградская правда“ от 2 февраля 1956 г. о герое указанного произведения было написано буквально следующее: „Калинович приходит к выводу, что единственно правильным может быть только путь революционера. Калинович становится социалистом“. В этих двух фразах содержатся два принципиально важных положения, связанных с трактовкой идейной сущности образа Калиновича. Не надо говорить, какое большое значение все это может иметь для понимания произведения в целом. Но вот вопрос: правильно ли утверждает газета?

Обращение к соответствующим материалам показывает, что в двух приведенных фразах содержится лишь одно совершенно неоспоримое и аксиоматическое положение: единственно правильным может быть только путь революционера. Все остальное (а именно, что к этому выводу приходит Калинович и становится поэтому социалистом) так же далеко от правды, как небо от земли. И произошло это потому, что филолог позабыл, что он филолог.

Но обратимся к тому отрывку, который привел этого специалиста по Писемскому, к сожалению, к неверному выводу, вместо того чтобы вывести его на единственно правильный путь. (Заранее скажу, что в ошибке исследователя контекст не виноват.) Вот этот отрывок из рукописи 8-й главы: *Знаете ли вы, что с первого дня моего брака я сделался чиновником, гражданином, социалистом. Как хотите назовите, но только уж больше не принадлежал себе.* Вы, очевидно, уже догадались, что к неправильному, но очень заманчивому и революционному выводу привело нашего литературоведа слово *социалист*, которое он ничтоже сумняшеся без колебаний и раздумий принял за слово, известное ему из современ-

ного русского литературного языка, позабыв о существовании семантических изменений и архаизмов. Между тем одного лишь замедленного чтения этого контекста достаточно, чтобы понять, что *социалист* приведенного отрывка совсем не тот, которого мы знаем сейчас. Слово *социалист* (как и существительные *чиновник* и *гражданин*) здесь значит „общественный человек, член общества“, а вовсе не „сторонник социализма“. Понятия *чиновник* (чиновный человек, т. е. человек, принадлежащий к определенной общественной группе, сословию, чину), *гражданин* (подданный государства; член народа; приписанный к какому-либо сословию), *социалист* в приведенном отрывке противопоставлены как однорядовые понятию человека, принадлежащего только себе.

Слово *социалист* употребляется Писемским в соответствии с его этимологическим значением, которое оно имело как заимствование из французского языка, где socialiste (исходно „член общества, общественный человек“) представляет собой суффиксальное производное от social „общественный“. Последнее восходит к лат. socialis, образованному посредством суффикса ***-alis*** от socius „товарищ“.

Приходи вчера

Не правда ли, более чем странное предложение? Оно может звучать даже как оскорбление. Еще бы: приглашать прийти в то время, которое уже прошло. Вы скажете, что так не говорят, что это нелепо и нелогично. И будете в общем правы. И все-таки представьте себе, что-то подобное под музыку Дунаевского.

Я имею в виду песню из кинофильма „Волга-Волга“ на слова Волженина. Вот эти строчки:

Приходи вечор, любимый,
Поцелуй и обогрей,
Пел на зорьке за рекою,
За рекою соловей.

Первая строчка приведенного четверостишия буквально значит „приходи, любимый, вчера вечером“. Поэт здесь, совершенно незаконно и неверно с точки зрения существующих в литературном языке норм, приписал слову *вечор*

такое значение, которого у него в русском литературном языке никогда не было и которое ему несвойственно и сейчас. Неправильность употребления слова *вечор* Волжениным становится ясной, как только мы вспоминаем Пушкина:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно. („Зимнее утро")

О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое, как маков цвет.
(„Евгений Онегин")

Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечор небрежно. (Там же)

„Зачем вечор так рано скрылись?" —
Был первый Оленькин вопрос. (Там же)

Во всех этих контекстах слово *вечор* значит „вчера вечером".

Но это лишь одна сторона медали. Дело в том, что сложное, двухкомпонентное значение, как показывает история русского языка, могло у наречия *вечор* распадаться и распадалось, становясь простым. Так возникло у слова *вечор* „однокомпонентное" значение „вчера". Его отмечает уже В. Даль: „*Вечор* вчера вечером, по полудни; ино значит вообще вчера" (Толковый словарь..., т. 1, с. 189). Оно было принято и в литературном языке. Однако сжатие двухкомпонентного значения „вчера вечером" у слова *вечор* могло осуществляться и происходило также и другим путем. Слово *вечор* начинало выполнять роль второго компонента своей семантики и получало значение „вечером". Правда, это семантическое преобразование у нашего наречия протекало лишь в диалектах и им ограничилось, но так все-таки было. „Словарем русских народных говоров" АН СССР (вып. 4. Л., 1969, с. 219) значение „вечером" у

слова *вечор* отмечается для целого ряда русских говоров (нижегородских, симбирских, владимирских, московских, новгородских, курских, тульских и др.).

И этот вот факт заставляет несколько иначе оценивать промах Волженина, если хотите, отнестись к его ошибке в словоупотреблении более снисходительно. В его фразе *Приходи вечор, любимый* следует видеть в первую очередь „родимые пятна" диалектной речи (от этого, конечно, языковая погрешность не перестает быть погрешностью), а возможно, и прямое и не совсем удачное заимствование из народной песни: *Да взойди, взойди, солнце красное! Да приди, приди, заудалой молодчик, вечор до меня!* („Словарь русских народных говоров", с. 219).

Таким образом, предложение *Приходи вечор, любимый* нелепо и значит „приходи, любимый. вчера вечером" лишь в русском литературном языке. С точки зрения носителей целого ряда русских диалектов оно является вполне нормальным и содержит „безобманное" приглашение любимому приходить вечером на свиданье.

Разобранный нами случай показывает, как важно осмотрительно и осторожно подходить к нормативным оценкам того или иного словоупотребления (особенно у поэтов и писателей), учитывая факты и литературной речи, и народных говоров.

Имея в виду строчку Волженина, можно сказать, что значение „вечером" для слова *вечор* им не изобретено (оно есть в диалектах), но употреблено им наречие *вечор* все же неверно. В художественном произведении — и особенно в поэзии — всякий диалектизм должен быть мотивирован определенными художественно-изобразительными, эстетическими целями.

В заключение заметки вернемся к заглавию. В фольклоре с таким оксюморонным аналогичным каламбурным предложением мы можем встретиться запросто. Оно, кстати, отмечается В. Далем в качестве „кусочка" заговора от лихорадки: „Дома нет, приходи вчера" (Толковый словарь..., т.I, с. 276). Здесь оно правильно и вполне на месте. Действительно, пусть болезни приходят вчера.

Бутылка кислых щей

Вас не удивляет это словосочетание? Вероятно, не только удивляет, но и кажется логически диким. Ведь щи в бутылку не наливают, их в ней и не варят, и не хранят.

Для этого существует другая посуда, прежде всего тарелки и кастрюли. Поэтому словосочетания *тарелка кислых щей* и *кастрюля кислых щей* — самые привычные и обычные для нас словесные блоки. А вот сочетание *бутылка кислых щей*... Такое можно придумать разве нарочно. Другое дело *бутылка жигулевского пива*, *бутылка минеральной воды*, *бутылка свежего молока* и т. п. Их мы и слышим, и произносим постоянно. И все-таки словосочетание, образующее заглавие заметки, мною не придумано. Оно реально существует... в поэме „Мертвые души" Н. В. Гоголя. С ним мы встречаемся в первый же день пребывания Чичикова в городе NN (I глава): *День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкой кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.* Не надо думать, что здесь словесная опечатка или Гоголь ошибся и вместо слова *тарелка* употребил слово *бутылка*. Все правильно. Только *кислые щи* здесь — не наши кислые щи. Для того чтобы исчезла мнимая странность разбираемого словосочетания, достаточно заглянуть в „Толковый словарь живого великорусского языка" В. Даля (т. IV. М., 1955, с. 657). Вот что мы здесь прочитаем: „Кислые щи, род шипучего квасу". Таким образом, оказывается, перед сном Чичиков холодную телятину запил шипучим квасом.

Заметим, что этимологически фразеологизм *кислые щи* представляет собой если не тавтологическое сочетание, то во всяком случае объединение слов одного семантического поля. Ведь *щи* родственно существительному *щавель*, которому в целом ряде русских диалектов соответствуют слова *кислица*, *кисличка*, *кислушка*, *кисленица*, *киследь* и т. п., производные от прилагательного *кислый* (< *кыслый*), в свою очередь генетически связанного, между прочим, со словом *квас* и его диалектным производным *квасец* „щавель".

Об одном только *зеве*

Чеканным и прозрачным представляется поэтический язык Пушкина. Так, например, в стихотворении „Осень" сравнительно немногочисленные архаизмы и перифразы почти все понятны в своих значениях (*листы* „листья", *хлад* „холод", *поспешает* „спешит", *страждут* „страдают", *обув железом острым ноги* „надев коньки", *с Армидами младыми* „с молодыми красавицами", *любовник* „влюблен-

ный", *на устах* „на губах", *дева* „девушка", *краса* „красота", *в багрец и золото* „в красный и желтый цвет", *в их сенях* „в их зарослях", *покрыты* „покрытые", *чредой* „чередой", *дол* „долина", *лиет* „льет", *иль думы долгие в душе моей питаю* „иль долго думаю", *в недвижной влаге* „в штиле, в неподвижной воде". „Стихотворение в целом выдержано в нейтральных стилистических тонах"[1]. Лишь в одной (шестой) строфе нас ожидает восходящее к стихотворной традиции XVIII в. перифрастическое сочетание. Оно входит как раз в тот контекст, который В. В. Виноградов считает характерным для образов последнего периода творчества Пушкина, когда поэта „все глубже и сильнее привлекают парадоксальные трагические жизненные ситуации... сложные, полные внутренних контрастов и несоответствий события и случаи. В них для поэта обнажается до дна человеческая психика, и в них проявляется с особенной рельефностью характеристическая сущность жизни"[2].

В этом отрывке поздняя осень, эта „унылая пора" и в то же время „очей очарованье" со своей прощальной красотой „пышного природы увяданья" сравнивается с безнадежно больной туберкулезом девушкой:

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна:
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

При замедленном чтении наше внимание останавливает шестая строчка. Именно она содержит ту высокую перифразу, о которой ранее говорилось, перифразу с позиций нашего языкового сознания неожиданную и необычную: *Могильной пропасти она не слышит зева*. Что значит это предложение? Как его перевести на „смиренную прозу" второй половины XX в.? А. Д. Григорьева (Григорьева А. Д., Иванова Н. И. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969, с. 189) пишет следующее: „*Мо-*

---

[1] Ильинская И. С. Лексика стихотворной речи Пушкина. М., 1970, с. 217.

[2] Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 268.

гильной пропасти она не слышит зева означает „Она не чувствует приближения смерти". Глагол *не слышит* направляет понимание слова *зев* как „зевание" *(могильной пропасти — могилы — смерти)*, что выглядит своеобразной реализацией образа ада (смерти), разверзающего свои челюсти — уста". И. С. Ильинская в своей работе „Лексика стихотворной речи Пушкина" (М., 1970, с. 217) толкует эту фразу уже в качестве „идущего из церковной книжности образа зияющей могильной пропасти как символа обреченности, неминуемой смерти, гибели" с высоким архаизмом *зев* (в значении „зияние").

Как видим, переводы А. Д. Григорьевой и И. С. Ильинской почти совпадают, и с их интерпретацией этой строчки как будто можно было бы согласиться. Во всяком случае, вольное прозаическое переложение фразы *Могильной пропасти она не слышит зева* как „Она не чувствует приближения смерти" возражений не вызывает. Однако буквальный перевод слова *зев* то словом *зевание*, то словом *зияние* серьезно настораживает. И не только возникает вопрос о том, кто здесь прав, но появляется и целый ряд недоумений, связанных с толкованием пушкинского образа и словоупотребления. Дело не в том, что сейчас слово *зев* в качестве актуальной семантики имеет лишь значение „вход из полости рта в глотку" и даже значение „рот, пасть" является архаическим. Семантика ветшает иногда очень быстро, и А. С. Пушкин мог воспользоваться устаревшими значениями „зевота, зевание", или „зияние": такие значения у существительного *зев* были. Дело в другом: если вместо слова *зев* мы поставим предполагаемые А. Д. Григорьевой и И. С. Ильинской синонимы со значением „зевание" или „зияние", то перед нами возникают логические неувязки, разбираемая строчка Пушкина в смысловом отношении представляется, если так можно выразиться, не совсем грамотной. Это особенно четко выступает при толковании слова *зев* как „зияние": ведь слышать зияние нельзя. По мнению А. Д. Григорьевой, буквально здесь Пушкин сказал *(могильная пропасть = могиле = смерти)*: „Она не слышит зевоты смерти". Такая трактовка противоречит ее же вольному, но вообще верному переводу строки предложением „Она не чувствует приближения смерти".

Говорят обычно: tertium non datur „третьего не дано". В данном случае именно третье толкование будет правильным. Трудно объяснить, почему при переводе слова *зев*

не учитывались все когда-то присущие ему (да и сейчас в диалектах еще известные) значения. Если бы учитывался весь семантический объем слова *зев*, никаких смысловых неурядиц мы бы при чтении этой пушкинской строчки не испытывали.

У Пушкина и здесь все было просто и точно, под стать всему стихотворному контексту. Слово *зев* как производное от глагола *зевать* в „злополучной" фразе употреблялось им в значении „зов". *Могильной пропасти она не слышит зева* значит „Она не слышит зова могилы (т. е. смерти)". Данное значение перешло к существительному *зов* по наследству от соотносительного с ним глагола *зевать*, имеющегося и поныне в других славянских языках и в русских диалектах, помимо привычных нам значений, значение „звать" (ср. сербскохорватск. *зиjати* „кричать, зиять"; *зевастый* „горластый, крикливый" („Словарь современного русского народного говора, под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 198), и т. д.).

Заметим, что подобный пучок значений характерен и для соответствующих глаголов в ряде других языков. Ср., например, др.-греч. chainein „зиять, раскрываться, разверзаться; разевать рот или пасть" и „кричать, произносить, говорить".

Мечты и *мечты*

Мечты бывают разными... Но не о них пойдет речь в этой заметке. Обратим внимание на слова. Ведь бывают разными и слова *мечты*, причем иногда у одного и того же писателя и в одном и том же произведении.

Случай со словом *мечты* в романе Пушкина „Евгений Онегин" — один из ярких, хотя и очень многочисленных примеров, которые свидетельствуют, что читать художественную литературу надо не „по диагонали", а внимательно и неспешно. Иначе „подводные камни" особых языковых фактов будут не замечены, и мы со своим стремлением понять писателя как можно скорее потерпим „жестокое кораблекрушение", тем более страшное, что можем его и не заметить. Забвение этого принципа способно привести к неверной интерпретации литературного текста не только простым смертным, но и специалистом. В нашем случае это и произошло, между прочим, с проф. С. М. Бонди, известным пушкинистом. Но ближе к делу...

Существительное *мечта* (естественно, в самых различных своих падежных формах) мелькает в „Евгении Онегине“ довольно часто. Оно предстает перед нами уже в посвящении:

Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной *мечты*...

С ним мы сталкиваемся во второй главе при описании Ленского:

Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной *мечты*
И прелесть важной простоты.

Его трижды произносит в своей исповеди-отповеди Татьяне Онегин в четвертой главе:

Мечтам и годам нет возврата,
Не обновлю души моей...

Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие *мечты*.

Неоднократно слово *мечта* встречается нам и в иных местах романа. И все это обычное слово *мечта* в привычном значении.

Но есть в романе „Евгений Онегин“ и другие мечты. Слово *мечта* может являться и является нам в двух контекстах с такими значениями, которые ему в настоящее время уже несвойственны.

В одном случае слово *мечта* выступает у Пушкина как заменитель существительного *сновидение*:

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.

В другом случае слово *мечта* у Пушкина (уже в форме множественного числа) оказывается еще более интересным, поскольку его собственное значение — „видение“ — неразрывно слито со значением стоящего рядом и определяющего его прилагательного *черные:*

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные *мечты*.

Впрочем, увидеть это можно только при замедленном чтении, хотя и без какого-либо специального лингвистического анализа. На первый же взгляд слово *мечты* здесь может показаться простым и обычным, а слово *черные* — очень своеобразным, хорошим и свежим эпитетом.

Так, кстати, словосочетание *черные мечты* и объясняется в комментариях С. М. Бонди к детгизовскому изданию „Евгения Онегина".

Внимательное и неспешное чтение предшествующей строфы показывает, однако, что смысл фразы иной. Вспомним, что предшествует разбираемому контексту:

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной[1] Таней наш приятель.
Не в первый раз он тут явил
Души прямое[2] благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

В строфе, как видим, немало скепсиса и пессимизма, поэт высказывает (и не без причины) сомнение в существовании настоящих друзей: *Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я.* Однако тут же оговаривается: *А что? Да так. Я усыпляю пустые черные мечты* (т. е. „Я не хочу напрасно видеть все в черном свете", буквально — „Я заставляю уснуть, отгоняю от себя пустые черные виденья, напрасные мрачные мысли").

Как же возникло такое оригинальное словосочетание, как *черные мечты?* Оно появилось у Пушкина в результате творческого переоформления фразеологической кальки *видеть все в черном свете* (<франц. voir en noir), но и с использованием, с одной стороны, вместо слово *виденье* (однокорневого с глаголом *видеть*) его архаического синонима *мечты* „виденья, призраки", а с другой стороны, диалектно-просторечного значения слова *мечты* „мысли".

[1] *Печальная* здесь значит «достойная сожаления».
[2] *Прямое* здесь значит «настоящее».

Грозный суд или грозный судия?

В различных изданиях сочинений Лермонтова одна из строк заключительной части „Смерти поэта" дается по-разному. То мы читаем: *Есть грозный судия: он ждет* (см., например: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. I. М., 1947, с. 20), то находим: *Есть грозный суд: он ждет* (см. хотя бы: Лермонтов М. Ю. Собр. соч., т. I. М., 1964, с. 23). Эти разночтения существуют, конечно, прежде всего потому, что автограф последней части стихотворения не сохранился и текст печатается по спискам и воспоминаниям. А списки и воспоминания могут быть разные: и по достоверности, и по качеству.

Однако думается, что указанные разночтения объясняются также и другими причинами: самим контекстом позднейшего дополнения к первоначальному варианту стихотворения и его различным чтением (а значит, и толкованием).

Особенно четко и наглядно это можно наблюдать в комментарии разбираемого стихотворения М. Ю. Лермонтова И. Л. Андрониковым. Им принимается чтение соответствующего отрывка с сочетанием *грозный суд:*

Но есть и божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный суд: он ждет.

По его мнению, сочетание *грозный суд*, известное в списках, меняет смысл заключительных строк: *грозный судия* после *божьего суда* ассоциировался с *судией небесным*. Получалось, что палачей свободы должен покарать бог, что их ждет загробная кара. *Грозный суд*, о котором говорит Лермонтов,— это суд истории. Такой смысл подтверждает текст стихотворения П. Гвоздева, написавшего свой ответ на лермонтовское стихотворение 22 февраля 1837 г.: *Не ты ль сказал: „есть грозный суд!" И этот суд есть суд потомства*[1]. Приводимые доказательства в защиту сочетания *грозный суд* (а не *грозный судия)*, как видим, носят внетекстовой характер и целиком опираются не на внимательное чтение заключительных шестнадцати строк „Смерти поэта" и учет характерных для Лермонтова поэтических формул и употреблений, а на сторонние для произведения факты (вроде списков и риторического во-

[1] Лермонтов М. Ю. Собр. соч., т. 1, М., 1964, с. 563.

проса в стихотворении П. Гвоздева) и их предвзятое и субъективное истолкование, а поэтому доказательными аргументами на самом деле не являются. Перечитаем только что приведенную цитату из рассуждений И. Л. Андроникова. Весь их смысл сводится к тому, что в том случае, если мы примем чтение *грозный судия*, а не *грозный суд*, то получится (?!), что палачей Свободы, Гения и Славы должен покарать бог, а этого (упаси боже!) Лермонтов никак сказать не мог. Почему? Да потому, что *грозный суд*, о котором говорит Лермонтов,— это суд истории. Не верите? Так посмотрите стихотворение юнкера П. Гвоздева: оно точно цитирует соответствующее место и не менее точно передает его смысл. Правда, некоторые литературоведы считают гвоздевскую интерпретацию стихотворения поэта вольной и неверной, поскольку она была „не на высоте лермонтовской идеи", отодвигала „в неопределенность то, что у Лермонтова происходит (или произойдет!) на наших глазах,— вот сейчас свершится или уже совершается. Лермонтов не случайно избежал слова *потомство* — оно затягивало и растягивало отмщение"[1]. Но это неважно. Надо, чтобы получился тот смысл, который хочется видеть.

Кстати, совершенно непонятно, почему И. Л. Андроников считает, что *божий суд (Но есть и божий суд!)* является обязательно символом только загробной кары. Вл. Архипов (другое дело — насколько основательно) смотрит на это совершенно иначе: „Здесь, вне сомнения, образ божества выступает лишь как облачение идеи революции... Это мы встретим и у Радищева, и у поэтов-декабристов, а равно и у Некрасова. Сознание своего права на восстание еще нуждается в высшей санкции, в санкции божества". Последнее появляется у Лермонтова „как неотъемлемый элемент народной психологии, народных представлений. Это — менее всего религиозный бог, карающий непослушных рабов, требующий смирения и подчинения высшим. Это — бог восставших, бог поднимающихся рабов, ищущих справедливого возмездия за все свои страдания и муки..."[2].

Неясно также и то, почему (придавая почти решающее значение в данном вопросе стихотворению П. Гвоздева)

---

[1] Архипов Вл. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., 1965, с. 297—298.

[2] Там же, с. 294—295.

И. Л. Андроников не учитывает очень важные для нас объяснения, которые давал С. А. Раевский на судебном допросе, когда появилось дело о „непозволительных стихах“. К больному Лермонтову пришел его родственник камер-юнкер Н. А. Столыпин. Разговор зашел о смерти Пушкина. Столыпин всячески защищал Дантеса. Лермонтов горячился и негодовал. „Разговор шел жарче, молодой камер-юнкер Столыпин сообщил, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от внешних законов, что Дантес и Геккерен, будучи знатными иностранцами, не подлежат ни законам, ни суду русскому. Разговор принял было юридическое направление, но Лермонтов прервал его словами, которые после почти вполне поместил в стихах: „если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, то есть божий суд“. Разговор прекратился, а вечером, возвратясь из гостей, я нашел у Лермонтова и известное прибавление, в котором явно выражался весь спор“[1].

Но достаточно литературоведческих цитаций, вернемся к лермонтовскому „железному стиху“, „облитому горечью и злостью“. Прочтем еще раз внимательно заключительные строки „Смерти поэта“ и заглянем в произведения Лермонтова более раннего времени и их лексический и образный фонд. Тогда мы увидим, что текстологическое решение И. Л. Андроникова принять нельзя: оно противоречит и логике текста, и логике лермонтовской поэтики.

Начнем с второстепенного, но тем не менее обращающего на себя внимание факта. Строчка в виде *Есть грозный суд: он ждет* явно и недвусмысленно выпадает из метрической системы. Силлабо-тонический ряд *Есть грозный суд: он ждет* диссонирует со всеми остальными, поскольку он оказывается короче на два слога даже тех, которые неразрывно связаны с ним и по смыслу, и версификационно. Что же касается чтения *Есть грозный судия: он ждет*, то оно не только органически „симфонирует“ первой строчке *(А вы, надменные потомки)* и непосредственно следующей *(Он не доступен звону злата)*, но и полностью метрически повторяется в последних рифмующихся строчках стихотворения *(Оно вам не поможет вновь — Поэта праведную кровь!)*.

---

[1] Цит. по кн.: Розанов И. Н. Лермонтов — мастер стиха. М., 1942, с. 102.

А теперь обратимся к ближайшему словесному окружению спорной строчки. Оно является решающим аргументом в пользу чтения *Есть грозный судия: он ждет.* И предшествующие фразы, и последующие говорят, что за прилагательным *грозный* следует существительное не *суд*, а *судия:*

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.

Прямо, своими именами назвав людей, виновных в трагической гибели Пушкина *(жадная толпа*; *палачи Свободы, Гения и Славы*; *наперсники разврата)*, Лермонтов не побоялся открыто сказать также и то, что они находятся под защитой царского правительства, в силу чего правосудие[1] вынуждено молчать. Излив „горечь сердечную“ и негодование, вызванные тем, что „некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства принадлежащие к высшему кругу, не переставали омрачать память убитого и сеять разные невыгодные для него слухи“[2], Лермонтов далее заявляет, что защита законом (т. е. царем) виновных в смерти Пушкина временна и непрочна: есть и божий суд, суд высший, окончательный и справедливый (уже в „Слове о полку Игореве“ встречается: *ни хитру, ни горазду суда божия не минути*). По мнению И. Л. Андроникова, это — грозный суд истории, потомства. Поэтому-де надо и читать: *Есть грозный суд: он ждет*. Но следующие строки *(Он не доступен звону злата, И мысли и дела он знает наперед)* категорически отметают такое чтение: мысли и дела „грозный суд истории, потомства“ наперед знать не может. По тогдашним представлениям многих (в том числе и Лермонтова), такая привиле-

---

[1] Вл. Архипов в своей книге (Архипов Вл. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., 1965, с. 279) неправильно членит фразеологизм *суд и правда* на два самостоятельных слова: *суд* и *правда*. *Суд и правда* значит «правосудие» (ср. древнерусск. *творить суд и правду*).

[2] Из показаний М. Ю. Лермонтова на судебном допросе.

гия принадлежит только всевышнему, богу как воплощению всеведения. Правильно говорит Вл. Архипов, что *И мысли и дела он знает наперед* — „это религиозная формула, характеризующая бога и божество". А отсюда вытекает, что сочетание *он ждет* значит „ждет бог", и места для слова *суд* не остается: *есть грозный судия* (ср. древнерусск. *богъ буди имъ судия*).

Значит ли факт употребления Лермонтовым слова *судия* (а не *суд*), что он говорит лишь о загробной каре убийц Пушкина в день страшного суда? Ни в коем случае. Ведь божий суд может быть и земным судом, по воле божией осуществленным народом. Объективно революционное звучание стихотворения в целом остается и со словом *судия*. Ибо закончено оно в последнем четверостишии:

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Дополнительным аргументом в пользу чтения *грозный судия* в разбираемом нами тексте является словарь и образная система близкотемного стихотворения „30 июля.— (Париж). 1830 года", ясно отложившиеся в заключительной части „Смерти поэта". Там Лермонтов тоже грозит власть имущим не только земным судом народа *(Но ты французов не узнал! Есть суд земной и для царей.— Провозгласил он твой конец... О! чем заплатишь ты, тиран, за эту праведную кровь, За кровь людей, за кровь граждан)*, но и загробной карой и употребляет слово *судия*.

Какой *позор*?

Есть слова, которые при чтении художественных произведений прошлого требуют к себе от нас самого бережного отношения и пристального внимания. Это те, в которых заключена какая-нибудь лингвистическая особенность: не наше значение, совсем иные лексические связи и стилистическая окраска, чуждое нам ударение и т. д. Особенно коварными являются семантические архаизмы, своеобразные омонимы хорошо знакомых нам и активно употребляемых нами слов. К их числу относится и слово *позор* в своих некоторых старых значениях. Сейчас это существительное выступает в качестве синонима слов *стыд*,

срам, бесчестье, скандал (ср. *Какой позор!*). В поэзии первой половины XIX в. слово *позор*, однако, довольно часто встречается и с иным — нейтральным — значением. И позор нам, если мы не отличим одного от другого. Разные *позоры* можно встретить сплошь и рядом в стихах одного и того же поэта. Так, читая стихотворение А. С. Пушкина „Деревня", мы встречаемся с современным значением слова *позор:*

> Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
> Среди цветущих нив и гор
> Друг человечества печально замечает
> Везде невежества убийственный *позор*.

Но обратимся к оде „Вольность". Перед на́ми такое четверостишие:

> Увы: куда ни брошу взор —
> Везде бичи, везде железы,
> Законов гибельный *позор*,
> Неволи немощные слезы...

Здесь тоже есть слово *позор*, но совсем в ином значении. О чем говорит здесь Пушкин? О том, что, куда он ни посмотрит,— везде притеснение (бичи и оковы), бессильные слезы крепостных и зрелище гибели законов. Существительное *позор* имеет здесь смысл самый первоначальный и исконный для этого слова. Ведь оно было образовано когда-то от глагола *позьрѣти* „посмотреть, взглянуть" (приставочного производного от *зьрѣти* „смотреть, видеть", ср. современное *зреть*, *зрение*) так же, как *взор* < *възоръ* — от глагола *възьрѣти* „взглянуть, посмотреть" с помощью безаффиксного способа словообразования и перегласовки *(ь—о)*.

Значение „зрелище" для слова *позор* в древнерусском языке было основным: *Възгореся церкы святого Василия... и течаху людие на позор*; *И вьси пришьдъшие на позоръ сь видяще бывъшая, биюще пърьси своя, възращаахуся* и т. д. (т. е. „Загорелась церковь святого Василия... и шли люди на зрелище посмотреть; И все пришедшие на зрелище это, видев бывшее, то, что происходило, и бия себя в грудь, возвращались").

Употребление слова *позор* в разных значениях, отмеченное у Пушкина, встречается и у Лермонтова. В клятве

Демона из одноименной поэмы перед нами слово *позор* в современном значении:

> Клянусь я первым днем творенья,
> Клянусь его последним днем,
> Клянусь *позором* преступленья
> И вечной правды торжеством.

Обращаемся к стихотворению „Журналист, читатель и писатель“, где писатель, отвечая читателю и журналисту, говорит о себе:

> Судья безвестный и случайный,
> Не дорожа чужою тайной,
> Приличьем скрашенный порок
> Я смело предаю *позору*;
> Неумолим я и жесток...

Какой семантикой обладает слово *позор* в этом контексте? Прочтите замедленно и с расстановкой отрывок еще раз, и вы увидите, что в данном случае существительное *позор* совмещает в себе и архаическое, и современное значения — оно двузначно. „Не дорожа чужою тайной“, неумолимый и жестокий писатель позволяет увидеть, смело выставляет на обозрение скрашенный приличием порок, но выставляет его на обозрение, постыдное для обладателей этого порока. Слово *позор* тут и „обозрение, зрелище“, и „позорное зрелище, поругание“.

В этом отрывке Лермонтов пользуется художественным приемом сознательной стилистической контаминации старой и новой семантики слова (естественно, с расчетом на восприятие читателем обеих).

Может возникнуть чисто этимологический вопрос: каким образом у слова *позор* „зрелище“ развилось затем значение „стыд, бесчестье, поругание“? Промежуточным семантическим звеном, отделяющим первоначальное значение от современного, было как раз то „постыдное зрелище“, которое индивидуально-авторски было воспроизведено Лермонтовым в стихотворении „Журналист, читатель и писатель“. А появилось оно в устной речи у слова *позор* „зрелище“ в результате употребления последнего в фразеологических оборотах *выставить на позор* и *выставить* (позднее *пригвоздить*) *к позорному столбу* „наказать преступника, привязав его на площади к столбу для всеобщего обозрения“. Развитию этого значения в письменной речи,

возможно, способствовало еще и то обстоятельство что слово *позор* имело и более узкую „зрелищную" семантику — театральное представление, которое с церковной точки зрения было для христианина постыдным, даже бесовским (ср.: *Въ божествьныя праздьникы позоры некакы бесовьския творити*; *Позори игрьнии въ неделю да възбраняються* (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, с. 1092).

В заключение заметим, что отрицательное значение у слова *позор* и его производных в своем развитии не является обязательным (ср. польск. pozorny „мнимый, кажущийся", чешск. pozor „внимание!" и т. д.). Есть такие южнорусские говоры, где слово *позорный* обозначает видного, приятного на взгляд, красивого (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, с. 232): *позорная девка* „красивая девушка". Такое энантиосемическое (прямо противоположное положительное) значение у слова *позорный* в общем-то вполне законно (ср.: *видный*, родственное *видеть*, *(не)взрачный*, родственное *зреть*, и т. д.).

В каком месяце Пушкин изображает деревню в стихотворении «Деревня»

Стихотворение А. С. Пушкина „Деревня" является одним из самых удачных примеров, на которых можно показать ученикам необходимость замедленного чтения художественных произведений, коль скоро они действительно хотят понять, что и как сообщает писатель, о чем повествует, какими языковыми средствами пользуется. В стихотворении много различного рода архаизмов, немало поэтических перифраз, требующих особых комментариев и оговорок. В этой заметке мы на всем останавливаться, однако, не будем. Коснемся лишь одной (второй) части этого „вольного" антикрепостнического стихотворения поэта, в котором он описывает деревенский пейзаж. Она, в общем, почти свободна от устарелых языковых фактов. Во всяком случае, пониманию живописной картины деревни эти факты вряд ли мешают (*сей* „этот", *рыбарь* „рыбак", *полосаты* „полосатые", *крылаты* „крылатые"[1]). И вот даже на этом

---

[1] Два последних слова представляют собой усеченные (не краткие!) прилагательные, выступающие в роли определений.

нетрудном для восприятия отрывке можно убедить ребят читать стихи внимательно. Стоит только поставить перед ними небольшую задачу: определить как можно точнее, в какое время года Пушкин изображает деревню. Из двенадцати строк отрывка помогут решить это (их надо предварительно найти) прежде всего два сочетания существительных с прилагательными — *душистыми скирдами* и *овины дымные*. И особенно — последнее. Надо знать лишь значения этих слов. Строчка *Сей луг, уставленный душистыми скирдами* говорит, что время сенокоса уже прошло, сено скошено, высушено и собрано в скирды, т. е. в „большие плотно уложенные кучи". Так как сенокос бывает в июне — июле, то можно уже заключить, что описывается лето, а не весна (*темный сад с его прохладой и цветами* может быть и весной!). Сообщение поэта о том, что он вдали видит также овины дымные, еще более уточняет изображаемое им время. Ведь *овины* — это „хозяйственные строения для искусственной сушки снопов", т. е. скошенного и собранного хлеба перед молотьбой. В них хлеб в снопах сушится с помощью огня, разводимого или прямо в яме, или в курной печи. Дымными, т. е. действующими, овины бывают после жатвы и перед молотьбой, т. е. не раньше августа. Вот это-то время в деревне и описал в „подвижных картинах" Пушкин в своей „Деревне".

Попутно обратим внимание на первое словосочетание с иной точки зрения — зрительной. Ведь большие, плотно уложенные кучи сена можно назвать и стогами (рифма, кстати, сохранится). Каким же видит поэт луг после сенокоса? Чтобы ответить правильно на этот вопрос, надо знать, чем отличаются скирды от стогов. Стога по форме круглые, скирды же всегда продолговатые.

Так знание значений слов не приблизительно и в целом (как это часто бывает), а очень точно и определенно позволяет представить себе поэтический уголок Пушкина, описываемый им в стихотворении „Деревня", августовскую деревню, полную „довольства и труда", и в то же время несчастную под ярмом крепостничества.

Чьи и какие сыны?

В поэтической речи Пушкина, помимо чужих и незнакомых слов и форм, нас постоянно поджидают довольно многочисленные и очень разнообразные перифрастические

сочетания. Перифразы содержат не прямое название предмета речи, а его описательно-метафорическую характеристику и даже в зрелом периоде творчества поэта выступают в его стихотворных произведениях в качестве одной из наиболее ярких стилевых примет. Употребляются они им по-разному и в зависимости от своего лексического состава и приема использования могут быть различной степени трудности. Одни перифразы являются прозрачными и понятными, и их перевод на современный язык не составляет никакого труда. Таковы, например, перифрастические строчки *Я предаюсь своим мечтам*, *Мы все сойдем под вечны своды*, *Привык я думой провожать* из стихотворения „Брожу ли я вдоль улиц шумных" („Я мечтаю, Мы все умрем. Я привык размышлять"). Но у Пушкина встречаются нередко и перифразы иного рода, по своему смыслу темные и непонятные. Путешествуя по пушкинским страницам, с одним из таких описательно-метафорических сочетаний мы сталкиваемся в последней цельной строфе „Отрывок из путешествия Онегина", когда „выходим из одесского оперного театра":

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревем речитатив.

Здесь мы встречаемся с ... сынами Авзонии. Думается, что для многих это сочетание будет — при всей обыденности и простоте структуры — по своему конкретному значению совершенно неясным. Неясно само по себе оно и в другом контексте — в стихотворении Пушкина „Кто знает край, где небо блещет...":

Людмила северной красой
Все вместе — томной и живой —
Сынов Авзонии пленяет...

Между тем семантика сочетания *сыны Авзонии* самая прозаическая и раскрыть ее легко, если только знать, что, во-первых, перед нами перифрастическое наименование лица по его национальной принадлежности (ср. перифразу

со значением „скиф" из стихотворения „К Овидию": *Там хладной Скифии свирепые сыны, За Истром утаясь, добычи ожидают И селам каждый миг набегом угрожают*), а во-вторых, что значит слово *Авзония*. *Авзония* представляет собой старое название Италии (оно образовано от имени *Авзона*, по преданиям первого царя Италии, сына Одиссея и Цирцеи, или Калипсо). Так звонкое, но невнятное сочетание *сыны Авзонии* превращается для нас в привычное слово *итальянцы*.

Невольно вспоминается название одного из рассказов А. П. Чехова „Дочь Альбиона", в котором перифраза, образующая заглавие новеллы, носит стилистически маркированный характер и имеет неприкрыто иронический оттенок. Непонимания это выражение у нас не вызывает и потому, что еще не забыто старое название Британских островов *Альбион* (жив пока и фразеологический оборот *коварный Альбион* „Англия"), и потому, что уже во втором абзаце рассказа оно переведено словом: *Возле него стояла высокая тонкая* ***англичанка*** *с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос*. Сочетание *сыны Авзонии*, как видим, оказывается коварнее, нежели сочетание *дочь (коварного) Альбиона*.

Про *труса* и *трус*

Вероятно, заглавие заметки будет непонято и покажется странным. Однако никакой ошибки оно не содержит, хотя и является (здесь я должен признаться откровенно) нарочитым, специально придуманным. Что в названии нашей маленькой лингвистической заметки „темно" и неясно? Несомненно, последнее слово. И все же, кое-что мы о нем узнаем из словосочетания, образующего заголовок. Как однородный член оно соединено союзом *и* с существительным *трус*, стоящим после предлога *про*. Последний требует после себя винительного падежа, в каком следующее за ним существительное *трус* и стоит. Поскольку форма винительного падежа первого слова *трус* равна форме родительного, перед нами одушевленное существительное *трус* со значением „робкий, трусливый человек".

В винительном падеже (как однородный член первому существительному после предлога *про*) стоит и второе слово *трус*, однако оно уже является существительным не-

одушевленным: об этом свидетельствует форма его винительного падежа с нулевым окончанием. Последнее (не *-а (-я)*, не *-у (-ю)* и т. д.) позволяет установить, как слово выглядит и в именительном падеже: так же, как и в винительном — *трус*.

Таким образом, заголовок дает нам возможность увидеть, кроме знакомого неодушевленного существительного *трус* „робкий трусливый человек", также и неодушевленное существительное *трус*, конкретное значение которого для многих будет тем, что называется „книгой за семью печатями". И в этом ничего удивительного нет, так как в активном употреблении это слово попросту отсутствует. Возникает вопрос: стоит ли тогда говорить о том, чего уже нет? Стоит, ибо все-таки с этим словом можно встретиться. Где? В произведениях русской классической литературы. И вот вам один очень интересный и показательный пример. У А. Блока есть небольшое, но чудесное стихотворение „Гамаюн, птица вещая", навеянное известной картиной художника В. М. Васнецова. Это произведение является своеобразной словесной иллюстрацией к полотну замечательного русского живописца, изображающего Гамаюна, по древнерусским народным представленьям, сказочную птицу-вещунью с человеческим лицом. Здесь-то мы и сталкиваемся со вторым словом *трус* заглавия нашей заметки, органически входящим как архаизм в общую языково-стилистическую ткань текста:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавый,
И *трус*, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

Вещает что? *И трус, и голод, и пожар*. Все слова: и *трус*, и *голод* и *пожар* — стоят в винительном падеже, и

все — неодушевленные существительные. Значит, здесь мы имеем дело именно с тем словом, о котором говорили ранее. Но приведенное словесное окружение не раскрывает семантики нашего слова *трус*, хотя и можно предполагать по следующим за ним однородным членам *и голод*, *и пожар*, что оно имеет абстрактное значение. Надо заглянуть в большой толковый словарь. Тогда мы узнаем, что это существительное значит „землетрясение".

Архаизм *трус* „землетрясение" стилистически однороден устаревшим словам, связанным с ним и соседством, и функционально: *облеченные* „одетые", *вещает* „предсказывает", *крыл* „крыльев", *правые* „невиновные", *лик* „лицо", *уста* „рот, губы" и т. д. А. Блок использует в стихотворении, по существу, евангельскую цитату в переработанном виде (ср. *И будуть пагубы и глади и труси*, т. е. „И будут мор, и голод, и землетрясения").

Этимологически анализируемое слово *трус* (как и его одушевленный омоним) прямо и непосредственно родственно второй части его современного синонима *землетрясение*. Основы *трус-* и *тряс-* (первоначально соответственно с новыми *о* и *е*: *ǫ̂* > *у*, *ę* > *а* представляют собой перегласованные формы одного и того же корня (чередование *о*/*е* здесь искони такое же, как и в словах *везу* — *воз*, *несу* — *ноша*, *теку* — *ток* и т. д.). Отношения *трус* „землетрясение" и *трус* „робкий, трусливый человек" являются такими же соответствиями имени действия и имени действующего лица, какими выступают пары: современные *разбой* и *разбой* „разбойник" (ср.: *дъва разбоя есте)*, *лов* и *лов* „ловля", *ход* и устаревшее *ход* „ходок" (ср. *скороход* — *скоро ходъ*) и т. д. Заметим, что современный „эрзац" старого *трус* существительное *землетрясение* (из *землитрясение* под влиянием сложных слов на *о*/*е*, ср. *кровопролитие* < *кровипролитие*) возник на базе фразеологического оборота *земли трясение*, являющегося калькой соответствующего латинского сочетания[1]. Между прочим, украинское современное обозначение *землетрясение* прихотливо выступает в виде своеобразного гибрида древнерусского и современного русского слов: у украинцев сейчас *землетрясение* называется *землетрус*.

---

[1] См.: Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. М.— Л., 1964, с. 186—187.

О глаголе *течь*

Современными значениями глагола *течь* являются „течь, литься“ (о жидкости), „идти, проходить“ (о времени) и „протекать, пропускать жидкость“ (о прохудившемся предмете).

Но приходилось ли вам обращать внимание на глагол *течь* в поэме С. Есенина „Анна Снегина“? Он используется здесь поэтом (как и слово *оладья*) несколько необычно:

Ну что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не *текла*,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.

Необычность употребления существительного *оладья* в родительном падеже множественного числа в диалектной форме *оладьев*, а не в литературной *оладий* замечается быстрее и объясняется проще: перед нами речь мельника, носителя соответствующего народного говора.

Особый характер глагола *течь* чувствуется слабее, хотя стилистически он играет явно ту же самую характерологическую роль и вводится поэтом для воссоздания народной речи.

Смысл строчки *Еще и заря не текла* ясен, ее можно перевести сочетанием „еще на рассвете“ или „еще до восхода солнца“ (ср. *ни свет ни заря*). Но вот в каком значении употреблен здесь глагол *течь* — не совсем понятно. Ведь слово *заря* в своем прямом значении и не предмет, который может прохудиться, и не жидкость, и не время. Это, как определяют словари, „яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца“. Впрочем — стоп! В переносном значении, как это отмечается еще В. Далем, слово *заря* значит и „время освещения находящегося под небосклоном солнца“, т. е. время восхода или захода солнца. Значит, перед нами не нарушение литературной нормы, не поэтическая вольность, а закономерное проявление глаголом *течь* общеязыкового значения „идти, проходить“ (о времени), хотя и своеобразное, поскольку он сцепляется со словом *заря* не в первичном его смысле, а в переносном.

Есенинское употребление слова *течь*, как видим, спокойно укладывается в прокрустово ложе современных семантических законов. А вот обратившись к классической поэзии первой половины XIX в., мы найдем и такое ис-

пользование глагола *течь*, которое с семантико-синтаксической точки зрения будет уже архаичным, устарелым. В XIX в., сочетаясь с существительным, обозначающим человека, глагол *течь* имел „временное" значение „идти, проходить; быстро идти; бежать, нестись".

Вспомним, как, например, писал Пушкин:

И, мнится, очередь за мной,
зовет меня мой Дельвиг милый...
товарищ песен молодых,
пиров и чистых помышлений,
труда, в толпу теней родных,
навек от нас *утекший* (=ушедший.— *Н. Ш.*) гений.
(„Чем чаще празднует лицей...")

Смотря на путь, оставленный навек,—
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело *протек*[1] (=прошел.— *Н. Ш.*).
(„Князю А. М. Горчакову")

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь *потек* (=пошел.— *Н. Ш.*)
И к утру возвратился с ядом. („Анчар")

Словесные связи глагола *течь* „идти, проходить" с обозначениями человека, так часто наблюдаемые в поэзии первой половины XIX в., восходят к старому — еще церковнославянскому — источнику: *Петръ, въставъ, тече к гробоу* „Петр, встав, пошел к могиле" („Мстиславово евангелие" до 1117 г.); *Аврам же тече въ срѣтенье ему* „Авраам же пошел навстречу ему" („Слово о законе и благодати Илариона"); *тогда Влуръ влъкомъ потече* „Тогда Влур волком побежал" („Слово о полку Игореве") и т. д.

Последний пример косвенно свидетельствует, что *течь* (уже со значением „бежать, нестись") мог согласовываться и с существительными, обозначающими животных, ср. у Даля — *белка течет.*

---

[1] Ср. у него же современные «временные» связи и семантику: *И многие годы над ним протекли* («Подражание Корану»); *Но полно: мрачная година протекла* («Второе послание к цензору»).

Живой и актуальной эта семантика сохранилась до сих пор у просторечных глаголов того же корня, приставочного *утечь* и „перегласовочного“ (очевидно, заимствованного из украинского языка) *тика́ть*.

Хрипуны Грибоедова и Чехова

Слово *хрипун* в современном повседневном употреблении не вызывает у нас ни любопытства, ни вопросов. Это существительное представляет собой рядовое образование на ***-ун,*** значение которого целиком и полностью складывается из его корня и следующего за ним суффикса. В этом отношении оно однотипно словам *крикун*, *шаркун*, *сопун*, *болтун*, *хвастун*, *свистун*, *ворчун* и т. п.

Хрипун — человек с хриплым, сдавленным, сиплым голосом. Но хрипун хрипуну рознь. Обращаясь к художественным текстам прошлого, можно встретиться и с таким словом *хрипун*, которое поставит нас в тупик. Оно не является совершенно чужим нашему существительному *хрипун*. В определенной мере оно выступает как родственное ему. И тем не менее ввести нас в грех (в старом значении этого слова — „в ошибку“, ср. *погрешность*) вполне способно. Дело в том, что семантика старого слова *хрипун* как лексической единицы XIX в. в определенной социальной сфере была значительно у́же и конкретней, хотя и строилась на сумме значений составляющих его морфем.

При изучении программных произведений А. С. Грибоедова и А. П. Чехова учитель должен всегда это помнить. Иначе соответствующие отрывки из комедии „Горе от ума“ и рассказа „Ионыч“ будут восприняты им неверно. Обратимся к соответствующим контекстам.

У Грибоедова слово *хрипун* присутствует в меткой и язвительной характеристике Чацким Скалозуба: *Хрипун, удавленник, фагот, созвездие маневров и мазурки*. Первая строчка этой оценки Скалозуба как личности состоит из трех однородных членов-синонимов, характеризующих его на первый взгляд лишь по свойственной ему манере говорить (*хрипун*, *удавленник*, *фагот* „человек с хриплым сдавленным, сипло-басовитым, как у фагота, голосом“). Но здесь перед нами и морально-этическая характеристика Скалозуба как офицера-фанфарона, духовно убогого хвастуна и щеголя. В данном случае Грибоедов употребил слово *хрипун* не в общенародном — известном

и сейчас — значении, а в устаревшем арготическом значении, бытовавшем в XIX в. в среде военных.

Это особое значение слова *хрипун* „офицер-фанфарон", несомненно, появилось у него под влиянием корневого *хрип*, в речи военных получившего семантику „хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса". Свидетельство об этом поэта П. Вяземского приводится Г. О. Винокуром уже в статье „Горе от ума" как памятник русской художественной речи" („Учен. зап. МГУ. Труды кафедры русского языка", 1948, вып. 128, кн. I).

Таким образом, в устах Чацкого *хрипун*, *удавленник*, *фагот* по отношению к Скалозубу значило „офицер-фанфарон, высокомерный хвастун и щеголь с манерой говорить нарочито сиплым, хриплым, басовым голосом".

Ту же семантику слово *хрипун* имеет и у Чехова в рассказе „Ионыч". Вспомните „жалостные" слова Старцева Екатерине Ивановне во время их встречи после четырехлетней разлуки, когда „ему вдруг стало грустно и жаль прошлого" и „уже хотелось говорить, жаловаться, на жизнь...": — *Эх! — сказал он со вздохом.— Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?* Здесь слово *хрипун* в том же значении, что и у Грибоедова, и называет им Старцев тех же скалозубов, только конца XIX в.

Небось и *наверное*

Вводные слова *небось* и *наверное* употребляются сейчас в качестве лексических единиц, выражающих разную степень предположения, и передают большую или меньшую степень уверенности в достоверности того, о чем говорится в основной части предложения. Таким образом, в современном русском литературном языке они играют ту же роль, что и слова *вероятно*, *очевидно*, *по-видимому* и им подобные. Но было бы неверным считать обозначенное семантическое „амплуа" у *небось* и *наверное* извечным и единственным. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к художественной литературе XIX в. Возьмем в качестве приме-

ра первые слова Луки, обращенные к попу, из главы I („Поп“) первой части поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“:

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?
— *Небось!* Мы не грабители! —
Сказал попу Лука.

Слово *небось* у Луки совсем не то, к которому мы привыкли в своем речевом обиходе.

Замена „вероятно“ („очевидно, по-видимому“ и т. д.) „Мы не грабители!“ в описываемой поэтом ситуации невозможна. Лука употребляет здесь слово *небось* в его, так сказать, первобытном, исконном значении „Не бойся!“.— „Не бойся! Мы не грабители!“ — вот что сказал Лука попу, когда крестьяне загородили ему дорогу. Значение „не бойся“ у слова *небось* позволяет воочию увидеть происхождение последнего. С этимологической точки зрения слово *небось* — через промежуточное звено *небойсь!*, ср. *готовсь!* — восходит, действительно, к словосочетанию *Не бойся!*

Задержимся еще некоторое время на слове *небось*. Но для этого нужно прочитать следующую сразу же за разобранным предложением авторскую характеристику Луки. Она дается в скобках:

— Небось! Мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,

Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит).

В последней из приведенных строк перед нами опять слово *небось*. И опять по значению совсем не то, которое свойственно современному языку. И более того: оно ему противоположно! Ведь если сейчас *небось* значит „вероятно, возможно, наверное“, то в некрасовском контексте оно имеет значение „наверняка“. Слово вероятной возможности здесь предстает перед нами как слово категорического утверждения. Если касаться „субординации“ выявленных у слова *небось* значений (устаревших „не бойся“ и „наверняка“ и современного „наверное“), то придется сказать, что последнее является самым молодым и возникло из значения „наверняка“ так же, как значение „наверняка“ — из значения „не бойся!“

Возникновение у слова энантиосемии, т. е. прямо противоположных значений,— явление хотя и любопытное, но довольно частое и закономерное (ср. *честить* „оказывать честь“ > *честить* „ругать“, *просмотреть* „проглядеть от начала до конца“ и *просмотреть* „не увидеть“, *задуть домну* „зажечь“ и *задуть свечу* „погасить“ и т. п.).

Одним из ярких примеров энантиосемии является второй герой нашей заметки — вводное слово *наверное* как общеупотребительный межстилевой синоним просторечного *небось*. Оно пережило ту же судьбу и было синонимом последнего также и в значении „наверняка“. Что это так, свидетельствует текст той же главы „Кому на Руси жить хорошо“. Обратимся к монологу попа о поповском богатстве:

Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики —
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!..
Прихода не чуждалися,
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,

Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.

Здесь *Так умирать наверное В деревню приезжал* переводится на современный язык не иначе, как „Так умирать наверняка приезжал в деревню“. Заметим, что это утвердительное значение у ныне предположительного *наверное* является не менее обоснованным и закономерным, нежели у *небось*. Ведь слово *наверное* в конечном счете идет из фразеологического оборота картежного арго *идти на верную взятку*, затем *идти на верную* (т. е. „идти наверняка“).

Сочетание слов *на верную* слилось в слово *наверную*, а последнее, подвергшись аналогичному воздействию выражения *верное дело*, превратилось в *наверное*.

Об одном многозначном слове у Пушкина, Лермонтова и Блока

Сейчас ризу можно увидеть лишь в церкви или музеях. Ведь для нас *риза* — это только „верхняя одежда священника, надеваемая им для богослужения“. Поэтому о слове *риза* не стоило бы и говорить, если бы не некоторые обстоятельства его бытования в поэтическом языке XIX в. Интересны особенности его употребления в стихах Пушкина и Лермонтова, которые используют это существительное хотя и в близких, но все же разных значениях, ныне, однако, прочно и всеми забытых. Воскрешать их в нашей памяти совершенно необходимо, коль скоро нам хочется действительно понять, как говорил В. Брюсов, „потаенный смысл слов“ в сложной и многоцветной стихотворной речи.

Со словом *риза* у Пушкина мы встречаемся в стихотворении „Арион“, написанном 16 июля 1827 г. (несомненно, в связи с годовщиной казни руководителей декабристов 13 июля 1826 г.). Себя поэт иносказательно изобразил в нем в облике героя древнегреческого мифа Ариона, спасенного от гибели дельфином, очарованным его чудесным пением. В заключительной части стихотворения Пушкин подтверждает свою верность свободолюбивым идеалам:

На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И *ризу* влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Смысловую нагрузку (причем идеологической значимости) в этом четверостишии несут лишь первые две строчки. Остальные две строчки, образующие присоединительную конструкцию с *и*, воспринимаются как чисто версификационный „довесок“, с информативной точки зрения избыточный и необходимый лишь для соблюдения строфического порядка. Именно здесь и появляется перед нами слово *риза*. Оно явно не современной семантики. Чтобы сделать этот вывод, достаточно вспомнить, что у Ариона, мифического певца языческой Древней Греции, одежды христианского священника (да к тому же для совершения богослужения) просто не могло быть: это было бы явным анахронизмом. Каково же значение существительного *риза* в этом контексте? Такое же, какое оно когда-то имело,— „одежда“. Пушкин употребил здесь это слово в том архаическом значении, которым оно в начале XIX в. еще обладало (ср. народную загадку о кочанной капусте: *Антипка низок, на нем сто ризок*) и которое ему было свойственно, вероятно, с самого своего рождения (ср.: древнерусск. *ризы кожаны*, *сънискахъ тъкмо ризоу строуньноу*, *в ризу корабленическую облъкся* и т. д.; сербскохорв. *риза* „одежда“; болг. *риза* „рубаха“ и т. д.). Заметим, что по своему происхождению слово *риза* скорее всего является производным от той же основы, что и *резать*, подобно тому как существительное *рубъ* (откуда — *рубаха*, *рубище*) — от *рубить*. Таким образом, *риза влажная* у Пушкина значит „мокрая одежда“.

Не ризой оказывается *риза* и у Лермонтова в стихотворении „На севере диком стоит одиноко...“, очень вольном, но от этого не менее чудесном переводе гейневской миниатюры „Ein Fichtenbaum steht einsam“:

И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как *ризой*, она...

Неточно понимают слово *риза* в этом контексте не только многие рядовые читатели, но и Л. В. Щерба. По поводу двух строк разбираемого стихотворения он пишет: снег сыпучий „...лежит мягко и может лишь содействовать впечатлению волшебной сказки, вводимому словами *И дремлет качаясь* и усугубленному сверкающей, очевидно, на солнце, *ризой* (выделено нами.— *Н. Ш.*), в которую превратилось Decke. Лермонтова не смущает ни ветер, который предпо-

лагается его же вставкой *качаясь* и от которого снег должен был бы облететь, ни сосна, на которой сыпучий снег никак не держится,— ему нужен красивый поэтический образ, уничтожающий трагедию немецкого оригинала...“[1]. Оставим в стороне красивые, но, мягко выражаясь, малодоказательные и ничего не говорящие слова Л. В. Щербы о том, что сыпучий снег „может содействовать впечатлению волшебной сказки“, что это впечатление „усугубляется ризой“, что поэту требуется лишь образ, который бы уничтожил трагедию немецкого оригинала. Зададим, не смущаясь, лишь один вопрос: где Л. В. Щерба в стихотворении увидел солнце (а отсюда — и сверкающую ризу) и услышал ветер, „от которого снег должен был бы облетать“? У Лермонтова их нет, они домыслены ученым. О том, почему следует предполагать „мороз и солнце“, ничего не сообщается.

О наличии ветра в открывающейся нашему взору картине, по мнению Л. В. Щербы, говорит „вставка слова качаясь“, а также „место действия“ (на голой вершине „предположить ветер более чем естественно“). Однако поэт описывал совсем другую картину.

Это станет ясным, как только мы перестанем фантазировать, приписывая словам *риза* и *сыпучий* те значения, которых они в стихотворении не имеют. При легком ветерке (он не раскачивает сосну, а лишь покачивает ее) идет (сыплется) сильный (сыпучий) снег, отчего сосна стоит вся в снегу, покрытая им, „как ризой“, т. е. как покрывалом.

Последнее значение („покрывало, саван“) у существительного *риза* отмечается в самых ранних древнерусских памятниках. Ср. в „Остромировом евангелии“: *Обиста е (тело) ризами съ ароматы*, где слово *риза* передает др.-греч. othonion „полотно, покрывало“.

Таким образом, нашему взору (вспомните известную картину И. И. Шишкина) представляется совершенно реальная картина (одинокая, вся в снегу), а не „красивый поэтический образ, уничтожающий трагедию немецкого оригинала“, как полагает Л. В. Щерба. Трагедию влюбленных (в немецком оригинале) уничтожают (в переводе Лермонтова) не строки *И дремлет качаясь, и снегом сыпу-*

---

[1] Щ е р б а Л. В. «Сосна» Лермонтова в сравнении со с немецким прототипом.— В кн.: Щ е р б а Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 100—101.

чим Одета, как ризой, она, передающие гейневские слова Ihn schläfert, mit weisser Decke Umhüllen ihn Eis und Schnee, а замена нем. Fichtenbaum „сосна" мужского рода женским родом русск. *сосна*, о чем верно, кстати, пишет выше — вслед за А. А. Потебней и К. Б. Бархиным — и сам Л. В. Щерба в указанной работе. Впрочем, если говорить о сути, вряд ли одиночество, изображенное русским поэтом, менее трагично, нежели судьба влюбленных (которым суждено „жить розно и в разлуке умереть") у Гейне.

Очень субъективно также утверждение Л. В. Щербы, что лермонтовский текст написан „в эпическом, сказочном тоне и, по-видимому, совершенно сознательно создает благодушное настроение" и выступает как намеренная „замена трагического тона оригинала красивой романтикой".

А сейчас вернемся к *ризе*. Отмеченное выше значение „покрывало, покров" у существительного *риза* встречается у поэтов — предшественников М. Ю. Лермонтова — нередко даже в пределах фразеологических оборотов перифрастического характера: *Уже простерлася над понтом риза ночи* (Х е р а с к о в); *Подземной бури завыванье Под страшной ризой темноты* (П о л е ж а е в). и т. д.[1]. С такой же семантикой находим мы слово *риза* и у поэтов более поздних периодов, коль скоро в их индивидуально-авторском слоге нашли отражение элементы стихотворной речи первой половины XIX в. В качестве примера можно привести хотя бы переносное использование этого слова у А. Блока в стихотворении „Петр":

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И *ризой* городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Однако в смысловой структуре блоковского словоупотребления у существительного *риза* реализуется не только значение „покрывало". Ему свойственна также и та семантика, которая отмечалась выше для „Ариона" А. С. Пушкина.

В значении „одежда" это слово у Блока выступает, в частности, в стихотворении „Ты смотришь в очи ясным зорям...":

---

[1] См.: Г р и г о р ь е в а А. Д., И в а н о в а Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969, с. 54.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных *риз*...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Как видим, в рассмотренных поэтических контекстах слово *риза* выступает в своих более ранних и светских значениях, а не церковном.

Семантическое развитие слова *риза* шло таким образом: *риза* „отрезанный кусок ткани" > *риза* „покрывало, покров" > *риза* „одежда" > *риза* „одежда священника для богослужения".

Поэт и гражданин

Стихотворение „Гражданин" является самым страстным и лирическим среди поэтических произведений К. Ф. Рылеева, имеющих революционно-дидактический характер, и одним из наиболее ярких и выразительных произведений гражданской патетики в русской поэзии вообще. Высокая гражданственность содержания получила здесь удивительно адекватную художественную форму.

Особое внимание невольно обращаешь на лексику и фразеологию. Она представляет собой тонкий сплав элегического и одического материала, состоящий из так называемых традиционно-поэтических слов, имеющих оттенок либо возвышенности и патетичности, либо взволнованности и лиричности.

Язык стихотворения удивляет своей современностью, поразительной чистотой от устаревших и неизвестных слов и оборотов. В стихотворении полностью отсутствуют типичные для высокой поэзии того времени мифологические образы. В нем нет ни одного слова или выражения, которого не знала бы книжная лексика современного русского литературного языка. Даже неупотребительные сейчас неполногласные прилагательные *младой* и *хладный* хорошо знакомы современному читателю через родственные слова (ср. *младенец*, *и стар и млад*, *хладнокровие*, *прохладный* и пр.). В целом ясны в нем с семантической точки зрения все слова. И все же некоторые из них имеют смысловую особенность, которую совершенно обязательно учитывать для правильного понимания текста.

Особенно важно, если мы хотим увидеть стихотворение „Гражданин" в его истинном „ содержательном" свете,

понять политически маркированные „вольнолюбивые“ слова, лексические единицы, какими являются в этом произведении Рылеева существительные *гражданин*, *свобода*, *отчизна*, *народ*, *Брут* и *Риего*. И здесь в первую очередь следует остановиться на слове *гражданин*, так как оно отражает главную тему стихотворения.

Старославянское по своему происхождению слово *гражданин* здесь не имеет ни современного значения „подданный того или иного государства“, ни архаического значения „горожанин“ (это значение является этимологически исходным[1]), а обозначает (появившись впервые как семантическая калька революционного французского citoyen у Радищева) патриота, превыше всего ставящего интересы родины и народа, борца „за угнетенную свободу человека“ и справедливый социальный строй.

Тема гражданина (и соответственный образ) была постоянной у Рылеева и ранее. Так, в думе „Волынский“ Рылеев призывает:

Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына:
Да закипит в его груди
Святая ревность *гражданина*.

В думе „Державин“ „высокий удел певца“ Рылеевым, в частности, усматривается в том, что

К неправде он кипит враждой,
Ярмо *граждан* его тревожит;
Как вольный славянин душой
Он раболепствовать не может.

В стихотворении „Вере Николаевне Столыпиной“ поэт заявляет:

Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их *сограждане* увидят

---

[1] Ср. лингвистический экскурс по этому поводу В. Ф. Раевского, который он иронически предложил вместо ответа на вопрос «Кого вы подразумеваете под словом *гражданин*?» Военно-судной комиссии: «Слово *гражданин* как в латинском, так и в русском языке происходит от города, но под сим названием разумеется класс людей вольных, как в Риме, так принято и в России» (см. сборник «Русская поэзия XIX в.». Под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л., 1929, с. 41—42).

Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой.

Стихотворение „Я не хочу любви твоей" заканчивается следующим четверостишием:

Любовь никак нейдет на ум.
Увы, моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет. И т. д.[1]

От стихотворных заветов Рылеева быть прежде всего гражданином — прямой путь к некрасовскому антитезному афоризму *Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан*, весьма характерному для эпохи революционного народничества. Выразительный оборот Некрасова появился на свет под несомненным влиянием рылеевского словоупотребления.

Противопоставляя гражданина живущей для себя молодежи „переродившихся славян", Рылеев горячо борется и за гражданское искусство, поэзию больших политических и воспитывающих тем.

Отсюда противопоставление поэта, воспевающего любовь, праздность и негу, служение музам и т. д., поэту-гражданину:

Прими ж плоды трудов моих...
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства,
Зато найдешь живые чувства —
Я не поэт, а *гражданин*. („Войнаровский")

Личные имена *Брут* и *Риего*, заключающие финальное четверостишие, в качестве определенных поэтических образов дополняют и конкретизируют тему гражданина как борца за свободу. В образ Брута, древнеримского республиканца, сначала друга Цезаря, а затем, когда тот стал императором, одного из активных участников заговора против него (ср. выражение *И ты, Брут!*), декабристы вкладывали одно из заветнейших положений своей идеологической системы — о праве на восстание против тирана.

[1] Как видим, и в приведенных отрывках (точно так же как в «Гражданине») слову *гражданин* непременно сопутствуют слова *свобода*, *отчизна*, *народ* и им подобные.

Риего, вождь испанской революции 1820 г., казненный после ее подавления, был для Рылеева современным (и потому особенно наглядным) примером истинного сына отечества, подлинного гражданина, не пожалевшего для счастья народа собственной жизни.

В образах Брута и Риего в концентрированном виде представлены и идея восстания против самовластья, и идея жертвенности во имя свободы отчизны, готовности, если надо, на верную смерть (идея, особенно сильно разработанная Рылеевым в поэме „Наливайко"). Образ Риего встречается у Рылеева только в „Гражданине". Образ Брута мы находим в нескольких произведениях, и в частности в сатире „К временщику" *(Тиран, вострепещи! родиться может он, Иль Кассий, или Брут, иль, враг царей, Катон!)*, в оде „Гражданское мужество" *(Лишь Рим, вселенной властелин, Сей край свободы и законов, Возмог произвести один И Брутов дух, и дух Катонов, Но нам ли унывать душой ...)* и в поэме „Войнаровский" *(Чтить Брута с детства я привык: Защитник Рима благородный, Душою истинно свободный, Делами истинно велик)*. Последнее понятно, так как в политической поэзии того времени образ Брута был уже ходячим. Неоднократно встречается он, например, в гражданской лирике А. С. Пушкина.

СОДЕРЖАНИЕ

РОДОСЛОВНАЯ СЛОВ

Этимологические детективы

По следам междометий